

НОВАЯ

ISSN 0130-3864

И

НОВЕЙШАЯ

ИСТОРИЯ

В номере:

**ПЕРЕГОВОРЫ И.В. СТАЛИНА С ЧЖОУ ЭНЬЛАЕМ В 1952 г.
ИЗ АРХИВА ПРЕЗИДЕНТА РФ**

**НЕИЗВЕСТНЫЕ ПИСЬМА Э. ТЕЛЬМАНА И.В. СТАЛИНУ
И В.М. МОЛОТОВУ (1939–1941 гг.) ИЗ АРХИВА ПРЕЗИДЕНТА РФ**

**СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В 1939–1941 гг.**

НОВЫЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

**ВОСПОМИНАНИЯ СОВЕТСКОГО ПОСЛА В ПАКИСТАНЕ
А.А. РОДИОНОВА. 1971–1974 гг.**

О. БАУЭР И АВСТРОМАРКСИЗМ

Ф. ГИЗО: ИСТОРИК И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

ПОРТРЕТ ИСТОРИКА. С.Б. КАН

"ДЕЛО" АНГЛИЙСКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЯ Р. СТИЛЯ

**БРИТАНСКИЕ МОРЯКИ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 г.**

2

1997

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Могильницкий Б.Г. (Томск). Об исторической закономерности как предмете исторической науки	3
Тоштендаль Р. (Швеция). Роль социал-демократии в развитии индустриального капитализма. Конец XIX-XX в.	16
Снопс В.Я. Торгово-экономические отношения между СССР и Германией в 1939-1941 гг. в свете новых архивных документов	29
Нитобург Э.Л. США: цветной барьер в прошлом и настоящем	42
Федосова Е.И. Франсуа Гизо: историк и государственный деятель	57

ИЗ АРХИВА ПРЕЗИДЕНТА РФ

Ледовский А.М. Стенограммы переговоров И.В. Сталина с Чжоу Эньлаем в августе - сентябре 1952 г.	69
Неизвестные письма Эрнста Тельмана И.В. Сталину и В.М. Молотову (1939-1941 гг.) (окончание)	87

ВОСПОМИНАНИЯ

Роднонов А.А. Записки посла СССР в Пакистане в 1971-1974 гг. (окончание)	113
--	-----

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ

Кретинин С.В. (Воронеж). Отто Бауэр (1882-1938) и австромарксизм	126
Лабуткина Т.Л. "Дело" английского просветителя Ричарда Стиля	148

ПОРТРЕТЫ ИСТОРИКОВ

Дунаевский В.А., Никитина И.А. Сергей Борисович Кан (1896-1960)	161
---	-----

ПИСЬМА И ЗАМЕТКИ

Аникеев А.А. (Ставрополь). О некоторых вопросах современной методологии истории	169
Сергеев В.В., Чумаков А.Д. (Калининград). Еще один взгляд на проблему периодизации новой и новейшей истории	173

РЕЦЕНЗИИ

Кожкин А.А. С.Л. Т и х в и н с к и й. Россия – Япония. Обречены на добрососедство. Воспоминания дипломата и заметки историка. М., 1996	176
Гареев М.А. А.А. Л я х о в с к и й. Трагедия и доблесть Афгана. М., 1995	178
Яхмлович З.П. В.В. Согрин, А.И. Патрушев, Е.С. Токарева, Т.М. Фадеева. Либерализм Запада. XVII–XX века. М., 1995	180
Молок Ф.А. Е.П. С е р а п и о н о в а. Российская эмиграция в Чехословацкой Республике (20–30-е годы). М., 1995	182
Павленко Г.В. (Ужгород). Л.В. Т а р а н. Историческая мысль Франции и России. 70-е годы XIX – 40-е годы XX в. Киев, 1994	185
Блосфельд Е.Г. (Волгоград). С.Б. С е м е н о в. Политические взгляды английских радикалов XVIII века. Самара, 1995	186
Серёгин А.Н. Г. К и с с и н д ж е р. Дипломатия. Нью-Йорк, 1994	188

ФАКТЫ. СОБЫТИЯ. ЛЮДИ

Орлов А.А. Английские моряки на русском флоте в Отечественную войну 1812 г.	191
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Круглова Т.А. Научные чтения, посвященные памяти академика И.Д. Ковальченко	196
Соколов А.А. О подготовке кадров в государственных университетах	197
Сергеев Е.Ю. Международная научная конференция "Причины мировых войн XX в. Сравнительный анализ"	200
Плотников А.Ю. 40-летие восстановления советско-японских дипломатических отношений	203
Карпова А.Б. Коминтерн и Латинская Америка	205
Апатов С.И. (Украина). "Круглый стол" российских и украинских ученых	206
Крючков И.В. (Ставрополь). Научно-исследовательская работа на кафедре всеобщей истории Ставропольского государственного педагогического университета	207

Историческая наука за рубежом

Алентьева Т.В. (Курск). 88-й съезд организации американских историков	209
---	-----

Юбилеи

В.И. Бовыкину – 70 лет	215
К 75-летию В.И. Фрейдзона	217
К 70-летию Т.М. Исламова	219

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г.Н. Севостьянов (главный редактор)

В.А. Виноградов, В.Н. Виноградов, В.Д. Вознесенский (ответственный секретарь),
Т.М. Исламов, Н.П. Калмыков, И.В. Лебедев, В.Н. Малов, И.И. Орлик,
А.В. Ревякин, Л.П. Репина, В.В. Рогинский,
В.С. Рыкин, Н.И. Смоленский, В.В. Согрин, С.Л. Тихвинский,
Е.И. Тряпицын (зам. главного редактора), **А.О. Чубарьян, Е.Ф. Язьков**

*Адрес редакции: 117810, Москва, ГСП-1, Мароновский пер., 26.
Тел. 238-43-21*

© 1997 г.

Б.Г. МОГИЛЬНИЦКИЙ

ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЗАКОНОМЕРНОСТИ КАК ПРЕДМЕТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Кризисное состояние современной исторической науки вызывает пристальный интерес к ее теоретико-методологическим проблемам, обсуждение которых интенсивно ведется на страницах отечественной исторической периодики¹. Как справедливо подчеркивает академик РАН Г.Н. Севостьянов, "научные диспуты сосредотачиваются вокруг кардинальных проблем теории познания, споры идут о понятийном и категориальном аппарате, о необходимости его разработки, дополнений и обновления"².

Трудно переоценить значение этих дискуссий. Обсуждение ключевых теоретико-методологических проблем исторической науки в контексте современных общественно-политических реалий и общего состояния историко-теоретического знания открывает возможность более адекватного понимания ее познавательных возможностей и, соответственно, повышения ее научной эффективности и социальной значимости.

Характерной чертой нынешних методологических диспутов является преимущественное внимание их участников к глобальным проблемам исторического познания (отношение к материалистическому пониманию истории, соотношение между формационным и цивилизационным подходами, проблемы общей исторической теории и т.п.). В настоящей статье обсуждается вопрос менее глобальный, практически не рассматривавшийся в этих диспутах. Речь идет о конкретной исторической закономерности как предмете исторической науки.

Постановка этого вопроса вытекает из современной историографической ситуации, характеризующейся бурно прогрессирующим расширением предметного поля истории, которое ведет к его размыванию и фрагментаризации самой исторической дисциплины. В статье предпринимается попытка обосновать положение о конкретной исторической закономерности как категории, выполняющей важную интегративную функцию в изучении прошлого. Синтезируя в себе многообразные исторические явления и процессы, более или менее существенно влияющие на движение истории, эта категория,

¹ См.: *Гуревич А.Я.* О кризисе современной исторической науки. – Вопросы истории, 1991, № 2–3; *Ковальченко И.Д.* Некоторые вопросы методологии истории. – Новая и новейшая история, 1991, № 5; *Смоленский Н.И.* О разработке теоретических проблем исторической науки. – Там же, 1993, № 3; *Могильницкий Б.Г.* Некоторые итоги и перспективы методологических исследований в отечественной историографии. – Там же; *Хвостова К.В.* К вопросу об историческом познании. – Там же; Актуальные проблемы теории истории. Материалы "круглого стола". – Вопросы истории, 1994, № 6; *Ковальченко И.Д.* Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах. – Новая и новейшая история, 1995, № 1; *Кудрявцев В.Н.* Об особенностях методологии социальных и гуманитарных наук. – Там же, 1995, № 3; *Смоленский Н.И.* Возможна ли общесторическая теория? – Там же, 1996, № 1; Методологические поиски в современной исторической науке. – Там же, 1996, № 3; *Искандеров А.А.* Историческая наука на пороге XXI века. – Вопросы истории, 1996, № 4.

² Методологические поиски в современной исторической науке. – Новая и новейшая история, 1996, № 3, с. 75.

таким образом, очерчивает контуры предметного поля исторической науки. В этом своем качестве историческая закономерность может служить самоидентификации истории как особой области научного гуманитарного знания.

Настоятельная потребность такой идентификации обуславливается взрывоподобным характером развития исторической науки в последние десятилетия. Одним из следствий новейшей историографической революции стало беспредельное расширение сферы исторических исследований, оборотной стороной которого является реальная опасность потери исторической дисциплины своей идентичности. Стали общим местом жалобы на чрезмерную специализацию истории, ведущую к потере ею своего фокуса и общих целей, препятствующую коммуникативным связям и взаимопониманию историков. В этой утрате историей былой целостности усматривается существенное выражение ее нынешнего кризиса³.

Следует согласиться с М.А. Баргом, когда он предупреждал, что "эти опасности для судеб нашей науки слишком велики, чтобы не обратить на них самое пристальное внимание". Ибо, пояснял он, речь идет об осмыслении природы исторической дисциплины. "Существует ли еще вообще "территория историка"?... Должна ли в перспективе идти речь об истории только лишь как о некоей рядоположенной совокупности различных "сосуществующих историй" или наряду с ними – точнее, над ними – должна возвышаться история, подлинно "универсальная", синтезирующая разрозненные данные "частных историй" в единую научную картину истории данного народа, данного континента, мира?"⁴

Проблема исторического синтеза вырастает, таким образом, в центральную историко-методологическую проблему, требующую концентрации усилий всего сообщества историков для ее решения. И хотя эта проблема была поставлена еще в начале нашего столетия, в частности французским историком А.Берром, издававшим с 1900 г. "Журнал исторического синтеза", именно в наши дни она приобретает особую актуальность, будучи непосредственно связанной с перспективами самого существования истории как научной дисциплины.

Исторический синтез в современной отечественной литературе рассматривается главным образом как синтез теоретико-методологический. И это, несомненно, верно, так как только на таком уровне возможно создание условий, обеспечивающих сегодня подлинный прорыв в развитии нашей дисциплины, ибо, как подчеркивал И.Д. Ковальченко, применительно "к историческому познанию и исторической науке современной эпохи теоретико-методологический синтез – неперенное, безусловно необходимое условие преодоления того кризиса, в котором она оказалась в последние десятилетия"⁵.

Вместе с тем в проблеме исторического синтеза присутствует и другой аспект, имеющий непосредственное отношение к нашей теме. Ибо сам предмет истории в предлагаемом в статье понимании включает в себе сильное интегративное начало: историческая закономерность может быть обозначена как своеобразная первичная клеточка универсальной, синтезирующей истории, так как в ее формировании принимают участие самые разнородные факторы как объективного, так и субъективного порядка. Но это означает, что, говоря о движении к синтезу как ведущей в новейшей исторической науке тенденции⁶, нужно иметь в виду не только сферу метода, но и предметную область науки. Ведь проблема преодоления фрагментаризации истории –

³ См.: Ковальченко И.Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований, с. 3–4; Breisach E. American Quest for a New History: Observations on Developments and Trends – Western and Russian Historiography. Recent Views. New York, 1993, p. 25–26.

⁴ Барг М.А. "Анналы" и междисциплинарные методы исторического познания. – Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг школы "Анналов". М., 1993. с. 67.

⁵ Ковальченко И.Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований, с. 3.

⁶ Это положение, в частности, получило разностороннее обоснование в работе представительной международной конференции, проведенной в 1991 г. в Москве Институтом всеобщей истории РАН. Материалы конференции см. Социальная история: проблемы синтеза. М., 1994.

это в первую очередь проблема ее предмета, так как междисциплинарные и иные интегративные подходы могут являться эффективным средством создания универсальной истории лишь в том случае, если они ориентированы на некоторую предметную целостность.

Но как раз содержательная сторона проблемы не получила в новейшей историко-методологической литературе сколько-нибудь основательного освещения. Практически дело сводится к провозглашению главным предметом исторического исследования человека, синтезирующего в своих мыслях, чувствах, ментальных установках и поведении все факторы исторического действия.

В отечественной литературе такой подход получил наиболее развернутое обоснование в трудах А.Я. Гуревича. Характеризуя исторический синтез как "сверхзадачу" нашей науки, он усматривает в многочисленных аспектах изучения истории ментальностей магистральный путь ее решения, т.е., поясняет ученый, создания "истории человека в обществе, в социальной группе". "Предмет исторического исследования, – пишет он, – чрезвычайно разветвлен и усложнен, он грозит сделаться необъятным. Уже поэтому необходимо внести в его изучение элементы упорядоченности и системы"⁷.

Вопрос, однако, заключается в том, как это сделать. Следует согласиться с А.Я. Гуревичем, когда он пишет, что для этого "надобна теория, построенная на базе изучения и осмысления нового опыта историков". Однако научная результативность такой теории всецело зависит от ее категориального аппарата, ориентированного на изучение человеческого прошлого как некоторой упорядоченной целостности. Задача, следовательно, состоит в том, чтобы найти такую фундаментальную категорию, которая бы характеризовала предмет истории как совокупный результат деятельности человека и тех объективных условий, в которых она происходила. Иными словами, мы должны попытаться обнаружить с ее помощью ту формообразующую клеточку, которая как бы стягивает разные концы расширяющейся "исторической вселенной" в единое содержательное целое.

Такой категорией может служить категория исторической закономерности.

В настоящее время представление о закономерном характере исторического развития принадлежит к наиболее дискредитированным. Органически связанное с великими философско-историческими системами прошлого, оно разделило их участь в глазах сообщества историков как выражение догматического натуралистического взгляда на природу исторического развития. Слишком сложным и непредсказуемым является мир человеческих страстей и поступков, чтобы можно было оперировать незыблемыми законами, управляющими в грандиозной детерминистской картине движением истории в прошлом, настоящем и будущем.

Но следует ли из этого, что в истории вообще нет ничего закономерного? Не выпадем ли мы из одной крайности в другую? Не остается ли выяснение действительных закономерностей исторического развития одной из приоритетных задач нашей дисциплины? Ибо трудно представить себе возможность научного объяснения истории без использования этой категории.

Другое дело – понимание самой природы исторической закономерности. Это не голая социологическая абстракция, произвольно навязываемая жизни живой теорией. Это понятие в данной статье употребляется в двояком значении. Во-первых, это объективно-субъективная по своей природе связь явлений, имевших место в исторической действительности. Во-вторых, это категория исторического знания, используемая для ее изучения. Будучи идеально-типическим понятием в веберовском смысле, эта категория, конечно, не претендует на реконструкцию означенной связи явлений "как, собственно, это было". Но она может сыграть существенную роль в ее изучении на микроуровне, предполагающем максимально полный учет всех обстоятельств объективного и субъективного свойства, сформировавших данную историческую реаль-

⁷ Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа "Анналов". М., 1993, с. 288–289.

ность, будь то итальянский Ренессанс, "Славная революция" в Англии или отмена крепостного права в России.

Это и есть уровень конкретной исторической закономерности "умственной конструкции", создаваемой исследователем для осмысления исторической действительности. В зависимости от последней такая закономерность может быть преимущественно политической, социально-экономической или духовной, но в любом случае по самой природе своей она является опытом синтезированного освещения определенного фрагмента прошлого, его отображения в динамике всех составляющих его элементов.

Понимаемая таким образом категория исторической закономерности преодолевает традиционную дихотомию "объективного" и "субъективного", "материального" и "идеального" в истории, не возвращаясь, однако, к примитивной эклектике в освещении прошлого. Гносеологический статус рассматриваемой категории в том и состоит, что она основывается на системном подходе к изучению прошлого, предполагающем наличие определенной иерархии элементов, формирующих данную закономерность, но иерархии не априорно вносимой в историческое исследование той или иной философско-исторической системой, а всякий раз заново устанавливаемой в зависимости от конкретных исторических условий.

Итак, понятие "историческая закономерность" употребляется в двух разных, хотя и взаимосвязанных смыслах: как "умственная конструкция", создаваемая для упорядочивания изучения исторической действительности, и как фрагмент этой действительности. Именно в последнем значении это понятие может характеризовать предмет исторической науки, сообщая ему некоторые твердые очертания. Ибо при всем многообразии конкретных исторических реалий вычленяется некая доминанта, обозначающая исследовательское поле исторической дисциплины. Речь идет о целостном образе прошлого, создаваемом на разных уровнях его отображения.

Понимаемая таким образом историческая закономерность включает в качестве своего неотъемлемого компонента историческую случайность, являющуюся своеобразной формой ее реализации. Она не просто соседствует рядом с исторической закономерностью, а составляет с ней нераздельное целое. В реальной жизни друг без друга они не существуют. Едва ли поэтому будет продуктивным занятием пытаться четко разграничить в историческом процессе "случайное" и "необходимое". И чем значительнее то или иное историческое явление, тем неразрывнее "случайное" и "необходимое" вплетены в нить составляющих его событий.

В самом деле, как можно разделить эти понятия, рассматривая, например, цепь событий, которые привели к Октябрьской революции в России? Даже если ограничиться характеристикой такого "субъективного фактора", как деятельность партии большевиков. Ведь эта деятельность определялась не только такими "случайными" обстоятельствами, как личностные качества партийных вождей, но и объективными условиями жизни российского общества, чреватými революционным взрывом. Другое дело – понять, почему революционная стратегия и тактика большевиков оказались наиболее адекватными этим условиям, почему привнесенные ими в российский и мировой исторический процесс случайности оказали на него столь глубокое влияние.

Отсюда вытекает необходимость изучения всего того, что объединяется понятием "историческая случайность", но не в качестве антитезы исторической закономерности, а как формирующего ее компонента. Так историческая случайность включается в предмет исторической науки в той мере, в какой она влияет на ход истории. Такая случайность может выступать в образе стихийных сил, расстраивающих нормальное течение событий и вносящих свои, подчас резкие коррективы в их дальнейшее развитие. Вспомним неудачную попытку монголо-китайского завоевания Японии. В XIII в. монгольские правители Китая пытались дважды завоевать Японские острова, снаряжая с этой целью огромный флот, и оба раза стремительно налетавшие тайфуны срывали эти планы. Учитывая соотношение сил, можно полагать, что случайность в виде внезапно обрушивавшихся на десанты завоевателей морских бурь существенно повлияла на дальнейший ход истории. Ведь включение Японии в состав Монголо-

Китайской державы даже на ограниченный срок могло бы покончить со своеобразием японского феодализма, и тогда исторические судьбы этой страны, а с ней вместе и всего мира были бы в каких-то немаловажных деталях иными. В этом случае цепь исторических закономерностей, составлявшая ткань движения истории в XIII и, может быть, особенно в XX в. выглядела бы иначе, да и сами они имели бы во многом иное содержание.

Но историки имеют дело главным образом со случайностями, порожденными деятельностью человека. Связанные с личностными особенностями исторических деятелей, они оказывают непосредственное влияние на формирование исторических закономерностей и их конкретное содержание. В свете этого возрастающий интерес к жанру исторической биографии можно рассматривать как один из показателей интегративной тенденции в новейшей историографии. Преодоление дуализма "структура – событие" усиливает внимание к исторической личности, в деятельности которой как бы фокусируются все составляющие исторического процесса. Помещение личности в широкий исторический контекст предотвращает волонтаристские трактовки ее роли в истории и в то же время позволяет реально представить значение случайного, главным носителем которого она является, в складывании исторической закономерности.

Поскольку творимая человеком историческая закономерность насыщена случайностями, порой утрачивается понимание различия между этими категориями. Утверждается даже, что "из того, что мы именуем случайностями, и складывается конкретная закономерность, вытекающая из всей суммы тенденций развития, бесчисленных, а поэтому никогда не устанавливаемых наукой полностью "случайных" воле, поступков, событий, действий"⁸. Такая постановка вопроса, однако, таит в себе опасность недооценки объективной стороны исторического процесса, которая размывается бесконечной чередой "случайных" воле, поступков и т.д. Вследствие этого теряет смысл самое понятие исторической закономерности, превращающееся в простую сумму случайностей.

Для понимания сущностного различия между этими категориями сохраняет свое методологическое значение известное Марксово положение о диалектике объективного и субъективного в историческом процессе. "Люди, – писал К. Маркс, – сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеют ее налицо, даны им и перешли от прошлого"⁹. Эти обстоятельства и образуют объективные рамки действия случайного, связанного с человеческой деятельностью, выступая, таким образом, своеобразным ограничителем произвола и хаоса в истории.

Далеко не всякая случайность включается в историческую закономерность. Бесчисленное множество их гасит друг друга, не оказывая сколько-нибудь заметного влияния на движение истории. И только некоторые из них запечатлеваются в исторической памяти, будучи вовлеченными в формирование конкретных исторических закономерностей. Но какие? Очевидно, мы можем предполагать, что это те, которые лежат в русле тенденций развития общества, коренящихся в объективных обстоятельствах его функционирования, и обладают достаточной силой для воздействия на эти тенденции.

В каждый данный момент это могут быть разнородные и даже противоречащие друг другу тенденции, как и те объективные обстоятельства, которые их порождают. Каждая из них выражается в последовательной связи событий, закономерно вытекающих из объективных условий жизни общества. Опыт истории показывает, что эффективность исторической деятельности человека зависит от ее соответствия тем обстоятельствам, в которых она протекает. Из таких обстоятельств, по-видимому, наиболее важными являются исторические условия жизнедеятельности конкретного

⁸ Гуревич А.Я. Об исторической закономерности. – Философские проблемы исторической науки. М., 1969, с. 77.

⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 119.

общества. Складывающиеся в процессе его длительного развития, эти условия охватывают все стороны жизни социума, как материальные, так и духовные, формируя те переходящие из прошлого "обстоятельства", в которых происходит деятельность людей в настоящем. При этом не в меньшей степени, чем о материальных условиях жизни общества, его социальной структуре и политической организации, речь должна идти о господствующем в данном социуме типе культуры, ментальности составляющих его групп. Объективные по своей природе, эти обстоятельства канализируют деятельность людей, продуктом которой и является конкретная историческая закономерность.

Таким образом, историческая закономерность тем и отличается от случайности, что она вытекает из объективных условий жизни общества, в значительной мере ими детерминируется. В этом смысле прошлое, действительно, определяет настоящее, каким бы радикальным ни был с ним разрыв. Ведь сама глубина этого разрыва, в сущности, зависит от определенным образом сложившихся ранее обстоятельств и порожденных ими противоречий, разрешаемых в настоящем.

Однако историческая закономерность не целиком детерминируется вытекающими из прошлого обстоятельствами. Остающийся зазор и составляет поле действия исторической случайности, персонифицированной в деятельности исторических личностей. Поэтому она и входит в сферу изучения историков. Эффективность такого изучения зависит от его сопряжения с объективными обстоятельствами, в которых эта деятельность происходит. Иными словами, случайность, с которой имеют дело историки, является исторически значимой, т.е. такой, которая, не вытекая с необходимостью из всей совокупности объективных предпосылок, вместе с тем находится в русле порождаемого этими обстоятельствами движения истории. Речь, таким образом, не идет о произвольном, никак не мотивированном объективными обстоятельствами действии, радикально меняющем ход истории. Скорее следует говорить о единичной причине исторического действия, которая, хотя и не вытекает с необходимостью из предшествовавших обстоятельств, тесно с ними связана и может быть осмыслена только в их контексте.

Такова деятельность исторической личности. Она вносит в "нормальное" течение событий элемент случайного, обусловленного индивидуальными, присущими именно ей интеллектуальными и психофизическими особенностями. Они могут оказывать более или менее существенное влияние на ход событий, и не только в сторону его ускорения или замедления, но и подчас значительного изменения самого направления их движения. Причем не обязательно масштабность этого влияния пропорциональна масштабности исторической личности. Ведь нередко заурядный по своим личностным качествам человек в силу ряда обстоятельств мог существенно изменить историческую ситуацию, оказывая, таким образом влияние на формирование определенных исторических закономерностей, никак не соразмерное масштабу его личности.

Хрестоматийный пример тому – вмешательство Петра III в ход Семилетней войны. Молодой император вступил на престол в разгар блестящих побед русской армии, овладевшей Берлином и поставившей Пруссию на край военно-политической катастрофы. Давний поклонник прусского короля Фридриха II, настоящий, по выражению В.О. Ключевского, прусский агент на русском престоле¹⁰, он немедленно заключил с ними мир и вернул занятые территории. Благодаря этому Фридрих II сумел переломить ход Семилетней войны. Пруссия была спасена, война завершилась ее победой. Так вполне заурядный человек существенно повлиял на политические судьбы Европы.

Но этот пример поучителен и в другом отношении. Перед нами случайность, в известном смысле детерминированная, хотя и опосредованно определенными объективными обстоятельствами. Сама возможность появления во главе великой державы

¹⁰ Ключевский В.О. Соч. в 8-ми т., т. 5. М., 1958, с. 22.

"прусского агента", ограниченного самодура, способного столь решительно влиять на судьбы Европы, объясняется политическими реалиями XVIII в. и в этом смысле отнюдь не была случайностью.

Составляя органический компонент исторической закономерности, историческая случайность не является, однако, в соотношении с ней величиной неизменной. Ее значение может возрастать или уменьшаться в зависимости от состояния конкретного социума и условий его функционирования. Чем более стабильным является общество, тем меньше открывается простора для вмешательства в его развитие исторического случая, тем более историческая закономерность детерминируется объективными обстоятельствами, в рамках которых протекает деятельность людей. Но такое "нормальное" развитие общества прерывается в критические периоды, когда оно оказывается в ситуации выбора своего настоящего и будущего.

Именно переломные пункты представляют особый интерес для историков, не только потому, что они на долгий срок определяют форму будущего устройства общества, но и в особенности вследствие того, что они характеризуются повышенной активностью "субъективного фактора", оказывающего своей деятельностью непосредственное и сильное влияние на формирование политической организации общества, его социально-экономических основ, духовной жизни. Именно в эти периоды ослабляются цепи детерминизма, ход истории становится в большой степени непредсказуемым, резко возрастает социальная неустойчивость и, как следствие, неопределенность общественного развития.

Эту неопределенность порождает деятельность человека, вносящая в историческое развитие элемент случайности, способной активно повлиять на облик складывающейся в процессе этой деятельности исторической закономерности, а подчас и на самое ее существование. Конечно, историки не должны предаваться рассуждениям типа "что было бы, если..." Но очевидно, что без данной личности "было бы" нечто другое, чем произошло в действительности. Без деятельности В.И. Ленина, отразившей его личностные качества, течение многих событий в России, да и во всем мире приняло бы иной характер. Едва ли можно детально представить, как выглядела бы в таком случае история нашего столетия. Важно другое. История не "происходит", а "делается" именно в ее критические периоды. Именно они в наибольшей степени оправдывают положение о том, что люди сами делают свою историю. Именно в эти периоды осуществляется в наиболее полной и непосредственной форме свобода выбора обществом своего настоящего и будущего. Формирующаяся вследствие этого выбора цепь исторических закономерностей несет на себе неизгладимую печать своего "рукотворного" происхождения. Каждая такая закономерность является результатом этого выбора, вытекающая из противоборства различных сил, отстаивавших собственный проект общественного переустройства.

Так мы приходим к проблеме альтернативности в истории, значение которой для обсуждаемой в статье проблемы как раз и заключается в том, что она убедительно раскрывает субъективно-объективную природу конкретной исторической закономерности. Сама идея альтернативности направлена против любого рода провиденциалистских предвзятий о характере исторического процесса, отрицающих свободу человеческого воли, а следовательно, и ее целенаправленного и эффективного влияния на ход истории.

Но в равной мере современное понимание альтернативности направлено и против субъективистско-волюнтаристских взглядов, сводящих историю человеческого общества, по образному выражению американского историка Г.С. Коммаджера, к "смеси случайностей, ошибок, неожиданностей и глупостей"¹¹. Вопреки этим взглядам идея альтернативности не только совместима с признанием закономерного характера общественного развития, но и прямо его предполагает, так как она оперирует объективными по своей природе понятиями.

¹¹ *Commager H.S. The Nature and Study of History. Columbus (Ohio), 1996, p. 86.*

В первую очередь это относится к ее центральному понятию "тенденции-альтернативы исторического развития". Предметом исторического изучения являются только такие альтернативы, которые имеют реальные основания в объективных условиях жизни общества, выражая определенные тенденции его развития. Каждая такая альтернатива коренится в объективных обстоятельствах, существующих независимо от воли и желания людей. Они-то и создают в критические периоды развития общества состояние выбора или альтернативную ситуацию¹².

Сама возможность ее возникновения обусловлена опять-таки объективными обстоятельствами, а именно – гетерогенностью (разнородностью) общества. Всякое общество, за исключением, пожалуй, только первобытно-общинного, представляет собой сложную динамическую систему, состоящую из различных экономических, социальных, политических, религиозных институтов и связанных с ними социальных, национальных, религиозных, профессиональных и иных групп с несовпадающими, а нередко и далеко расходящимися интересами, коренящимися в объективных обстоятельствах их существования. Круг этих интересов и образует то поле альтернативности, которое возникает в каждом обществе в критические периоды его истории и на котором произрастают различные тенденции его дальнейшего развития.

Таким образом, возникновение альтернативной ситуации есть закономерное следствие определенного складывания обстоятельств, подводящего общество к необходимости принятия некоторого решения, которое определит на более или менее длительное время направление его дальнейшего развития. Исполнее терминологию А.Дж. Тойнби, каждое общество периодически переживает состояние "вызова – ответа"¹³. Вызов может быть внешним, воплощенным в природных явлениях или иноземном вторжении. Но большей частью он является следствием нарастающих внутренних противоречий, оказывающихся в определенный момент не разрешенными в рамках данной системы, и в этом качестве представляет особый интерес для понимания объективной стороны, присущей проблеме альтернативности.

Субъективную ее сторону выражает понятие "Ответ", обозначающее реакцию различных общественных сил на закономерно сложившуюся альтернативную ситуацию. В гетерогенном обществе "Ответ" никогда не бывает однозначным. Поскольку составляющие его группы занимают различное положение в системе общественного производства и соответственно преследуют различные цели, каждая из них выдвигает собственную программу разрешения альтернативной ситуации. В их противоборстве и формируется "Ответ" общества на полученный им "Вызов".

Это противоборство может принимать различные формы – от парламентской борьбы до гражданской войны, но в любом случае оно предполагает невиданную при "нормальном" состоянии общества свободу исторического выбора. Уже не жесткая детерминация объективных обстоятельств, а свободная игра различных сил с неотъемлемо присущим ей элементом непредсказуемости выступает в качестве определяющего фактора развития общества. Центр тяжести исторического творчества переносится с обстоятельств на человека, в процессе деятельности которого и формулируется "ответ" общества на "вызов".

В результате этой деятельности и происходит разрешение альтернативной ситуации, когда одна из альтернатив, обозначавшая возможный путь общественного развития, превращается в действительность. Какая же? Чем объясняется то, что побеждает именно она? Вот вопросы, интересующие исследователей, изучающих становление конкретных исторических закономерностей, в одну из которых и превращается победившая тенденция-альтернатива. Ибо, только ответив на них, возможно осмыслить действительный ход событий в критические периоды общественного развития. Если альтернативную ситуацию можно представить как своеобразный перекресток, открывающий различные возможности будущего бытия общества, то изу-

¹² Об альтернативной ситуации см. *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 1987, с. 73–74.

¹³ См. *Тойнби А.Дж.* Постигание истории. М., 1991, с. 106–142.

чение механизма ее разрешения облегчает понимание того, почему общество избрало именно такой вариант своего развития, пренебрегши всеми остальными.

Победа этого варианта не является неизбежной и тем более predetermined какой-то одним фактором (или группой однородных факторов), все равно, объективного или субъективного порядка. Нет и какого-то общего закона, пригодного для объяснения исхода любой альтернативной ситуации типа "всегда побеждает альтернатива, в наибольшей степени отвечающая интересам поступательного развития общества". Каждый случай глубоко индивидуален и требует для своего осмысления максимального учета всей совокупности факторов, влияющих на развитие данной ситуации и в конечном счете обуславливающих тот или иной способ ее решения. И чем значительнее "вызов", тем тщательнее историки должны искать причины, почему был дан на него именно такой "ответ". Особенно важно найти верное соотношение между объективными и субъективными факторами, определяющими решение рассматриваемой альтернативной ситуации, не допуская абсолютизации любого из них.

Действительно, исход противоборства различных тенденций-альтернатив решает деятельность масс, классов, партий, отдельных личностей, стоящих во главе движения. Но эту деятельность нельзя рассматривать в отрыве от тех объективных обстоятельств, в которых она происходит, так как ее эффективность непосредственно зависит от соответствия им. В этом, собственно, и находит свое выражение диалектика объективного и субъективного в истории, предполагающая целостный подход к изучению всякого исторического явления. Основываясь на учете всех факторов, обуславливающих данное явление, такой подход предостерегает против любой попытки сведения их к какому-либо одному "определяющему" началу, будь то экономические условия жизни общества, господствующая в нем идеология или деятельность исторической личности.

Вместе с тем представляется возможным обозначить сферу, которая, не претендуя на ранг универсальной доминанты исторического процесса, может помочь раскрыть характер взаимосвязи объективного и субъективного, а вместе с этим и механизм разрешения альтернативной ситуации. Это – сфера ментальностей. Сразу же следует оговориться: история ментальностей не является очередной панацеей, способной раскрыть все тайны прошлого. Дело в другом. Обращаясь к изучению ментальностей, наука не только расширяет область исторического знания, но и углубляет понимание прошлого, снимая традиционный дуализм материального и идеального. Еще М. Вебер подчеркивал, что "не интересы (материальные и идеальные), не идеи – непосредственно господствуют над поведением человека, но: "картины мира", которые создавались "идеями". Они, как стрелочники, очень часто определяли пути, по которым динамика интересов продвигала дальше (человеческое) действие"¹⁴. Эти "картины мира", составляющие менталитет общества, и выступают в роли "стрелочника", определяющего в критические периоды истории выбор той или иной альтернативы.

Конечно, это положение не следует понимать чересчур упрощенно. "Картины мира" должны изучаться в обусловившем их историческом контексте. Ведь и стрелочник принимается за свою работу только тогда, когда поезд приближается к стрелке. Тем не менее обращение к господствующим в конкретном обществе ментальным установкам позволяет ввести в традиционные схемы объяснения исторического действия, материалистические и идеалистические, новый фактор, во многом снимающий их антитезу. Его значение заключается прежде всего в том, что он позволяет как бы изнутри взглянуть на расстановку общественных сил в критические периоды истории, приблизиться к пониманию мотивов их действия, а следовательно, и к более убедительному объяснению становления исторической закономерности, вырастающей из данной альтернативной ситуации.

¹⁴ См. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990, с. 750.

При этом особое значение приобретает вопрос о мере соответствия или несоответствия преобладающих в обществе умонастроений ментальным установкам политических элит, формулирующих те или иные альтернативы его развития. Разумеется, речь идет не о различного рода популистских лозунгах и даже не только об идеологических постулатах, выраженных в различных программных документах, а о "картинах мира", содержащихся в глубинах подсознания и далеко не всегда оторефлексируемых как в социальных "низах", так и в культурных "верхах".

Историчные по своей природе, эти "картины мира" представляют собой продукт длительного исторического развития народа, влияния на его менталитет самых разнообразных факторов, материальных и духовных, включая его геополитическое положение, условия повседневного существования, религиозные верования, представления о соотношении личности и государства, понимание добра и зла. "Заключенные в темницу долгого времени" (Ф. Бродель) ментальности являются наиболее консервативным элементом исторического универсума. Поэтому порождаемые ими "картины мира" обладают большой устойчивостью, объясняющей их выдающуюся роль в критические периоды истории. Ибо именно эти "картины мира" обуславливают поведение людей, их образ мыслей и действий и в конечном счете результаты противоборства различных тенденций-альтернатив, носителями которых они являются. Складывающаяся в итоге историческая закономерность выражает, таким образом, не только определенный уровень социально-экономического развития общества, но и пронизывающий его менталитет. Вот почему ее изучение требует обращения к духовной жизни общества, господствующим в различных его слоях ментальным установкам. И чем масштабнее она является, тем важнее не упустить в обсуждении предпосылок ее становления этой стороны дела.

Прежде всего речь идет о великих социальных революциях прошлого. Грандиозные по масштабам вовлеченности в историческое действие широких народных масс, они в своих предпосылках, характере и результатах не могут быть глубоко поняты без учета ментальности этих масс. Научную плодотворность такого подхода демонстрируют новейшие исследования революционной и предреволюционной ментальности, позволяющие углубить понимание исторической закономерности социальной революции, вводя в ее структуру новый важный аспект.

Сошлемся на получившие широкую известность труды американского исследователя французской ментальности XVIII в. Р. Дарнтон¹⁵. В центре его внимания – ментальность городских низов, руками которых вершилась Великая французская революция. По существу, исследуются социально-психологические истоки якобинского террора, которые американский автор усматривает в предреволюционной ментальности городских низов, отражавшей нарастание социальной напряженности в обществе. Он рассматривает такие ее характерные черты, как стремление к насилию и разрушению, ненависть к хозяевам.

Особый интерес представляют суждения Дарнтон о мере влияния на эту ментальность и – более широко – на разрушение Старого порядка, идей Просвещения. Вопреки традиционному в историографии Великой Французской революции мнению он отрицает широкое распространение перед революцией просветительской литературы, место которой в низших и даже средних слоях общества занимала литература иного рода. Это, по определению ученого, Grub Street литература (дешевые издания, публиковавшиеся для простого народа. Название дано по наименованию одной из парижских улиц, где обитала городская беднота). Дарнтон вводит в научный оборот новые источники: архивные материалы гильдии книготорговцев и издателей, полиции, нелегальную литературу, проникнутую ненавистью не только к господствующему

¹⁵ Darnton R. In Search of the Enlightenment: Recent Attempts to Create a Social History of Ideas. – The Journal of Modern History, v. 43, 1971, N 1; *idem*. The Literary Underground of the Old Regime. Cambridge (Mass.) – London, 1982; *idem*. The Great Cat Massacre and Other Episodes in French Cultural History. New York, 1984. Подробнее об этих работах Р. Дарнтон см. К новому пониманию человека. Очерки развития современной западной исторической мысли. Томск, 1994, с. 75–78.

строю, но и к "аристократии ума". Именно эта литература, по его убеждению, формировала ментальность Французской революции конца XVIII в.

Разумеется, Дарнтон не отрицает влияния на революцию идей Просвещения, отмечая, что многие из них были реализованы в 1789–1791 гг. Однако в своих наиболее радикальных выражениях революция, в особенности ее якобинский период, аргументированно утверждает он, выросла на почве умонастроений городских низов. Пока последователи Вольтера, заключает он ход своих мыслей, "накапливали жир под сенью храма Вольтера, революционный дух перешел к худым и голодным людям с Grub Street, культурным париям, которые через бедность и унижения создали якобинскую версию руссоизма"¹⁶. Так обогащается самое содержание понятия исторической закономерности Французской революции конца XVIII в. и соответственно углубляется ее понимание.

Изучение ментальностей различных социальных групп может помочь более адекватно понять социально-психологические предпосылки победы одной из противоборствующих в ходе революционного кризиса в обществе альтернатив. Поучительно обратиться под этим углом зрения к исторической закономерности победы Октябрьской революции в России, тем более что подобный подход, как правило, отсутствует в обширной историографии вопроса. Это в равной степени относится и к апологетической литературе, изображавшей Октябрь как необходимый и даже неизбежный результат исторического развития России в пореформенное время и прежде всего обострившихся до критической точки социально-экономических, политических, национальных и других противоречий, и к противоположным представлениям о нелегитимном характере "Октябрьского переворота", обусловленном цепью оказавшихся роковыми для страны случайностей.

Поскольку в настоящее время актуализировался этот второй подход, остановимся на нем подробнее. Свое наиболее последовательное и авторитетное воплощение он получил в последней книге Р. Пайпса. Формулируя суть своей концепции, американский ученый в предисловии к русскому изданию книги пишет: "Русская революция для меня драма, трагические события которой проистекают из человеческих слабостей"¹⁷. Это положение полностью выражает содержание книги, в особенности ее второй части, этой, по словам американского критика книги¹⁸, "персонализированной истории", являющейся повествованием без героев: все, кто упоминается в ней, за примечательным исключением генерала Корнилова и Николая II, являются либо плутами, либо глупцами". Главный злодей, конечно, Ленин, развязавший кровавую войну против собственного народа. "В глазах большинства населения страны, – заключает Пайпс, – новый режим становился чем-то чудовищным и непредсказуемым, бедствием, которому невозможно сопротивляться"¹⁹.

Не вдаваясь в обсуждение этой концепции, отметим только сомнительность ее методологической основы. Нельзя отрицать значение в истории лжи, демагогии, насилия. Но могут ли они быть доминантой исторического развития, в особенности в его критические периоды? Не является ли такой подход зеркальным отражением взгляда, прокламирующего с позиции экономического детерминизма историческую неизбежность революции? В обоих случаях место досконального исследования всей совокупности фактов, обусловивших победу Октябрьской революции, занимает жесткая объяснительная схема, однозначно упрощенно интерпретирующая революционные события. Обе эти схемы игнорируют специальное изучение мотивов поведения людей, определявших ту расстановку сил в российском обществе начала XX в., которая привела к возникновению и победе большевистской альтернативы.

Но если господствовавшая в советской историографии Октябрьской революции

¹⁶ Darnton K. The Literary Underground..., p.40.

¹⁷ Пайпс Р. Русская революция. Часть первая. М., 1994, с. 5.

¹⁸ Kennz R. The Prosecution of Soviet History: A Critique of Richard Pipes the Russian Revolution. – The Russian Review. v. 50, 1991. № 3, p. 348.

¹⁹ Пайпс Р. Русская революция. Часть вторая. М., 1994, с. 539.

концепция по крайней мере стремилась раскрыть интересы больших социальных групп, обуславливающих их поведение, то Пайпс и другие радикальные критики большевизма не делают и этого. Демонизация большевиков и самой революции оборачивается волонтаризацией исторического процесса, превращением истории в игру случайностей; место же понимания прошлого занимает суд над ним. Однако сколько бы яростными ни были инвективы против Ленина и большевиков, они не приближают понимание того, что же действительно произошло в России. Почему изо всех проектов разрешения общенационального кризиса в 1917 г. восторжествовал именно ленинский? В силу каких обстоятельств именно он стал руководством к действию миллионов людей в огромной стране?

В поисках ответов на эти вопросы обратимся к сфере ментального – соответствия или несоответствия господствовавшим в обществе умонастроениям политических программ, идеологических лозунгов, да и самих ментальных характеристик противоборствовавших сил и их лидеров. Поучительный опыт такого подхода содержится в русской религиозной философии истории, представители которой, занимая позицию последовательного неприятия революции, вместе с тем характеризовали ее как явление закономерное, обусловленное в своем существе реалиями российской действительности. Среди этих последних их преимущественное внимание привлекала духовная сторона жизни российского общества. Господствующие умонастроения, духовные ценности, сам тип мышления – в этой сфере усматривались не только истоки революции, но и ее характер и последствия.

Такой подход не вел к апологетике революции. Напротив, решительно осуждались революционное насилие, подавление демократических свобод, политический аморализм большевиков, их фанатизм и догматизм. Однако нравственное осуждение Октябрьской революции и ее вождей не имело в русской религиозной философии истории ничего общего с отрицанием ее объективного значения как капитального факта российской истории, не сводимого к каким-либо случайным обстоятельствам. Собственно, укорененность революции и ее вождей в русской истории являлась для ее представителей отправным пунктом всех их рассуждений о природе и характере революционных событий.

В центре их внимания находилась духовная сторона жизни российского общества. Не используя такие понятия, как "менталитет", "картины мира" и т.п., они в господствовавших в российском обществе умонастроениях, в характере русского мышления стремились найти ключ к пониманию этих событий. Так, уже в работах 1918 г. Н.А. Бердяев усматривал исторические корни революции в сфере национального самосознания, в самой природе русского мышления с его "устремлением к пределу" и отказом от "жизненной середины", столь роковым образом отразившейся в идеях и политике русской радикальной интеллигенции²⁰.

Понимание того, что к революциям вообще, и к Октябрьской в частности, ведет долгий исторический путь, что каждая революция обладает своим стилем, вытекающим из духовного багажа народа, обуславливало неприятие любых попыток демонизации революции 1917 г., изображения ее исторической случайностью, продуктом заговора кучки злонамеренных лиц, разрушивших великую страну.

Показателен в этом отношении ход мыслей русского историка и религиозного философа Л.П. Карсавина, поучительный самой своей направленностью. Ученый ищет основания победы большевистской революции в ее народности, высмеивая ее недалеких критиков из стана белой эмиграции. "Удивительно, – писал он, – как просто все объясняется. Прибыло из-за границы (да еще в запломбированных вагонах) несколько десятков оголтелых тупиц и преступников. Стали эти преступные тупицы "сеять смуту", собирать вокруг себя уголовных преступников и дезертиров, лстыть инстинктам армии и толпы и в конце концов подчинили себе многомиллионный народ"²¹.

²⁰ См. *Могильницкий Б.Г.* Н.А. Бердяев о русской революции. – Новая и новейшая история, 1995, № 6.

²¹ *Карсавин Л.П.* Философия истории. СПб., 1993, с. 306. Впервые эта книга была опубликована в Берлине в 1923 г., вскоре после высылки ее автора из Советской России.

Почему же, ставит вопрос Карсавин, русский народ не только терпел большевиков, но и защищал их от Колчака, Деникина, Юденича, Польши? Почему, по его словам, "по существу своему политика большевиков была если и не лучшим, то, во всяком случае, достаточным и, при данных условиях, может быть единственно пригодным средством для сохранения русской государственности и культуры"?

Прямой ответ на этот вопрос Карсавин не дает. Но показателен сам ход его рассуждений, из которого следует: большевики победили потому, что по своему духовному складу были наиболее близки к народному мировосприятию, отражая его в своих умонастроениях. "Большевики, – писал ученый, – лишь приклеили коммунистические ярлычки к стихийному, увлекшему их, говорившему и в них течению. Они лишь понятным темному народу языком идеологически обосновывали его дикую разрушительную волю". Более того, непримиримый идейный противник большевизма Карсавин признавал, что большевики были не только организаторами стихийной ненависти темных масс, но и силой, которая смягчала ее, вводила в какое-то более или менее упорядоченное русло. "Большевики, – писал он, – были беспощадны и бессмысленно жестоки, но, может быть, только благодаря им не произошло поголовного истребления культурных слоев русского общества, может быть, они скорее ослабили, чем усилили порыв стихии"²².

Отметим научную плодотворность обозначенного в русской религиозной философии истории ракурса изучения Октябрьской революции. Не исчерпывая всего многообразия предпосылок утверждения исторической закономерности Октября, она указала на один из важнейших факторов, определивших исход противоборства различных тенденций-альтернатив общественного развития России в критический период ее истории. Действительно, без обращения к сфере ментальности нельзя понять, почему теоретически самая привлекательная либерал-реформистская альтернатива оказалась в 1917 г. наименее жизнеспособной, а в годы гражданской войны и вовсе сошла на нет, почему, с другой стороны, "ничтожная кучка заговорщиков" сумела не только захватить власть в огромной стране, но и удержать ее в смертельной борьбе с внутренней и внешней контрреволюцией. Вместе с тем историческая закономерность Октябрьской революции вобрала в себя множество случайностей, связанных как с личными качествами исторических деятелей, так и с непредсказуемым стечением обстоятельств, повлиявшим на ход и результаты их противоборства.

Приведенный пример рельефно высвечивает существо рассматриваемой проблемы. Конкретная историческая закономерность интегрирует в себе общее и особенное, необходимое и случайное, материальное и ментальное, объективное и субъективное. Отсюда вытекает методологическое значение категории "историческая закономерность". Синтезируя все многообразие исторической действительности, она, с одной стороны, обозначает рамки, в которых может быть достигнута целостность исторической дисциплины как определенного раздела научного познания. Как бы широки ни были эти рамки, они все же не являются безразмерными. Охватывая явления, формирующие конкретные исторические закономерности, они указывают на критерии, отличающие историческое от неисторического и обосновывающие таким образом эпистемологическую целостность исторического знания. В то же время, устанавливая определенный предел бесконечному расползанию предмета истории, рассматриваемая категория выполняет важную интегрирующую функцию. С ее помощью конструируется образ прошлой действительности не только в ее многообразии, но и в некоторой упорядоченности, что позволяет претендовать на получение научного знания о человеческом прошлом. Предлагаемое понимание предмета истории, ориентируя на выявление создаваемых в процессе исторической деятельности человека конкретных в своей пространственно-временной определенности исторических закономерностей, может способствовать самоидентификации истории как университетской дисциплины и области научного знания.

²² Там же, с. 307, 308.

РОЛЬ Ф ТОШТЕНДАЛЬ (Швеция)

РОЛЬ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В РАЗВИТИИ ИНДУСТРИАЛЬНОГО КАПИТАЛИЗМА. КОНЕЦ XIX–XX в.

При обсуждении весьма актуальной темы: какое влияние оказывают политические партии на социально-политическое развитие общества, выявляются, как правило, две точки зрения. Согласно одной из них, все трудности, переживаемые страной, являются результатом политики партии, находящейся у власти. Согласно другой, тенденции развития, прежде всего благоприятные, нельзя приписывать только правительству, ибо они зависят от факторов, находящихся вне возможностей политического воздействия.

Обращаясь к исследованию роли социал-демократических партий в развитии индустриальных стран, необходимо поставить несколько вопросов: 1) что эти партии смогли сделать с учетом имевшихся обстоятельств; 2) что они были вынуждены сделать под давлением экономической и социальной среды; 3) что социал-демократы хотели сделать; 4) что социал-демократия значила не для общества вообще, а для своих собственных членов.

В данной статье автор сосредоточился на двух первых из вышеназванных аспектах. Это означает, что в центре внимания окажется вопрос о том, как социал-демократы могли влиять на развитие общества. Его можно обсуждать корректно только, если изучать не одну отдельно взятую страну (Швецию), а в сравнении ее с другими странами, которые по определенным параметрам считаются сопоставимыми со Швецией и которые в отдельные периоды имели и другие, не социал-демократические режимы.

ПАРАМЕТРЫ СРАВНЕНИЯ

Те краткие сравнения, которые будут сделаны, ограничиваются пространством, принадлежащим северо- и западноевропейским обществам. Такой подход объясняется отнюдь не удобством или традицией. За выбором параметров, по которым будет производиться сравнение, лежит понимание того, чему это сравнение будет служить и что оно сможет показать. Если сравнение между странами и обществами должно иметь смысл, необходимо иметь в виду: либо эти страны в определенном отношении имеют сходство, и это может быть точно определено, либо они в каких-то отношениях отличаются друг от друга. Исходная точка зрения состоит в том, что страны Северной и

Рольф Тоштендаль – шведский историк, профессор Упсальского университета, префект кафедры истории и декан историко-философской секции гуманитарного факультета этого университета. Автор ряда работ по источниковедению, учебника "История как наука" (*Historia som vetenskap*. Stockholm, 1966), монографий "Между неоконсерватизмом и либерализмом" (*Mellan nykonservatism och liberalism. Idebrytningar inom högern och bondepartierna 1918–1934*. Uppsala, 1969), "Бюрократизация в Северной и Западной Европе в 1880–1985 гг." (*Bureaucratization in Northwestern Europe 1880–1985. Domination and Governance*. London, 1991). В 1992 г. вышла в свет под его редакцией и с его авторским участием "Теория и история государства" (*State Theory and State History*. London – New Delhi, 1992).

Предлагаемая читателям статья написана автором специально для журнала "Новая и новейшая история", она является продолжением его работы на эту же тему, напечатанной в шведском журнале "Arbetshistoria. Meddelande från Arbetarörelsens Arkiv och Bibliotek", № 37–38, 1986, № 1–2. – *Ред.*

Западной Европы (помимо Швеции я буду приводить примеры только по ФРГ, Франции, Великобритании и отчасти Норвегии) прошли в основном одинаковый путь развития за последние 100 лет. До этого Швеция была периферией английской и континентальной индустриализации, но после нескольких лет быстрого развития это государство так же, как Норвегия и Финляндия, оказалось приблизительно в равном положении с другими европейскими странами и в индустриальном отношении стало обладать такой же динамикой развития. Это означало постепенное изменение типа индустриально-капиталистического общества, которому нет прямого соответствия во многих странах вне Европы и который отличается от того, что характерно для таких стран, как США, Австралия и Новая Зеландия, имеющих в некотором смысле общие черты с данным типом.

Развитие индустриального капитализма в Северной и Западной Европе можно разделить на периоды, в зависимости от различных подходов к этому процессу. Мною выделены четыре фазы, которые я считаю очень важными для понимания того, что происходило в этом регионе с середины XIX в. до настоящего времени, принимая во внимание такие факторы, как технология, разделение труда, рынок и классовая борьба (я скорее предпочел бы называть их различными формами социальных противоречий). Эти четыре фактора способны изменяться как согласованно – изменения часто происходят одновременно во всех областях, – так и по существу. Согласованность могла бы означать, что один из факторов был более важным, чем другие, и что по отношению к нему другие изменения выступали как следствие. Но от такого взгляда я все же хотел бы дистанцироваться. Нет ничего, что указывало бы на основополагающее значение одного из этих факторов. Приблизительная одновременность изменений скорее означает, что речь идет о процессах, где очень трудно или даже невозможно выделить какой-либо фундаментальный фактор. Я должен также подчеркнуть, что рассматриваю эти изменения не как какие-то необходимые фазы, которые обязана проходить каждая страна индустриального капитализма, а как фактические, исторически пройденные фазы ряда стран Северной и Западной Европы.

Вот эти фазы:

1. Классический индустриальный капитализм (1830/1850 – 1890-е годы);
2. Организованный капитализм (1890–1935/1945 г.);
3. Капитализм соучастия, или народный капитализм. Шведская модель "дом для народа" (1935/1945 – 1970 г.);
4. Корпоративный капитализм (с 1970 г.).

Безусловно, существовали различные фазы в развитии капитализма и до 1830 г., но индустриальный капитализм тогда доминировал только на территории нескольких районов Англии.

Рассмотрим теперь каждый в отдельности из названных выше факторов.

Технология. Конверторная сталь и новые технологические процессы с использованием соды (процесс Хабера–Боша) заложили новую основу для металлургической и, соответственно, химической индустрии на рубеже XIX–XX вв. Появились скоростные машины, сделавшие возможной работу по определенным стандартам и тем самым производство комплектующих сложных технологических продуктов в машиностроении. Двигатель внутреннего сгорания и электрический мотор возникли как новые источники энергии для передвижных машин и малых производственных единиц. Размещение производства стало поэтому менее зависимым, чем это было прежде, от крупных инвестиций. Благодаря этим изобретениям в период организованного капитализма большая часть промышленности оказалась полностью преобразованной.

Новые материалы (пластмасса) сделали возможным производство новых потребительских товаров, а изобретение новой аппаратуры вызвало к жизни крупную отрасль производства товаров длительного пользования (автомобили, радио, телевизоры, электрические плиты, стиральные машины, пылесосы, холодильники, морозильные камеры и пр.). Эти изобретения чаще всего были сделаны в предшествующий период, но индустриальное использование в крупных масштабах произошло начиная с 1920–1930-х годов.

С конца 1960-х годов успешно развивается новая технология в области коммуникаций, прежде всего – транзисторы, и интегральные схемы.

Разделение труда. Развитая иерархическая структура рабочего класса и слабое расслоение среди служащих наложили отпечаток на классический индустриальный капитализм.

В период организованного капитализма уменьшилось расслоение среди рабочего класса и усилилось расслоение среди служащих, которые взяли на себя выполнение задач, требующих высокой квалификации в рабочем коллективе: конструирование, планирование.

Рынок. В период классического индустриального капитализма рынок был довольно свободным. Регулирование со стороны государства было слабым, и предприятия редко становились монополистами.

Организованный капитализм повлек за собой крах свободного рынка. Инициатива исходила от частного сектора экономики. Шло создание монополистических объединений различного характера: картели, тресты и синдикаты (т.е. картели с единым сбытом). Государственная власть отвечала за определенный контроль и регулирование прежде всего с целью защиты рынка.

Вместе с народным капитализмом пришла государственная инициатива рыночного регулирования. Правительство выступило с инициативой по использованию политических мер в распределении, что отразилось на рынке, сделало возможным ориентацию промышленности на товары широкого потребления и породило множество учреждений и властных структур по регулированию отношений между частной экономикой и спросом; возникла социальная мотивация, или мотивация экономического благосостояния.

В период корпоративного капитализма различные формы организаций по интересам, укрепившиеся с появлением организованного капитализма, в значительной степени перехватили инициативу у правительственной власти, под чьим покровительством они до того процветали.

Классовая борьба и другие противоречия. Предпосылки классовой борьбы в организованной форме не сложились во времена классического индустриального капитализма, так как не существовало еще соответствующих организаций или же они только начали образовываться.

С быстрым ростом сильных рабочих организаций на рубеже XIX–XX вв. классовая борьба в период организованного капитализма окрепла.

С приходом политики благосостояния и ориентации на потребление в период народного капитализма классовые противоречия стали сглаживаться. Другие противоречия – в первую очередь этнические – не проявлялись в открытой форме или не существовали вовсе.

Классовые и иные формы противоречий, в первую очередь различного рода внепарламентские действия и среди них прежде всего выступления за сохранение окружающей среды; этнические противоречия, которые сочетались с религиозными, со всей очевидностью и силой проявились с конца 1960-х годов и наложили свой отпечаток на корпоративный капитализм.

Исходя из вышесказанного, основной вопрос последующих рассуждений можно сформулировать следующим образом: в какой мере развитие общества по тому пути, по которому оно шло в реальности, обязано исключительно усилиям партий, стоящих у власти (в конкретных случаях социал-демократии), а в какой мере это развитие было бы таким же или почти таким, даже если бы не существовало социал-демократов или же они не формировали бы правительство? Естественно, нельзя дать исчерпывающие ответы на такие вопросы, но в их пользу могут быть приведены веские доказательства.

Определения, которые даны выше, конечно, не предлагаются в качестве какой-то основы для теории организованного капитализма, народного капитализма или корпоративного капитализма. Это я хотел бы особенно подчеркнуть. Те понятия, о которых

я веду здесь речь, имеют определенную степень точности, однако не существует четкой непреодолимой границы между ними и другими понятиями. Не собираясь проводить инвентаризацию всех возможных форм индустриально-капиталистических обществ, я хочу показать фактический ход развития некоторых из них. То, что в данном случае стоит за этими понятиями, является, таким образом, учетом изменений, идущих в определенном направлении. Я имею в виду, что эти изменения четко различимы, но это не означает, что они могут быть объяснены с помощью употребления тех или иных понятий. Поэтому я называю понятия моделями – их предназначение в том, чтобы отражать типичные отношения в определенных обществах в определенных, исторически сложившихся условиях.

ПЕРИОД ОРГАНИЗОВАННОГО КАПИТАЛИЗМА

В британском рабочем движении доминирующую роль с давних пор играли отдельные профсоюзные организации. Социал-демократические партийные объединения не имели возможности так же весомо отстаивать свою позицию в политической или экономической жизни. Между профсоюзами и их лидерами, с одной стороны, и политической партией – с другой, отсутствовала крепкая связь. На рубеже веков члены профсоюзов могли быть консерваторами или либералами с ничуть не меньшим успехом, чем социалистами. Кроме того, имелся выбор между различными социал-демократическими организациями: активно действовали фабианцы, Социал-демократическая федерация, а с 1898 г. Независимая рабочая партия. В 1900 г. на конференции тред-юнионов и социал-демократических организаций был создан Комитет рабочего представительства на выборах, а в 1906 г. он был переименован в Рабочую (лейбористскую) партию. На выборах 1910 г. лейбористы получили около 7,5%. Лишь на выборах 1918 г., а затем и на последующих лейбористы впервые добились значительного представительства в парламенте. Таким образом, вплоть до первой мировой войны не только институциональные формы – двухпартийная система и распыленность левых сил – ограничивали влияние британских социал-демократов. Лишь после войны они получили возможность реализовать свое влияние и в течение 20-х годов дважды формировали правительство, однако в обоих случаях это были правительства меньшинства.

В этом отношении существовало поразительное различие между Великобританией, с одной стороны, и Германией, Францией и Швецией – с другой. Политические обстоятельства перед первой мировой войной в каждой из трех последних стран значительно отличались друг от друга, но общим было то, что мобилизация рабочего класса партиями, ориентированными на социализм, была гораздо более успешной, чем это могло найти проявление в официальной политической власти через такие институциональные формы, как право голоса, ограничения для избрания в парламент и пр. Общим было также и то, что эти ограничения в большинстве своем исчезли к концу первой мировой войны. Социал-демократы и социалисты – партии, отделившие себя от коммунистов, – заявили о себе на политической арене.

Существовали, конечно, заметные различия между этими странами. В Германии в 1918–1919 гг. революция и контрреволюция следовали друг за другом. В Швеции одна только мысль о революции заставляла дрожать официальные круги. Во Франции социалистический лидер А. Тома стал толковым администратором в правительстве периода войны, но из-за того, что он пренебрегал политическими обязательствами социалистов, после войны его пришлось "депортировать" в Международную организацию труда. В Великобритании лейбористы вообще не прошли в парламент в 1922 г., потому что избиратели, как и во Франции, были больше заинтересованы в выплате немецкой контрибуции за прошлое, чем в политическом будущем.

Едва ли, однако, можно сомневаться в том, что социал-демократы во всех упомянутых странах с начала 20-х годов в формальном и неформальном смысле становились все большей политической силой.

Как распорядились социал-демократы с полученной ими политической возможностью оказывать влияние на структуру общества до середины 1930-х годов, а в некоторых случаях до начала второй мировой войны? Когда пытаешься охарактеризовать их политику в целом, поражаешься, насколько успешно социал-демократы того времени умудрялись управлять с помощью уже апробированных методов решения политических вопросов и с учетом политических противоречий. Экономическая и социальная политика являлись тогда, как и теперь, взаимосвязанными элементами, и социал-демократы были борцами за бережливость, а не утопическими преобразователями общества. Утопическую часть своей идеологии и политики они оставляли для Лиги наций и представителей в Социалистическом Интернационале; это был утопизм, направленный скорее на обеспечение международного правового порядка, чем на достижение социальной справедливости. Социальное законодательство – по крайней мере в Швеции – имело больше черт регионального и коммунального выравнивания, чем обеспечения равенства общественных слоев (даже если, естественно, имелись определенные последствия и такого рода), и вследствие этого оказывало интегрирующее воздействие больше на страну в целом, чем на социальные группы. Разделение труда, новые формы организации рынка и вытекающие из этого проблемы управления экономикой с позиции учета интересов политической власти протекали без вмешательства со стороны власти предрержащих социалистов или только рассматривались ими; признавалось, что они могут быть улучшены в интересах социалистической перспективы. Корпоративность принятия решений, рост таких организаций, как тресты и синдикаты, и соответствующие процессы в профсоюзном движении, конечно же, критиковались многими социалистами, но то, что подвергалось ими критике, в меньшей степени касалось организационных форм и их последствий, чем распределения прибыли. Потребительская кооперация может служить хорошим примером того, как в своей борьбе с трестами и монополиями – успешной в Швеции во многих областях – социал-демократы пытались создать противовес приходившему в упадок существующему порядку. Как отмечал американский исследователь Ч. Майер при анализе немецкой, французской и итальянской политики и общественных структур после первой мировой войны¹, частный сектор возник тогда в совершенно новой форме. Общество было реорганизовано, в то время как общественный сектор оказался разоружен в результате усердной бережливости, которой социал-демократам нечего было противопоставить.

Все это вовсе не означает, что тогдашние социал-демократы были подкуплены капиталом и вследствие этого были вынуждены придерживаться условий, продиктованных капиталом. Социал-демократические политики понимали, что рабочему движению легче отстаивать свои позиции в новых формах, созданных обществом организованного капитализма, чем в традиционных политических формах. Вот почему у них не было оснований протестовать против этих преобразований в обществе. Напротив, социал-демократические теоретики, прежде всего во французском профсоюзном движении, проявили большую изобретательность в теоретическом плане, чтобы в связи с идеями оваянного славой Герострата бельгийского социал-демократа Хендрика де Мана, позднее перешедшего на сторону немецких оккупантов, найти новые формы общественного планирования, которые, однако, удалось воплотить в действительность лишь в середине 30-х годов.

Что касается шведских социал-демократов, то они не очень отличались от своих друзей и единомышленников в Германии, Франции и Великобритании. Они все были заняты решением приблизительно одних и тех же проблем. Различия в политике имелись, но они были менее очевидными, чем то многое общее, что тоже существовало, и не только в понимании проблем, но и в способах их решения. Все эти государства относились к типу стран, где люди частного капитала в то время владели

¹ *Meier Ch. Recasting Bourgeois Europe. Stabilization in France, Germany and Italy in the Decade after World War I. Princeton, 1975.*

инициативой. Они торопили развитие в области разделения труда, в направлении бюрократизации промышленности и создания новых организаций в различных ее отраслях. Социал-демократы представляли политический противовес и отстаивали свою позицию в терминах классовой борьбы, но они не были первопроходцами и инициаторами в определении направления развития общества.

Социал-демократы пришли к двум важным выводам относительно общественного развития в период организованного капитализма.

Первый вывод много значил для мирного общественного развития в Северной и Западной Европе, так как ее лидеры рано перешли к политике реформизма, а не революции. Марксистское, революционное направление стало дистанцироваться от реформистского в борьбе за массы. Вследствие этого уже на рубеже веков направление, на сторону которого перешло большинство в рабочем движении; оказалось ориентированным на мирный переворот.

Второй вывод состоял в том, что для социал-демократии крайне важно было направить классовую борьбу на решение комплекса социальных вопросов в противоположность односторонне политическим: завоевание государственной власти, т.е. власти над властью. Реформизм был способен завоевать признание только благодаря конкретизации цели социальных реформ, которые могли иметь значение для рабочего класса как класса: продолжительность рабочего дня, права профсоюзов, право на забастовку и право на приличную жизнь, при которой отдельный человек не нес в одиночку бремя всей ответственности за свою безопасность, социальное обеспечение и работу.

Вплоть до 1920-х годов ни одна из социал-демократических партий Европы не получила возможности попробовать свои силы на уровне правительственной власти, а потому социал-демократам не представился случай всерьез попытаться осуществить на деле политику реформизма. Когда же такая возможность представилась, Европа оказалась в состоянии глубокого кризиса, и необходимо было во что бы то ни стало преодолеть последствия послевоенной депрессии. Ни одна из социал-демократических партий не имела собственных рецептов для решения подобных проблем, и поэтому социал-демократическая политика 20-х годов в Швеции, так же как в Германии и Великобритании, была лишена ярко выраженных социал-демократических черт. То, что на практике политика социал-демократов оказалась неузнаваемой, трудно определимой, не могло не иметь последствий.

В дальнейшем социал-демократическое правительство, пришедшие к власти в Северной и Западной Европе, не делали никаких очевидных усилий, чтобы препятствовать образованию корпораций и разрушению свободного рынка. Напротив, сами заинтересованные лица из сферы частной экономики способствовали этому процессу. Ничто не указывает на то, что социал-демократы не принимали те изменения в структуре общества, которые повлек за собой организованный капитализм, хотя перемены в соотношении экономических сил временами предоставляли явное преимущество частному капиталу и монополистическим интересам.

НАРОДНЫЙ КАПИТАЛИЗМ. "ШВЕДСКАЯ МОДЕЛЬ"

В период народного капитализма в положении социал-демократии произошли заметные изменения. Это время стало рассматриваться как триумфальный период в ее истории. Шведская социал-демократия – я избегаю говорить о Социал-демократической рабочей партии Швеции (СДРПШ) как таковой, потому что это может породить ошибочные ассоциации скорее с партией в ее организационных формах, чем с видными членами этой партии, которые могли вести ее за собой – при наличии благоприятных обстоятельств сыграла более весомую роль, чем норвежская или датская, даже если предположить, что развитие событий пошло бы здесь тем же путем и если бы это развитие не было нарушено войной. Кризисные соглашения в странах Северной Европы, сначала в Дании и сразу после этого в Швеции и Норвегии,

явились шагом на пути к новой политике. Следующий шаг был сделан в институализированной форме только в Швеции: Сальтшёбаденское соглашение² с его лейтмотивом о принципиальном поддержании мира на рынке труда. В обоих случаях инициатива исходила от социал-демократов и за ней стояла демократическая правительственная власть. Социал-демократы в тот период перехватили инициативу³.

Как показал К. Мисгелд⁴, инициатива шведских социал-демократов сыграла большую роль в жизни немецких и австрийских социал-демократов после войны. Многие политические беженцы на европейском севере оказались под сильным впечатлением от политики именно шведских социал-демократов по той простой причине, что возможность для сравнения с Норвегией и Данией после их оккупации Германией в 1940 г. отсутствовала. Не все зарубежные эксперты были восторженными поклонниками шведской модели, но многие увидели в ней вариант проведения в какой-то степени новой политики, которая могла бы дать рабочему классу возможность достижения определенных политических целей. По инициативе правительства капиталисты оказались вынуждены делиться своими прибылями с трудящимися. Поэтому так важна была правительственная власть. Шведским социал-демократам удалось проводить свою политику в качестве правящей партии, обладавшей большинством в парламенте.

В шведском обществоведении и исторической науке большое место занимают дискуссии о том, откуда возникли идеи, лежащие в основе новой политики. В качестве генераторов идей называются английский социально-либеральный экономист Дж. Кейнс и шведский министр финансов Э. Вигфорс. Что касается Германии, то там существует мнение, что более важным было влияние английского социально-либерального чиновника У. Бевериджа с его планом, разработанным во время войны. Шведские социал-демократы оказались первыми в реализации этой политики среди других стран Северной Европы и приблизительно одновременно с правительством Народного фронта во Франции. При этом только шведы имели возможность продолжить свою политику во время войны.

Политика распределения. Новая политика, во имя которой могло работать социал-демократическое правительство в Швеции и к которой стремились норвежские, датские и французские правительства до самого конца 30-х годов, была нацелена на справедливое распределение общественного достояния. Она стала также путеводной звездой для лейбористского правительства британского премьера К. Эттли, сформированного после победы над нацизмом в 1945 г. То же самое относится к норвежскому и датскому социал-демократическим правительствам, которые смогли после войны вновь войти в состав правительств, но при значительно худших экономических условиях, чем в Швеции, и при этом с более скромными задачами. Создание механизма соучастия и социальной справедливости стало общей социал-демократической политикой в этих странах.

Английский ученый К. Морган, написавший историю лейбористских правительств в Великобритании⁵, считает, что их политика всеобщего благосостояния оказалась успешной. Прежде всего удалось осуществить имевшие большое значение для широких слоев населения реформы в области социального страхования и здравоохранения. Министр Э. Бевин добился проведения правительственной политики, шедшей вразрез с профессиональными интересами могущественного Британского союза врачей, и постепенно смог убедить большую часть корпуса врачей в превосходстве новой

² Соглашение о запрещении трудовых конфликтов, угрожавших безопасности общества, заключенное в 1938 г. между Шведским объединением работодателей и Центральным объединением профсоюзов Швеции. Это соглашение способствовало быстрому экономическому росту Швеции после второй мировой войны.

³ *Therborn G. Den svenska socialdemokratin träder fram. – Arkiv för studier i arbetarrörelsens historia, 1984, № 27–28, s. 3–71.*

⁴ *Misgeld K. Schweden als Paradigma? Spuren schwedischer Politik und Kulturpolitik K. – Helmut Mussener (utg): Aspekte des Kulturaustausches zwischen Schweden und Deutschland. Stockholm, 1981; idem. Sozialdemokratie und Aussenpolitik in Schweden. Sozialistische Internationale, Europapolitik und die Deutschlandfrage 1945–1955. Frankfurt a.M. – New York, 1984.*

⁵ *Morgan K.O. Labour in Power 1945–1951. Oxford, 1984.*

политики здравоохранения. Даже политику борьбы с безработицей можно считать удачной, несмотря на огромную послевоенную демобилизацию, и, если программа жилищного строительства была менее успешной, а политика в области образования мало обновлена и частично противоречила радикальным идеям, все же правительству лейбористов явно удалась программа соучастия при проведении политики всеобщего благосостояния. Более серьезные баталии разыгрались вокруг экономической программы соучастия, основанной на традициях социализации. В этой области частный сектор оказал мощное сопротивление, что и привело к падению правительства.

Опыт Великобритании представляет особый интерес. Политика лейбористского правительства была, конечно, социал-демократической. Но исчезли ли результаты такой политики с падением этого правительства? Частично да. Например, попытка сделать людей совладельцами капитала с помощью мер по национализации вскоре была отменена пришедшими к власти консерваторами. Но сама по себе политика достижения всеобщего благосостояния сохранилась.

Во Франции и Западной Германии социал-демократические партии не добились каких-либо успехов в последовавшее за войной десятилетие. Поэтому они представляют иной интересный пример при освещении вопроса о роли социал-демократии. Во Франции коммунисты и социалисты составляли единую левую группировку в движении Сопротивления. С помощью быстрых преобразований, добровольной "ссылки" де Голля в Комбе-де-лез-Эглиз и установления Четвертой республики возникла новая политическая ситуация, при которой основу правительственной власти составили хрупкие коалиции с сильно выраженными буржуазными чертами. Тяжелое состояние французской экономики побуждало к общей умеренности, что также стало аргументом против социально-политических реформ. Несмотря на это, некоторые реформы, прежде всего в здравоохранении и пенсионной области, хотя и медленно, но все-таки продвигались. Движущей силой этих реформ были социалисты. В связи с запутанной политической ситуацией трудно, однако, сказать, какое влияние оказали социалисты на общее развитие французского общества и политики Франции.

В Западной Германии экономическое развитие не воздвигало подобных препятствий на пути социально-политической реформаторской деятельности. Это очевидно, даже если, наблюдая за цифрами роста, удастся избежать соблазна уверовать в то, что до начала 50-х годов в западногерманском обществе было что делить. Текст конституции, утверждающий, что ФРГ должна быть социальным государством, указывает на цель, которой, конечно, не обязательно быть идентичной с целями шведской социал-демократии. Эта цель вполне может исходить из немецкой традиции конца XIX в. времен имперского канцлера О. Бисмарка, но при этом все же заслуживает внимания. Федеральный канцлер К. Аденауэр ни в коей мере не был сторонником социально-политического уклона. Он смотрел на социальное законодательство прежде всего с точки зрения тактики и именно поэтому в 1955 г. дал четкий сигнал для расширения такого законодательства, хотя прежде этому противился. Его министр экономики Л. Эрхард, возможно, был еще менее связан с социальной политикой. И все же фактом является то, что и Христианско-демократический союз в эти годы тоже имел свою противоречивую и ограниченную социальную политику. Несмотря на настойчивые аргументы против социальной политики из-за опасности бюрократизации, паралича индивидуальной инициативы, ее якобы бездушия и стремления к опекунству и прочего зла, связанного с этой политикой, а также вопреки экономическому положению, которое должно было бы учитываться в первую очередь, оказалось возможным выполнение многих социальных требований, выдвинутых организациями трудящихся. Взносы на пенсии и здравоохранение с 1950 по 1965 гг. возросли с 8 до 12% от фонда заработной платы, плюс такой же взнос шел со стороны работодателей, что составило значительный социальный бюджет, на который попеременно то с гордостью, то с сожалением ссылались на внутривластной арене. Важно установить, что этот социальный бюджет, таким образом, увеличивался, а социальные амбиции государства возрастали.

Была ли нужда в социал-демократическом правительстве? Исходя из этих сравнений, хотелось бы подчеркнуть, что правительственная власть социал-демократов не была основным условием осуществления распределительной общественной политики. Под давлением или добровольно, но, очевидно, с претензией на выполнение активной властной роли, правительства консерваторов тоже признавали социальные задачи в своей политике и тем самым осуществляли политику соучастия рабочего класса в дележе плодов капитализма. Имеются основания для подчеркивания общности интересов между трудом и капиталом по этому вопросу. Без наличия рабочего класса с его покупательной способностью не существовало бы рынка потребительских товаров, которые предлагала промышленность и за которые она получала прибыль.

Имеются по крайней мере три обстоятельства, которые следует учитывать при рассмотрении социальной политики и роли социал-демократии в ее осуществлении. При этом важно иметь в виду каждое из этих обстоятельств в отдельности, потому что все вовсе не так, как думали и продолжают думать участники дискуссий о роли социал-демократии. Речь идет о следующем.

Во-первых, о мотивации социальной политики. Многие ученые и политики подчеркивают, что у социал-демократов имелся свой взгляд на задачи социальной политики, отличавшийся от господствовавших ранее представлений других партий. При этом говорилось, что этот новый взгляд получил распространение среди социал-демократов в 1920–1930-е годы.

Во-вторых, о результатах социальной политики. Иногда утверждается, что ближайшие результаты социальной политики были бы другими, если бы у социал-демократов имелась иная мотивировка социальной политики. Качественное изменение таких результатов, вызванное в первую очередь тем, что получавшие социальное пособие люди знали о своем праве требовать это пособие без заключения страхового договора о его получении (с последующим обязательством уплаты взноса). Это изменение сложно подкрепить чем-то, кроме свидетельства отдельных частных лиц. Во все не обязательно, чтобы воспринимавшееся лицом, получающим пособие, как изменение, должно было создавать то же впечатление у других. Далее, неправомечно считать, будто то, что он означает изменение в одной исторической ситуации, когда люди привыкли, что от них требовалось заявлять о готовности взять на себя экономические обязательства и заключать договор, чтобы пользоваться определенными преимуществами, обязательно должно сохранять свои качественные характеристики в другой исторической ситуации, когда люди уже привыкли к тому, что существует общественная забота, в отношении которой можно предъявлять требования.

В-третьих, о масштабах и размахе социальной политики – экономические обязательства в пересчете на индивида и количество охваченных индивидов. В отличие от шведского социолога В. Корпи⁶ и той исследовательской традиции, против которой он ведет полемику, я имею в виду не только фактические выплаты, даже если они, безусловно, интересны, но также и возможные случаи социальной защиты и, таким образом, общий объем гарантий социального обеспечения, который предоставляет система социального страхования, как большинство предпочитает ее называть.

Социальная политика и политика распределения были не только чем-то желаемым для политических движений, ставящих своей программной целью достижение социального равенства и социальной справедливости. Массовое потребление было условием индустриального развития, и этому были рады руководители предприятий и промышленники. Взаимодействие между областью технологических инноваций в сфере производства товаров широкого потребления и товаров длительного пользования, с одной стороны, и уменьшение мощи рынка путем распределительной и социальной политики – с другой, получили при этом четкое выражение.

Утверждаемое не означает, что ничего не изменилось бы от того, управлялись ли

⁶ Korpi W. Arbeterklassén i välfärdskapitalismen. Arbete, fackförening och politik i Sverige. Stockholm, 1978; *idem*. Den demokratiska klasskampen. Svensk politik i jämförande perspektiv. Stockholm, 1981.

страны Северной и Западной Европы правительствами социал-демократов или консерваторов. Я хочу лишь подчеркнуть, что системы социального обеспечения различных стран развивались в одном и том же направлении, и их масштабы не слишком отличались друг от друга, несмотря на различия в политической окраске правительств. Чувство собственного достоинства социал-демократических политиков, однако, может возрасти, если будут указаны уже названные мною два других аспекта социальной политики. Социал-демократы могли иметь особую мотивацию своей социальной политики, и, возможно, эта политика означала, что социальное обеспечение получило качественно иной характер, чем при другой системе правления. Кроме того, и это особенно важно, именно социал-демократические правительства, особенно в Швеции, первыми указали направление движения народного капитализма.

КОРПОРАТИВНЫЙ КАПИТАЛИЗМ

Сеть социального обеспечения, которая была в 50–60-е годы гордостью северо- и западноевропейских государств, явно оказалась перенапряжена к середине 1970-х годов. В эти годы началось сокращение ассигнований на социальные нужды в Западной Германии, тогда же была поставлена под сомнение британская система национального страхования, которая при правительстве М. Тэтчер начала истощаться. Во Франции и Швеции не произошло столь же очевидного урезания средств на социальную политику, хотя даже здесь консервативные или неолиберальные силы выражали сомнение по поводу отдельных направлений социальной политики. Социал-демократы между тем продолжали считать одной из своих главных задач защиту социальной надежности в условиях государства всеобщего благоденствия и добивались успеха в тех случаях, когда им удавалось удержать или выиграть на выборах правительственную власть, не вступая в коалицию с другими партиями.

Немало сходных черт развития, характерных для всей Северной и Западной Европы, можно обнаружить и в другой сфере, связанной с процессами бюрократизации. Призывы к снижению бюрократизации впервые прозвучали в консервативных кругах Великобритании и Франции уже в начале 70-х годов. Они нашли воплощение в политике сокращения социальных расходов и мерах по приватизации, причем их в равной мере проводили и консервативные правительства Великобритании и Германии, и социал-демократические правительства Швеции и Франции. Шведский министр Б. Хольмберг и французский Л. Фабиус демонстрировали такую же убежденность относительно неэффективности государственного управления, как и их коллеги – консерваторы в правительствах М. Тэтчер в Англии и Г. Коля в ФРГ. Ни одно социал-демократическое правительство не проявило на деле понимание того, что частные предприятия в ничуть не меньшей степени истощили возможности рынка и в той же мере повинны в бюрократизации общества. В данном случае социал-демократия показала, что ей трудно оказывать сдерживающее влияние на развитие общества. Отчасти это затрагивает специфическую социал-демократическую традицию.

Мексиканский писатель Октавио Пас, характеризуя нынешнее положение Мексики, назвал его сплавом двух бюрократий, одна из них – это партийная бюрократия, которая используется для мобилизации различных групп населения в связи с нуждами политики, и другая – правительственная бюрократия, которая является исполняющим административным органом. Многие развивающиеся страны с диктаторскими режимами и однопартийными системами имеют такую структуру: партия и государство сливаются в них воедино. О. Пас при этом подчеркивал, что не рассматривает Мексику как типичную в этом отношении страну, а хотел бы видеть в ней страну, приближающуюся к демократии.

Шведский социолог Г. Улофссон в работе "Между классом и государством"⁷

⁷ *Olofsson G. Mellan klass och stat. Om arbetarrörelse, reformism, och socialdemokrati. Lund, 1979.*

описывает формирование социал-демократами на ранних этапах своей истории в рамках партии или связанных с ней параллельных по отношению к уже существовавшим органам государственного аппарата организаций и обсуждает процесс сращивания партии с государством, который частично произошел после того, как социал-демократы в Швеции надолго получили правительственную власть. Выводы, к которым он приходит, можно истолковать таким образом, что социал-демократия в Швеции близко подошла к тому, о чем говорил О. Пас на основании опыта Мексики. Партийная организация превращается в классовую организацию, а затем и в организацию государственную, в результате чего якобы создаются гарантии для воспроизводства рабочего класса.

Главным аргументом против такого истолкования социал-демократической Швеции является ссылка на то, что всеми руководителями социал-демократов неизменно соблюдалась дистанция между партией и государством. Тем не менее важный вывод из приведенных рассуждений сохраняется. Социал-демократия создала административные единицы в рамках партии или связанных с партией организаций. Они используются для защиты интересов владельцев квартир, квартиросъемщиков, для содействия в производстве и продаже более дешевых потребительских товаров и пр. Независимо от тезиса Улофссона о том, что произошел переход от управляемых особых идеологических органов к общественным и публичным, можно утверждать, что социал-демократические партии – не только СДРПШ, но она, возможно, наиболее типична из всех – обычно использовали административные единицы для решения общественных проблем. Другие партии были склонны передавать эти вопросы прежде всего на усмотрение рынка и, кроме того, прибегали к прямым политическим решениям. Это означает, что социал-демократические партии менее, чем другие, опасались бюрократических решений проблем распределения.

То, что произошло уже в период организованного капитализма, в некотором отношении подтверждает именно это. В то время социал-демократы оказывали слабое влияние на государственную власть и им приходилось создавать собственные органы власти. В период народного капитализма доверие к административным решениям получило новое развитие, стали образовываться общественные органы власти: управление рынком труда, управление строительством, жилищное управление, социальное управление с более широким охватом, чем прежнее управление здравоохранением; ко множеству других новых или реформированных центральных учреждений прибавились локальные и региональные общественные органы, например, больничные кассы с функциями планирования или администрирования.

Осознание того, что рыночные силы не принесли сколько-нибудь значительных результатов в области распределения общественных ресурсов, а также опыт деятельности связанных с социал-демократией планирующих органов, способствовали тому, что социал-демократы различных европейских стран, даже находящиеся у власти, проявили склонность предпочесть административные решения проблем распределения в обществе. В результате инициатива выскальзывала из рук правительственной власти, и социал-демократическим правительствам, так же, как и буржуазным, было трудно защищать верность решений правительственной власти по отношению к государственной или коммунальной администрации, профсоюзам и другим "органам движений", и в особенности по отношению к организациям народного хозяйства, включая отдельные предприятия, органы отраслей промышленности и спонсируемые акционерными обществами экономические институты.

Политический опыт последнего десятилетия оказался трудным для большей части шведов. Независимо от политической принадлежности того или иного человека, многие с сожалением или раздражением отмечают крушение "шведской модели", значительное ослабление шведской кроны по отношению к другим западноевропейским валютам, маргинализацию Швеции в международных политических вопросах. На пороге 1990-х годов шведский опыт стал пугающим примером. Правые и левые популистские течения извлекли выгоду из такой политической ситуации, однако право-

популистская партия ("Новая демократия"), вошедшая в правительство, пала духом так же быстро, как до этого росли ее ряды.

В этой новой политической ситуации СДРПШ обратилась к совершенно иной политике, при которой особая роль стала отводиться таким понятиям, как экономическая стабильность, восстановление хозяйства и бережливость. Однако партии и правительству не удалось приручить социал-демократическое движение, и внутри социал-демократии возникли трещины между поборниками более традиционной социал-демократической политики всеобщего благосостояния и теми, кто хотел бы прежде всего восстановить финансовые возможности страны и только после этого корректировать политику всеобщего благосостояния. Как видим, не только буржуазные партии усматривают в затратах на политику распределения основную причину кризиса государственных финансов.

Тенденции к расколу, которые, однако, не нарушили традиционно сильную внешнюю сплоченность партии, сочетались с тем, что партия во время пребывания у власти (1982–1991 гг. и вновь с 1994 г.) отказалась от многих из своих былых надежд на централизованные и административные решения общественных проблем. Немецкие и английские социал-демократы за то же время не смогли выдвинуть привлекательные программы. В этих государствах продолжали политически доминировать буржуазные правительства, которым удавалось вызвать глубокий раскол в социал-демократических рядах. Не лучше обстояли дела и во Франции, где президент-социалист большую часть своего пребывания у власти правил с помощью консервативного кабинета министров, его сменил президент-консерватор.

Европейская социал-демократия переживает трудное время перестройки и приспособления к новым политическим условиям. Когда экономический рост прекращается или становится спорадическим, под сомнение ставится вся щедрая политика всеобщего благосостояния. Социал-демократы не составляют в этом отношении исключения, хотя они, конечно, не отказываются от такой политики в принципе, а лишь ведут речь о вопросах практического осуществления и размерах перераспределения общественных ресурсов. Выдерживать социал-демократический стиль, проводя политику, соблюдающую те ограничения, которые требует нынешняя ситуация в экономике, дело очень трудное, но именно с этой проблемой сейчас и сталкиваются социал-демократы Западной Европы. Кажется, в середине 1990-х годов они оказались на грани утраты многого из того, что определяло особенности их политического профиля, а вместе с ним и того влияния, которое они оказывали на направление европейского развития.

Подведем итог. То, что социал-демократы сыграли важную роль в придании специфической формы индустриальному капитализму, успешно развивавшемуся в Северной и Западной Европе, представляется очевидным, хотя я скептически отношусь к тому, что социал-демократы могли повлиять на само осуществление этапов этого развития. Сравнения показывают, что ни одна страна, управляемая социал-демократами, не прошла абсолютно одинаковых этапов развития. В ответственный период существования народного капитализма в Швеции социал-демократы оказывали ускоряющее и стимулирующее влияние на социальное развитие, в остальных же странах трудно найти примеры долговременных и основополагающих структурных изменений в результате социал-демократического правления.

Что же тогда означает опыт социал-демократии? Надо ли это понимать как подтверждение на основе исторического анализа того, что консервативные и либеральные партии во время их пребывания у власти порождали те же самые социальные отношения, что и правящая социал-демократия? Означает ли это, что единственное отличие, которое может быть выявлено, состоит в направленности воли, идеологии и готовности к действию, и что с учетом длительной временной перспективы не было достигнуто каких-либо результатов, обусловленных различиями в политической ориентации обладателей правительственной власти? И, наконец, означает ли это, что основа для сплочения общественных сил вокруг социал-демократии заключалась лишь

в отдельных личностях и в горячих призывах, особенно тех, которые выражали недоверие к буржуазным партиям, а не к реально проводимой политике?

Важным условием для рассуждений по поводу долговременных структурных результатов является то, что политические партии есть объективность. Причем разные партии существуют в одно и то же время и формируют социальную среду друг для друга. СДРПШ, таким образом, являлась частью той среды, которая формировала и шведских правых так же, как последние были стимулом для развития социал-демократии. Партии и весь политический климат европейских стран в значительной степени формировались под воздействием того, как изменялась политика во всей Европе в целом. В этом отношении и сама СДРПШ в течение определенного исторического периода играла особую роль, а вся шведская политическая система, "шведская модель", также служила одновременно и стимулом, и каким-то пугалом.

Таким образом, невозможно с уверенностью утверждать что-либо по поводу того, что произошло бы с развитием капитализма в длительной временной перспективе, если бы у нас не сформировалось той политической структуры, которую мы имели, т.е. тех политических партий, которые существовали, и тех политических противоречий, которые выпали на долю этих партий.

Утверждая это, не следует умалять значение сравнительного анализа политического развития в ряде европейских стран, сделанного выше. Но не следует и переоценивать его. Важный вывод, который можно сделать в итоге, заключается в том, что очень трудно прокладывать совершенно самостоятельную политическую дорогу в стране, принадлежащей к такой политической системе, как западноевропейская, и связанной столь тесными экономическими и культурными узами с другими странами. Партии – как правые, так и левые – пытались это делать. Есть и такие, которым это удалось. Но тогда они рвали узы политической общности и аннулировали как минимум одно из обстоятельств политической жизни в условиях развития западноевропейского индустриального капитализма, а именно – свободу политического рынка, демократию. Те, которые оставались в рамках системы, напротив, не смогли проложить для себя и своей страны абсолютно новых дорог, которые отличались бы от развития индустриального капитализма в других странах, независимо от того, отклонялись они вправо или влево. Эта дилемма характерна и для деятельности социал-демократии на протяжении XX в.

В.Я. СИПОЛС

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СССР И ГЕРМАНИЕЙ В 1939–1941 гг. В СВЕТЕ НОВЫХ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Одной из проблем, по которой в историографии последних лет развернулась широкая дискуссия, являются советско-германские отношения 1939–1941 гг. Однако весьма важная часть этих отношений – экономические связи между СССР и Германией – освещена в отечественной историографии относительно слабо. Между тем они имели существенное значение.

Вопрос о советско-германских экономических отношениях в 1939–1941 гг. кратко затрагивается во многих работах, посвященных как отношениям между СССР и Германией, так и начальному периоду второй мировой войны. Имеются также статьи Г.М. Иваницкого¹ и А.А. Шевякова², посвященные этой проблеме. В статье Г.М. Иваницкого впервые приведено много сведений из материалов Российского государственного архива. Но сводных обобщающих данных о наших закупках в Германии образцов новейшей военной техники и оборудования для военных заводов в ней все же нет. В статье А.А. Шевякова вводятся в научный оборот архивные материалы Народного комиссариата внешней торговли СССР, но они тоже не отличаются полнотой, да и приведены без сносок на источник. К сожалению, в этих статьях больше материалов о том, что по торговым соглашениям СССР и Германия предполагали продавать друг другу, чем о действительно осуществленных закупках. В статье Г.М. Иваницкого использованы работы германских историков об экономике Германии в годы войны³, но их специальные труды о советско-германских торговых отношениях не привлечены. В статье Шевякова исследования немецких ученых вообще не использованы. Все это означает, что проблема нуждается в дальнейшей научной разработке.

За последние годы историкам стали доступны новые архивные материалы, в частности документы Председателя Совета народных комиссаров и наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова, наркома внешней торговли А.И. Микояна, народных комиссариатов иностранных дел и внешней торговли СССР. Появились новые публикации документов⁴. В Германии издано о советско-германских торговых отношениях несколько обстоятельных исследований, содержащих богатый фактический материал⁵. Все это заставляет вернуться к этой теме еще раз, с тем чтобы привести новые сведения и внести уточнения в трактовку ряда существенных вопросов.

Россия и Германия традиционно имели широкие торговые связи. В 20–30-е годы Германия, серьезно заинтересованная в поставках из СССР сырья и продовольствия, а

¹ *Иваницкий Г.М.* Советско-германские торгово-экономические отношения в 1939–1941 гг. – Новая и новейшая история, 1989, № 5.

² *Шевяков А.А.* Советско-германские экономические связи в предвоенные годы. – Социологические исследования, 1995, № 5.

³ *Eichholtz D.* Geschichte die deutschen Kriegswirtschaft 1939–1945, Bd. 1. Berlin, 1971; Kriegswirtschaft und Rustung 1939–1945. F. Forstmeier, H.E. Volksmann (Hrsg.). Düsseldorf, 1977; Das Deutsche Reich und der zweite Weltkrieg, Bd. 4. Stuttgart, 1983.

⁴ Документы внешней политики (далее – ДВП), т. 22, кн. 1–2. М., 1992; ДВП, т. 23, кн. 1. М., 1995.

⁵ *Perrey H.-J.* Der Russlandausshus der deutschen Wirtschaft. München, 1985; *Schwendemann H.* Die wirtschaftliche Zusammenarbeit zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion von 1938 bis 1941. Berlin, 1993.

также в советском рынке для сбыта своей промышленной продукции, постоянно предоставляла нам крупные кредиты для размещения на германских заводах советских заказов. Торговые связи имели для обеих стран и серьезное политическое значение. Это относится, в частности, к кредитному соглашению от 19 августа 1939 г. Предоставив СССР очередной кредит на 200 млн. германских марок и взяв на себя обязательство поставить Советскому Союзу по этому кредиту не только станки и другое заводское оборудование, но также военную технику, Германия продемонстрировала, что в то время нападать на СССР не собиралась. О значении этого соглашения свидетельствует тот факт, что только после его подписания в Кремле согласились на заключение с Германией договора о ненападении, что и произошло 23 августа 1939 г.

Торговля играла значительную политическую роль в отношениях между двумя странами и в дальнейшем. Из-за англо-французской блокады Германия остро нуждалась в импорте из СССР сырья и продовольственных товаров. Для Германии это был не столько экономический, сколько политический вопрос ее взаимоотношений с Советским Союзом. В торговых переговорах с СССР Германия оказалась в худшем положении, как бы в роли просителя.

Не так остро как "третий рейх", но СССР также был заинтересован в получении многих товаров из Германии. Это отмечают и немецкие историки: "По всей видимости, Сталин со своей стороны намеревался извлечь еще большую выгоду из этих экономических связей и заставить военную экономику Германии в значительной степени работать на СССР"⁶. Они пишут, что эти связи были призваны способствовать форсированному наращиванию вооружений посредством "целенаправленного освоения германской технологии"⁷. Англия и Франция, вовлеченные в войну с Германией, по существу свели на нет выполнение размещенных на их заводах советских заказов на поставку станков и другого заводского оборудования, а тем более военной техники. Также осложнилось положение с закупкой нужных СССР товаров в США. Сокращая торговлю с СССР, эти страны фактически сами толкали советское правительство на расширение торговли с Германией.

Острая нужда Германии в сырье и продовольствии давала СССР возможность брать не все товары, которые могла бы предложить Германия, а требовать то, в чем советская сторона в условиях нарастающей опасности войны нуждалась больше всего. Советское правительство соглашалось на поставки необходимых Германии товаров только при условии, что оно сможет закупать в ней станки и другое заводское оборудование. Более того, значительную часть этих закупок должны были составлять образцы новейшей военной техники.

Разумеется, такие требования не могли вызвать восторга в Германии, так как она не была заинтересована в укреплении оборонной мощи СССР. Но советское правительство твердо отстаивало свои требования, и в Берлине сочли необходимым согласиться⁸. Вместе с тем там решили прибегать к различным уловкам: завышать цены, ссылаясь на условия войны; предоставлять не самые новые образцы военной техники; устанавливать длительные сроки выполнения советских заказов и т.д. У немцев тут было одно преимущество, которое они намеревались использовать в максимальной степени. Если СССР мог осуществлять поставки из имеющихся резервов и текущей продукции, то для изготовления по советским заказам заводского оборудования, сложных станков, образцов новейшей военной техники требовалось определенное время. В целом же весь этот комплекс проблем был настолько сложным и противоречивым, что ход торговых переговоров, а затем выполнение заключенных соглашений были процессом чрезвычайно трудным.

6 сентября 1939 г., всего через несколько дней после начала второй мировой войны,

⁶ Das Deutsche Reich..., Bd. 4, S. 102.

⁷ Perrey H.-J. Op. cit., S. 310.

⁸ Akten zur deutschen auswärtigen Politik (далее – ADAP), Ser. D. Bd. 8. Frankfurt a.M., 1961, S. 107.

статс-секретарь министерства иностранных дел Германии Э. Вайцзеккер обратился к только что прибывшему в Берлин новому советскому полпреду А.А. Шкварцеву с предложением о дальнейшем расширении торговых отношений между СССР и Германией⁹.

Одновременно с подписанием советско-германского договора о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. по германской инициативе состоялся обмен письмами о развитии экономических отношений и товарооборота между двумя странами¹⁰. Конкретные переговоры начались в Москве 8 октября. С немецкой стороны переговоры вел "особо уполномоченный германского правительства" К. Риттер, который занимался в министерстве иностранных дел Германии экономическими проблемами войны. В переговорах участвовал также К. Шнурре, возглавлявший прибывшую в Москву вместе с Риттером германскую экономическую делегацию в составе более 30 человек. Немцы заранее заготовили план закупок в СССР в течение года на 1300 млн. германских марок¹¹. В Берлине придавали большое политическое значение скорейшему заключению соответствующего соглашения¹².

Германское правительство исходило из того, что договоры от 23 августа и 28 сентября 1939 г. были настолько выгодны для СССР (более выгодны, чем для Германии), что он должен "расплачиваться" крупными безотлагательными поставками Германии сырья и продовольствия, а германские ответные поставки будут осуществляться лишь когда-то впоследствии¹³.

К. Риттер в беседе с народным комиссаром внешней торговли СССР А.И. Микояном 9 октября внес соответствующее предложение. Он сообщил о заинтересованности германской стороны в возможно скором завершении переговоров. Германия желает получить от СССР нефть, лес, продовольственные товары, медь, олово, никель и другие цветные металлы. Он заявил, что Германия со своей стороны сделает максимум возможного, чтобы удовлетворить потребности СССР "в оборудовании и других поставках". Риттер проявил заинтересованность в получении из СССР по возможности больше товаров, желательно примерно на 1 млрд. германских марок. Микоян в ответ заявил, однако, что СССР будет исходить из максимального объема поставок в прошлые годы, т.е. 470 млн. германских марок¹⁴.

Заявления Риттера и Микояна имели не только экономический, но даже в еще большей степени политический смысл. Немцы стремились показать англичанам и французам, что они своей экономической блокадой Германии ничего не добьются, так как она сможет закупать многие товары в СССР. Поскольку советский экспорт в другие страны в условиях войны существенно сократился, Советский Союз был в состоянии увеличить экспорт в Германию. Но советское правительство учитывало и политические соображения, связанные с общей международной обстановкой: это вызвало бы самую резкую реакцию в Англии, Франции и США. Другое дело, сохранить торговлю с Германией на уровне прошлых лет. Тут действовала как бы уже установленная международная норма. Когда Италия начала в 1935 г. военные действия против Эфиопии, а Япония в 1939 г. против Китая, итальянцы и японцы добивались увеличения импорта из США. Но Вашингтон, не прекращая экспорта в эти страны, осуществлял его, как правило, в прежних, т.е. как бы в "нормальных", размерах. Этому примеру следовал теперь и СССР в торговле с Германией.

20 октября Микоян сообщил Риттеру, что советское правительство намерено послать в Германию специальную комиссию для ознакомления на месте с возможностями размещения советских заказов. Соглашение может быть подписано, под-

⁹ ДВП, т. 22, кн. 2, с. 34.

¹⁰ Там же, с. 137.

¹¹ ADAP, Bd. 8, S. 181.

¹² Ibid., S. 332.

¹³ Ibid., S. 313.

¹⁴ Историко-внешнеэкономический отдел Управления делами Министерства внешнеэкономических связей РФ (далее – ИВЭО МВЭС), ф. 413, оп. 12, д. 3134, л. 173–179.

черкнул он, только после решения основных вопросов, связанных с этими заказами¹⁵. Покупать без разбора все, что предлагали немцы, советское правительство не собиралось. Оно намеревалось брать только самые нужные и высококачественные изделия.

На 22 октября после напряженных переговоров было намечено возвращение Риттера в Берлин. Накануне Микоян заявил ему, что поставки товаров из СССР смогут начаться только тогда, "когда немецкая сторона удовлетворит... требования советской стороны". Он информировал Риттера, что, не касаясь пока военной техники, имеет в виду следующие поставки из Германии: горнорудное оборудование, оборудование для нефтяной, химической и сталеплавильной промышленности, оборудование для электростанций, кузнечно-прессовое оборудование, металлорежущие станки, локомотивы, турбины, суда, металлы и другие товары.

Риттер предложил подписать соглашение, не дожидаясь окончания работы комиссии по размещению советских заказов. Он явно имел в виду ускорить начало советских поставок, затягивая немецкие. Но Микоян не согласился на это. Он отклонил также предложение об опубликовании коммюнике о переговорах, которым немцы намеревались произвести немалый политический эффект. Никакие уговоры немецких представителей не помогли. В этой связи в записи беседы отмечается, что тон ее со стороны Риттера и Шнурре "буквально приобрел просящую форму"¹⁶. Это особенно показательно в связи с тем, что в начале переговоров Риттер пытался чуть ли не диктовать свои условия.

2 ноября покинул Москву также и Шнурре. Таким образом, первый этап переговоров к конкретным результатам не привел.

С 26 октября в Германии находилась советская делегация для выяснения возможностей размещения заказов на германских предприятиях в составе 48 человек. Возглавлял делегацию нарком судостроения И.Ф. Тевосян, его заместителем был генерал Г.К. Савченко, занимавшийся заказами на военную технику. Члены ее посетили многие германские предприятия, ознакомились с интересовавшим СССР заводским оборудованием, производственными процессами, технологией. Особое внимание уделялось ознакомлению с новинками немецкой военной техники, размещению на эти новинки заказов для всех родов войск. Современные сложные станки заказывались также прежде всего для производства военных материалов.

Риттер в беседе с Тевосяном в Берлине 27 октября снова предложил по возможности скорее заключить соглашение, а уже затем уточнить германские поставки. Но советские представители отклонили это предложение. То, что германская сторона оказалась серьезно заинтересована в ускорении размещения советских заказов, облегчало работу советской делегации. Тевосян заявил в беседе с Риттером: "Нашей задачей является получить от Германии новейшие усовершенствованные образцы вооружения и оборудования. Старые типы вооружений покупать не будем. Германское правительство должно показать нам все новое, что есть в области вооружения, и пока мы не убедимся в этом, мы не сможем дать согласие на эти поставки. Для этого требуется время на поездки на заводы, военные корабли и воинские части"¹⁷.

В ходе работы делегации, 29 октября, Гитлер разрешил ознакомить ее членов с военной техникой, которой уже располагали войска. Но он был против предоставления информации об образцах, находившихся в стадии испытаний, а также с секретными новыми изобретениями¹⁸.

Советская делегация во главе с Тевосяном через несколько недель работы пришла к заключению, что итоги неудовлетворительны, так как самую новую военную технику немцы не показали¹⁹. Это тормозило подписание торгового соглашения. В

¹⁵ Там же, л. 159–163.

¹⁶ Там же, л. 150–154.

¹⁷ Там же, д. 3125, л. 28–33.

¹⁸ Schwendemann H. Op. cit., S. 103–104.

¹⁹ Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ), ф. 06, оп. 1, д. 4, л. 72.

результате твердой и настойчивой позиции советских представителей немцы пошли на уступку. Советским представителям удалось добиться того, что им стали показывать новую технику более полно. Наиболее сложные вопросы решались Гитлером и Герингом. Был составлен и передан немецкой стороне предварительный список возможных заказов на германскую военную технику²⁰. Однако было получено согласие на поставку лишь менее половины перечисленных наименований²¹. Кроме того, немцы запросили заводом завышенные цены²². Микоян в беседе с германским послом в СССР Ф. Шуленбургом 15 декабря констатировал, что немцы хотят драть с русских "три шкуры", но такие попытки безуспешны²³.

Снова прибыв в Москву, Риттер 19 декабря продолжил переговоры с Микояном. Нарком сказал, что советская сторона готова поставлять "высококачественные товары и хотела бы получить за них эквивалентные товары, и в первую очередь – предметы вооружения". Если германская сторона готова поставить интересующие советскую сторону военные материалы, то будет нетрудно решить все вопросы. В ином случае, говорилось в записе беседы, "он не знает, как кончатся переговоры". Риттер же пытался резко сократить объем предполагавшихся поставок германской военной техники. В конце беседы он заявил, что должен "доложить своему правительству, что переговоры находятся в тупике"²⁴.

В создавшихся условиях решил попытаться сдвинуть дело с мертвой точки посол Шуленбург. Посетив 22 декабря наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова, он заметил, что в ходе торговых переговоров имеются "большие разногласия", в частности по вопросу о советских военных заказах. Программа военных заказов, сказал он, слишком велика. Германия, находясь в войне, не в состоянии выполнить часть заказов. Ответив, что СССР может пойти на сокращение программы военных заказов, Молотов вместе с тем заявил, что германские представители "заламывали" такие цены, что это является "худшей формой отказа"²⁵.

По просьбе Шуленбурга на следующий день Риттера принимали вместе Молотов и Микоян. Нарком внешней торговли констатировал в ходе беседы, что немецкие подсчеты о стоимости намеченных советских военных заказов несостоятельны. Например, цены на самолеты завышены в 15 раз. Риттер стал доказывать, что немцы при определении цены исходили из того, что СССР будет строить по немецким образцам свои самолеты. В этой связи учтена и стоимость лицензии. Однако советские представители заявили, что строить самолеты по германским образцам СССР не намерен. Шуленбург отмечал в телеграмме в Берлин, что переговоры с Молотовым были "очень острыми"²⁶.

В беседе с Риттером 25 декабря Микоян, возвращаясь к вопросу о ценах, снова отметил, что заказ на самолеты по мировым ценам стоит только 19,4 млн. германских марок, а немцы запрашивают 300 млн., т.е. в 15 раз больше. На другие заказы цены завышены в два, в три, в четыре раза. Нарком внешней торговли передал Риттеру программу советских закупок в Германии, составленную с учетом результатов работы делегации Тевосяна²⁷.

В течение четырех месяцев шли упорнейшие переговоры, нередко весьма острые.

Немецкие историки отмечают, что в Берлине были крайне недовольны, что в программе советских заказов значилось большое количество новейших военных материалов. Гитлер на первом этапе не соглашался на это, но "вынужден был уступить ультимативным требованиям Москвы" и согласиться даже на такие поставки военной

²⁰ ИВЭО МВЭС, ф. 413, оп. 12, д. 3134, л. 3–4.

²¹ Там же, л. 35–40.

²² Там же, л. 27–30.

²³ Там же, д. 3146.

²⁴ Там же, д. 3134, л. 182–188.

²⁵ ДВП, т. 22, кн. 2, с. 436.

²⁶ ADAP, Bd. 8, S. 451.

²⁷ ИВЭО МВЭС, ф. 413, оп. 12, д. 3134, л. 102–108.

техники, которые означали ограничение германской программы наращивания вооружений²⁸.

Ход и содержание переговоров в значительной степени предопределялись международным положением. СССР вынужден был учитывать опасность войны. До августа 1939 г. предполагалось, что угроза нападения нависает прежде всего со стороны Германии и Японии. Однако с декабря 1939 г., после начала вооруженного конфликта СССР с Финляндией, приходилось считать с опасностью нападения со стороны Англии и Франции. Возможно, что именно этим обстоятельством объясняется тот факт, что в ходе переговоров о поставке из Германии образцов военной техники большое значение придавалось, в частности, укреплению военно-морских сил СССР.

В Берлине отмечалось, что в связи с началом советско-финляндского конфликта позиция СССР в переговорах несколько смягчилась. В то же время считалось, что СССР не принимает германских предложений, так как не желает осложнения отношений с Англией. 8 января 1940 г. Гитлер дал указания пойти на уступки, чтобы обеспечить скорейшее заключение соглашения²⁹.

Одна из наиболее сложных проблем в ходе переговоров заключалась в том, на сколько месяцев германские поставки заводского оборудования и военной техники будут отставать по своему объему от советских поставок сырья и продовольствия. Этому вопросу были посвящены многие дни переговоров. Он был урегулирован лишь после того, как к ведению переговоров подключился И.В. Сталин. Он согласился на сокращение количества поставляемой военной техники, с тем чтобы были сокращены и сроки поставок и они могли быть осуществлены в основном в течение года. Сталин выразил согласие, что советские поставки начнутся раньше немецких, но решительно настаивал на том, что по истечении полугода баланс стоимости поставок должен быть выравнен. "Сколько Германия даст, столько и получит", – заявил он в ходе переговоров с Риттером и Шуленбургом в новогоднюю ночь³⁰.

5 февраля 1940 г. в Москве было получено письмо министра иностранных дел Германии Й. Риббентропа, в котором содержались заверения в готовности Германии поставлять военные материалы, а также предоставить "технический опыт в военной области"³¹. Эти официальные заверения германского правительства способствовали преодолению тупика в переговорах. Три дня спустя, 8 февраля, Сталин внес конкретные предложения об основах соглашения, с которыми Риттер счел необходимым согласиться³².

Наконец 11 февраля 1940 г. в Москве состоялось подписание хозяйственного соглашения между СССР и Германией. В нем предусматривалось, что Советский Союз поставит Германии товары на сумму в 420–430 млн. германских марок за 12 месяцев, т.е. до 11 февраля 1941 г. Германия же была обязана поставить СССР военные материалы и промышленное оборудование на ту же сумму за 15 месяцев, т.е. до 11 мая 1941 г. На 11 августа 1940 г. (через полгода с момента подписания соглашения), а также на 11 февраля 1941 г. (через год) немецкие поставки должны были отставать от советских не более, чем на 20%. Иначе СССР имел право "временно приостановить свои поставки"³³.

В соглашении предусматривалось, что СССР будет поставлять в Германию кормовое зерно (ячмень, овес), нефть, хлопок, фосфаты, железную руду, хромовую руду, марганцевую руду, цветные металлы и другие товары³⁴. Германия обязалась поставить СССР недостроенный тяжелый крейсер "Лютцов" (10 тыс. т) и оборудование, необходимое для завершения его постройки; образцы корабельной артиллерии, мин,

²⁸ Das Deutsche Reich..., Bd. 4, S. 103–104.

²⁹ Schwendemann H. Op. cit., S. 128, 130.

³⁰ ДВП, т. 23, кн. 1, с. 8–10.

³¹ Там же, с. 76.

³² Там же, с. 77–78.

³³ Там же, с. 80–84.

³⁴ ADAP, Ser. D, Bd. 8, S. 642.

торпед, перископов; образцы последних моделей самолетов; образцы артиллерии, танков, средств связи; образцы более 300 видов станков и машин: экскаваторов, буровых установок, электромоторов, компрессоров, насосов, паровых турбин, нефтяного оборудования и т.д.³⁵

Молотов констатировал в телеграмме советскому полпреду в Лондоне И.М. Майскому от 22 февраля 1940 г., что договор "экономически выгоден для СССР", так как страна получает от Германии большое количество станков, оборудования и вооружения³⁶.

В первые месяцы после подписания хозяйственного соглашения торговый оборот между двумя странами рос медленно. Расчеты между СССР и Германией проводились в германских марках, в связи с чем в статье все цифры также даются в марках. Объем торговли за первые полгода действия соглашения показывает следующая таблица (в млн. марок)³⁷:

1940 г.	Экспорт СССР в Германию	Импорт СССР из Германии
февраль	10,2	1,8
март	9,7	2,6
апрель	16,7	8,1
май	21,7	15,1
июнь	34,2	30,8
июль	26,6	25,8
.....		
всего	119,1	84,2

Таким образом, за первые шесть месяцев действия соглашения СССР осуществил только 28% предусмотренных на год поставок. Они составляли всего 6,9% общего импорта Германии за эти месяцы. Такой весьма ограниченный объем советского экспорта в Германию объяснялся, по-видимому, прежде всего тем, что германские поставки должны были начаться только с мая 1940 г., т.е. соображениями экономическими.

Но вряд ли могут быть сомнения в том, что были причины также и политические. Германский историк Г. Швендеман отмечает, в частности, следующее соображение, которое могло иметь в виду советское руководство: Кремль сохранял торговлю с Германией на весьма низком уровне, так как опасался, что она может быть использована Англией и Францией в качестве предлога для военных акций против СССР³⁸.

Размещение в Германии советских заказов нередко наталкивалось на серьезные трудности. Германское министерство хозяйства предписывало фирмам жесткие правила принятия заказов, что приводило к задержке оформления, а тем самым и выполнения их. В ряде случаев фирмы под разными предлогами отказывались принимать заказы, постоянно пытались завышать цены³⁹.

8 марта 1940 г. в Германию в очередной раз прибыла советская закупочная комиссия во главе с Тевосяном в составе около 60 человек. К этому времени в результате изучения возможностей размещения в Германии заказов на нужные СССР изделия была уточнена программа заказов. Они стали формироваться быстрее. При этом советские представители добивались установления приемлемых цен (на среднем мировом уровне) и минимальных сроков их изготовления. Так, посетив 27 марта министерство иностранных дел и на следующий день министерство военно-воздушных сил

³⁵ Ibid., S. 600–601.

³⁶ ДВП, т. 23, кн. 1, с. 102.

³⁷ Schwendemann H. Op. cit., S. 367–368.

³⁸ Ibid., S. 153.

³⁹ АВП РФ, ф. 06, оп. 3, д. 137, л. 107–108.

Германии, И.Ф. Тевосян и приехавший в Германию для ускорения оформления заказов заместитель наркома внешней торговли А.Д. Крутиков решительно настаивали на поставке образцов германских военных самолетов в течение ближайших двух месяцев. Они предупредили, что иначе будут прекращены советские поставки⁴⁰.

Для урегулирования этого вопроса Тевосян и Савченко посетили 29 марта Геринга, отечавшего в Германии за военную экономику. Тевосян заявил о ненормальности создавшегося положения, так как поставки из Германии пока не начаты. Геринг твердо заверил, что образцы самолетов будут поставлены в апреле – мае и что будут ускорены поставки также по другим советским заказам⁴¹.

В связи с задержкой германских поставок отправка из СССР в Германию нефтепродуктов и зерна с 1 апреля 1940 г. была приостановлена⁴². Но с учетом заявлений Геринга, а также аналогичных заверений Шуленбурга в беседе с Микояном 5 апреля советские поставки вскоре были возобновлены⁴³.

Наконец дело с поставками из Германии сдвинулось с мертвой точки. Были получены образцы новейших германских самолетов. С 25 апреля по 15 мая Германия поставила: два самолета "Дорнье-215", пять самолетов "Мессершмитт-109", пять самолетов "Мессершмитт-110", два самолета "Юнкерс-88", три самолета "Хейнкель-100", три самолета "Бюккер-131" и три самолета "Бюккер-133". 5 июня было получено еще два самолета "Хейнкель-100"⁴⁴. В конце мая месяца немцы переправили в Ленинград недостроенный крейсер "Лютцов". Начали осуществляться в довольно крупных масштабах и остальные поставки как военной техники, так и заводского оборудования и других изделий. Приостановка советских поставок в начале апреля, по-видимому, подействовала на немцев.

Когда в августе 1940 г. была проведена проверка хода выполнения соглашения, оказалось, что германские поставки все же серьезно отставали от советских. Для изменения положения СССР отказался от некоторых заказов с длительными сроками поставок. Шнурре в записке от 28 сентября отмечал, что русские хотят ограничиться только теми заказами, поставки по которым могут быть осуществлены в течение 8–10 месяцев⁴⁵. Вряд ли могут быть сомнения в том, что такая установка была связана с начавшими поступать сведениями о германских планах нападения на СССР весной 1941 г.

12 сентября Микоян предупредил Шнурре, что ввиду отставания германских поставок советская сторона вынуждена будет сократить или временно приостановить экспорт в Германию⁴⁶. По сравнению с третьим кварталом в четвертом квартале 1940 г. экспорт в Германию был уменьшен в два раза, а в начале 1941 г. сокращен еще больше. Об этом свидетельствует следующая таблица (в млн. германских марок)⁴⁷:

	Экспорт СССР в Германию	Импорт СССР из Германии
1940 г.		
июль	26,6	25,8
август	67,6	24,8
сентябрь	94,6	19,9
октябрь	42,4	14,2
ноябрь	28,0	25,0
декабрь	27,0	37,7

⁴⁰ Schwendemann H. Op. cit., S. 154.

⁴¹ ДВП, т. 23, кн. 1, с. 197–200.

⁴² Schwendemann H. Op. cit., S. 156.

⁴³ ДВП, т. 23, кн. 1, с. 208, 213.

⁴⁴ Schwendemann H. Op. cit., S. 184.

⁴⁵ ADAP, Bd. 11, 1. Bonn, 1964, S. 190, 440.

⁴⁶ Schwendemann H. Op. cit., S. 309.

⁴⁷ Ibid., S. 367–369.

	Экспорт СССР в Германию	Импорт СССР из Германии
	1941 г.	
январь	24,0	29,6
февраль	19,9	19,4
март	31,4	20,6

Молотов и Микоян в переговорах с Шуленбургом, Риттером и Шнурре настойчиво добивались увеличения германских поставок. Этот вопрос был в центре внимания также 13 ноября 1940 г. в Берлине в беседе Молотова с Герингом. Геринг ссылаясь на то, что Германия находится в состоянии войны, поэтому имеются трудности с поставкой военной техники, а советская сторона желает получить прежде всего именно ее. Задержка в поставках связана и с тем, сказал он, что советские заказы – это высококачественные и сложные изделия. Кроме того, они сосредоточены в одной, т.е. военной, области. Заказы было бы легче выполнить, если бы они шире распределялись и по другим отраслям экономики. Затрудняется дело и тем, что русские иногда не имеют четкого представления о том, что именно заказывать, меняют свои заказы. Но Геринг заверил, что все возможное будет сделано и отставание в поставках будет ликвидировано⁴⁸.

Указанные трудности действительно имели место, в том числе связанные с размещением заказов советскими представителями. Они заранее не могли быть в курсе всего самого качественного и полезного для СССР, что производилось в Германии. Для изучения этого вопроса в Германии и находилась многочисленная советская комиссия во главе с Тевосяном. Выявляя что-то более качественное, нужное, найдя возможность разместить заказы дешевле и с более коротким сроком изготовления, советские представители уточняли свои заказы, хотя это иногда и вызывало нарекания с немецкой стороны.

Принятые советским правительством меры по выравниванию объема взаимных поставок дали свои результаты. В декабре 1940 г., а также в январе 1941 г. германский экспорт в СССР превысил советский экспорт в Германию.

Размещением заказов и приемкой изготовленных изделий в первой половине 1941 г. в Германии занималось около 700 советских работников. Среди них были специалисты самой высокой квалификации по авиации, артиллерии, военному судостроению и многим другим специальностям. Знакомясь с немецкими заводами, с их новейшей продукцией, они узнавали немало полезного.

Что касается германской военной экономики, то она особенно остро испытывала недостаток нефтепродуктов. В Германии, в союзных и оккупированных ею странах добывалось в год около 10 млн. т нефти, производилось около 4 млн. т синтетического горючего⁴⁹. Но этого было недостаточно, особенно в условиях войны. Поэтому большое значение придавалось импорту нефтепродуктов из СССР. Но за 1940 г. Германия получила из Советского Союза нефтепродуктов всего 657 тыс. т⁵⁰, т.е. 4,6% ее общих годовых запасов. В СССР в 1940 г. было добыто 31,1 млн. т нефти⁵¹, т.е. экспорт нефтепродуктов в Германию составлял лишь 2,1% от общей добычи нефти в стране. Зерна было выращено в СССР в 1940 г. 95,6 млн. т⁵², а экспортировано в Германию менее 1 млн. т⁵³, т.е. около 1%. Основную часть этого экспорта составлял ячмень (732 тыс. т) и овес (143 тыс. т), пшеница – всего 5 тыс. т⁵⁴. В импорте Германии СССР занимал пятое место (после Италии, Дании, Румынии и Голландии).

⁴⁸ Поездка В.М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. Запись беседы Молотова с Герингом от 13.XI.1940 г. – Новая и новейшая история, 1993, № 5, с. 95–98.

⁴⁹ Deutschland im Zweiten Weltkrieg, Bd. 1. Berlin, 1974, S. 532.

⁵⁰ Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг. М., 1960, с. 533.

⁵¹ Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987, с. 5.

⁵² Там же, с. 6.

⁵³ Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг., с. 535.

⁵⁴ Там же.

В конце октября 1940 г. в Москву снова прибыл Шнурре и начались переговоры о подписании торгового соглашения на очередной год. Но ввиду отставания германских поставок в переговорах возникли серьезные трудности. Посетив 25 ноября 1940 г. вместе с Шуленбургом Молотова, Шнурре констатировал, что "по основным вопросам хозяйственные переговоры зашли в тупик и все возможности обеих сторон в разрешении этих вопросов исчерпаны"⁵⁵.

Упорные переговоры с участием Молотова продолжались еще целый месяц. Обе стороны пошли на определенные уступки. Наконец в беседе с Шуленбургом и Шнурре 21 декабря Молотов констатировал, что текст нового соглашения полностью подготовлен. Но в то время между правительством СССР и Германии обсуждалось еще несколько проблем. Советское правительство настаивало, чтобы одновременно с торговым соглашением было подписано также соглашение о границе между СССР и Германией на участке бывшей литовско-германской границы и урегулированы взаимные претензии, связанные с вхождением летом 1940 г. Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР⁵⁶. В результате нового раунда сложных переговоров были урегулированы и эти вопросы.

10 января 1941 г. было подписано соглашение о взаимных торговых поставках до августа 1942 г.⁵⁷. В тот же день были заключены также договор о советско-германской границе от реки Игорки до Балтийского моря; соглашение о переселении из Литовской, Латвийской и Эстонской ССР немцев в Германию; соглашение об урегулировании взаимных имущественных претензий, связанных с этим переселением⁵⁸.

Подписание соглашений по прибалтийским делам, вступавших в силу в день подписания, означало, что Германия официально признала вхождение Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР.

По новому торговому соглашению предусматривалось, что СССР будет поставлять Германии не только кормовое зерно, как по прежнему соглашению, но и пшеницу (в 1940 г. в СССР был собран хороший урожай пшеницы). Остальная номенклатура товаров оставалась, в основном, прежней. Германия по новому соглашению, как и до этого, была обязана поставлять СССР прежде всего образцы военной техники и промышленное оборудование. Но если советские поставки в Германию по новому соглашению должны были начаться с 11 февраля, то германские по-прежнему с некоторой задержкой – с 11 мая 1941 г.

Германские фирмы имели указания четко осуществлять свои обязательства о поставках Советскому Союзу. В начале февраля Гитлер распорядился, что обязательства Германии по хозяйственному соглашению с СССР "должны быть выполнены неукоснительно". Было решено, что они будут осуществляться даже за счет снабжения германских войск⁵⁹.

13 марта 1941 г. начальник управления военной экономики и производства вооружений верховного командования вермахта генерал Г. Томас получил предписание "предотвратить все, что могло бы каким-либо образом затруднить сохранение запланированных экономических связей с Советской Россией"⁶⁰.

Швендеман, опубликовавший обстоятельный "гросбух" о советско-германских экономических связях в 1939–1941 гг., приводит большой фактический материал, а нередко делает выводы, расходящиеся с утверждениями других авторов. Так, он констатировал, что весной 1941 г., хотя в Германии уже шла подготовка к нападению на СССР, "Советский Союз стал абсолютно привилегированным торговым партнером Германии, заказам которого было отведено по степени важности в программе военного производства преимущественное место по сравнению с другими заказами как соб-

⁵⁵ АВП РФ, ф. 096, оп. 2, д. 158, л. 1–6.

⁵⁶ Там же, л. 50.

⁵⁷ ДВП, т. 23, кн. 2, с. 5.

⁵⁸ Там же, с. 7.

⁵⁹ Das Deutsche Reich..., Bd. 4, S. 167.

⁶⁰ Schwendemann H. Op. cit., S. 303.

ственных нужд, так и для поставок иностранным государствам". Германская промышленность прекратила все остальное производство, писал он, за исключением обеспечения вермахта и поставок в СССР⁶¹. Германия, отмечает Швендеман, поставляла Советскому Союзу в рекордных масштабах заводское оборудование, хотя оно должно было укреплять его военный и промышленный потенциал⁶². Он констатирует, что утверждения ряда авторов, будто Германия уже с начала 1941 г. прекратила поставки в СССР, "лишены всяких оснований"⁶³. Швендеман пишет, что именно "за первое полугодие 1941 г. в СССР была отправлена примерно половина всех поставок", осуществлявшихся с сентября 1939 г. по июнь 1941 г.⁶⁴ В его книге приводятся статистические данные, опровергающие утверждения, что в эти месяцы шел поток товаров только в одном направлении, то есть из СССР.

По сравнению с приведенными выше данными о советско-германской торговле в первом квартале 1941 г. немецкие поставки в течение второго квартала увеличились более чем вдвое (с 69,6 млн. марок до 151,3 млн. германских марок)⁶⁵:

1941 г.	Экспорт СССР в Германию	Импорт СССР из Германии
апрель	22,2	51,0
май	50,6	47,1
июнь	58,0	53,2
всего	130,8	151,3

Как видно из таблицы, поставки германских товаров в СССР довольно значительно превысили в апреле – июне 1941 г. советский экспорт в Германию.

С декабря 1939 г. по конец мая 1941 г. Германия импортировала из СССР нефтепродуктов 1 млн. т на 95 млн. германских марок, зерна (в основном кормовое) – 1,6 млн. т на 250 млн. марок, хлопка – 111 тыс. т на 100 млн. марок, жмыха – 36 тыс. т на 6,4 млн. марок, льна – 10 тыс. т на 14,7 млн. марок, лесоматериалов – на 41,3 млн. марок, никеля – 1,8 тыс. т на 8,1 млн. марок, марганцевой руды – 185 тыс. т на 7,6 млн. марок, хромовой руды – 23 тыс. т на 2 млн. марок, фосфатов – 214 тыс. т на 6 млн. марок, а также другие товары⁶⁶. По хозяйственному соглашению от 11 февраля 1940 г. СССР поставил Германии товаров на 310 млн. германских марок⁶⁷, т.е. его поставки не достигли уровня, зафиксированного в этом соглашении.

В изданных в нашей стране работах приведено немало сведений о германских закупках товаров в СССР⁶⁸. Но пока предано гласности гораздо меньше данных о том, какие поставки получил СССР из Германии. Поэтому полезно привести более полные данные о германских поставках по хозяйственному соглашению.

По этому соглашению СССР получил из Германии сотни видов новейших образцов военной техники и промышленных изделий. Кроме выше указанных самолетов были получены еще три самолета "Фоккевульф-58", мониторы для самолетов, стенды для испытания моторов, винты для самолетов, поршневые кольца, таксометры, высотометры, самописцы скорости, система кислородного обеспечения на больших высотах, сдвоенные аэрофотокамеры, приборы для определения нагрузок на управление самолетом, радиопеленгаторы, самолетные радиостанции с переговорным устройством, приборы для слепой посадки, самолетные аккумуляторы, клепальные станки-автоматы, бомбардировочные прицепы, комплекты фугасных, осколочно-фугасных и

⁶¹ Ibid., S. 307–308.

⁶² Ibid., S. 314–315.

⁶³ Ibid., S. 314.

⁶⁴ Ibid., S. 306.

⁶⁵ Ibid., S. 368–369.

⁶⁶ Ibid., S. 371–372.

⁶⁷ ДВП, т. 22, кн. 2, с. 584.

⁶⁸ Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторический очерк. М., 1995, с. 58–59.

осколочных бомб, 50 видов испытательного оборудования и многие другие изделия для авиационной промышленности.

Для военно-морского флота были получены, кроме недостроенного крейсера "Лютов" (10 тыс. т), гребные валы, компрессоры высокого давления, рулевые машины, моторы для катеров, судовая электроаппаратура, освинцованный кабель, вентиляторы, судовое медицинское оборудование, насосы, системы для уменьшения воздействия качки на морские приборы, оборудование для камбузов, хлебопекарен, корабельной прачечной, аккумуляторные батареи для подводных лодок, орудийные корабельные башни, 88 мм пушка для подводных лодок, чертежи 406 мм и 280 мм трехорудийных корабельных башен, стереодальномеры, оптические квадраты, фотокино-теодолитная станция, перископы, пять образцов мин, бомбометы для противолодочных бомб с боекомплектом, параван-тралы, противотральные ножи для мин, гидроакустическая аппаратура, магнитные компасы, теодолиты и многое другое.

Что касается артиллерии, то были получены два комплекта тяжелых полевых гаубиц калибра 211 мм, батарея 105 мм зенитных пушек с боекомплектом, приборы для управления огнем, дальномеры, прожекторы, 20 прессов для отжима гильз. Были поставлены образец среднего танка, полугусеничные тягачи, дизель-моторы.

Германские фирмы изготовили также оборудование для лабораторий, образцы радиосвязи для сухопутных войск, костюмы химической защиты, в том числе огнестойкие, противогазы, фильтропоглощительные установки, дегазирующее вещество, автомашину для дегазации, кислородно-регенеративную установку для газобезопасности, портативные приборы для определения отравляющих веществ, огнеупорные, антикоррозийные и специальные корабельные краски, образцы синтетического каучука и др. Всего военной техники по хозяйственному соглашению было получено на 81,57 млн. германских марок.

Основную часть германских невоенных поставок составляло оборудование для заводов и добывающей промышленности. Было закуплено значительное количество оборудования для нефтеперерабатывающей промышленности, никелевых, свинцовых, медеплавильных, химических, цементных, сталепроволочных заводов. Было получено оборудование для рудников, в том числе буровые станки и 87 экскаваторов. Германия поставила также три грузопассажирских судна, танкер (12 тыс. т), железо, сталь, стальные трубы, инструментальную сталь, судостроительный лист, стальную ленту, канатную проволоку, стальной трос, дюралюминий, значительное количество каменного угля (на 52 млн. германских марок) и другие товары⁶⁹.

Германские поставки по хозяйственному соглашению были получены на общую сумму 287 млн. германских марок⁷⁰. Внушительно число поступивших из Германии в 1940–1941 гг. металлорежущих станков – 6430 на 85,4 млн. германских марок⁷¹. Для сравнения, а тем самым и оценки значения этих поставок можно отметить, что в 1939 г. общее число импортированных Советским Союзом из всех стран станков составило 3458⁷².

Германские историки приходят даже к выводу, что поставки Советскому Союзу в большом количестве новейших станков ослабляли военную экономику Германии, так как больше половины имевшихся в ней металлорежущих станков устарели, ибо проработали уже более десяти лет⁷³.

По данным германской внешнеторговой статистики, с января 1940 г. по 22 июня 1941 г. СССР поставил Германии товаров на сумму 597,9 млн., а немцы – на 437,1 млн. германских марок⁷⁴. Таким образом, за этот период имело место превышение советских поставок на 160,8 млн. германских марок.

⁶⁹ АВП РФ, ф. 048з, оп. 11у, д. 4, л. 54, 56; *Шевяков А.А.* Указ. соч., с. 20.

⁷⁰ ДВП, т. 23, кн. 2, с. 9.

⁷¹ *Schwendemann H.* Op. cit., S. 381.

⁷² Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг., с. 368.

⁷³ *Das Deutsche Reich...*, Bd. 4, S. 158.

⁷⁴ *Schwendemann H.* Op. cit., S. 367–369.

Но в отношении этой цифры необходимо сделать существенные уточнения. В 1935 г. Германия предоставила СССР кредит на 200 млн. германских марок сроком на пять лет. По этому кредиту СССР получил из Германии заводского оборудования и некоторых других товаров на 151,2 млн. германских марок⁷⁵. А в 1940–1941 гг. наступил срок погашения этого кредита. По кредитному соглашению 1939 г. СССР получил в кредит товары более чем на 40 млн. германских марок. И еще один обычно не учитываемый факт. СССР по существовавшим тогда договоренностям должен был оплачивать каждую конкретную германскую поставку в течение месяца. А как выше сказано, немцы производили в мае и июне 1941 г. крупномасштабные поставки. К 22 июня СССР не успел расплатиться за майско-июньские поставки на сумму более 70 млн. германских марок. Так что общие торговые долговые обязательства СССР перед Германией составили к этой дате 260 млн. германских марок. Таким образом, в целом торговый баланс по взаиморасчетам оказался в пользу СССР на 100 млн. германских марок. Утверждения, что немцы "обхитрили" тут русских, несостоятельны. Кроме того, напав на СССР, Германия сама лишила себя права на возмещение Советским Союзом этих долгов.

Нередко ставится вопрос: кому торговые связи оказались более выгодными – Германии или СССР? Немецкая сторона стремилась к тому, чтобы они были выгоднее для Германии. В Берлине рассчитывали, что Советский Союз будет разгромлен в самые короткие сроки в результате очередной "молниеносной войны". Поэтому имелось в виду, что СССР не сможет воспользоваться германскими поставками⁷⁶.

Но эти расчеты были построены на песке. В ходе "блицкрига" Германия быстро израсходовала все нефтепродукты, полученные из СССР, съела поступившее продовольствие, а победы добиться не смогла.

Напротив, СССР пользовался германским заводским оборудованием, станками в течение всех четырех лет войны. Широкомасштабные закупки в Германии заводского оборудования начались Советским Союзом со времени первого пятилетнего плана. Так, в 1930 г. было ввезено германских товаров на 431 млн. марок, в 1931 г. – на 760 млн., в 1932 г. – на 626 млн., в 1933 – на 282 млн. германских марок. В связи с предоставленным в 1935 г. кредитом импорт из Германии, резко сократившийся в 1933–1935 гг., снова увеличился и составил в 1936 г. 127 млн., в 1937 г. – 117 млн. германских марок. В 1938–1939 гг. импорт резко снизился. Но за 1940 г. германские поставки снова составили 216,4 млн., а за первую половину 1941 г. – 220,7 млн. германских марок⁷⁷. За это десятилетие было закуплено в Германии большое количество заводского оборудования, примерно столько же, сколько в США: общий объем импорта СССР в 1930–1940 гг. составил из Германии 2239 млн. рублей, из США – 2205 млн. рублей⁷⁸. Таким образом, германское оборудование во многом помогло СССР создать оборонную промышленность, которая оказалась в состоянии выпускать в годы войны больше вооружений, чем производила Германия.

Образцы новейшего немецкого вооружения, закупленные в 1940–1941 гг., были использованы советскими инженерами для усовершенствования отечественной военной техники, которая в войне нередко даже превосходила по своему качеству германскую. Немалую роль в развитии советской промышленности, включая оборонную, сыграли закупки в Германии станков и другого заводского оборудования. Все это в значительной степени способствовало укреплению оборонной мощи СССР, а тем самым содействовало тому, что Советский Союз одержал победу в Великой Отечественной войне над фашистским рейхом.

⁷⁵ АВП РФ, ф. 048з, оп. 11у, д. 4, л. 63.

⁷⁶ *Иваницкий Г.М.* Указ. соч., с. 33.

⁷⁷ *Schwendemann H.* Op. cit., S. 368–369.

⁷⁸ Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг., с. 23, 37.

Э. Л. НИТОВУРГ

США: ЦВЕТНОЙ БАРЬЕР В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

За последнюю треть века отечественная американистика пополнилась рядом статей и книг, посвященных истории и борьбе негров в США, против джимкродуизма – системы расовой сегрегации и дискриминации, существовавшей в южных штатах почти до 1970 г. В то же время проблема становления и сохранения до наших дней в городах северных и западных штатов (где рабство исчезло еще на рубеже XVIII и XIX вв. либо его никогда не было) так называемого цветного барьера – системы фактической сегрегации по цвету кожи – осталась в тени, почти вне внимания наших историков.

Однако пальма первенства по уровню расовой сегрегированности в городах США, где ныне проживает около 9/10 афроамериканцев, принадлежит на исходе XX в. отнюдь не городам Юга, а Чикаго, Нью-Йорку, Лос-Анджелесу, Детройту. Связано это в первую очередь с научно-технической революцией второй половины XX в. в США, повлекшей за собой структурную перестройку экономики, что обусловило коренное изменение функций крупных городов. Структурная перестройка экономики в свою очередь обусловила радикальные перемены в структуре, характере и емкости рынка рабочей силы, а в связи с этим – и важные этнодемографические сдвиги, сопровождавшиеся существенными изменениями в этнорасовом и социально-экономическом составе населения крупных городов. В частности, в 50–80-х годах происходили массовая миграция туда афроамериканцев, пуэрториканцев, мексиканцев и других "латинос" (испаноязычных), а оттуда – "бегство белых" в пригороды и города-спутники. В результате изменился расовый и этнический облик этих городов: резко сократилась доля евроэтнического населения и столь же резко возросла доля "цветного", особенно афроамериканского и испаноязычного населения. К 1990 г. уже в каждом из 33 крупных городов США проживало не менее 100 тыс. афроамериканцев, а в 14 городах они составили более половины всех жителей¹.

В 1957–1968 гг. были приняты законы о гражданских правах, запретившие расовую сегрегацию и дискриминацию при расселении, в местах общественного пользования, при найме жилья и на работу, в области образования, здравоохранения и избирательных прав. Они покончили с системой джимкродуизма на Юге. В результате этих и других связанных с их осуществлением мер в 70–80-х годах наблюдался значительный рост слоя зажиточных афроамериканцев, который в американской прессе и научной литературе называют черным средним классом.

Социолог-афроамериканец из Чикагского университета У. Дж. Уилсон делит темнокожее население США, во-первых, на "средний класс", который заметно прогрессирует и всячески стремится вырваться из черных гетто в "приличные" белые районы города, а еще лучше – в белые либо в недавно появившиеся "черные" пригороды. В 1970 г. там проживало 16% афроамериканцев, а в 1988 г. – 26%. Во-вторых, на "рабочий класс", который в результате свертывания старых отраслей промышленности с трудом удерживает свои позиции. И в-третьих, на "низший подкласс" обездоленных людей, все более отчуждаемых от американского общества. Неотъемлемыми

¹ Statistical Abstract of the United States (далее – SA), 1993. Washington, 1993, p. 42–43.

чертами для большей их части являются хроническая безработица, нищета, люмпенизация, криминализация².

Авторы статьи в еженедельнике "Ю.С. нью энд Уорлд рипорт", говоря о "перманентном низшем подклассе" черных, замечают, что он означает особую субкультуру, отсутствие надежды и ценностей, так же как и постоянного дохода. "Это мир, где мужчины без работы, а женщины без мужей, – пишут они. – Некоторые ведут уголовный образ жизни, другие торгуют подержанными и краденными вещами. Многие промышляют наркотиками и алкоголем". Считается, что "низший подкласс" составляет около трети черных бедняков³.

Радикальные сдвиги в социальной структуре афроамериканской общины во второй половине XX в. сделали более подвижными границы между классами в ней, а также между разными слоями в самом черном рабочем классе. Реальности современной НТР отчетливо показывают, что в то время как одна часть темнокожих рабочих поднимается вверх по экономической лестнице, экономическое и социальное положение другой части черного рабочего класса ухудшается. Это обусловлено влиянием многих факторов, в том числе ростом связанной с широкой комплексной автоматизацией производства технологической безработицы, больно ударившей по наименее квалифицированным слоям рабочих, а также резким увеличением среди них удельного веса черных семей, возглавляемых женщинами без мужей, квалификации, постоянной работы. Поэтому часть высококвалифицированных и высокооплачиваемых "синих" (рабочих и техников) и "белых воротничков" (конторских и торговых служащих, работников связи, здравоохранения) по меркам статистики доходов входит в состав "черного среднего класса". В то же время какая-то наименее квалифицированная и пораженная хронической безработицей и нищетой часть рабочих-афроамериканцев оказывается в составе "нижнего подкласса".

Таким образом, одним из важных последствий НТР явилось ускорение социального расслоения среди афроамериканцев. Так, темпы роста с 1970 по 1986 г. доли афроамериканцев с доходом более 50 тыс. долл. в год были почти такими же, как и темпы роста доли афроамериканцев с доходом менее 5 тыс. долл. в год⁴. Многие исследователи приходят к выводу, что социальное расслоение привело к углублению политической разобщенности в черной общине и все более влияет на политические взгляды и поведение темнокожих американцев.

Выросший "новый черный средний класс" добился в 70–80-х годах впечатляющих успехов и в борьбе за расширение своего политического влияния. За эти годы количество афроамериканцев на выборных должностях всех уровней выросло в пять раз, перевалив за 7,2 тыс. и включая более 300 мэров городов (в том числе крупных), 417 членов законодательных собраний штатов, 20 конгрессменов. На выборах 1992 г. впервые черная женщина – жительница Чикаго Кэррол Брон стала членом сената, а число черных в палате представителей достигло 39. Четыре афроамериканца входили в состав первой администрации президента Б. Клинтона.

Еще до гражданской войны в городах США проживали свободные негры. После ликвидации рабства их количество стало заметно возрастать, причем в старых южных городах их жилища были разбросаны в разных местах, так как большинство негров нанималось в услужение к белым и жило на задворках кварталов, поблизости от тех домов, где они работали. Что же касается городов Севера, то здесь на прстяжении многих поколений расселение происходило по расовому признаку. Часть кварталов занимало белое население, другие, обычно худшие, – негры. Как правило, это делалось на основе муниципальных постановлений, которые в ряде случаев опирались на законы штатов. Однако в 1915–1917 гг. Верховный суд США признал такого рода местные законы противоречащими конституции, и тогда на смену законам о расовой

² New York Times, 1.III.1988.

³ U.S. News and World Report, 10.III.1986, p. 18, 20.

⁴ New York Times, 2.II.1988.

сегрегации пришли так называемые "ограничительные соглашения", заключавшиеся между домовладельцами и маклерами по продаже недвижимости. Участники их взаимно обязывались не продавать и не сдавать в наем дома и квартиры в кварталах, где проживают белые, неграм или лицам с примесью негритянской крови.

Так постепенно – сначала с помощью законов о раздельном расселении по расовому признаку, а затем с помощью "ограничительных соглашений" – сотни тысяч и миллионы негров были загнаны в специально отведенные для них кварталы, вскоре превратившиеся в районы нищеты и безработицы. К началу второй мировой войны негритянские гетто оказались почти обязательной принадлежностью каждого большого американского города. В Нью-Йорке таким гетто стал Гарлем, в Чикаго – Саутсайд, в Детройте – Брюстер, в Кливленде – Хаф. Только в 1948 г. Верховный суд США под давлением негритянского движения вынес решение о том, что суды больше не могут принудительно осуществлять ограничительные соглашения и заставлять ответчика выполнять условия этих соглашений в случае иска.

Между тем уже с начала XX в. быстрый рост городского населения и крупных индустриальных центров привел к образованию в США больших сгустков городов – своего рода урбанизированных районов. Обычно "ядром" такого района является крупный "центральный город", или "метрополитенский центр", окруженный десятками тесно связанных с ним и тяготеющих к нему в экономическом и культурном отношении небольших городов-спутников. В связи с тем, что статистические данные, относящиеся к территории крупных городов в их официальных границах, не давали истинного представления об их действительном размере и характере, Бюро цензов США в начале XX в. ввело понятие "метрополитенский ареал", охватывающее крупный город вместе с его спутниками. Быстрый рост количества таких урбанизированных районов нашел отражение в принятой с 1950 г. американской статистической схеме "стандартных метрополитенских статистических ареалов", или СМСА. Каждый СМСА имеет не менее 100 тыс. жителей, в том числе не менее 50 тыс. в центральном городе. С 1900 по 1950 г. население СМСА выросло в 3,5 раза, тогда как население всей страны – вдвое. В 1950 г. в них проживало 56,1% всех американцев и было сконцентрировано почти 3/4 всего промышленного производства страны. Это свидетельствует о том, что урбанизированные районы превратились к середине XX в. в основную форму размещения промышленного производства и населения США.

Научно-техническая революция вследствие структурной перестройки экономики привела к изменению функций крупных городов. Из центров производства и распределения материальных ресурсов и товаров они постепенно превращались в центры управления, обмена информацией и предоставления услуг высшего качества. На смену "индустрии дымовых труб" приходили новые, наукоемкие отрасли производства и отрасли по созданию высокотехнических потребительских товаров. Но и они постепенно перемещались в пригородные зоны, а их место в центральных городах занимали отрасли, обслуживающие сферу социального управления, бизнес, финансы, средства информации, "индустрию развлечений". Иначе говоря, внутри урбанизированных районов происходила концентрация производства и населения в хинтерландах – пригородах и городах-спутниках за счет его оттока из центрального города. Причем с каждым последующим десятилетием этот процесс "субурбанизации" ("suburbanization" от слова "Suburb" – пригород) принимал все более ярко выраженный характер.

К причинам, вызвавшим перемещение населения из центральных городов в их хинтерланды, помимо роста в пригородах количества промышленных предприятий, следует отнести большую разницу в цене земельных участков в центре города и в еще не заселенных окрестностях, высокие налоги, загрязненность атмосферы большого города отходами промышленного производства и выхлопными газами сотен тысяч автомашин, шум, растущую скученность, трудности передвижения. Фактором, значительно ускорившим развитие пригородов и городов-спутников, несомненно, явилось широкое распространение автомобилей и густая сеть хороших дорог. Однако свою роль в этом процессе играла и политика расовой дискриминации в жилищном

вопросе. Дело даже не в том, что малообеспеченные слои населения значительно слабее участвовали в переселении в пригороды, так как им была недоступна покупка земельных участков, а при отсутствии своих автомобилей и характерном для многих американских городов недостаточном развитии общественного транспорта сложна и проблема ежедневной поездки на работу. Афроамериканцев туда старались вообще не пускать, и из-за нежелания домовладельцев-белых иметь в качестве соседей черных последние почти не участвовали в переселении в пригороды. По подсчетам социолога А. Миндлина, за десятилетие с 1950 по 1960 г. в 25 метрополитенских районах белое население пригородов увеличилось на 2833 тыс. семей, а небелое – только на 112 тыс. семей⁵.

"Отлив" из центральных городов белого населения (преимущественно из средних слоев) сопровождался притоком туда черных из южных штатов. Представление о расовой дискриминации в жилищном вопросе дает материал по 12 крупнейшим СМСА Севера и Запада, ибо именно сюда, а вернее в трущобы их центральных городов, шел основной поток темнокожих мигрантов с Юга. Это – Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Чикаго, Филадельфия, Детройт, Балтимор, Кливленд, Сент-Луис, Вашингтон, Бостон, Сан-Франциско, Питтсбург. На долю их 12 метрополитенских районов в начале 60-х годов приходилась почти треть всего темнокожего населения США и 60% черных, живших вне южных штатов. Рост белого населения в этих крупнейших СМСА происходил в основном в пригородной зоне, тогда как в центральных городах наблюдалось значительное его уменьшение. В то же время в центральных городах наблюдался значительный рост небелого населения. В абсолютных цифрах упомянутые 12 городов с 1950 по 1960 г. потеряли свыше 2 млн. белых жителей и приобрели 1,8 млн. небелых. По мере того как белые американцы, которые могли себе это позволить, бежали подальше от трущобных скоплений и переселялись в пригороды, черные занимали оставленные ими дома и квартиры. Одновременно шла массовая миграция в крупные городские центры пуэрториканцев, мексиканцев и выходцев из стран Азии.

В силу издавна практикуемой в США фактической жилищной сегрегации по "цвету кожи" испаноязычные мигранты вынуждены были селиться в сложившихся ранее городских этнических анклавах, а афроамериканцы – в и без того уже переуплотненных черных гетто. В обстановке считающегося ныне в США "неприличным" и скрываемого, но все еще широко распространенного бытового расизма такая нарастающая с каждым десятилетием концентрация неимущего темнокожего населения в крупных городах создала хроническую, чреватую взрывами насилия расовую напряженность. А происходившие в 70–80-х годах, после принятия законодательства о гражданских правах, социальное расслоение в самой афроамериканской общине и люмпенизация оставшихся в черных гетто слоев еще более обостряют ситуацию, получившую в США название "кризиса городов".

Сложному комплексу факторов, породивших этот кризис, посвящено в США множество работ. Не обошли его вниманием и наши отечественные исследователи. Однако расовый аспект "кризиса городов", нашедший отражение в американской научной литературе⁶, в российской историографии достаточно полного освещения не получил. Предлагаемая статья – попытка на конкретном примере Чикаго, прославившего

⁵ *Нумбург Э.Л.* Субурбанизация и негритянские гетто в США. – Советская этнография, 1968, № 5.

⁶ *Taeuber K.E., Taeuber A.F.* Negroes in Cities-Residential Segregation and Neighborhood Change. New York, 1969; *North American Suburbs: Politics, Diversity and Change.* Ed. by J. Kramer. Berkeley, 1972; *Schnorre L.F.* Class and Race in Cities and Suburbs. Chicago, 1972; *Schnall D.J.* Ethnicity and Suburban Local Politics. New York, 1975; *Newman L. et al.* Protest, Politics and Prosperity: Black Americans and White Institutions. 1940–1975. New York, 1978; *Marable M.* How Capitalism Underdeveloped Black America. Boston, 1983; *Blackwell J.* The Black Community: Diversity and Unity. New York, 1985; *Anderson A.B., Pickering G.W.* Confronting the Color Line. Athens, 1986; *Leman N.* The Origins of the Underclass. – Atlantic, 1986, v. 257, № 6; v. 258; № 1; *Landry B.* The New Middle Class. Berkeley, 1987; *Farley R., Allen W.* The Color Line and Quality of Life in America. New York, 1987; *Walters R.W.* Black Presidential Politics in America: A Strategic Approach. Albany, New York, 1988; *The Impact of Net Migration on Neighbourhood Racial Composition.* – Urban Studies, 1990, v. 27, № 5, etc.

некогда "негролюбивым" городом, а ныне одного из крупнейших мегаполисов Америки, показать механизм становления и эволюции "цветного барьера" и его роль на современном этапе межрасовых отношений в США.

Статус города поселок в штате Иллинойс, у впадения р. Чикаго в озеро Мичиган, получил в 1837 г., когда в нем было около 4,2 тыс. жителей, а спустя всего 23 года, в 1860 г., их было уже 109 тыс. К этому времени Чикаго стал крупным зерновым и мясным рынком, здесь возникли бойни, консервные фабрики, первые заводы – сельскохозяйственных машин, вагоностроительный и др. И с самого начала почти половину быстро растущего населения города составляли иммигранты – ирландцы, немцы, шведы, норвежцы, датчане, а в последней четверти XIX – начале XX в. итальянцы, поляки, чехи, греки, евреи, литовцы, украинцы. На южных окраинах и в пригородах Чикаго возникли крупные металлургические и машиностроительные комплексы. В 1900 г. население города превысило 1,7 млн., а в 1920 г. – 2,7 млн. человек, причем около 3/4 составляли иммигранты и их дети⁷.

В XIX в. местом первоначального размещения всех новоселов в городе служил расположенный в центре восточной, примыкающей к оз. Мичиган части города район Луп. Но со временем члены каждой этнической группы переселялись оттуда в другие районы города. При этом переселение на юг – в Саутсайд с самого начала определялось тем, что там находились бойни и консервные заводы. Позже появились поселения еще южнее, где возникли крупнейшие индустриальные комплексы. Новые этнические группы заняли там "свои" этнические кварталы. Те же среди староселов, кто сумел повысить свой социально-экономический статус, уходили оттуда на север, запад, юго-запад города, в районы с более высоким качеством жилья. Кварталы, занятые первоначально поселенцами "старой" иммиграции, постепенно наводнились представителями "новой", а на смену последним приходили во второй половине XX в. афроамериканцы, мексиканцы, пуэрториканцы. До тех пор пока друг друга сменяли не очень различавшиеся по социальному статусу группы белых жителей разной национальности, трения между ними были незначительными. Но когда группа с более низким доходом, да еще и иного расового происхождения сменяла группу с более высоким доходом, этот район, или анклав, рассматривался как нестабильный и приходящий в упадок. Смена населения в таком случае становилась особенно быстрой и сопровождалась конфликтами.

Как и в других урбанизированных метрополитенских районах, для чикагского СМСА был характерен рост центробежной тенденции в размещении промышленности и населения. В частности, во второй половине XX в. количество обитателей "центрального" города, несмотря на постоянный приток в него десятков и сотен тысяч черных мигрантов с Юга, неуклонно снижалось, ибо большая часть прироста населения, обретенного "центральным" городом, тут же поглощалась городами-спутниками. Так, с 3621 тыс. жителей в 1950 г. население Чикаго сократилось до 2784 тыс. в 1990 г. Особенно быстро сокращалась доля белого населения, упав к 1990 г. до 37%. Это было связано с притоком в Чикаго афроамериканцев, "латинос" и выходцев из стран Азии – китайцев, корейцев, японцев, арабов и др. В то же время в пригородной зоне население в 1950–1990 гг. выросло с 1,9 млн. до 5,3 млн. человек⁸.

В штате Иллинойс рабства никогда не было, но после принятия в 1850 г. закона о выдаче беглых рабов на Юг для возвращения их хозяевам свобода беглецов и на Севере оказалась под угрозой. С целью помочь им противники рабства – аболиционисты – создали знаменитую "подземную железную дорогу" – тайную организацию, в нарушение закона переправлявшую бежавших рабов в Канаду. "Дорога" имела десятки маршрутов от границ южных штатов на Север. Ее "поезда" (группы беглых рабов)

⁷ Furer H.B. Chicago. A Chronological and Documentary. History. 1784–1970. Chicago, 1971, p. 1–3, 14, 15, 21, 24, 26, 42; Philpott T.L. The Slum and Chetto. Neighborhood Deterioration and Middle Class Reform. Chicago 1880–1930. New York, 1978, p. 11.

⁸ Kleppner P. Chicago Divided. The Making of a Black Mayor. De Kalb, 1985, p. 17, 34; Journal of Urban Economy, 1979, № 6, p. 352–370; SA – 1991, p. 29, 30, 34.

с их "кондукторами" (руководителями такой группы) передвигались ночами, "станция-ми" были тайные убежища, где они останавливались на пути днем. Чикаго был северным конечным пунктом этой дороги к свободе, а большинство чикагцев поддерживало аболиционистов. За это Чикаго и прозвали тогда "негролюбивым городом". Именно здесь Авраам Линкольн в 1860 г. был выдвинут кандидатом в президенты США. В годы гражданской войны Иллинойс стал одним из оплотов союза штатов Севера. В 1865 г. в Чикаго отменили сегрегацию школ, в 1870 г. черные получили в штате гражданские права, в 1872 г. в Чикаго был назначен первый негр – полицейский офицер, а в 1876 г. первый черный юрист из Чикаго был избран в палату представителей законодательного собрания Иллинойса.

К 1900 г. негритянская община в Чикаго выросла до 30 тыс. человек, и она оформилась в развитую социальную структуру со своими религиозными и некоторыми гражданскими институтами. С самого основания города черные селились чаще всего в Саутсайде. Но и в нем черные тогда все еще были расселены вперемежку с белыми иммигрантами и их потомками. Кроме этого имелись небольшие черные кварталы в других частях города.

В большинстве своем черные жители Чикаго работали в качестве домашней и личной obsługi, хотя среди них имелись подсобные рабочие, ремесленники, мелкие торговцы и предприниматели. Руководство негритянской общиной возглавила небольшая прослойка специалистов, в основном мулатов, сумевших получить образование.

В отличие от южных штатов, где с конца XIX в. надолго утвердилась жесткая система расовой дискриминации и сегрегации американских негров, в Чикаго институциональные устои расизма были ликвидированы. И, казалось бы, черные тут с самого начала имели условия, наиболее оптимальные для ассимиляции. Кроме того, в отличие от ирландцев и немцев, поляков, итальянцев, евреев, доля черных, в течение 70 лет не превышавшая 1–1,8% населения, не угрожала нарушением этнического баланса в городе. В 1900 г. иммигранты из Европы уже составляли в нем большинство жителей, и более 400 тыс. из них принадлежали к "новой" иммиграции. Урожденным американцам и "старым" иммигрантам эти новые пришельцы казались совершенно чужими. В отличие от них черные не были ни иной веры, ни с иным языком. Они были сынами Америки другого цвета кожи. Но именно это обстоятельство перечеркнуло преимущества, которые могли бы дать черным их более раннее поселение в городе, умеренное количество и местное рождение, общие язык и религия. В сфере найма их допускали только к "негритянской работе". Чикаго их не изгонял, но держал "на своем месте". Тем не менее в XIX в. черные в Чикаго еще не были ограничены территориально, жили в расово-смешанных кварталах, имели постоянные контакты с белыми.

Но если в 80–90-х годах XIX в. в результате наплыва "новых" иммигрантов предприниматели предпочитали нанимать белых, считая их более эффективной рабочей силой, чем негры, то с начала XX в. крупные компании стали использовать черных в качестве штрейкбрехеров в борьбе против бастовавших белых рабочих, что для многих негров оказалось единственным шансом проникнуть в среду промышленных рабочих. Эти перемены, несомненно, сказались на дальнейшем росте миграции негров в Чикаго. С 1900 до 1915 г. черное население города выросло более чем в 1,5 раза. А поскольку темпы его прироста оказались на 50% выше, чем белого, проблема жилья, так же как и проблема конкуренции за рабочее место в городе, приобрела новое звучание, вызывая нарастающую враждебность со стороны белого, особенно иммигрантского, населения к неграм. Хотя и накануне первой мировой войны черные анклав еще отнюдь не были чисто негритянскими, концентрация черных в Саутсайде продолжала расти. К 1913 г. главы более 9/10 проживавших там семей были черными⁹.

Физическое отделение местных негров было отражением нарастающих среди белых

⁹ Spear A.H. Black Chicago. The Making of a Negro Ghetto, 1890–1920. Chicago, 1967, p. 11, 13–14, 16, 29, 38–39; Weaver R. The Negro Ghetto. New York, 1948, p. 11.

чикагцев расовых предрассудков и расистских настроений под влиянием развернутой в начале XX в. по всей стране пропаганды расизма в прессе, кино, литературе. В такой обстановке характер расселения черных и концентрация их в гетто все чаще определялись враждебностью белых. Ограниченные в выборе жилья, черные вынуждены были платить более высокую ренту за худшее жилье. Но главной проблемой стало даже не существование трущоб, а трудность ухода из них. Для европейских иммигрантов достаточно было стать более состоятельными, чтобы переселиться в более благоустроенный район и квартал. Попытки же состоятельных черных найти жилье в преимущественно белых районах города встречались с открытым сопротивлением их жителей.

Враждебность белых чикагцев и рост населения постепенно привели к образованию в Саутсайде пространственного гетто. В свою очередь вынужденной реакцией на это стали создание в нем комплекса собственных социальных институтов и превращение его в институционное гетто. Если после гражданской войны, в последней трети XIX в., черные в Чикаго боролись за интеграцию школьной системы, за право голоса и расширение других гражданских прав, то теперь ситуация изменилась. В обстановке растущей фактической дискриминации и жилищной сегрегации сторонники интеграции теряли позиции среди черных. В то же время усилились позиции сторонников полуавтономного развития черной общины на основе принципа самопомощи и создания своих сегрегированных социальных институтов. Эти перемены отражали социальную дифференциацию в черной общине, и появление в ней классовых различий. Сложившийся в Чикаго в XIX в. черный средний класс был невелик, а его бизнес зависел от патронажа белых и действовал главным образом в сфере обслуживания белой клиентуры, а также в тех сферах, где не было соответствующих белых заведений.

Однако в 1900–1915 гг. на смену представителям этого класса пришли новые люди – бизнесмены и связанные с бизнесом специалисты и профессиональные политики из Саутсайда, не имевшие в отличие от старой, мулатской в основном элиты тесных связей с белыми коллегами и высшего образования, а в экономическом и социальном плане – плоть от плоти "дети" черного пояса. Будучи прагматиками и отказавшись от надежд на скорую интеграцию в "большое белое общество", они создавали свой бизнес, свои социальные институты и свою политическую машину. Ядром этого нового руководства стали бизнесмены, издатели негритянских газет, представители негритянского страхового и спортивного бизнеса. Расцвел в черном поясе подпольный игорный бизнес. Возник комплекс институтов, призванных сделать черный пояс Саутсайда не только районом проживания негров, а своего рода городом в городе. Массовая миграция черных в Чикаго в 1915–1920 гг. еще более усилила эти тенденции.

Сложилась группа негритянских профессиональных деятелей, господствовавших в политической жизни черного Чикаго до 1930-х годов. Именно они основали фундамент политической машины, опиравшейся на растущую мощь черного электората и сумевшей добиться в 1914 г. избрания двух черных в сенат штата Иллинойс¹⁰.

В годы первой мировой войны европейская иммиграция в США почти прекратилась, а промышленность, выполнявшей военные заказы, требовались все новые и новые рабочие руки. В результате с 1910 по 1920 г. количество черных в Чикаго выросло почти в 2,5 раза (белых лишь на 21%), достигнув 109,5 тыс. Подавляющее большинство новых мигрантов прибыли из сельских районов Юга. Война ускорила становление в Чикаго черного промышленного рабочего класса. Доля его в промышленности города выросла с 3,9% в 1914 г. до 20% в 1920 г.¹¹ В отличие от черных, прибывавших до войны в чикагский черный пояс в основном из городков пограничных с Югом штатов, людей обычно более подготовленных, привыкших к культурным нормам поведения в городской общине, сельским мигрантам адаптироваться в Чикаго было намного труднее.

¹⁰ Gosnell H.F. Negro Politicians. Ann Arbor, 1962, p. 169, 302.

¹¹ Travis D. An Autobiography of Black Chicago. Chicago, 1981, p. 8–9, 10–11.

"Большое переселение", как называли тогда эту миграцию с Юга, резко обострило жилищную проблему в городе. Но в то же время создало обширный рынок для негритянского бизнеса, способствовало росту черной буржуазии и интеллигенции. Рос новый черный средний класс. Политикам "большое переселение" принесло значительно выросший корпус черных избирателей. Однако в то время как руководство черной общины в основу своей стратегии положило принцип приспособления, сотрудничества с властями и самопомощи, среди части обитателей черного пояса нарастали этноцентристские настроения, выливающиеся в движение протеста против фактической дискриминации и политики приспособленчества. В частности, значительное влияние на обитателей черного пояса оказало в конце войны и в первые послевоенные годы националистическое движение "Назад в Африку!", руководимое М. Гарви. В 1919 г. он и сам приезжал в Чикаго. В начале 20-х годов здесь насчитывалось от 4 до 9 тыс. сторонников этого движения.

Приток десятков тысяч черных переселенцев с Юга привел к крайней переуплотненности в черном поясе, однако зажиточные черные теперь не желали жить среди соседей, уровень и стиль жизни которых не соответствовал их собственному. Недовольство черного среднего класса и негрофобия белых породили практику "взламывания" границы белого квартала, когда маклер (обычно через черного агента) устраивал жить там черную семью, стремившуюся вырваться из тупиц и готовую уплатить за это гораздо более высокую цену, чем платят белые жильцы. В результате белые спешили покинуть этот квартал и его заселяли черные. Когда в годы войны черный пояс стал таким путем расширяться к востоку, то средний класс белых, обитавший там, восприняв эту экспансию как несправедливый, но неизбежный процесс, избрал тактику постепенного отступления и создания новых границ, чтобы путем передвижки цветного барьера предотвратить продвижение и расселение черных в белых кварталах. Одновременно оказывалось давление на белых маклеров с требованием не продавать и не сдавать в аренду недвижимость черным.

В 1917 г. враждебность белых, особенно поляков, ирландцев, а также семей старого среднего класса, живших по соседству с черным поясом и считавших, что им угрожают черные, становилась все более открытой. Бурный приток необразованных и малокультурных сельских черных мигрантов, нередко раздражавших белых горожан своим поведением в общественных местах, лишь усиливал расовые предрассудки. Из случайных стычек довоенных лет эта враждебность начала перерастать в подлинную войну с угрозами, прямым насилием, самодельными бомбами. Расовые конфликты и стычки на улицах, в транспорте и на работе стали повседневным явлением.

27 июля 1919 г. группа белых подростков забросала камнями черного подростка, купавшегося в озере Мичиган и нарушившего воображаемую границу, разделявшую в воде "белый" и "черный" пляжи, и он утонул. Белый полисмен, к которому, указав на убийцу, обратился за помощью черный очевидец, арестовал его самого. Это вызвало возмущение других черных действиями полицейского, а собравшаяся толпа белых напала на черных. Так начался один из крупнейших расовых бунтов в США той эпохи, длившийся почти неделю. Белые толпы останавливали и опрокидывали трамваи и автобусы, выгоняя из них черных и избивая их. Банды белых совершали ночные рейды в черные кварталы, поджигая дома и стреляя в жителей, убивали черных, возвращавшихся из-за забастовки водителей пешком с работы через белые кварталы. Поскольку полиция чаще выступала на стороне белых погромщиков, черные, среди которых было немало сторонников движения М. Гарви, также отвечали огнем. "Долг каждого, – заявил один из них, – обеспечить себя оружием и боеприпасами. Сам я имею по крайней мере одно ружье и достаточно боеприпасов, чтобы оно оказалось полезным". В горячке боев погибло несколько светлокожих мулатов, принятых за белых, и в связи с этим на одной из улиц черного пояса появился человек с надписью на груди: "Не стреляйте в меня. Я – негр!" Только прибытие трех полков милиции, посланных губернатором штата, позволило остановить открытую войну и навести порядок. 38 человек, в том числе 23 черных, были убиты, 537 (342 черных) ранены,

более 500 арестованы. Город охватили пожары, более тысячи черных семей лишились своих жилищ.

Расовый бунт 1919 г. привел к некоторым переменам. Комиссия по расовым отношениям, созданная мэром, рекомендовала, однако, для их улучшения не ликвидацию цветного барьера и создание открытого для черных рынка жилья, а всего лишь "улучшение негритянских жилищ". В 1920 г. политика защиты белых кварталов была дополнена "ограничительными соглашениями" владельцев недвижимости с маклерами по ее купле-продаже, запрещавшими продажу, сдачу в аренду и дарение недвижимости в белом квартале черным¹².

К 1920 г. черные стали уже особой группой в социальной структуре Чикаго и их нельзя было классифицировать как просто "одну из многих этнических групп" в городе. Их вынуждали определять свою судьбу в условиях все в большей степени двухрасового общества. Основной район проживания черных сформировался уже к 1915 г. Миграция их в последующие пять-шесть лет и расовый бунт 1919 г. лишь усилили как внешние, так и внутренние факторы, приведшие к его полному оформлению в черное гетто. Враждебность белых, изолировавшая черных в пространстве, обусловила стремление последних создать и укрепить экономические и гражданские институты, действующие в интересах своей общины, т.е. объективно способствовала созданию институционального гетто. Это же стремление позволило черным обрести не только своих лидеров в бизнесе, политике, гражданской жизни, журналистике, но и новое чувство гордости. Однако оно же способствовало и появлению в черной общине слоя, желающего в соответствии со своими интересами скорее сепаратного развития, чем интеграции и ассимиляции, слоя, связывающего разрушение гетто только с негативными для себя последствиями.

Сокращение в 1919–1921 гг. военного производства в условиях, когда вернувшиеся домой солдаты потребовали свои старые, часто – лучшие рабочие места, а белые рабочие выступали против не организованных в профсоюзы черных, обернулось для последних либо увольнением, либо работой за более низкую зарплату. Правда, тогда же, воспользовавшись стачкой белых рабочих боен и заменив их в качестве штрейкбрехеров, черные прочно закрепились там. Но это еще больше обострило враждебность к ним.

В последовавшие за послевоенным экономическим кризисом годы, получившие название эпохи процветания – просперити, расовые конфликты и безработица ослабили и негритянскую проблему с первого места в сознании белых чикагцев вытеснили гангстеры во главе с Аль Капоне и лихорадочное стремление успеть "сделать деньги". Эти годы были самым процветающим временем и для черной общины Чикаго. Ее продолжали пополнять десятки тысяч новых мигрантов с сельского Юга, непрерывно расширяя рынок, на котором выросли и утвердились черные буржуазия и слой специалистов. Для них это были "жирные годы". Те из них, кто сумел заработать побольше, старались приобрести или снять жилье за пределами черного пояса, за ними стремились переселиться из трущоб в более приличные кварталы и те, у кого денег было меньше. Однако в годы просперити для защиты от "нежелательных соседей" белые стали все шире использовать "ограничительные соглашения". В отличие от бомб, поджогов и камней они считались законным, респектабельным и, по мнению их творцов, более эффективным средством поддержания цветного барьера.

К 1930 г. темнокожее население Чикаго более чем удвоилось, достигнув почти 234 тыс. человек и составив 6,9% всего населения города. Перепись и документы переписных участков в Чикаго неопровержимо подтвердили существование в Саутсайд-е перманентного и жестко сегрегированного черного гетто. Если в 1920 г. там еще не было ни одного переписного участка, где доля черных жителей достигала 90%, то в 1930 г. в таких участках в результате политики поквартальной сегрегации жили около

¹² Джонс К. и др. Черные рабы. М.–Л., 1926, с. 13. The Negro in Chicago. Chicago, 1923, p. 69–181, 640–651.

2/3 черных, а 19% черных чикагцев жили на территории исключительно (97,5%) черных переписных участков. В целом афроамериканцы составляли 81,5% всего населения черного пояса Саутсайда. Выросла и черная колония в Уэстсайте, где доля черных увеличилась с 45% до 100%¹³.

Геттоизация черных, преследовавшая их изоляцию от белых горожан, объективно вела к расовой сегрегации не только в жилищной сфере, но и в общественной жизни, быту, к росту расовых предрассудков и расистских стереотипов. Среди белых чикагцев широко распространились лежавшие глубоко в сознании представления о необходимости изоляции черных от белых. С 1922 г. чикагский Совет по образованию стал проводить твердую политику кварталных школ – отдельных для белых и для черных детей, связавшую школы и жилье в процессе межрасовых отношений. В городе существовало немало отелей, ресторанов, магазинов, где не стремились обслуживать черных, а также таких мест, где их прогулки были нежелательны. И хотя в Чикаго имелись темнокожие полисмены, врачи, учителя, адвокаты, олдермены (члены городского муниципалитета), члены палаты представителей, а темнокожие дети посещали городские школы и колледжи, на административную или высококвалифицированную работу в промышленности черным, как правило, рассчитывать не приходилось¹⁴.

Концентрация и изоляция сотен тысяч афроамериканцев в гетто неизбежно стимулировала этнорасовую сплоченность и этноцентристские тенденции в их самосознании. Но если одни из темнокожих чикагцев, в основном представители среднего класса, лелеяли мечту о "черном метрополисе" – независимой от белого человека, замкнутой и самоуправляемой черной общине, то недавние мигранты и некоторые "старожилы" приходили к убеждению, что решение их проблем следует искать на стороне, и ожидали лидера, который указал бы им путь к освобождению от несправедливостей жизни. В этих условиях националистического характера движение "Назад в Африку", руководимое М. Гарви, привлекло к нему тысячи сторонников. Но если это движение уже к середине 20-х годов сошло на нет, то другие националистические организации, секты, культы и группы черных в США существовали и существуют до сих пор. В Чикаго наиболее крупной из них в 20-х годах было местное отделение секты "Храм мавританской науки", основанной в 1913 г. Ноблем Дрю Али, учившим своих последователей, что они не "негры", а "мавры" и мусульмане – потомки древней мавританской империи, а в 1934–1975 гг. здесь находилась штаб-квартира "Нации ислама" во главе с "посланцем Аллаха" И. Мухаммедом¹⁵.

В годы просперити черный средний класс Чикаго переживал эйфорию, в нем преобладал дух оптимизма. Мечта о черном метрополисе становилась явью. На 8 кв. милях земли в Саутсайте сформировался новый цветной барьер, к которому адаптировались основные созданные там институты. Политики оформившегося здесь институционального гетто приспособились к системе черных окружных политических организаций республиканской партийной машины Чикаго. Черные бизнесмены, политики и специалисты-профессионалы считали свою судьбу тесно связанной с ростом и процветанием этого "города в городе". В 1928 г. черные чикагцы провели своего кандидата О. де Приста в федеральный конгресс – он стал первым избранным в XX в. темнокожим конгрессменом. В городском совете заседали уже четыре черных олдермена. В 1930–1932 гг. 2785 черных чикагцев состояли на гражданской службе.

Однако блага просперити перепали далеко не всем, ибо бизнесмены и средний класс к 1930 г. составляли лишь 11,4% черного населения Чикаго. Мировой экономический кризис 1929–1933 гг. развеял порожденный годами просперити миф о "вечном процветании Америки". Уже в 1930 г. безработица охватила в США 4 млн. человек. В Чикаго уровень ее в 1931 г. среди черных мужчин превысил 40%, а среди женщин – 35%.

¹³ *Duncan O.D., Duncan B. The Negro Population of Chicago. Chicago, 1957, p. 25, 39, 300, 302.*

¹⁴ *Anderson A.B., Pickering G.W. Op. cit, p. 48–49.*

¹⁵ *Bontemps A., Conroy J. Any Place but Here. New York, 1966, p. 204–205; Essien-Udom E.U. Black Nationalism. Chicago, 1963, p. 46–48. См. также: Нумобург ЭЛ. Церковь афроамериканцев в США. М., 1995, с. 171–173, 183–189.*

Кризис, намного сокративший объем промышленного производства, последующая депрессия и начавшийся в 1937 г. новый экономический кризис, вызвали в США катастрофическую безработицу и на время затормозили дальнейшее переселение афроамериканцев с Юга на Север. В то же время после прихода к власти администрации Ф. Рузвельта и принятия федерального закона о жилье в конце 30-х годов началась реализация программы расчистки трущоб и сноса жилищ с целью строительства на их месте крупных муниципальных жилых массивов для бедняков. Но при этом как Корпорация домовладельцев, так и Федеральная жилищная администрация (ФЖА), финансировавшие жилищное строительство, по-прежнему исходили из сегрегационистских принципов. Жилые массивы, возводившиеся Чикагской администрацией общественных работ, для белых жителей строились в белых районах, а для афроамериканцев – в черных. Иначе говоря, положение бедноты в черных кварталах с жильем с помощью долларов налогоплательщиков и федерального правительства старались улучшить, но ограничительные соглашения и гетто – сохранить. Та же политика проводилась и в школьной сфере.

30-е годы были временем дальнейшего институционального развития черного гетто в Саутсайде и становления там своей политической машины. Американский историк и политолог Г. Госснел тогда писал: "Негры в Чикаго достигли в политике сравнительно большего, чем в других городах. Они были более агрессивны в политической борьбе, чем негры в Нью-Йорке, более опытные, чем негры в Детройте, более предприимчивы, чем негры в Цинциннати, и более сплоченны, чем негры в Сент-Луисе"¹⁶. В палате представителей федерального конгресса О. де Приста сменил черный чикагский демократ, адвокат А.У. Митчел, переизбранный затем на второй срок (1934–1942 гг.). Афроамериканцы получили ряд новых постов в разных органах муниципальной власти.

В 1940 г. темнокожее население чикагского СМСА достигло 329,7 тыс. человек, в том числе 277,7 тыс. в самом городе (8,2% его жителей) и 52 тыс. в пригородной зоне. И уже к этому времени оно считалось самой сегрегированной черной общиной на Севере. 3/4 афроамериканцев здесь жили в районах, где доля их приближалась к 90%, в том числе почти 1/2 – в районах, где она превышала 98%. По подсчетам С. Дрэйк и О. Кейтона, использовавших в качестве критерия комбинацию образовательного уровня, доходов и профессии, к этому времени 5% семей афроамериканцев в Чикаго принадлежали к высшему классу черной общины, 30% – к ее среднему классу и 65% – к низшему¹⁷.

Вскоре после вступления США во вторую мировую войну военное производство выросло, многие белые рабочие ушли в армию, и это не только помогло черным чикагцам получить работу в оборонной промышленности, но привело даже к нехватке в Чикаго рабочих рук. В результате новая волна черных мигрантов с Юга только за время с 1941 по 1945 г. превысила 60 тыс. человек, а нехватка жилья резко обострила жилищный кризис в городе. Уже в 1943 г. конфликты из-за жизненного пространства снова стали источником расовой напряженности и потенциального насилия. Они включали борьбу и соперничество не только за жилье, но также за школы, места отдыха и осложнялись тем обстоятельством, что черные низшего социально-экономического статуса часто оказывались конкурентами за район проживания с белыми среднего класса. Расовые предрассудки в таких случаях усугублялись классовым антагонизмом, и классовые чувства нередко выражались в расовых терминах. В связи с этим при мэре города был создан Комитет по расовым отношениям, впервые официально признавший наличие цветного барьера и призванный ради сохранения "межрасового мира в интересах всех" не допустить в Чикаго повторения событий июля – августа 1919 г.

К концу войны безработица среди афроамериканцев в Чикаго снизилась до мини-

¹⁶ Gosnell H.F. Op. cit., p. 11, 110.

¹⁷ Drake S.C., Cayton H. Black Metropolis. New York, 1945, p. 174, 184–187, 522, 525, 577–578.

мума, а материальный уровень жизни большинства их в городе и экономическая активность в черном метрополисе заметно возросли. Однако уже в 1946 г., с началом конверсии в военной промышленности, положение темнокожих чикагцев изменилось. После войны многие промышленные компании стали размещать свои штаб-квартиры, фабрики и заводы в пригородной зоне. Это повлекло за собой передвижку туда из Чикаго части рабочей силы, и после 1950 г. численность его жителей постепенно сокращалась, составив к 1990 г. 2784 тыс. В то же время число афроамериканцев в Чикаго в результате продолжавшегося переселения их туда с Юга и некоторых других районов США выросло с 0,5 млн. в 1950 г. до 1,2 млн. в 1980 г., а доля их в населении города – соответственно с 13,6% до 39,8%. С 1940 по 1970 г. из южных штатов на Север и Запад выехало более 4,2 млн. афроамериканцев, в том числе 0,6–0,7 млн. – в Чикаго¹⁸.

Приток в 40-х годах в Чикаго сотен тысяч черных мигрантов, а также вернувшихся ветеранов войны привел к тому, что город задыхался от нехватки жилья. В гетто Саутсайда лишь треть его обитателей имели нормальные жилища. В 1947 г. в штате Иллинойс был принят местный закон о расчистке трущоб и обновлении городских районов. В 1948 г. Верховный суд США под давлением общественности объявил "ограничительные соглашения" о продаже или аренде недвижимости противоречившими конституции и не подлежащими исполнению местными судебными властями. В 1949 г. был принят федеральный закон об обновлении городов. Все это способствовало принятию властями Чикаго в послевоенные годы масштабной программы расчистки трущоб как в гетто, так и в белых районах и строительства на их месте муниципальных высотных жилых массивов. В процессе ее реализации в 50–60-х годах в самом сердце гетто Саутсайда возник огромный муниципальный жилой массив – "Дома Роберта Тейлора". Он состоял из 28 бетонных 16-этажных зданий-башен и насчитывал 4312 квартир для многодетных семей. В ближнем Саутсайде на месте трущоб был поставлен муниципальный жилой комплекс из 13- и 15-этажных зданий, получивших название "Дома Гарольда Икеса". Почти все жители обоих комплексов были афроамериканцы, и, говоря об этих жилых массивах, авторы книги "Против цветного барьера" называют их "символом всего, что имеется в виду под словом "гетто"¹⁹.

Вокруг муниципального жилищного строительства с самого начала шла острая борьба. Либералы и реформаторы рассчитывали создать многоэтажные жилые комплексы на свободных участках вдали от центра, надеясь таким путем ослабить "межрасовые трения" и оказать помощь семьям как черной, так и белой бедноты. Со своей стороны владельцы земли, банки, строительные компании, заинтересованные в сохранении цветного барьера, выступали против вмешательства правительства в связанный со строительством жилищ бизнес. В этой негласной борьбе они победили, добившись своей главной цели: изоляции черной бедноты, оставив ее сегрегированной в гетто.

Миграция же черных с сельского Юга в 50–60-х годах продолжалась, и ежегодно в чикагское гетто вселялось гораздо больше афроамериканцев, чем покидало его. А поскольку уже переполненные жителями кварталы становились еще более переполненными, обеспеченные афроамериканцы все настойчивее стремились переселяться отсюда в прежде чисто белые районы. Таким образом, в то время как афроамериканцы в городе становились в целом все более изолированы от "большого" общества, многие белые чикагцы оказывались живущими в фактически "расово-смешанных" районах. На попытки интегрировать их кварталы староселы – белые жители, включая часть женщин, стариков, подростков, реагировали оскорбительными выкриками, градом камней, побоями, поджогами домов, в которых поселялись черные семьи. Имели место и попытки самосуда. Упорное сопротивление жителей чисто белых прежде анклавов продвижению черных через воображаемые расовые границы амери-

¹⁸ SA, 1991, p. 34.

¹⁹ Anderson A.B., Pickering G.W. Op. cit., p. 33, 73; Squires G.D. et al. Op. cit., p. 101, 103, 104.

канский историк А. Хирш назвал длившейся с конца 40-х до 80-х годов "эрой скрытого насилия и партизанской войны"²⁰.

Однако постепенное переселение сотен тысяч белых чикагцев из центральных районов города в пригороды способствовало тому, что в белых кварталах освобождались дома и в них поселялись экономически способные купить или снять их афроамериканцы. Материальное положение их позволяло конкурировать с теми из белых, кто там оставался. Было даже подсчитано, что в 60-х годах на каждые 100 домов, построенных в пригородах, 15 в бывших чисто белых кварталах города занимались афроамериканцами. Покупка дома или квартплата им обходилась на 10–25% дороже того, что платили белые. Двойной жилищный рынок – один для белых, а другой для черных – принесил белым домовладельцам и компаниям, спекулировавшим недвижимостью, высокие прибыли.

Как считают авторы книги "Чикаго: класс, раса и ответ на упадок города", вину за увековечение двойного жилищного рынка и за то, что черные вынуждены на нем платить фактически налог "на цвет", несут в равной мере руководители как частного жилищного бизнеса, так и муниципального строительства. Это подтверждает и А. Хирш – автор другого исследования. "Муниципальное жилищное строительство, – пишет он, – было краеугольным камнем развития частного, и в свою очередь определялось им"²¹.

Направленный против расовой дискриминации при продаже, покупке и аренде жилища закон о гражданских правах, принятый в 1968 г., хотя и имел несколько ограниченный характер, был важным шагом вперед, сняв наконец юридические "замки" с незримых ворот черных гетто. Однако в положении неимущих и безработных обитателей гетто он мало что менял, но темнокожий средний класс сумел воспользоваться предоставленными возможностями. Тем более что Чикаго продолжал терять белое население, переезжавшее в пригороды, и в его белых районах появились излишки свободных жилищ. Это позволило многим черным семьям переехать туда. Наиболее же состоятельные афроамериканцы, достигнув способности соревноваться с белыми на рынке односемейных домов, предпочитали переселение за город, где появились даже черные пригороды. В начале 70-х годов около 1/3 черных чикагцев уже жили вне гетто, и с этого времени начался подлинный исход их оттуда. Перепись 1980 г. показала, что в Чикаго уже не осталось ни одного избирательного округа, в границах которого одновременно с белыми не проживали бы и черные.

В 80-х годах исход из гетто принял еще большие масштабы, и к концу их там остались наименее обеспеченные слои темнокожих чикагцев, 420 тыс. из которых жили на пособия. 20 тыс. обитателей "Домов Роберта Тейлора", в большинстве своем многодетные матери-одиночки, оказались в соседстве с семьями членов воровских шаяк, торговцев наркотиками, проституток. Те, кому это удавалось, рады были выехать оттуда, но освободившиеся квартиры здесь и в других подобных муниципальных жилых комплексах также стремились захватить криминальные элементы. И хотя в этих комплексах проживало лишь 0,5% населения Чикаго, в них в 1980 г. произошло 11% всех зарегистрированных в городе убийств, 9% изнасилований и 10% ограблений с отягчающими обстоятельствами²².

К 1990 г. население чикагского СМСА, включающего теперь прилегающие районы штатов Индиана (города Гэри, Хэммонд, Ист-Чикаго) и Висконсин (г. Кеноша), достигло 8066 тыс. человек, в том числе афроамериканцев – 1548 тыс. (19,2%), а испаноязычных – 893 тыс. (11,1%). В его пригородной зоне, население которой почти вдвое превышает население центрального города, можно найти представителей большего количества этнических групп, чем в самом Чикаго. И наиболее важной для определения основных социокультурных различий между ними служит ныне не столько

²⁰ Цит по: *Squires G.D. et al. Op. cit.*, p. 102.

²¹ *Ibid.*, p. 102–106.

²² *Ibid.*, p. 123–124, 127.

этническая, сколько расовая характеристика. В отчете Чикагской городской лиги за ноябрь 1983 г. констатировалось, что "в Чикагском СМСА фактически существует большее неравенство между белыми и черными по всем социально-экономическим показателям, чем в любом другом крупном метрополитенском ареале в Соединенных Штатах"²³.

В 50–70-х годах, по мере развития в США научно-технической революции, в социальной и профессионально-квалификационной структуре афроамериканской общины Чикаго и его пригородной зоны происходили серьезные сдвиги. Законы 60-х годов о гражданских правах способствовали росту ее образовательного уровня, увеличению доли в ней квалифицированных рабочих, мастеров, ИТР, повышению уровня доходов значительной части черных семей. Вырос новый черный средний класс. Но одновременно в черной общине росла социальная поляризация – с одной стороны, верхушка черной буржуазии и высокооплачиваемый слой ИТР, лица свободных профессий по материальному уровню жизни сближались с белым средним классом, а с другой – всего за 10 лет, с 1970 по 1980 г., доля афроамериканцев с доходом ниже официально установленной черты бедности выросла в Чикаго более чем в четыре раза – с 4,5% до 19,9%²⁴. Хроническая и обычно гораздо более затяжная, чем среди белых горожан, безработица породила в чикагских гетто растущую из года в год деклассированную и в значительной мере люмпенскую прослойку, получившую название "перманентного низшего подкласса".

При общей убыли населения Чикаго численность этой прослойки в его черной общине выросла в 70–80-х годах в три–четыре раза и по некоторым оценкам приближалась к 180–200 тыс. человек²⁵.

Сочетание безотцовщины, хронической безработицы и нищеты с уходом в пригороды темнокожего среднего класса и исчезновением многих установленных им общественных институтов лишило подрастающее поколение возможности равняться на тех, кто поднимался по социальной лестнице, поступал в колледж и служил примером для молодежи. Ведь у отцов некоторых из подростков (а у матерей без мужей – тем более), по сути дела, никогда не было постоянной работы, и в гетто успело подрасти поколение молодых афроамериканцев, не только не имевших модели для подражания, но и не знавших зависимости между деньгами и трудом. В отсутствие дома или в квартале достойного образца для подражания "героями" этого слоя черной молодежи становились процветавшие местные торговцы наркотиками, гангстеры, главари банд, воровских шаек и другие криминальные элементы, "зашибавшие деньги" без тяжелого труда.

Уже в 1960 г. Чикаго по количеству наркоманов уступал в США только Нью-Йорку. Проституция, алкоголь, наркотики и другой "подпольный бизнес" ныне обеспечивают заработком значительную часть люмпенской прослойки чикагского гетто. Но наркотики плодят и насилие. В середине 80-х годов за правонарушения, связанные с применением насилия, афроамериканцев арестовывалось в Чикаго в четыре раза больше, чем белых граждан, хотя черные составляли менее 2/5 населения. Соперничество и кровавая война между бандами, сопровождающаяся перестрелками и убийствами на улицах гетто, по словам корреспондента журнала "Атлантик" Н. Лемана, продолжают по много лет. К 1970 г. Чикаго считался самым жилищно сегрегированным из крупных городов Америки. Но тогда гетто если в расовом плане и было сегрегировано, то в классовом – интегрировано, ибо в нем еще присутствовали все социальные слои черной общины. Миграция же в 80-х годах черных из гетто означала уход отсюда не только среднего, но и рабочего класса²⁶.

Ситуация, сложившаяся в гетто и получившая название "гипергеттоизации", оказывает негативное влияние на отношение к афроамериканцам со стороны многих белых

²³ SA–1991, p. 29, 30.

²⁴ Squires G.D. et al. Op. cit., p. 26–27, 29, 42–43.

²⁵ Journal of American Statistical Association, 1991, v. 86, № 414, p. 504–512.

²⁶ Atlantic, June 1986, v. 257, № 6; July, v. 258, № 1.

чикагцев, в сознании которых и без того весьма живучи и, вероятно, еще долго сохранятся укоренившиеся в нем расистского характера мифы и стереотипы. Чикагский исследователь Д. Мэсси в 1988 г. установил, что хотя при опросах общественного мнения большинство опрошенных белых горожан поддерживает, так же как и черные, принцип "открытого жилья", на деле же черные считают идеальным район, если в нем живет 40% афроамериканцев, а белые испытывают неудобства, если там проживает 10% и более черных. На практике, по данным Мэсси, афроамериканцы подвергаются вдвое большей сегрегации, чем американцы азиатского происхождения, и на 60% большей, чем испаноязычные американцы²⁷.

Таким образом, сложившаяся еще во время становления гетто в Саутсайде комбинация поквартальной жилищной сегрегации привела к созданию в "негролюбивом" некогда Чикаго цветного барьера – расовой сегрегации и дискриминации "де факто". И, несмотря на все его последующие трансформации, этот цветной барьер все еще определяет многие черты жизни и поведения темнокожего населения Чикаго и межрасовых отношений там.

²⁷ Newsweek, 7.III.1988, p. 35.

Е.И. ФЕДОСОВА

ФРАНСУА ГИЗО: ИСТОРИК И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Франсуа Гизо (1787–1874) – один из выдающихся французских историков эпохи Реставрации. Его исторические труды, блестящие лекции в Сорбонне оказали большое влияние на развитие исторической мысли в Европе, на состояние общественного самосознания во Франции в 20–40-е годы XIX в. Гизо как историк, автор многочисленных трудов хорошо известен. Но он никогда не был только кабинетным ученым. Гизо – видный представитель либеральной мысли первых десятилетий XIX в., активный политический деятель. С 1814 по 1848 г. он всегда занимал ту или иную государственную должность. Что доминировало в Гизо – качества политика или историка? Однозначно ответить на этот вопрос трудно – Гизо-политик дополнял Гизо-историка и наоборот. Одно безусловно: история интересовала его потому, что он пытался понять перспективу развития человеческого общества, найти "связь причин и действий". "Это самая важная, – писал он, – и, если можно так выразиться, бессмертная часть истории, к которой по необходимости должны обращаться все, чтобы уразуметь свое прошлое и понять самих себя"¹. В историю цивилизации во Франции Гизо всматривался не как бесстрастный исследователь, а как политик, пытавшийся найти ответ на чрезвычайно актуальный для современной ему Франции вопрос: как достичь "свободного правления" и в чем его суть. Поэтому при общем хоре восторженных отзывов об исторических трудах Гизо можно было услышать и такие: Гизо больше публицист, чем историк, ему недостает строгой объективности, всюду просматриваются его политические идеи.

Но если Гизо-историку воздали должное, то Гизо-политику обычно не уделяют большого внимания, отмечая лишь вслед за Ш. Сент-Бевом, что "не всякий великий историк оказывается великим политиком".

Франсуа Пьер Гийом Гизо родился на юге Франции, в городе Ниме, 4 октября 1787 г., в буржуазной протестантской семье. Его отец был адвокатом и представлял собой тот образец буржуа, защитником интересов которых на протяжении всей своей политической жизни был Гизо. Отец Гизо принял революцию 1789 г., но очень быстро разочаровался в ней. В апреле 1794 г. он погиб на эшафоте за участие в революционных событиях на стороне федералистов. В 1798 г. его вдова с детьми переехала в Женеву, где Гизо и получил образование. Особое внимание Гизо уделял изучению иностранных языков и риторики, в университете прослушал курсы по словесности, юриспруденции, увлекался немецкой философией. Впоследствии Гизо называл Женеву своей "интеллектуальной колыбелью". Однако учебные заведения, которые посещал Гизо, не дали ему ни диплома, ни степени. Возможно, именно протестантскому воспитанию и образованию обязан Гизо созданием своей исторической концепции – убежденности в целесообразности всего хода истории, взаимозависимости и взаимообусловленности исторических эпох и, как следствие, признанию закономерностей исторического развития.

¹ Гизо Ф. История цивилизации в Европе. СПб., 1906, с. 233. О Гизо-историке см.: Реизов Б.Г. Французская историография. Л., 1956; Далин В.М. Историки Франции. М., 1981; Адо А.В. Школа историков периода Реставрации и ее концепция классовой борьбы. – В кн.: Историография истории нового времени стран Европы и Америки. М., 1990.

В Швейцарии собралась многочисленная французская эмиграция, центром которой было имение мадам де Сталь замок Коппет. Гизо лишь несколько раз посетил ее дом, но успел хорошо познакомиться и с хозяйкой, и с Бенжаменом Констаном – видным представителем французской либеральной мысли того времени. Однако общество эмигрантов Гизо уже не удовлетворяло, его влек Париж, постепенно оправлявшийся от потрясений революционных лет. В сентябре 1805 г. он приехал в столицу Франции. Не имея ни средств, ни знакомств в высших сферах, Гизо вынужден был поступить домашним учителем и секретарем в семью Стапфера, бывшего министром наук и искусств Гельветической республики. Это был счастливый случай, во многом определивший дальнейшую судьбу Гизо. Вечера, которые устраивал Стапфер, собирали лучших представителей интеллигенции Франции. С помощью этого человека Гизо начал карьеру публициста. В доме Стапфера он познакомился также с писательницей Полиной Мелан, принадлежавшей к аристократической семье (на Полине Мелан он женился в 1812 г.). Связи семьи Мелан с правительственными кругами открыли Гизо широкие возможности для политической деятельности.

В 1811 г. Гизо получил место мелкого чиновника в министерстве иностранных дел. И неизвестно, как сложилась бы его дальнейшая жизнь, если бы опять не случай. В 1812 г. П.-П. Ройе-Коллар, профессор философии, адвокат, видный политический и государственный деятель, оказавший впоследствии большое влияние на формирование политических убеждений Гизо, с которым он также познакомился у Стапфера, предложил ему место преподавателя истории в Сорбонне. Сам Ройе-Коллар возглавлял кафедру философии факультета словесности в Сорбонне. Гизо воскликнул: "История? Но я же не знаю ее!" "Ничего, вы узнаете ее в процессе преподавания"², – ответил Ройе-Коллар. Гизо начал усердно заниматься. В письме к своему другу он отмечал, что история является главным предметом его занятий. Это было поколение без учителей; сами обучаясь всему, как верно подметил французский историк М. Жирар, они "тем выше ставили свои знания и суждения"³. Уже к 1815 г. Гизо завоевал известность своими лекциями. В 1820–1822 гг. он прочитал курс о происхождении представительного правления. Однако полностью талант историка раскрылся в его лекциях 1828–1830 гг. В течение трех лет он предпринимал попытку начертать историю цивилизации во Франции и в Европе начиная с Римской империи и до конца XVIII столетия. Аудиторию потрясала эрудиция автора, свободное знание греческого, латинского и четырех европейских языков. Он оперировал огромным количеством фактов, документов, охватывавших, казалось, необъятный временной отрезок. Все современники отмечали ораторский талант Гизо, однако подчеркивали, что этот талант сочетается у него с некоторым высокомерием: Гизо как бы поучал, говорил не на равных со своими слушателями.

Несмотря на успехи в науке, Гизо мечтал о политической карьере. Он примкнул к наиболее умеренному крылу либеральной оппозиции, которую представляли конституционалисты-роялисты – "доктринеры"; главой этого направления был Ройе-Коллар. Французский либерализм сыграл в первой половине XIX в. громадную роль в общественном развитии Франции. Зародившись в конце XVIII в. и являясь тогда носителем общих, характерных для всего антифеодального движения идеалов, либерализм как общественно-политическое течение в первые десятилетия XIX в. претерпел значительные изменения. Связано это было с общим острым кризисом просветительской идеологии, с мощной, вызванной последствиями Французской революции конца XVIII в. антипросветительской реакцией. Как оформившееся политическое движение французский либерализм появился в первые годы Реставрации Бурбонов. В эпоху Реставрации, которую часто называют "героическим периодом" французского либерализма, он был защитником и вождем новой Франции, рожденной революцией. Однако отношение к революции, ее наследию было довольно сложным. В одной из работ 1816 г. Гизо писал, что страна, пережившая революцию, надолго становится ее жерт-

² Girard M. *Le libéralisme en France de 1814 à 1848*. Paris, 1968, p. 177.

³ *Ibidem*.

вой и тогда, когда она кажется ушедшей в прошлое, революция готова возобновиться с новой силой⁴.

Французские либералы выдвинули тезис об исторической правомерности Французской революции, ее прогрессивности с точки зрения тех принципов, которые она утверждала, и брали под защиту рожденный ею бессословный гражданский строй. Все либеральные воззрения этого времени были связаны с верой в исторический прогресс, в возможность достижения гармонии в человеческом обществе в результате развития идей и целенаправленной законотворческой деятельности человека. В основе прогресса лежит развитие личности, ее культурный рост, расширение ее прав, увеличение ее свобод. Общая идея всех либералов – и ее активно и талантливо проповедовал Гизо в Сорбонне – заключается в том, что революция – стадия вековой эволюции, ведущей к установлению общества более совершенного, нежели предыдущее.

Но народный, демократический характер Французской революции, а главное – ее политическая практика вызывали страх у либеральных политиков эпохи Реставрации. Общество, вышедшее из революции, – варварское, его надо изменить. Один из тезисов доктринеров, позаимствованный у мадам де Сталь, гласил: необходимо видеть разницу между духом революции 1789 г. и духом, рожденным в период революции. Один созидает, другой разрушает.

Никто из современников не мог точно сказать, когда и почему группа умеренных либералов получила название "доктринеры". По предположению французского политического деятеля Одиллона Барро причиной этого явилась их тяга к широкому обобщениям и к "догматизации" политических правил⁵. Гизо же считал, что группа названа так из-за той идеи, которой они придерживались, – каждое общество должно быть создано на основе определенных теорий государства и права⁶. Группа "доктринеров" была малочисленной, их количество никогда не превышало 10 человек. По меткому замечанию одного из современников, все они могли разместиться на одном диване. Впоследствии Гизо назвали "диванным Монтескье". Однако группа состояла из блестящих личностей, интеллектуалов: П.-П. Ройе-Коллара, Ф. Гизо, К. Жордана, В. де Брольи, П.-Ф. де Серра, Г.-П. де Баранта, Ш. де Ремюза.

Первоначально главой этого политического направления был Ройе-Коллар, но с середины 20-х годов его лидером стал Гизо. Он был и теоретиком группы, что проявилось в многочисленных брошюрах, издававшихся им, в частности: "О представительном правлении и о современном положении Франции", "О средствах правительства и оппозиции в современных условиях Франции", "О заговорах и политической законности". В правительственной газете "Монитор" он печатал разъяснения к проектам почти всех законов, издававшихся правительством Людовика XVIII. Современники отмечали, что каждая речь Ройе-Коллара в парламенте и каждая брошюра Гизо становились большим событием в политической жизни Франции.

Политические размышления, поиск мер, которые обеспечили бы Франции стабильность, привели "доктринеров" к идее легитимной монархии. Сохранение династии Бурбонов, считал Гизо, стало бы тем "якорем", который так необходим Франции, пережившей бури революции. Идея о необходимости союза "новой" и "старой" Франции являлась стержнем всех политических построений "доктринеров". Сохранить идеалы 1789 г., отделить их от революции и соотнести с королевской властью! Поэтому возвращение династии Бурбонов в лице Людовика XVIII было ими поддержано. "Хартия 1814 г.", устанавливавшая во Франции конституционную монархию и закреплявшая основные гражданские свободы – равенство перед законом, неприкосновенность личности, свободу слова, печати, совести – была для Гизо, как и для всех "доктринеров", идеальным документом. "Хартия" обеспечивала представительное правление, наилучшую с их точки зрения форму правления, а также закрепляла гражданские

⁴ Guizot F. *Due gouvernement représentatif et de l'état actuel de la France*. Paris, 1816, p. 3.

⁵ Barrot O. *Mémoires posthumes*, v. 1. Paris, 1875, p. 79.

⁶ Guizot F. *Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps*, t. 1–6. Paris, 1858–1870; t. 1, p. 155–159.

свободы, открывавшие путь к всестороннему развитию личности. В отличие от Б. Константа, который считал "Хартию 1814 г." началом политических реформ во Франции, "доктринеры" оценивали ее как вершину политического развития, так как углубление политических реформ могло сломать то хрупкое равновесие между "старой" и "новой" Францией, которое с таким трудом было достигнуто, и привести к новому революционному взрыву.

Гизо не раз писал, что неизменно защищал "Хартию 1814 г.", поскольку в ней были заложены основные принципы нового общества во Франции и "великие результаты" революции⁷. И именно нарушение "Хартии" в 1829–1830 гг. привело к падению легитимной монархии во Франции.

В 1817 г. "доктринеры" основали свой журнал "Политические, философские и литературные архивы". Журнал был скорее научный, чем политический, его цель состояла в распространении новых идей в области литературы, философии, права. Политическая задача заключалась в разъяснении обществу основных положений "Хартии 1814 г." и идей "доктринеров", т.е. в ведении пропаганды согласия между монархией и народом путем укрепления во Франции конституционно-правового порядка. "Хартия 1814 г.", по мнению Гизо, несла Франции порядок, ставила предел разрушительным устремлениям и правых, и левых политических группировок. Лучшее всего свой политический идеал Гизо сформулировал позднее, в словах, обращенных к революции 1830 г.: "Франция хотела революции, которая не была бы революционной и которая одним махом дала бы ей порядок вместе со свободой"⁸.

Эпоха Реставрации – это период активной политической и общественной деятельности Гизо. Уже в апреле 1814 г. по протекции Ройе-Коллара 27-летний преподаватель истории был назначен генеральным секретарем министерства внутренних дел. "Отныне жизнь Гизо, – писал его восторженный биограф, – принадлежит истории Франции"⁹. Во время первой Реставрации Гизо принимал участие в создании проекта закона о печати, вступившего в силу в октябре 1814 г. Этот закон, декларируя свободу печати, ограничивал ее некоторыми временными мерами. В мемуарах Гизо пытался объяснить, почему он, сторонник неограниченной свободы печати, согласился на такой вариант закона. Свободу печати он принес в жертву порядку, который был так необходим Франции, только что пережившей эпоху революции, а затем тирании; в 1814 г. Франция стояла лишь на пороге свободного правления¹⁰. Гизо участвовал также в подготовке реформы народного образования. Задача формирования новой, свободной личности требовала, по мнению Гизо, кардинальных изменений во всей системе народного образования. Однако пока в королевском ордонансе от 17 февраля 1815 г. речь шла лишь о высшей школе. Планировалось создание 17 университетских центров, в каждом из которых предполагалось учредить коллежи. Этот закон не был проведен в жизнь – помешало возвращение Наполеона Бонапарта. Но после "Ста дней" к реформе уже не вернулись. Однако идея создания новой системы народного образования, в большей мере отвечавшей требованиям времени, никогда не покидала Гизо. И он вернулся к ней в 30-е годы XIX в., когда стал министром народного образования.

Возвращение Наполеона заставило Гизо оставить государственную службу. Но по мере того, как становилось очевидным скорое падение режима Империи, вокруг Людовика XVIII в Генте спланировалась группа приверженцев, готовивших его восстановление на троне. Для поддержания связей в Гент из Парижа периодически прибывали гонимцы с докладами об обстановке в стране. Одним из них был Гизо. Он сразу же активно включился в работу в газете, которая выходила в Генте. Впоследствии Гизо ставили в вину пребывание в Генте и активную поддержку Людовика XVIII. Через 25 лет в оправдание он сказал об этом времени: "Я служил не

⁷ Guizot F. Trois générations. 1789–1814–1848. Paris, 1863, p. 92.

⁸ Ibidem, p. 181–182.

⁹ Pouthas Ch.-H. La jeunesse de Guizot (1787–1814). Paris, 1936, p. 396.

¹⁰ Guizot F. Mémoires..., t. 1, p. 46.

лично королю, а Франции. Я хотел давать ему советы, хотел служить новой Францией"¹¹.

Гизо пробыв в Генте до возвращения Людовика XVIII в Париж. Этим, видимо, и объясняется возобновление его политической карьеры сразу же после установления режима второй Реставрации. Он был назначен на пост генерального секретаря министерства юстиции, стал также членом Государственного Совета. С небольшим перерывом Гизо был на государственных постах до 1820 г. Он всегда стремился к тому, чтобы либеральные принципы были господствующими в правительственной политике и либерализм не превратился в оппозиционное движение. Он считал необходимым дать реалистическую оценку этому режиму, не приравнивать и даже не сравнивать его со "старым порядком" во Франции. Его позицию часто называют "правительственным либерализмом"¹². В многочисленных публицистических работах Гизо хотел научить и правительство, и либеральную оппозицию сотрудничеству. В статьях "О смертной казе по политическим мотивам" и "О способах правления и оппозиции в современной Франции" Гизо утверждал: правительство не враг, а партнер общества. Никакое общество немислимо без власти, так как всякое общество держится связующим его законом. Гизо считал, что современное ему состояние Франции требует одновременного увеличения воздействия власти на общество и общества на власть. Общество и власть существуют вместе, их разделить нельзя. Власть должна реагировать на изменения в обществе, чутко прислушиваться к ним. К сожалению, сам Гизо отошел от этого принципа в канун революции 1848 г.

Рассуждая о смертной казни по политическим мотивам, Гизо называл эту меру опасной, а главное – совершенно бессмысленной. Она не ослабит и не может ослабить оппозицию, так как оппозиция – это некое состояние гражданского общества, отражение тех настроений, которые в нем царят. Его вывод: современное политическое развитие требует увеличения воздействия общества на властные структуры и одновременно укрепления этих властных структур во имя достижения порядка в стране. Свобода личности и порядок – вот две политические задачи, которые всю жизнь пытался решить Гизо-политик.

Идеальным общественным устройством, которое обеспечивает и то, и другое, Гизо считал представительное правление. обстоятельно обосновав преимущества представительного правления, Гизо размышлял над тем, каким оно должно быть во Франции. Основными его чертами он считал разделение властей, выборное начало и публичность действий, так как без полной гласности невозможны поиски истины, гласность обеспечивает связь между обществом и его правительством. Право законодательной инициативы, по мысли Гизо, должно было принадлежать королю. В тех спорах, которые разделяли общественное мнение Франции того времени, о прерогативах королевской власти и парламента Гизо попытался занять место, которое сам определил как золотую середину. Он стремился примирить систему парламентского министерства по английскому образцу и позицию Ройе-Коллара, требовавшего сильной, независимой королевской власти. Гизо считал, что в политической жизни Франции господствуют крайние политические течения, в равной мере стремящиеся к уничтожению существующего режима. Примирить или хотя бы нейтрализовать их могла только высшая, независимая от них власть.

Такой властью являлась сильная королевская власть. Дарованная королем конституция представляла собой договор между борющимися сторонами, договор, который они обязаны соблюдать. Законодательная инициатива также должна была исходить от короля, министры получали власть от короля и должны лишь разъяснять его волю. Гизо являлся большим поклонником английской политической системы, не раз писал в публицистических произведениях о ее достоинствах. Однако для Франции, считал он, эта система не годилась. В Англии общество достигло стабильности,

¹¹ *Guizot F.* Histoire parlementaire de France. Recueil complet des discours prononcés dans les chambres de 1819 à 1848, v. 3. Paris, 1863, p. 300.

¹² *Manent P.* Histoire intellectuelle du libéralisme. Paris, 1847.

политические партии сформировались и их соперничество носило абсолютно иной характер, нежели во Франции: там они находились в оппозиции друг к другу в рамках конституционного строя, не подвергая сомнению целесообразность существования конституционного режима. Во Франции же шла борьба между крайними политическими группировками, мечтавшими о полном изменении или даже уничтожении "Хартии". Эта мысль затем развивалась Гизо в работе, которая вышла уже после революции 1848 г. Отсутствие развитой, стройной партийно-политической системы, политических партий, соперничавших друг с другом внутри существовавшего режима, не противопоставлявших себя ему, – это виделось Гизо главной причиной того, что конституционно-монархический режим не прижился во Франции¹³.

Поэтому для Франции, считал Гизо, главное заключается в том, чтобы король смог стать арбитром, подняться над политическими страстями и найти в себе силы не становиться на чью-либо сторону. Когда же король увлекся политической борьбой и стал выразителем интересов одной из борющихся партий, Гизо перешел в оппозицию к режиму Реставрации.

Известно, что Гизо был сторонником высокого имущественного ценза и позднее произнес слова, которые в обстановке крайней политической нестабильности сыграли роль катализатора и ускорили революционные события 1848 г.: "Обогащайтесь, господа, и вы будете избирателями!". Идея обеспечения господства буржуазии, которую он называл "средним классом", – одна из основных в его многочисленных политических выступлениях. Гизо считал, что положение буржуазии – между аристократией и низшими слоями – позволяет ей выступить связующей силой и одновременно быть выразительницей интересов большинства нации. Термин "средний класс" Гизо трактовал широко: все социальные слои, кроме аристократии и беднейшей части населения; эти слои не занимались физическим трудом, а их состояние и просвещение обеспечивали им независимость суждений и поступков. Сделать "средний класс" активным в политическом отношении, организовать его политически, помочь осознать ему свои интересы – задача, которую поставил перед собой Гизо-политик, и потому, как считает современный французский исследователь П. Розанваллон, Гизо не был в строгом смысле слова индивидуалистом. Он мыслил скорее категориями классов¹⁴.

Гизо отчетливо видел и ту пропасть, которая разделяла буржуазию и низшие слои населения; соперничество и враждебность, которые существуют между этими социальными группами, глубоко, писал он, и аналогичны тем, которые существуют между буржуазией и аристократией¹⁵.

Однако все же необходимо подчеркнуть и другую сторону его политической концепции. Прогресс, историческая перспектива – а в целесообразности всего исторического развития Гизо никогда не сомневался – не в том, чтобы кого-то лишить избирательного права, а в том, чтобы в результате законотворческой деятельности как можно большее количество людей приблизилось по состоятельности и образованности к уровню "среднего класса".

Идею о народном суверенитете Гизо отвергал. В 1820 г. он писал: "Я не верю ни в Божественное право, ни в народный суверенитет, о которых говорят почти все. Я не могу увидеть в них ничего, кроме прикрытия узурпации власти путем использования силы. Я верю в суверенитет разума, справедливости, права – это единственно законный суверенитет, который мир искал и всегда будет искать, так как разум, право, справедливость никогда не могут воплотиться полностью"¹⁶.

В 1820 г. ремесленником Лувелем был убит наследник престола герцог Беррийский. Это событие было использовано реакцией для наступления на конституционные принципы во Франции. Была восстановлена цензура, образование отдавалось под контроль католической церкви. Гизо, как и большинство "доктринеров", перешел в оппозицию,

¹³ Guizot F. Trois générations..., p. 197–200.

¹⁴ Rosanvallon P. Le moment Guizot. Paris, 1985, p. 217.

¹⁵ Guizot F. Mémoires..., t. 6, p. 348.

¹⁶ Guizot F. Du gouvernement de la France depuis la Restauration et du ministère actuel. Paris, 1820, p. 201.

которая продлилась до конца Реставрации. Лишенный и кафедры, и государственных должностей Гизо много работал над историческими трудами.

Именно эти годы отмечены выходом в свет двух самых знаменитых исторических трудов Гизо: "История цивилизации в Европе" (доведена до Французской революции) и "История цивилизации во Франции" (доведена до времени Гуго Капета). Значение этих работ – прежде всего в стремлении подойти к пониманию закономерностей исторического развития, в проникновении в диалектику развития исторических эпох. Глубокая и всесторонняя аргументация того факта, что "общество никогда не распадается раньше, чем в его среде не возникает новое", произвела огромное впечатление на современников¹⁷.

Еще одной важной мыслью Гизо была "идея прогресса", которая прошла через все его исторические труды. Само понятие цивилизации означало для него прежде всего идею непрерывного прогресса, постоянного совершенствования общественного устройства и нравственного совершенствования самого человека. Это поступательное развитие он считал главной чертой цивилизации, особенно европейской, которая "существует уже пятнадцать столетий и находится постоянно в состоянии прогресса"¹⁸.

Подобно другим историкам Реставрации, таким, как О. Тьерри, Ф. Минье, Гизо изучал преимущественно средневековую историю Франции. В 1823 г. он начал публикацию двух коллекций мемуаров, относившихся к Английской и Французской революциям. Наряду с Тьерри Гизо высказал идею о борьбе классов (сословий), и на этой основе он строил свою концепцию истории Франции и Европы. Борьба между сословиями, писал Гизо, наполняла всю новую историю, "из нее, можно сказать, родилась новейшая Европа"¹⁹. Гизо, как и другие историки Реставрации, считал эту борьбу итогом германского завоевания. Однако одновременно Гизо дал в своих работах немало интересных замечаний о роли экономических и социальных факторов в истории.

Гизо много работал и над историей Английской революции XVII в. В 1826–1827 гг. вышли его работы, посвященные истории Английской революции, которую он считал односторонней революцией во Франции в конце XVIII в.

Историком Гизо был, несомненно, одаренным, его труды оказали большое влияние на развитие исторической мысли в Европе, и в частности в России. Профессор Московского университета историк М.П. Погодин писал в 1831 г., что, по его мнению, Гизо открыл новую эру в истории, так как "со светильником Гизо как удобно теперь рассматривать всякую историю"²⁰. Оказал влияние Гизо и на крупнейшего русского историка XIX в. С.М. Соловьева. "Из всех представителей европейской историографии никого не ставил он так высоко, как Гизо", – вспоминал В.О. Ключевский²¹.

В 20-е годы XIX в. Гизо активно занимался и публицистикой. В 1824 г. "доктринеры" во главе с Гизо основали газету "Глоб". В силу своего подцензурного положения "Глоб" не могла проводить политические дискуссии, однако темы ее публикаций были всегда актуальными и острыми. В 1827 г. Гизо стал руководителем еще одного периодического издания – "Ревю Франсез". Статьи этого журнала были посвящены проблемам истории, философии, литературы, но одновременно, как отмечал Гизо в мемуарах, проникнуты "духом политики"²².

В период правления Карла X (1824–1830 гг.), который вел откровенно продворянскую политику, либералы в парламенте практически отсутствовали. В этих условиях в 1827 г. под председательством Гизо было создано общество "На Бога надейся, а сам не плошай". Членами общества являлись как "доктринеры", так и некоторые либералы, придерживавшиеся левой ориентации. Общество вело активную работу по

¹⁷ Цит. по: Далин В.М. Указ. соч., с. 21.

¹⁸ Гизо Ф. Указ. соч., с. 36.

¹⁹ Там же, с. 192.

²⁰ Цит. по: Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина, кн. 3. СПб., 1890, с. 255.

²¹ Цит. по: Далин В.М. Указ. соч., с. 18.

²² Guizot F. Mémoires..., t. 1, p. 323.

подготовке выборов в палату депутатов; его цель состояла в том, чтобы конституционными методами добиться победы либералов на выборах, а это должно было привести к падению реакционного правительства. В составленном манифесте общества содержались призывы к единению всех сил буржуазии, поскольку ее разобщенность только на руку реакционному министерству²³. Деятельность общества была особенно эффективной во время избирательных кампаний 1827 г. и 1829 г. Его члены распространяли по стране многочисленные брошюры, в которых призывали граждан активнее участвовать в выборах. И в результате уже в 1827 г. либералы получили относительное большинство мест в палате депутатов. Выборы 1829 г. принесли еще больший успех либералам.

С Июльской революцией 1830 г. закончился "героический период" французского либерализма. Он стал официальной идеологией режима – в том истолковании, которое ему придали "доктринеры". Гизо называют идеологом режима Июльской монархии и даже приписывают ему "зловещую роль" в судьбе Орлеанской монархии²⁴.

Уже в январе 1830 г. он был избран в палату депутатов и с этого времени почти не покидал трибуну французского парламента до 1848 г. Много раз в годы Июльской монархии Гизо занимал важные государственные посты: с августа по ноябрь 1830 г. возглавлял министерство внутренних дел, активно участвуя в разработке "Хартии 1830 г.", дважды был министром образования (в 1832–1836 гг. и 1836–1837 гг.). После короткого пребывания послом в Англии в 1839–1840 гг. Гизо стал министром иностранных дел и фактическим главой правительства и, наконец, с 1847 г. вплоть до революции 1848 г. был премьер-министром.

Отношение Гизо к революции 1830 г. было очень противоречивым. Политический режим, рожденный революцией, утверждал он, плод не закона и разума, а страстей и политических интриг. Поэтому главной задачей Гизо считал как можно более быстрое преодоление революционного духа и восстановление во Франции "свободы и порядка". Вину за революцию 1830 г. Гизо полностью возложил на Карла X и его окружение, которые не захотели "внутренней гармонии", изменив принципам "Хартии 1814 г."²⁵

Политическая концепция Гизо в годы Июльской монархии, по существу, не претерпела никаких изменений: "правящий" король с "Хартией" в руках. Только так, считал Гизо, можно восстановить законность и стабильность в стране, вновь имевшей несчастье пережить революционный взрыв. Смысл революции 1830 г. он сводил к смене династии. Режим Июльской монархии Гизо считал идеальным с точки зрения разума и потребностей Франции.

Деятельность Гизо в 30-е годы XIX в. была многогранна. Он активно участвовал в формировании внутренней и внешней политики. Самым значительным его делом в 30-е годы, которому было отдано много сил и знаний, стала реформа народного образования. Всесторонне развитая, просвещенная личность, способная активно участвовать в жизни государства, является гарантом, как не раз писал Гизо, исторического прогресса. С точки зрения Гизо Июльская монархия представляла собой идеальный тип государственного устройства. От этой оценки он никогда не отказывался, даже после краха этого режима в 1848 г. Расширение ее социальной базы – основная политическая задача нового режима.

Гизо видел в буржуазии цвет нации, считал, что доступ в этот класс открыт для всех, поскольку представители этого социального слоя обязаны своим возвышением исключительно личным способностям. "Современная буржуазия, – писал он, – приобрела свои права во имя и на пользу всех. Она вовсе не стремится ни к какому классовому господству, ни к какой исключительной привилегии; в обширном здании, которое она занимает в современном обществе, двери всегда открыты, и места всегда хватит для того, кто сумеет и кто захочет войти"²⁶.

²³ *Rosanvallon P.* Op. cit., p. 218.

²⁴ *Далин В.М.* Указ. соч., с. 17.

²⁵ *Guizot F.* *Trois générations...*, p. 168.

²⁶ *Guizot F.* *Mémoires...*, t. 6, p. 348.

Одним из существенных факторов, обеспечивавших человеку процветание, реализацию всех его возможностей, являлось, по мысли Гизо, просвещение. Вот почему просвещение народа – важнейшая обязанность либерального правительства. Государство должно заботиться, считал Гизо, о просвещении и образовании личности, а личность обязана никогда не забывать, что именно государство дало ей возможность достигнуть в жизни высот и получить необходимые для этого знания. Государству следует создать реальную возможность для широкого распространения образования и сделать его доступным.

Гизо возглавлял министерство народного образования с 1832 по 1837 г. В мемуарах он так сформулировал задачи своего министерства: забота об образованности в душах будущих поколений²⁷. Гизо стремился найти верное соотношение власти и духовной свободы личности. Особенно его тревожило положение дел в начальной школе: учебных заведений данного типа было крайне мало, учителей не хватало, они не имели достаточной подготовки. Оставляло желать лучшего и жалование учителей, которое составлялось из взносов учеников. Женского начального образования почти не существовало. Поэтому было решено начать с реформы начального образования.

Со свойственной ему обстоятельностью Гизо изучил опыт других стран. Для ориентира он выбрал английскую систему образования. При разработке этой реформы Гизо стремился прежде всего децентрализовать начальное образование и добиться, чтобы во всех уголках Франции появилось как можно больше начальных школ. И не столь важно, рассуждал он, будут они государственными или частными, главное – увеличится количество грамотных граждан. Свободное образование и свобода выбора образования – этот принцип имел, однако, по мысли Гизо, и свои границы.

Избыток свободы – тоже плохо. Он писал, что недостаток современных обществ состоит в том, что они не дают возможности умам свободно развиваться и совершенствоваться; и никогда умы с таким упорством не подавляются, как в эпоху господства партий, которые требуют уничтожения всяких авторитетов в умственной сфере²⁸.

Поэтому государству следует играть общую роль в деле воспитания личности. Необходимо, считал Гизо, подчинить и государственную, и частную школы контролю независимых административных органов, устранив тем самым анархию в преподавании. Гизо-государственник еще раз это продемонстрировал: государство дает право свободного выбора, но и следит, чтобы преподавание не выходило за рамки, дозволенные им.

Следовало ли сделать начальное образование бесплатным для тех детей, которые учатся в государственных школах? Этот вопрос вызвал бурные дискуссии в парламенте. Гизо пришел к выводу, что начальное образование – долг государства перед своими гражданами. "Государство, – писал он, – должно дать возможность получить образование всем семьям, в том числе и тем, кто не в состоянии за него платить; тем самым оно как бы возместит народу в духовной сфере то, чего не может сделать для него в сфере материальной"²⁹.

Большое значение придавал Гизо и роли церкви в начальной школе – на нее возлагалась обязанность воспитания высоконравственной личности. Однако в тексте реформы записали и новое положение: религиозное воспитание проводится исключительно с согласия родителей. Это позволяло воплотить в жизнь право на свободу совести и вероисповедания. Церковные школы получали статус частных и тем самым были отделены от системы государственных школ.

Все предложения Гизо были одобрены в 1833 г. Реформа начального образования, проведенная Гизо, стала существенной вехой в деле создания целостной системы народного образования Франции. Очень скоро реформа дала свои результаты. Су-

²⁷ Ibid., t. 3, p. 11.

²⁸ Ibid., p. 14.

²⁹ Ibid., p. 63–64.

щественно выросло количество начальных школ (хотя их все еще не хватало), возрос и уровень грамотности населения. Реформа вводила двухступенчатое начальное образование – элементарное и высшее. Закон 1833 г., учреждая высшее начальное образование, давал возможность детям из небогатых семей, не имевших возможности платить за среднее образование, повысить свои знания. Гизо нашел оптимальный вариант улучшения положения в начальном образовании. Он учел не только требования времени, но и реальные возможности государства.

В 1840 г., после пребывания ровно год в качестве посла в Лондоне, Гизо получил чрезвычайно важный для Франции того времени пост – министра иностранных дел и стал фактически главой правительства, которое просуществовало семь лет и было самым стабильным правительством Луи Филиппа.

Перед Францией по-прежнему стояла задача укрепления международного престижа, выхода из международной изоляции, в которую она попала в результате очередной революции. В 30-е годы XIX в. Франция так и не смогла занять положение великой европейской державы, изменить сложившееся соотношение сил в Европе, создать выгодную для Июльской монархии систему союзов³⁰.

Внешнеполитическая концепция Гизо складывалась в борьбе с республиканцами и левым крылом французских либералов, требовавших активизации внешней политики, поддержки всех революционных событий в Европе и "военных инициатив", которые вернули бы Франции ее былое величие. Министерство Гизо называли "миролюбивым", "консервативным", а его самого – "Наполеоном мира". Гизо действительно стремился к миру в Европе, миру во имя стабилизации положения и в самой стране, и в европейском сообществе. "Идеальный" с точки зрения Гизо политический режим не мог утвердиться, если бы он находился в состоянии противоборства с европейскими державами. Достичь компромисса, избежать конфронтаций, создать выгодную для Июльской монархии систему союзов – вот на что были направлены все усилия Гизо-дипломата. Позднее, в мемуарах, он попытался придать "политике мира" философское звучание.

Такая политика диктовалась, по его утверждению, тем, что Европа – это единое целое, "сообщество различных, но сходных между собой народов и государств"³¹. Европейские народы "не только соседи, – писал Гизо, – но и родственники, объединенные связями и нравственными, и материальными". И далее: "Несмотря на распри и непонимание, существует некое высшее единство, и чрезвычайно весомое, о котором никогда не следует забывать"³². Итальянский историк С. Мастеллоне даже приписал Гизо планы создания единой Европы, единой и в политическом, и в экономическом отношении³³.

Гизо, думая об упрочении положения Орлеанской династии, искал поддержки прежде всего среди легитимных монархов Европы. Опыт 30-х годов XIX в. показал бесперспективность англо-французского союза. Действительного и устойчивого сближения двух буржуазных государств Европы на основе лишь общности либеральных политических институтов, в противовес абсолютистским режимам, не произошло. Непосредственные внешнеполитические противоречия, экономические, торговое соперничество не допустили стабильного сближения. Стремясь к нормализации отношений прежде всего с легитимными монархиями, Гизо отмечал, однако, что мир возможен только при невмешательстве государств в дела друг друга. В противовес доктрине Священного союза – вмешательству во внутренние дела государств с целью под-

³⁰ Подробнее о внешнеполитическом курсе Июльской монархии в 30–40-е годы XIX в. см.: Федосова Е.И. Становление внешнеполитического курса Июльской монархии во Франции (1830–1834 гг.). – Вестник МГУ, серия 8, История, 1989, № 2; *её же*. Ф. Гизо во главе МИД Франции (1840–1847). – Вопросы истории, 1993, № 10.

³¹ Guizot F. Mémoires..., t. 4, p. 4–6.

³² Ibidem.

³³ Mastellone S. La politica estera de l'Guizot. Paris, 1957, p. XI; см. Капанов Р. Ф. Гизо: у истоков либерального европеизма. – Европейский альманах. М., 1990.

держания порядка и легитимных правительств – Франция сразу после Июльской революции выдвинула принцип невмешательства.

При этом Гизо оставался политиком, трезво и реалистично смотревшим на положение Франции в европейском сообществе. Принцип невмешательства, наделавший столько шума в странах "старого порядка" в Европе, толковался им очень узко. Главное, отмечал он, не допустить вооруженного вмешательства европейских стран во внутренние дела тех государств, которые образуют "ее (Франции. – Е.Ф.) пояс, – Бельгии, Швейцарии, Пьемонта и Испании"³⁴. Еще более откровенно эту позицию сформулировал министр иностранных дел Франции в 1830 г. граф Л. Моле: "Эта доктрина неразрывно связана с прочностью трона Луи Филиппа", так как "в противном случае вмешательство и во французские дела тоже следовало бы признать законным"³⁵. Принцип невмешательства призван был защитить интересы прежде всего Орлеанской монархии.

Идея "государство – нация" также не увлекала Гизо, понимавшего, что такое грандиозное переустройство Европы возможно лишь как следствие опустошительных революционных потрясений. Вообще Гизо-дипломату не свойственно было создание крупномасштабных, долговременных проектов, которые способствовали бы возрождению международной роли Франции. Как реальный политик, он отдавал себе отчет в том, что возможностей таких тогда не существовало. Но это было, очевидно, и его слабостью как политика. Внешней политике Франции того времени не хватало масштабности. По меткому замечанию Ш. Сент-Бева, эта политика не открывала для Франции никаких перспектив на международной арене. "Франция сжучает", – так А. Ламартин подвел итог почти восьмилетнему правлению Гизо.

Этим в значительной степени и определялась оппозиция внешнеполитической деятельности правительства Гизо в общественном движении страны. Требование перейти от решения узких, прагматических проблем к созданию крупномасштабной внешнеполитической программы было характерно для всех групп общественной оппозиции. Такой программы Гизо не создал и даже не ставил себе такой задачи, ибо понимал, что условий для ее реализации у страны нет. Расстановка сил на международной арене объективно не давала возможности Франции войти в систему международных отношений в качестве великой европейской державы. Этого не позволяла сделать и та основная задача в политической области – укрепление режима Июльской монархии, – которую он тщетно пытался решить. Да здравствует король! Да здравствует "Хартия"! – так обычно он заканчивал свои выступления в палате депутатов.

Для выполнения этой задачи необходимо было добиться признания, а возможно, и сближения именно с легитимными монархами Европы. Поэтому Гизо к концу руководства министерством попытался реализовать план заключения союза с Австрийской монархией. Драма Гизо заключалась даже не в том, что это был неверный расчет, а в том, что все его начинания не находили понимания у французского общества, жаждавшего крупных планов и проектов. Так, Гизо всеми силами стремился остановить процесс объединения германских земель, видя в нем и, как показала история, обоснованно, угрозу национальным интересам Франции. Считал, что Австрия может стать ее союзником по германскому вопросу. Оппозиция же видела в Австрии лишь инициатора Священного союза и Венской системы, т.е. главного врага Франции, основного виновника унижения для нее статей мира 1815 г.

Во Франции сохранялся миф о приверженности немцев, особенно в Рейнской провинции, к Франции как "символу свободы, равенства всех народов". И даже если поступала другая информация, ее расценивали как дело рук "коварного Меттерниха". Оппозиция, несмотря на различия в своих политических симпатиях, в этом была одина

³⁴ Guizot F. Mémoires..., t. 2, p. 259.

³⁵ Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. 15. СПб., 1909, с. 115.

и видела в объединенном германском государстве фактор безопасности Франции и гарантию мира в Европе. Считалось, что перемены в Германии изменят международную ситуацию в пользу Франции и что в благодарность ей за поддержку левый берег Рейна вновь станет французским. Эти взгляды разделяли Ж. Мишле, В. Гюго, А. Ламартин.

Даже попытка осуществления идеи союза с Австрией привела бы к буре негодования во французском обществе. И прав был Н.И. Кареев, когда писал: "Гизо и Меттерних соединились между собой только для того, чтобы одновременно упасть в яму, которая разверзлась пред ними"³⁶.

Недовольство внешней политикой стало одним из факторов, приведших к отставке Гизо в 1847 г., а затем и к общенациональному кризису и революции 1848 г. Получив отставку, Гизо не покинул политический Олимп. Он стал председателем кабинета министров. Однако остановить надвигавшийся революционный кризис ему уже не удалось. Отчасти оттого, что в свою знаменитую формулу "Да здравствует король! Да здравствует "Хартия"!" он не считал нужным внести никаких изменений. Поглощенный заботами о сохранении порядка, Гизо проглядел зарождение мощной демократической оппозиции. Его претенциозное самомнение парализовало волю других членов кабинета и самого Луи Филиппа. Французская монархия в очередной раз оказалась не способной к реформированию.

23 февраля 1848 г. Луи Филипп дал отставку правительству Гизо. В тот же день Гизо, напуганный размахом народных выступлений в Париже, бежал в Англию. После революции Гизо вернулся во Францию и в 1849 г. выдвинул свою кандидатуру на выборах в Законодательное собрание. Но потерпел неудачу. Больше в политику он не возвращался, занимаясь литературной деятельностью. Умер Гизо 12 октября 1874 г. в Валь-Рише.

Франсуа Гизо как политического деятеля погубили снобизм, высокомерие и глубокая убежденность в непогрешимости своей политической доктрины. Он забыл о том, о чем сам говорил в 20-е годы: оппозиция – это не свора неразумных, сбившихся с истинного пути юнцов, а состояние общества, к которому власть обязана, если желает стабильности и порядка, прислушиваться и реагировать на новые общественные настроения. Эти личные качества Гизо не позволили ему стать выдающейся политической фигурой. Анализируя события 1848 г. и стремясь ответить на вопрос, почему не удалась конституционная монархия во Франции, Гизо так и не признал своих ошибок, видя в Июльской монархии тот политический режим, который так необходим стране для процветания. Его мемуары, выходявшие с 1858 г., полны самолюбования. И это тоже свидетельство того, что Гизо не смог подняться до уровня действительного лидера на политической авансцене Франции своего времени.

Французское либеральное движение в целом не дало политического деятеля того масштаба, которого от него требовала конкретная политическая ситуация, складывавшаяся в стране во второй половине 40-х годов XIX в. Либерализм из оппозиционного движения в 20-х годах XIX в. очень скоро, после революции 1830 г., превратился в консервативное, тесно связав свою судьбу с крупной буржуазией и не признавая никаких демократических реформ. Либерализм приобрел олигархические черты, которые были чужды духу и характеру французского народа. Народное движение повернуло в сторону радикализма и социализма. Французские либералы не проявили той гибкости и политической мудрости, которые были необходимы в условиях острой политической нестабильности и нараставшего общественного недовольства в стране в 40-е годы XIX в.

³⁶ Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время, т. 5, СПб., 1908, с. 168.

А.М. ЛЕДОВСКИЙ

**СТЕНОГРАММЫ ПЕРЕГОВОРОВ
И.В. СТАЛИНА С ЧЖОУ ЭНЬЛАЕМ
В АВГУСТЕ–СЕНТЯБРЕ 1952 г.**

Визит Мао Цзэдуна в Москву в декабре 1949 – феврале 1950 г. и заключение 14 февраля 1950 г. Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи и ряда других соглашений между СССР и КНР заложили основу новых отношений между двумя странами¹. О том, как складывались и развивались советско-китайские отношения после февраля 1950 г., в СССР, КНР и в других странах опубликовано множество книг и статей. В них содержатся и правда, и искажения, и преднамеренные фальсификации, порожденные "холодной войной" и идеологическими спорами между Москвой и Пекином.

После окончания "холодной войны" эта тема требует всестороннего исследования и переосмысления с опорой на документы, которые до недавнего времени находились под запретом в секретных архивных фондах, а многие и сейчас продолжают оставаться недоступными для исследователей. Имеются в виду не только советские и российские архивы, но и архивы зарубежных стран. Приводимые впервые документы из архивного фонда И.В. Сталина характеризуют отношения между И.В. Сталиным и руководством КПК после визита Мао Цзэдуна в Москву и заключения вышеупомянутого договора и соглашений от 14 февраля 1950 г. Большой интерес представляют записи бесед Сталина с Чжоу Эньлаем во время его визита в Москву в августе – сентябре 1952 г. После приезда Мао Цзэдуна это была вторая и последняя при жизни Сталина встреча в Москве с представителями ЦК КПК и правительства КНР на высшем уровне.

Чжоу Эньлай прибыл в Москву во главе правительственной делегации 17 августа 1952 г. В состав делегации входили заместитель председателя Государственного Совета КНР Чэнь Юнь, заместитель председателя финансово-экономического комитета при Госсовете Ли Фучунь, заместитель начальника Генерального штаба Народно-Революционного военного совета Су Юй, министр тяжелой промышленности Ван Хаошоу, министр топливной промышленности Чэнь Юй, начальник Секретариата финансово-экономического комитета Сун Шаовэнь, командующий военно-воздушными силами Народно-освободительной армии (НОА) Лю Ялоу, заместитель командующего военно-морскими силами Ло Шуньчу, заместитель командующего артиллерией НОА Цю Чуанчэн, заместитель министра машиностроительной промышленности Ван Даохань, заместитель министра почт и телеграфа Ван Чжэн, политический секретарь министерства иностранных дел КНР Ши Чжэ, начальник отдела СССР и стран Восточной Европы министерства иностранных дел КНР Сюй Исинь, начальник Азиатского отдела министерства иностранных дел Чэнь Цзякан.

На аэродроме их встречали В.М. Молотов, А.И. Микоян, Н.А. Булганин,

¹ См. *Ледовский А.М. Переговоры И.В. Сталина с Мао Цзэдуном в декабре 1949 – феврале 1950 г. – Новая и новейшая история, 1997, № 1.*

А.Я. Вышинский, министр внешней торговли П.Н. Кумыкин, посол СССР в КНР А.С. Панюшкин.

18 августа Чжоу Эньлай в качестве министра иностранных дел КНР нанес визит министру иностранных дел СССР А.Я. Вышинскому. Вместе с ним на этой встрече были посол КНР Чжан Вэнтянь и два ответственных сотрудника министерства иностранных дел КНР. С советской стороны присутствовал заведующий 1-м Дальневосточным отделом МИД СССР Н.Т. Федоренко. Встреча носила в основном протокольный характер.

20 августа состоялась первая встреча Чжоу Эньлая со Сталиным. После обмена приветствиями и взаимными любезностями Чжоу Эньлай передал от имени Мао Цзэдуна благодарность Сталину, ЦК ВКП(б) и советскому правительству "за огромную помощь как в деле развития народного хозяйства Китая, так и в борьбе с "врагами"". Ниже приводим фрагменты записи беседы.

"Сталин: Мы тоже должны быть благодарны китайскому народу за то, что он ведет справедливую борьбу. Большая помощь со стороны Китая также и в том, что он предоставляет нам каучук. Придется и нам поблагодарить Китай.

Чжоу Эньлай: К сожалению, помощь со стороны Китая Советскому Союзу недостаточна.

Сталин: Вы поздно пришли к власти. Опоздали больше чем на 30 лет.

Чжоу Эньлай просит разрешения изложить цель приезда Китайской делегации. Он напоминает о телеграмме Мао Цзэдуна, в которой были изложены пожелания правительства КНР. Затем он назвал три группы вопросов, которые делегации было поручено обсудить в Москве с советским руководством. Первый вопрос – о положении в Корее. Второй – о внутреннем положении в КНР за последние три года, а также о пятилетнем плане экономического развития. Чжоу Эньлай сказал, что по этому вопросу делегация готовит письменный доклад, который она хотела бы представить на рассмотрение советского руководства и обменяться мнениями. Третьим вопросом Чжоу Эньлай назвал вопрос о продлении срока соглашения о Порт-Артуре.

Сталин: Инициатива в продлении срока совместного использования военно-морской базы Порт-Артур должна исходить от китайской стороны. Мы там гости – а гости таких вопросов не ставят².

Чжоу Эньлай согласился с мнением Сталина и предложил обменяться нотами по этому вопросу. Вслед за вопросом о Порт-Артуре был затронут проект постройки железнодорожных линий между КНР и СССР через территорию Монгольской Народной Республики и альтернативный проект – через территорию Синьцзяна. Чжоу Эньлай выразил пожелание Пекина в первую очередь построить дорогу через МНР. Сталин обещал оказать помощь в этом строительстве, но проявил больший интерес к строительству дороги из СССР в Синьцзян. Он считал это более важным ввиду наличия в Синьцзяне залежей нефти, цветных металлов и других богатых сырьевых источников.

"Сталин спрашивает, заинтересован ли Китай в этой дороге.

Чжоу Эньлай замечает, что более важное значение имела бы дорога в Синьцзян. Но это очень сложное и трудное строительство. Китайское правительство намерено в первую очередь построить дорогу в направлении на Монголию с выходом в Советский Союз. Протяженность дороги на китайской территории приблизительно 350 км. Предполагается закончить дорогу к июню 1955 г. Эта дорога отвечает интересам Китая, так как открывает путь прямого железнодорожного сообщения с Советским Союзом, облегчит получение из СССР промышленного оборудования для Китая, а также ввоз в Советский Союз китайских товаров.

Сталин отмечает, что синьцзянское направление с точки зрения дальнего прицела является очень важным, и мы могли бы помочь Китаю построить эту железную дорогу. Но это действительно дело долгое. Если китайские товарищи заинтересованы

² Архив Президента Российской Федерации (далее – АП РФ), ф. 45, оп. 1, д. 329, л. 55.

в строительстве дороги через Монголию, то мы готовы со своей стороны помочь этому строительству на монгольской территории. Это будет скорее. Но мы считаем, что нельзя отказываться от синьцзянского направления, так как это очень важная дорога, проходящая по нефтеносным районам. На территории Китая должна быть нефть. В Монголии ее мало.

Чжоу Эньлай замечает, что в районе Пиндицюаня много железной руды и здесь будет центр железодельной и сталелитейной промышленности. В настоящее время ведется работа по проектированию строительства синьцзянской железной дороги. В течение первой пятилетки будет построена дорога от Ланьчжоу до Хами. Во второй пятилетке будет построена дорога от Хами до границы СССР.

Сталин одобряет это и вновь подчеркивает значение синьцзянской дороги в связи с перспективой нефтедобычи.

Чжоу Эньлай подтверждает, что по этой трассе всюду имеется нефть³.

Затем **Чжоу Эньлай** обратился к **Сталину** с просьбой о проектировании и строительстве 151 промышленного предприятия, о посылке в КНР советских специалистов и о подготовке в СССР китайских кадров, необходимых для промышленности и других отраслей экономики, техники, науки и т.д. Он сказал, что ранее присланные в Китай советские специалисты "проделали огромную работу, особенно в подготовке китайских рабочих кадров и специалистов". **Чжоу Эньлай** просил расширить кадровую помощь и в этих целях изыскать возможность дополнительно направить в Китай свыше 800 советских специалистов, а также разрешить правительству КНР направлять в СССР китайскую молодежь для обучения в советских учебных заведениях и китайских практикантов на советские промышленные предприятия. **Чжоу Эньлай** просил также оказать КНР научно-техническую помощь путем предоставления различной технической документации.

Сталин согласился удовлетворить все эти просьбы. Касаясь оказания помощи КНР в подготовке китайских кадров, **Сталин** подчеркнул: "Это самое главное. В таком случае Китай будет крепко стоять на ногах, если у него будут свои кадры"⁴.

Большое место в беседе заняли вопросы, связанные с поставками для КНР советского оружия, различной боевой техники для оснащения вооруженных сил НОА и обеспечения военных операций на корейском фронте, а также вопросы создания военной промышленности КНР. Приводим фрагмент записи беседы по этому блоку вопросов:

"**Чжоу Эньлай** касается вопроса о пятилетнем плане обороны и сообщает, что готовит материалы и представит по этому вопросу письменный доклад. Он выражает вместе с тем пожелание получить военное оснащение.

Сталин спрашивает, имеет ли **Чжоу Эньлай** в виду поставки готового вооружения или оборудования для военных заводов.

Чжоу Эньлай говорит, что сейчас речь идет о поставках готового вооружения. Отметив, что по поводу 60 дивизий уже имеется соглашение, он хотел бы также обсудить вопрос о военно-морских поставках и спрашивает, какую можно было бы получить помощь самолетами.

Сталин спрашивает: не думает ли китайское правительство строить авиационные заводы?

Чжоу Эньлай говорит, что это очень трудно сделать в течение первой пятилетки, в частности, в отношении реактивных самолетов. Отмечает, что планируется освоение такого строительства не раньше, чем через 5 лет, а моторостроения – через 3 года.

Сталин указывает на пример Чехословакии и Польши, где начали со сборочных заводов. Говорит, что СССР может посылать в Китай моторы и другие части самолетов, а Китай может организовать у себя сборку этих самолетов. На этом воспитываются кадры. Сборочные заводы можно превратить в заводы по строительству

³ Там же, л. 56–57.

⁴ Там же, л. 58.

самолетов. Такой путь прошли и мы. Такой путь целесообразно избрать и китайским товарищам. Сначала надо построить 1–2 завода для сборки моторов. Мы будем посылать моторы и другие части для самолетов, которые можно будет собирать в Китае. Так действовали в Польше, Чехословакии и Венгрии. Это надо организовать. Организовав сборочные заводы, можно будет через 3 года построить и заводы по строительству самолетов. Это самый легкий и самый верный путь.

Чжоу Эньлай говорит, что это они уже начинают понимать и организуют ремонтные и сборочные заводы. Добавляет, что если товарищ Сталин находит необходимым ускорить это дело, то они примут в этом отношении все меры.

Сталин спрашивает, сформированы ли какие-либо дивизии за счет того вооружения, которое Советский Союз направил в Китай для 60 дивизий.

Чжоу Эньлай объясняет, что из 10 дивизий, на которые они получили вооружение, 3 переданы корейцам и 7 предназначаются для китайских частей, находящихся в Корее.

Сталин спрашивает, правильно ли можно понять, что все вооружение пойдет на корейский фронт.

Чжоу Эньлай подтверждает, что это так, если война будет продолжаться. Сообщает, что китайское правительство наметило из 60 дивизий 3 послать корейцам, 42 дивизии готовятся для Кореи.

Сталин спрашивает, привыкли ли китайцы к новому вооружению.

Чжоу Эньлай разъясняет, что постепенно овладевают этим новым вооружением, обучаются 3–4 месяца.

Сталин. В таких случаях мы действуем так, чтобы люди хорошо ознакомились с вооружением и с организацией дивизий. Это требует времени, примерно около 6 месяцев. Без этого можно растерять вооружение. Кроме того, за это время мы проверяем работу всяких приборов и только после этого посылаем эти соединения на фронт. Конечно, можно эту подготовку проводить и в тылу, близко к фронту, например, в Корее. Половину дивизий, получающих новое вооружение, нужно было бы оставить в Китае.

Чжоу Эньлай отмечает, что посылка дивизий в Корею вызывается потерями, которые требуют восполнения.

Сталин подчеркивает, что необходимо дать обученные дивизии, тогда будет легче.

Чжоу Эньлай ставит вопрос о помощи артиллерией.

Сталин спрашивает, могут ли в Китае готовить снаряды.

Чжоу Эньлай отвечает, что к этому делу приступили.

Сталин отмечает, что всего труднее возить снаряды, легче возить артиллерию.

Чжоу Эньлай повторяет свою просьбу о помощи артиллерией. Подчеркивает, что на один китайский снаряд американцы отвечают 9 снарядами.

Сталин. Это плохо. Добавляет, что если американцы выпускают 9 снарядов, то китайцы должны выпускать 20. Мы немцев задушили снарядами. У нас одно орудие было на расстоянии 2 метров, а у немцев одно орудие на расстоянии километра. Артиллерия – большое дело. Китайскому правительству надо наладить производство снарядов. Мы поможем построить такие заводы.

Чжоу Эньлай указывает, что они реорганизуют имеющиеся заводы и проектируют новые заводы.

Сталин. Это дело нужное. Главное здесь это станки.

Чжоу Эньлай говорит, что у них станки есть, но старые.

Сталин говорит, что нужны станки для снарядов 122 мм, для трехдюймовых и для зенитных орудий. В этом деле мы можем помочь. Добавляет, что больших заводов не нужно строить. У нас снаряды строят на разных заводах: одни делают кувшины (гильзы), другие заряжают. Все сделать на одном заводе трудно.

Чжоу Энлай, касаясь вопроса об авиационной промышленности, заявляет, что китайское правительство будет действовать согласно советам советского правительства и примет все меры к ускорению развития этой промышленности.

Сталин подчеркивает важность в первую очередь организации сборочных заводов.

Чжоу Энлай говорит о том, что китайское правительство проектирует постройку танкостроительных заводов: одного для легких танков с выпуском 1 тыс. штук танков в год, а другого – для средних танков, с программой строительства на 4–5 лет.

Сталин советует также и в этом случае начать со сборочных заводов, указывая на то, что во время войны автомобильные заводы мы превратили в танковые. Говорит, что хорошо было бы иметь китайцам 1–2 автомобильных сборочных завода.

Чжоу Энлай говорит, что они проектируют строительство завода в Чанчуне с выпуском 20 тыс. автомобилей и приводят в порядок один сборочный завод на 3 тыс. штук машин в год. Просят помочь в проектировании еще одного завода.

Сталин подчеркивает, что кадры должны готовиться на сборочных и ремонтных заводах. Об этом надо позаботиться.

Чжоу Энлай соглашается полностью с этим замечанием и сообщает, что китайское правительство уже занимается этим делом. У них есть ремонтные заводы, и они работают сейчас над организацией сборочных заводов; в будущем году эти заводы начнут работать⁵.

В связи с вышеизложенными проблемами собеседники снова возвращаются к вопросу о кадрах:

"**Сталин** интересуется, есть ли в Китае школы фабрично-заводского ученичества. Добавляет, что у нас такие школы имеются при каждом заводе.

Чжоу Энлай признает, что это одно из слабых мест. Они принимают меры к исправлению дела. При заводах есть курсы. Они привлекают к этому делу студенчество, берут людей из партии.

Сталин указывает, что у нас имеется специальное министерство, министерство трудовых резервов. Имеются ремесленные училища. Хорошо было бы в Китае завести что-либо в этом роде. Из этих школ мы выпускаем около 1 млн. молодых рабочих каждый год.

Чжоу Энлай спрашивает, какие имеются у нас учреждения для подготовки кадров среднего звена.

Сталин объясняет, что для этого имеются специализированные техникумы.

Чжоу Энлай говорит, что хотел бы обсудить вопрос о радиолокации.

Сталин обещает помощь в этом деле. Радио и радиолокация – это очень большое дело.

Чжоу Энлай говорит, что они имели в виду построить сборочные заводы по этой специальности.

Сталин подчеркивает, что затем надо построить заводы по производству радиолокационной аппаратуры.

Чжоу Энлай говорит, что пока они радиолокационную аппаратуру делать не могут.

Сталин обещает помощь.

Чжоу Энлай вновь затронул вопрос о специалистах. Сказал, что китайское правительство не только намерено просить у нас помощи в специалистах, но рассчитывает организовать подготовку и собственных специалистов.

Сталин одобряет это, указывая на то, что к китайскому правительству будут обращаться за специалистами другие страны: Индия, Бирма, Индокитай. Добавляет, что было бы более целесообразно китайскому правительству направлять инженеров и техников на заводы в СССР, где они окончательно укрепятся⁶.

⁵ Там же, с. 58–62.

⁶ Там же, л. 63.

Как известно, на переговорах Сталина с Мао Цзэдуном была достигнута договоренность о порядке оплаты за поставки в КНР советского машинного оборудования, промышленных товаров, за направляемых в КНР советских специалистов и т.д. Мао Цзэдун неоднократно подчеркивал, что китайская сторона не просит у СССР "бесплатной помощи", так как хорошо понимает, что "во все то, что Китай получает из Советского Союза, вложен труд советских рабочих и его следует оплачивать". Это были намерения. А действительность, к сожалению, оказалась иной. Ко времени беседы Сталина с Чжоу Эньлаем образовалась большая задолженность КНР Советскому Союзу. По этому вопросу Чжоу Эньлай сказал, что для покрытия разницы между поставками товаров из СССР в Китай и из Китая в СССР китайское правительство хочет просить новый кредит, хотя и понимает, что "это, конечно, обременительно для Советского Союза". В ответ Сталин заметил, что "это объясняется тем, что мы раньше пришли к власти, нам повезло. Если бы китайские товарищи пришли к власти раньше, то пришлось бы нам просить покрыть такого рода разницу"⁷.

Большое место в беседе Сталина с Чжоу Эньлаем заняли вопросы, касавшиеся войны в Корее, положения на фронтах, перспектив мирного урегулирования корейского вопроса. Чжоу Эньлай обрисовал военное положение, отметив, что до мая 1951 г. война в Корее была маневренной, а с мая 1951 г. стала приобретать позиционный характер. Сейчас, пояснил он, наблюдается известное равновесие сил: ни американская, ни корейско-китайская сторона не ведут наступательных операций. Далее Чжоу Эньлай сказал:

"Мао Цзэдун выдвинул три вопроса. Первый – сможем ли мы отбросить противника. Мы убедились, что сможем. Второй вопрос – сможем ли мы удержаться на занимаемых позициях. Текущий год показал, что мы сможем удержаться и закрепиться на этих позициях. Третий вопрос – сможем ли мы вести наступательные операции – атаковать противника. Раньше мы думали, что нам едва ли удастся вести наступательные операции более 7 дней. Теперь мы достаточно укрепились, чтобы вести операции дольше и чтобы выдержать бомбежку, крепко зарылись в землю"⁸.

Сталин и Чжоу Эньлай обсудили вопрос о военнопленных. Чжоу Эньлай информировал о положении дел на переговорах об обмене военнопленными, о тупиковой ситуации, сложившейся на них из-за резкого расхождения точек зрения сторон. Он отметил, что имеют место расхождения по этому вопросу не только между КНР и США, но и между Пекином и руководством Северной Кореи. По словам Чжоу Эньлая, суть разногласий Пекина с "корейскими товарищами" заключалась в том, что США не хотели обменивать военнопленных "всех на всех", а собирались удерживать часть военнопленных, причем большинство из них составляли китайские добровольцы. "Северокорейские товарищи" были склонны согласиться на это в целях скорейшего завершения переговоров и прекращения войны, в которой Северная Корея несла колоссальные потери. Руководство КНР было против уступок, считая, что продолжение войны выгодно КНР и невыгодно США. Вот фрагмент из записи беседы, касающейся этого вопроса:

"Чжоу Эньлай кратко сообщает о расхождениях в этом вопросе с корейскими товарищами. Американцы согласились на возвращение 83 тыс. военнопленных, и корейцы готовы были на это согласиться. Но они не учли, что американцы ведут хитрую игру, поскольку из 83 тыс. – 6 400 человек китайцев, а остальные корейцы. На самом деле американцы должны были вернуть еще 13 600 китайских добровольцев, американцы не хотят это делать и в то же время готовы вернуть 76 тыс. корейцев. Это ясно доказывает, что они ведут провокационную игру, стремясь вбить клин между китайцами и корейцами.

Мао Цзэдун считает, что нужно твердо стоять на возвращении всех военнопленных. Корейцы же думают, что продолжение войны невыгодно, потому что еже-

⁷ Там же, л. 64.

⁸ Там же, л. 65.

дневные потери больше, чем то количество военнопленных, о возвращении которых идет спор. Но прекращение войны США невыгодно. Мао Цзэдун считает, что продолжение войны выгодно нам, так как это мешает подготовке США к новой мировой войне.

Сталин: Мао Цзэдун прав. Эта война портит кровь американцам. Северокорейцы ничего не проиграли, кроме жертв, которые они понесли в этой войне. Американцы понимают, что эта война им невыгодна и должны будут ее закончить, особенно после того, как выяснится, что наши войска остаются в Китае. Нужны выдержка, терпение. Конечно, надо понимать корейцев – у них много жертв. Но им надо разъяснять, что это дело большое. Нужно иметь терпение, нужна большая выдержка. Война в Корее показала слабость американцев. Войска 24 стран не могут долго поддерживать войну в Корее, так как они ни добились своих целей и не могут рассчитывать на успех в этом деле. Корейцам надо помогать и поддерживать их⁹.

Сталин спросил Чжоу Эньлая, как у северокорейцев обстоит дело с хлебом. "Мы можем им еще помочь", – добавил он. Чжоу Эньлай ответил, что северокорейцы испытывают затруднения в вопросах снабжения продовольствием и что КНР, как и Советский Союз, оказывала и будет оказывать им необходимую помощь. Он подчеркнул, что со стороны КНР северокорейцам будет предоставлено "и продовольствие, и одежда, и все, что они попросят, но мы не можем дать им оружие". Сталин на это сказал, что "для Кореи мы можем дать еще оружия. Для Кореи мы ничего не пожалеем", и далее добавил, что "если американцы немного уступят, то можно согласиться, имея в виду, что о нерешенных вопросах переговоры будут продолжены"¹⁰.

Чжоу Эньлай согласился с замечаниями Сталина о том, что война в Корее "портит американцам кровь" и что "США не готовы к мировой войне". Он отметил, что, "выполняя авангардную роль в этой войне, Китай способствует тому, что момент наступления войны отдалится и, если удастся сдержать наступление американцев в Корее на 15–20 лет, тогда США вообще не смогут развязать третью мировую войну"¹¹. "Это правильно, – сказал Сталин, – но с одной оговоркой: американцы вообще не способны вести большую войну, особенно после корейской войны. Вся их сила в налетах, атомной бомбе"¹².

Развивая этот тезис, Сталин далее заявил: "Англия из-за Америки воевать не будет. Америка не может победить маленькую Корею. Нужна твердость в отношениях с американцами. Китайские товарищи должны знать, что если Америка не проиграет эту войну, то Тайвань китайцы никогда не получат. Американцы – это купцы. Каждый американский солдат – спекулянт, занимается куплей и продажей. Немцы в 20 дней завоевали Францию. США уже два года не могут справиться с маленькой Кореей. Какая же это сила? Главное вооружение американцев, – шутивно заметил товарищ Сталин, – это чулки, сигареты и прочие товары для продажи. Они хотят покорить весь мир, а не могут справиться с маленькой Кореей. Нет, американцы не умеют воевать. Особенно после корейской войны они потеряли способность вести большую войну. Они надеются на атомную бомбу, авиационные налеты. Но этим войну не выиграть. Нужна пехота, но пехоты у них мало и она слаба. С маленькой Кореей воюют, а в США уже плачут. Что же будет, если они начнут большую войну? Тогда, пожалуй, все будут плакать"¹³.

Заключительная часть беседы была посвящена вопросам оказания дополнительной

⁹ Там же, л. 65–66.

¹⁰ Там же, л. 67.

¹¹ В записи беседы эта мысль Чжоу Эньлая отражена переводчиками и составителями не совсем точно. Видимо, следует ее понимать так: если удастся сдержать наступление США в Корее и американцы там "завязнут", то опасность третьей мировой войны отдалится на 15–20 лет. А через 15–20 лет США вообще не смогут развязать такую войну.

¹² АП РФ, ф. 45, оп. 1, д. 329, л. 68.

¹³ Там же.

военной помощи Северной Корее и Китаю, – поставок боевой техники, включая авиацию, зенитных орудий, а также боеприпасов и т.д. Чжоу Эньлай изложил просьбу северокорейских руководителей. Они просили, в частности, дать им 10 полков зенитной артиллерии.

“Чжоу Эньлай: Мы сказали корейцам, что у нас нет такой возможности и что мы поговорим с советским правительством.

Сталин: Ким Ир Сен просил 5 полков у нас. Мы ему обещали и дадим. Может быть, 5 полков даст Китай?

Чжоу Эньлай ответил, что у них такой возможности нет.

Сталин сказал, что по поводу просьбы о предоставлении 10 полков зенитной артиллерии, сверх ранее обещанных, надо обдумать.

Чжоу Эньлай передал просьбу корейских товарищей посоветоваться, “не следует ли начать бомбежку Южной Кореи?”

Сталин разъяснил, что авиация является государственной и добровольцам использовать государственную авиацию не следует.

Чжоу Эньлай сообщил далее, что корейские товарищи спрашивают, не следует ли им начать новое наступление? Китайское правительство на это ответило, что мы не можем вести стратегическое наступление.

Сталин сказал: когда идут переговоры о перемирии, не следует вести ни стратегического, ни тактического наступления. Не следует вести никакого наступления.

Чжоу Эньлай, сославшись на просьбу Мао Цзэдуна, спросил Сталина: не следует ли пригласить в Москву Ким Ир Сена и Пэн Дэхуа?

Сталин ответил: Я с удовольствием поговорил бы с ними, но они далеко. Кроме того, нам приглашать неудобно. Если бы они поставили этот вопрос, то мы с удовольствием их приняли бы¹⁴.

Таковы основные вопросы, которые обсуждались на первой встрече Сталина с Чжоу Эньлаем и возглавлявшейся им делегацией 20 августа 1952 г.

24 августа Чжоу Эньлай и члены делегации посетили Мавзолей В.И. Ленина и возложили венок с надписью: “Великому учителю революции В.И. Ленину”.

25 августа Вышинский дал завтрак в честь Чжоу Эньлая и возглавляемой им делегации. 28 августа Вышинский устроил прием в честь Чжоу Эньлая и делегации КНР. На приеме присутствовали прибывший в СССР премьер-министр МНР Ю. Цеденбал, а также главы посольств и дипломатических миссий зарубежных стран. С советской стороны из высших руководящих деятелей на приеме были В.М. Молотов, А.И. Микоян и другие заместители председателя Совета Министров СССР.

Вторая встреча Сталина и Чжоу Эньлая состоялась 3 сентября. С советской стороны на ней присутствовали: В.М. Молотов, Г.М. Маленков, Н.А. Булганин, Л.П. Берия, А.И. Микоян, Л.М. Каганович, А.Я. Вышинский, П.Н. Кумыкин. С китайской стороны – Чэнь Юнь, Ли Фучунь, Чжан Вэньцзянь, Су Юй. Беседу переводили Н.Т. Федоренко и Ши Чжэ (Карский).

Она почти целиком была посвящена вопросам советско-китайских экономических отношений, точнее – экономического развития Китайской Народной Республики и помощи в этом со стороны СССР. Правительство КНР намерено было иметь всеобъемлющий план развития страны на ближайшие пять лет по образцу советских пятилетних планов. Главной целью на эти пять лет правительство КНР ставило строительство наиболее важных промышленных предприятий, которые должны были послужить прочной основой для последующей более широкой индустриализации Китая. Одной из наиболее важных задач индустриализации было создание военной промышленности, в особенности предприятий самолетостроения, танкостроения и судостроения. В Китае военной промышленности не было, за исключением неболь-

¹⁴ Там же, л. 69–70.

шого числа мелких заводов, производивших стрелковое оружие. Весь этот комплекс проблем руководство КПК собиралось отразить и увязать в едином пятилетнем плане. Но разработка такого плана для руководства КПК была непосильной задачей, так как у него не было ни малейшего опыта в этом деле. Однако главная проблема заключалась даже не в этом, а в том, что для осуществления разрабатывавшихся планов нужны были внешние займы, промышленное оборудование, "ноу хау", высококвалифицированные кадры специалистов. В условиях международной политической изоляции КНР и ее экономической блокады помощь в решении всех этих и многих других проблем руководство КПК могло получить только от СССР.

По поручению Мао Цзэдуна Чжоу Эньлай изложил эти вопросы в специально подготовленном докладе, представленном на рассмотрение ЦК ВКП (б), и просил Сталина "дать указания", как их решать.

После обмена приветствиями беседа началась с вопроса о пятилетнем плане Китайской Народной Республики.

"Сталин. Мы ознакомились с вашим планом пятилетнего строительства. Вы устанавливаете годовой прирост в 20%. Не является ли установление 20% годового прироста для промышленности напряженным или при 20% предусматривается некоторый запас?

Чжоу Эньлай обращает внимание на то, что у них нет еще достаточного опыта по составлению плана. Опыт истекших трех лет показал, что КНР недооценивает свои возможности. Реальность плана будет зависеть от усилий китайского народа и от помощи, которую Китай рассчитывает получить от СССР.

Сталин: Мы составляем пятилетний план с резервом, так как невозможно учесть все моменты. Бывают разные причины, оказывающие влияние в том или ином направлении. Мы всегда включаем в план гражданскую и военную промышленность. В пятилетнем плане КНР этого нет. Между тем это необходимо, чтобы иметь полное представление о всех расходах, предусмотренных планом.

Мы должны знать, сколько от нас требуется по всем статьям. Необходимо произвести подсчеты. В представленных же материалах такие данные не содержатся. Поэтому мы не можем сказать свое окончательное мнение. Нам нужно по крайней мере два месяца для того, чтобы подсчитать и сказать, что мы можем вам предоставить.

Обычно мы готовим наш пятилетний план по крайней мере в течение года. Затем рассматриваем подготовленный проект еще 2 месяца, но все же у нас бывают ошибки.

Мы хотели бы, чтобы вы дали нам для изучения вашего плана месяца два с тем, чтобы мы смогли ответить на ваши вопросы"¹⁵.

Отвечая на замечания Сталина, Чжоу Эньлай согласился с тем, что трудно создать себе общее представление о китайском пятилетнем плане, поскольку в него не включены военные вопросы, но в вопросе о военных наметках у руководителей КПК много трудностей, поскольку для них вообще не ясно, включать ли военные вопросы в общий план. Что же касается публикации пятилетнего плана, сказал он, то они не намерены печатать пятилетний план целиком, а опубликуют только основные направления плана.

"Сталин разъясняет: Публикование планов развития необходимо для того, чтобы народ ясно представлял размах строительства. Должны быть цифры. Ограничиваться публикацией только основного направления не следует. Есть люди, которые хотят знать и видеть общий размах строительства, предусмотренного пятилетним планом. Поэтому военное строительство необходимо в этом плане предусмотреть, но не следует называть военные предприятия и т.д. Так будет лучше. План должен быть единый: включать и гражданское, и военное строительство.

Что касается СССР, то и нам, как поставщику, нужно знать, какая и для чего именно потребуется от нас помощь. Источник один – СССР. Но нам нужен расчет как

¹⁵ Там же, л. 76.

по гражданской, так и по военной части. Мы должны знать, подсчитать по всем частям общую сумму.

Скажем, в 1953 г. мы поставляем вооружение для 10–15 дивизий. Нам нужно знать, сколько стали и других материалов потребуется для выполнения этого заказа. В этом же 1953 г. мы должны дать определенное количество оборудования по гражданской части. Это тоже нужно подсчитать. Затем сложить обе цифры по гражданской и военной частям и определить, сможем ли мы обеспечить в таком объеме поставки. Сообразно с этим и строить план на каждый год. Может быть, китайские товарищи думают, что все это вооружение лежит у нас на складе? Нет, его нужно изготовить.

Чжоу Эньлай касается военно-морских поставок. Спрашивает, нужно ли включать эти поставки в план или их выделить. Ориентировочно эти поставки должны вестись в течение шести лет. Остается ли прежняя договоренность в силе?

Сталин: Все, о чем договорились – о военных и военно-морских поставках, – все остается в силе. Но это нужно учесть при определении общей суммы поставок. Мы никаких кредитов не отменяем и не отказываемся ни от каких соглашений. Вообще, мы считаем недопустимым отказываться от взятых на себя обязательств. Раз заключено соглашение, значит, его необходимо выполнять, и мы выполняем.

Чжоу Эньлай говорит, что т. Мао Цзэдун поручил ему доложить об общей наметке пятилетнего плана и выяснить, сколько нужно будет заказать в Советском Союзе по общей промышленности и по военной. Они наметили по общей промышленности на 7 700 млн. рублей, а по военной на 4 500 млн. рублей. Мао Цзэдун просил выяснить, правильна ли эта пропорция, не слишком велика ли военная часть.

Сталин: Это очень напряженная цифра. У нас даже во время войны не было такой высокой цифры военных расходов. У нас во время войны военное производство составляло около 40–45%, но в Китае нет настоящей войны. Однако поставки по авиации и военно-морским силам нужно обеспечить. Пожалуй, Мао Цзэдун прав в отношении пропорции 7,7 млрд. руб. к 4,5 млрд. руб.

Чжоу Эньлай сообщает, что расходы в бюджете на военные нужды в 1950 г. составляли 44% всего бюджета (1,2 млрд. руб.), в 1951 г. – 52% (8 млрд. руб.), в 1952 г. – 27,9% (5,6 млрд. руб.). Говорит, что капиталовложения по пятилетнему плану в военную промышленность (арсеналы, авиация, танкостроение, военное судостроение) составляют 12–13% всех вкладов в промышленность. Если товарищ Сталин считает, что такое соотношение приемлемо, то они будут исходить из этого при составлении своей общей заявки.

Сталин. Хорошо. Это приемлемо¹⁶.

В беседе был затронут вопрос о строительстве в КНР промышленных предприятий при финансовой и технической помощи со стороны СССР. Чжоу Эньлай сказал, что первоначально было намечено строительство 151 завода, не считая авиапромышленных, танковых и судостроительных предприятий. Теперь названное выше число сокращено до 147. Это предприятия не военные, хотя они обслуживают не только гражданские, но и военные нужды.

Сталин: "Новых предприятий мы обычно строим мало, стараемся расширить старые. Это экономнее. В Китае же, наоборот, придется строить новые, поскольку старых недостаточно. Во время войны мы превращали авиаремонтные мастерские в авиазаводы, автозаводы – в танкостроительные заводы. Мы широко прибегали к кооперации предприятий – изготавливали части на разных предприятиях, а затем собирали их. Этот путь надо испробовать и Китаю. Это легче, чем строительство специальных заводов"¹⁷.

Был затронут также вопрос о покрытии Китаем образовавшейся задолженности в торговле с СССР в оплате за поставки советского промышленного оборудования и т.д. Чжоу Эньлай сказал, что имеется три способа покрытия задолженности: увеличение

¹⁶ Там же, л. 77–81.

¹⁷ Там же, л. 81–82.

экспорта из Китая в СССР; уплата иностранной валютой – долларами, фунтами стерлингов, гонконгскими долларами, швейцарскими франками; получение от СССР нового кредита. Чжоу Эньлай отметил также, что правительство КНР планирует увеличение экспорта китайских товаров в СССР на общую сумму до 13 млрд. руб. "Мы можем, – сказал он, – поставлять скот, кожу, меха, шерсть, шелк, ископаемые богатства, продовольствие, например бобы, чай и т.п."

Касаясь оплаты в иностранной валюте Чжоу Эньлай заявил, что правительство КНР имеет возможность в течение пяти лет собрать до 200 млн. американских долларов, а также 1,6 млрд. английских фунтов стерлингов, гонконгских долларов и швейцарских франков. Чжоу Эньлай спросил Сталина, какой из вышеуказанных способов покрытия разницы в товарообороте между КНР и СССР он считает наиболее приемлемым.

Сталин ответил, что, "возможно, придется использовать все три способа". По поводу оплаты иностранной валютой он высказал мнение, что предпочтительнее американские доллары, поскольку английские фунты стерлингов имеют ограниченное хождение, а по вопросу о гонконгских долларах посчитал необходимым проконсультироваться с министерством финансов СССР. Он далее отметил: "Советскому Союзу очень нужны свинец, вольфрам, олово, сурьма. Желательно увеличить поставки в этом отношении. Мы могли бы также взять лимоны, апельсины, ананасы, которые закупаются Советским Союзом в других странах"¹⁸.

Чжоу Эньлай поднял затем вопрос о новом советском кредите. Он сказал, что правительство КНР хотело бы получить от СССР кредит в сумме 4 млрд. рублей, в том числе 800 млн. на оплату поставок промышленного оборудования, 100 млн. на организацию производства в Китае натурального каучука (разведения гевеи), а остальную часть кредита планируется затратить на оплату вооружения для 60 дивизий НОА и на военно-морские поставки.

"Сталин: Придется дать, но сколько именно – надо подсчитать. 4 миллиарда не сможем.

Чжоу Эньлай говорит, что в этот расчет не входит авиация. Расходы по авиации имеется в виду оплатить наличными.

Сталин: Дело здесь не в цифре, а в том, сможем ли мы произвести столько оборудования. Нужно все это выяснить. Для этого потребуется месяца два"¹⁹.

Чжоу Эньлай изложил далее просьбу правительства КНР о направлении в Китай дополнительного количества советских специалистов разных профилей. Он сказал, что начиная с 1953 г. Китаю потребуется около 750 новых специалистов, в том числе 417 военных, 190 специалистов по финансово-экономическим вопросам, 140 преподавателей различных учебных заведений, в том числе медицинских, и работников в другие китайские учреждения. Кроме того, Чжоу Эньлай попросил направить советских специалистов в области военной промышленности.

Сталин ответил: "Дадим, но сколько, сказать трудно". При этом он поинтересовался, приносит ли пользу уже находящиеся в Китае советские специалисты. Чжоу Эньлай заверил: "Очень большую" – и просил Сталина высказать свои замечания по представленному китайской делегацией докладу, о котором упоминалось выше. Сталин ответил, что доклад произвел на него хорошее впечатление, подчеркнув: "Китай растет. Китай должен превратиться в арсенал Азии. Он должен впоследствии снабжать специалистами другие страны"²⁰.

Чжоу Эньлай сказал, что после прекращения войны в Корее правительство КНР планирует создать армию численностью 3 200 тыс. человек, 102 дивизии. Сталин заметил: "Это хорошо. Но это минимум. Китай должен быть хорошо вооружен, особенно авиацией и флотом". Он рекомендовал иметь в военно-воздушных силах

¹⁸ Там же, л. 82–83.

¹⁹ Там же, л. 83.

²⁰ Там же, л. 83–84.

200 авиаполков, а не 150 авиаполков, как это, по словам Чжоу Эньлая, планировалось Пекином. Сталин обещал оказать помощь в создании крупных военно-воздушных сил КНР, предоставить новые советские реактивные истребители и в течение одного-двух лет полностью заменить ими имеющиеся у КНР советские поршневые истребители. Сталин сказал при этом: "Отставать в этом деле нельзя"²¹.

Отвечая на просьбу Чжоу Эньлая, Сталин дал согласие на предоставление правительству КНР технической документации по производству артиллерийских орудий различных калибров, а также ответил на вопросы и высказал свои советы относительно строительства автомобильных и танкостроительных заводов²².

В конце беседы Чжоу Эньлай затронул некоторые вопросы, касающиеся политики в отношении стран Юго-Восточной Азии и Тибета, обратился с просьбой об оказании правительству КНР помощи в установлении контроля над Тибетом:

"Чжоу Эньлай говорит, что они придерживаются в отношении стран Юго-Восточной Азии такой тактики: войск – не посылать, а воздействовать мирным путем на эти страны. Приводит в пример Бирму, на правительство которой КНР старается воздействовать мирным путем. То же о Тибете. Спрашивает, правильная ли эта позиция.

Сталин: Тибет – часть Китая. В Тибете надо иметь китайские войска. А в отношении Бирмы нужно действовать осторожнее.

Чжоу Эньлай говорит, что бирманское правительство скрывает свою истинную позицию в отношении Китая, но в действительности ведет антикитайскую политику, ориентируясь на американцев и англичан.

Сталин: Хорошо, если бы в Бирме было прокитайское правительство. В бирманском правительстве немало жуликов, изображающих из себя каких-то деятелей.

Чжоу Эньлай поясняет, что китайские войска введены в Тибет год назад и сейчас находятся на границе с Индией. Вопрос о том, чтобы в Тибете были китайские войска, беспорный.

Подчеркивает, что трудно обстоит дело с поддержанием связи с Тибетом. Для связи с Лхассой нужны 4-моторные транспортные самолеты, оборудованные кислородными приборами и приборами против обледенения. Не может ли Советский Союз дать такие самолеты? 2-моторные самолеты проходят только 3/5 пути и дальше идти не могут.

Сталин отвечает, что Советский Союз может помочь в этом.

Чжоу Эньлай спрашивает, нельзя ли тогда Китаю заказать в СССР 20 4-моторных самолетов?

Сталин отвечает, что сперва мы дадим 10, а затем еще 10.

Указывает на необходимость построить дорогу в Тибет.

Чжоу Эньлай говорит, что такая дорога строится, но что ее строительство займет весь будущий год и часть 1954 г.

Сталин замечает, что без дороги трудно поддерживать в Тибете должный порядок. Тибетские ламы продаются кому угодно: и американцам, и англичанам, и индусам – всем, кто больше заплатит.

Чжоу Эньлай говорит, что действительно ламы настроены враждебно. В этом году (февраль, март, апрель) они готовили бунт, но китайскому народному правительству удалось подавить бунтовщиков.

Отмечает, что в результате этого брат Далай-ламы убежал за границу.

Сталин говорит, что должна быть построена дорога в Тибет и что там необходимо держать китайские войска"²³.

10–12 сентября китайская делегация совершила двухдневную поездку в Ста-

²¹ Там же, л. 84–85.

²² Там же, л. 85.

²³ Там же, л. 86–87.

линград, где она увидела места сражений с гитлеровцами, возложила цветы на могилы героев Сталинградской битвы, ознакомилась с крупнейшими промышленными предприятиями Сталинграда, совершила поездку на пароходе по Волго-Донскому каналу. Со стороны местных руководителей и советской общественности китайским гостям было оказано самое теплое гостеприимство.

15 сентября в торжественной обстановке в Кремле состоялось подписание министрами иностранных дел СССР и КНР, Вышинским и Чжоу Эньлаем итоговых документов – двух коммюнике, а также произведен обмен нотами. Первое коммюнике касалось переговоров в целом, а второе – вопроса о передаче Китайской Чанчуньской железной дороги (КЧЖД) правительству КНР. В первом, общем коммюнике подчеркивалось, что "переговоры, протекавшие в атмосфере дружественного взаимопонимания и сердечности, подтвердили решимость обеих сторон направить свои усилия на дальнейшее укрепление и развитие дружбы и сотрудничества между ними, всемерно содействовать вместе с тем сохранению и укреплению мира и международного сотрудничества". Далее указывалось, что "в ходе переговоров стороны договорились приступить к проведению мероприятий по безвозмездной передаче Советским Правительством Правительству Китайской Народной Республики в конце 1952 г. в полную собственность всех своих прав по совместному управлению Китайской Чанчуньской железной дороги со всем принадлежащим дороге имуществом"²⁴.

Во втором коммюнике уточнялось и указывалось, что передача КЧЖД должна закончиться не позже 31 декабря 1952 г.²⁵.

Обмен нотами касался вопроса о Порт-Артуре. В ноте Чжоу Эньлая выражалась просьба правительства КНР к правительству СССР "согласиться продлить установленный во 2-й статье китайско-советского Соглашения о Порт-Артуре срок вывода советских войск из совместно используемой китайской военно-морской базы Порт-Артур до того времени, пока не будут заключены мирные договоры между Китайской Народной Республикой и Японией и Советским Союзом и Японией"²⁶.

В ответной ноте Вышинского указывалось, что советское правительство выражает согласие с вышеупомянутым предложением правительства КНР²⁷.

При подписании Вышинским и Чжоу Эньлаем упомянутых коммюнике и обмене нотами присутствовали с советской стороны Сталин, Молотов и другие члены политбюро.

Вечером 15 сентября Сталин дал обед в Кремле в честь правительственной делегации КНР во главе с Чжоу Эньлаем и в честь находившейся в то время в Москве правительственной делегации МНР во главе с Ю. Цеденбалом.

18 сентября посол КНР устроил прием в честь Чжоу Эньлая и китайской делегации. На приеме с советской стороны из высших руководящих лиц были В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, А.И. Микоян, Л.М. Каганович, А.Н. Косыгин, И.Ф. Тевосян.

Последняя встреча Сталина с делегацией, возглавлявшейся Чжоу Эньлаем, состоялась 19 сентября. С советской стороны присутствовали Молотов, Маленков, Берия, Микоян, Булганин, Вышинский и в качестве переводчика – Федоренко. С китайской стороны – члены делегации Ли Фучунь, Чжан Вэнцзянь, Су Юй и переводчик Ши Чжэ. Приведем наиболее важные фрагменты записи их беседы, сделанной и подписанной Вышинским и Федоренко.

"Сталин, начиная беседу с вопроса о мексиканском предложении относительно обмена военнопленными, говорит, что мы согласны с Мао Дзэдуном, что предложение мексиканцев неприемлемо, так как оно отражает позицию США на переговорах в Корее. Если мексиканцы выступят со своим предложением в ООН, делегация СССР

²⁴ Правда, 16.IX.1952.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

отвергнет это предложение как не соответствующее интересам прекращения войны в Корее и будет добиваться следующего:

1. Немедленное прекращение военных действий сторон на суше, на море и в воздухе.

2. Возвращение всех военнопленных на родину согласно международным нормам.

3. Вывод из Кореи иностранных войск, в том числе и добровольческих китайских частей, в течение 2–3 месяцев и мирное урегулирование корейского вопроса в духе объединения Кореи, проводимое самими корейцами под наблюдением комиссии с участием непосредственно заинтересованных сторон и других государств, в том числе и государств, не принимавших участия в войне в Корее.

Добавляет, что вопрос о том, какие государства и сколько их должны будут принять участие в этой комиссии, можно будет обсудить и решить дополнительно.

Что же касается предложения о временном задержании 20% военнопленных с той и другой стороны и о возвращении всех остальных военнопленных, то этого предложения советская делегация не будет касаться и оно останется у Мао Цзэдуна в резерве.

Чжоу Эньлай спрашивает, можно ли несколько оттянуть с выдвиганием второй позиции, подождать 2–3 недели.

Сталин отвечает, что это дело Мао Цзэдуна. Если Мао Цзэдун захочет, то мы можем внести на Ассамблею обсуждение и второй позиции – о проценте задержания.

Чжоу Эньлай ставит вопрос о третьей позиции – о возможности передачи военнопленных в нейтральные страны с тем, чтобы вопрос об их дальнейшей судьбе был решен отдельно. Говорит, что об этом поговаривают в международных сферах, и спрашивает, не считает ли товарищ Сталин возможным поддержать эту позицию.

Сталин отвечает, что мы хотим возвращения всех военнопленных. Это соответствует и китайской позиции. Если на этой основе не будет достигнуто соглашение, то военнопленных передавать в ООН нельзя, потому что ООН – это воюющая сторона, и спрашивает, в какую страну, по мнению китайских товарищей, будут направлены военнопленные.

Чжоу Эньлай отвечает: Мао Цзэдун поручил сказать здесь, что имеется в виду Индия. Если военнопленные будут переданы Индии, то это значит, что через некоторое время они будут переданы через Индию Китаю, тогда китайская и корейская стороны оплатят содержание китайских и корейских военнопленных.

Сталин говорит, что это предложение можно было бы принять, но надо иметь в виду, что американцы не всех военнопленных захотят передать, что часть они оставят, намереваясь их завербовать. Так было и с нашими военнопленными, а теперь мы каждый день ловим по несколько человек военнопленных, которых американцы перебрасывают на нашу сторону. Они задерживают военнопленных не потому, что те, мол, не хотят возвращаться, – часто американцы ссылаются на это, – а для того, чтобы использовать их в целях шпионажа.

Чжоу Эньлай подтверждает, что дело обстоит именно так. Ставит вопрос о следующей позиции: прекратить огонь, а вопрос о военнопленных вообще обсудить позже. Напоминает, что товарищ Сталин согласился с такой позицией, если не будет принято предложение относительно процента задержания.

Сталин подтверждает, что это предложение можно считать одной из возможных позиций, но американцы едва ли пойдут на это.

Чжоу Эньлай говорит, что, быть может, американцы выдвинут это на Ассамблее.

Сталин: Это было бы хорошо²⁸.

После провозглашения Китайской Народной Республики советское правительство посоветовало правительству КНР обратиться с требованием в ООН лишить гоминь-

²⁸ АП РФ, ф. 45, оп. 1, д. 329, л. 91–94.

дановского представителя права занимать место в Совете Безопасности ООН и передать это место представителю Пекина. Со своей стороны Москва выразила готовность оказать самую твердую поддержку правительству КНР в этом вопросе, используя свое влияние в ООН как постоянный член Совета Безопасности. Однако США при поддержке западных союзников и некоторых других стран заблокировали доступ КНР в ООН. В этих условиях Москва предложила Пекину предпринять обходной маневр: Сталин посоветовал правительству КНР выступить с инициативой перед странами Азии о создании Азиатской региональной ООН.

На встрече со Сталиным 19 сентября 1952 г. Чжоу Эньлай коснулся этой идеи, и между ними состоялся следующий диалог:

"Чжоу Эньлай спрашивает, не будет ли еще каких-либо указаний по этому поводу.

Сталин отвечает, что он остается при прежней точке зрения. Говорит, что надо добавить, что кроме существующей ООН нужно, чтобы было создано объединение отдельно по Азии, отдельно по Европе и т.д., не взамен ООН, а параллельно с ООН. Пусть американцы создают американскую организацию, европейцы – европейскую, азиаты – азиатскую, но параллельно с ООН, а не против ООН.

Чжоу Эньлай говорит, что у Китая нет заинтересованности в ООН и что им ясно, что необходимо проявлять инициативу в создании континентальной организации.

Сталин подчеркивает, что ООН – это американская организация и что эту ООН надо разрушить, но сохраняя вид, что мы не против ООН, проводить это под видом уважения к ООН, не говорить, что надо разрушить, что надо ослабить эту организацию, а в действительности ослабить эту организацию.

Напоминает, что во время войны Черчилль предлагал создать континентальную ООН, но встретил сопротивление со стороны американцев. Мы помалкивали, прислушиваясь к этому спору, но потом англичане отказались от своей позиции, и мы поддержали предложение о создании ООН.

Чжоу Эньлай спрашивает, будет ли по этому поводу письмо товарища Сталина к Мао Цзэдуну.

Сталин разъясняет, что лучше обойтись без письма, что он видит, что Чжоу Эньлай записывает и что он полностью ему доверяет"²⁹.

Чжоу Эньлай проинформировал Сталина о том, как идет подготовка к Конгрессу мира, намеченному в Пекине в конце сентября 1952 г. Сталин поинтересовался, какие страны Азии приняли приглашение, в частности, приедут ли на конгресс делегации Индии и Пакистана. Выслушав ответ Чжоу Эньлая, Сталин сказал, что "теперь надо будет вести линию на то, чтобы первая роль принадлежала КНР, потому что:

- 1) инициатива в созыве конгресса принадлежит Китаю;
- 2) так будет лучше, поскольку СССР входит в Азию только частично, а Китай весь в Азии, ему должна принадлежать первая роль"³⁰.

Помимо корейской проблемы и позиции в отношении ООН стороны обменялись мнениями в духе полного доверия по ряду других вопросов, представлявших взаимный интерес. В частности, Чжоу Эньлай спросил мнение Сталина о возможности заключения правительством КНР пакта о ненападении с Индией и Бирмой. "Мао Цзэдун считает, – сказал Чжоу Эньлай, – заключение такого пакта целесообразным". Сталин ответил: "Мы присоединяемся к мнению товарища Мао Цзэдуна. Разумеется, никаких препятствий не может быть и не будет"³¹.

Затем Чжоу Эньлай спросил Сталина, какую позицию следует КНР занять в отношении предложения Неру о созыве конференции пяти стран – СССР, КНР, Великобритании, Франции и США. Сталин ответил, что это предложение надо поддерживать. Чжоу Эньлай сказал, что Индия на этой конференции будет, разумеется,

²⁹ Там же, л. 94–95.

³⁰ Там же, л. 95.

³¹ Там же, л. 92.

выступать вместе с Великобританией, но использовать предложение Неру им кажется целесообразным. Сталин с этим согласился³².

Большой исторический интерес, особенно в свете событий, происшедших в конце 80-х годов, представляют высказывания Сталина по вопросу объединения Германии.

"Чжоу Эньлай спросил Сталина о том, как будут в дальнейшем развиваться события в вопросе о Германии.

Сталин ответил: "Это трудно предсказать. Видимо, американцы не пойдут на объединение Германии. Они грабили Германию; если западные и восточные немцы объединятся, то Германию грабить будет уже нельзя. Поэтому американцы не хотят объединения Германии".

Чжоу Эньлай высказал мнение о том, что, хотя американцы и восстанавливают вооруженные силы Западной Германии и Японии, надеясь использовать их, это оружие может повернуться против них.

Сталин сказал, что это вполне возможно, если даже во главе Германии будут нацисты, гитлеровцы³³.

Чжоу Эньлай затронул вопрос о Синьцзяне. Он проинформировал Сталина о положении в этой пограничной с СССР китайской провинции, об имевших там место "левацких перегибах" при осуществлении аграрной реформы, что вызвало массовые волнения среди многонационального населения, бегство на территорию СССР. Чжоу Эньлай рассказал о предпринимаемых Пекином мерах по исправлению положения в Синьцзяне. Сталин сказал, что руководству КПК виднее, как решать возникшие в Синьцзяне проблемы. Вместе с тем он посоветовал "поторопиться с реформой".

В связи с опубликованием 16 сентября сообщения в печати об обмене нотами между министрами иностранных дел СССР и КНР о продлении срока пребывания советских войск в Порт-Артуре Сталин и Чжоу Эньлай обсудили вопрос о том, какую согласованную позицию им следует в дальнейшем проводить в отношении Японии. КНР должна показать, сказал Чжоу Эньлай, что Япония не хочет заключать мирный договор с Китаем и с Советским Союзом. Сталин добавил: "И готовится к агрессии". Он подчеркнул, что "нота по поводу Порт-Артура направлена против Америки, а не против японского народа"³⁴.

Чжоу Эньлай увязал позицию КНР в отношении Японии и заключение с ней мирного договора с тайваньской проблемой. Он заявил, что, поскольку японское правительство заключило соглашение с Чан Кайши, возможность подписания мирного договора между Пекином и Токио исключается. Сталин заявил, что он считает эту точку зрения Чжоу Эньлая правильной и полностью ее поддерживает³⁵.

Сославшись на послание, полученное от Лю Шаоци из Пекина, Чжоу Эньлай сообщил, что на открывающийся вскоре XIX съезд ВКП(б) в Москву собираются прибыть представители коммунистических партий ряда стран Азии, в том числе Индонезии, Вьетнама, Японии, и они, вероятно, захотят поговорить с советскими и китайскими руководителями о партийных делах.

Сталин ответил, что "старшие братья не могут отказывать младшим братьям в таком деле", но об этом надо будет поговорить с Лю Шаоци, так как "у него большой опыт, и выяснить, как на это смотрят китайские товарищи"³⁶. Чжоу Эньлай заверил, что китайские товарищи, безусловно, захотят поговорить, а Лю Шаоци собирается взять с собой в Москву соответствующие материалы, чтобы обсудить ряд вопросов. На это Сталин сказал, что "если китайские товарищи захотят обсудить эти вопросы, то, конечно, с нашей стороны не будет возражений, а если не хотят, то не придется

³² Там же, л. 95.

³³ Там же, л. 97.

³⁴ Там же, л. 96.

³⁵ Там же, л. 97.

³⁶ Там же, л. 98–99.

говорить"³⁷. Чжоу Эньлай еще раз подтвердил такое пожелание. Сталин ответил, что в таком случае "время найдется"³⁸.

Окончание беседы Сталина с Чжоу Эньлаем, делегацией КНР шло в том же русле: чуть ли не каждое сказанное Сталиным слово руководители КПК называли "указанием", просили дать им новые "указания", заявляя, что будут беспрекословно их выполнять. Сталин возражал против этого, по крайней мере на словах, но руководители КПК продолжали настаивать на своем почти "верноподданническом" отношении к нему. Так уже было, в частности, на переговорах Мао Цзэдуна и других руководителей КПК с Микояном в Сибайпо в январе–феврале 1949 г., ездившим туда по поручению Сталина. Так было и на переговорах Сталина с делегацией ЦК КПК во главе с Лю Шаоци, посетившей в июне–августе 1949 г. с секретной миссией Москву. Такое же отношение, граничащее с низкопоклонством, было проявлено Чжоу Эньлаем и во время его бесед со Сталиным. Приведем фрагмент записи заключительной части беседы, состоявшейся 19 сентября 1952 г.

"Чжоу Эньлай, заканчивая беседу, говорит, что это все те вопросы, по которым они хотели бы получить указания.

Сталин спрашивает – указания или советы?"

Чжоу Эньлай отвечает, что с точки зрения товарища Сталина это, может быть, и советы, но в их представлении это будут указания.

Сталин на это замечает, что мы даем только советы, излагаем наше мнение, а китайские товарищи могут принять это или не принять; указания же носят обязательный характер.

Чжоу Эньлай повторяет, что с точки зрения китайцев это – указания, и притом ценнейшие указания. Он замечает, что они не слепо принимают эти указания, а считают необходимым понять и принять эти указания сознательно.

Сталин подчеркивает, что мы мало знаем Китай и поэтому остерегаемся давать указания.

Чжоу Эньлай говорит, что они исходят из того, что товарищу Сталину, безусловно, хорошо известны именно те вопросы, по которым они обращаются, и вновь спрашивает, не будет ли каких-нибудь указаний.

Сталин отвечает, что наш совет таков: надо помнить, что англичане и американцы будут стараться забрасывать в аппарат китайского государства своих людей, свою агентуру. Будут ли это американцы или французы – это все равно. Они будут вести подрывную работу, пытаться разлагать изнутри, могут даже пойти на такое преступление, как отравление. Поэтому нужна бдительность. Говорит, что это надо иметь в виду. Вот – все указания.

Чжоу Эньлай говорит, что это очень ценные указания. Он согласен, что не только американцы, англичане и французы могут пойти на подлости, но они толкают на такие подлости и китайцев.

Сталин добавляет – своих агентов из национальной буржуазии"³⁹.

Как можно видеть из приведенных выше документов, Сталин пошел навстречу всем просьбам и пожеланиям руководства КНР, которые были изложены Чжоу Эньлаем в ходе переговоров. Сталин дал согласие сделать для КНР максимум того, что СССР был в состоянии сделать в меру своих возможностей. Следует, однако, отметить, что многие в СССР считали советско-китайские отношения в экономической области невыгодными и неравноценными для СССР, поскольку СССР предоставлял Китаю, причем бесплатно, в основном сложное машинное оборудование, технологию, обширную научно-техническую документацию, поставлял другие виды наукоемкого производства, направлял большое количество наиболее высококвалифицированных кадров и многое другое, хотя сам остро нуждался в

³⁷ Там же, л. 99.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, л. 100.

этом для развития собственной экономики и поднятия жизненного уровня населения.

Китай же расплачивался большей частью поставками сырья, продовольствия и товаров легкой промышленности. Указанная выше помощь Китаю отвлекала значительную часть финансовых и материальных ресурсов, которые могли быть использованы для организации производства недостающих товаров в собственной стране, без ввоза их из Китая. Автору данной статьи приходилось слышать такого рода высказывания из уст Молотова на заседании коллегии МИД СССР.

Сталин руководствовался иными соображениями. Он ставил превыше всего стратегическое партнерство между СССР и КНР в области мировой политики и считал целесообразным платить за это. Он учитывал также то обстоятельство, что КНР, находясь в условиях блокады, созданной США и их союзниками, ниоткуда не могла получить крайне необходимую помощь для восстановления и развития экономики и обеспечения обороны страны кроме как от своего стратегического партнера – Советского Союза. Сталин считал взаимовыгодным с политической точки зрения оказывать КНР такую помощь.

Заслуживает быть отмеченным и такой важный момент, касающийся отношения Сталина к советско-китайскому стратегическому партнерству: в беседах с Чжоу Эньлаем, как и с другими лидерами КПК, он заявлял о равенстве между партиями и государствами и твердо возражал против постоянно выдвигаемого китайской стороной принципа верховенства "старшего брата" над "младшим братом", т.е. верховенства Москвы над Пекином. В международных делах Сталин, как нам кажется, оставляя за СССР ведущую роль на глобальном уровне, поощрял руководство КПК к тому, чтобы КНР играла главную роль в вопросах международных отношений в азиатском регионе.

Чжоу Эньлай, покидая 22 сентября Москву, заявил о том, что китайская делегация полностью удовлетворена итогами состоявшихся советско-китайских переговоров. На аэродроме он выступил с речью, в которой заявил: "Мы глубоко верим, что великая, нерушимая дружба между Китаем и Советским Союзом будет расширяться и крепнуть не только изо дня в день, но из поколения в поколение. Нет никакого сомнения в том, что любая провокация и любая попытка разрушить эту великую дружбу потерпят поражение под ударом объединенных сил народов Китая и Советского Союза"⁴⁰.

К сожалению, в 60-х годах советско-китайские отношения вступили в полосу острых противоречий и конфликтов. Разрыв союза и тесного советско-китайского сотрудничества, служивших важнейшим фактором поддержания равновесия сил в мире, пагубно отразился на состоянии международной безопасности в целом. Таков один из серьезнейших уроков послевоенной истории отношений между нашими странами.

⁴⁰ Правда, 23.IX.1952.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПИСЬМА ЭРНСТА ТЕЛЬМАНА И.В. СТАЛИНУ И В.М. МОЛОТОВУ (1939–1941 гг.)

№ 16
[ноябрь 1940 г.]¹

К русско-германскому пакту о ненападении и дружбе²

Чтобы без остатка устранить ваше прежнее нерасположение к заключению этого договора и полностью и твердо убедить вас в абсолютной правильности и необходимости политики, которая привела к заключению договора, я хочу здесь дать короткое, но политически важное дополнение к написанным ранее статьям³. Все, что уже ранее было подробно написано и сказано по этому вопросу, остается в силе, только в одном важном пункте нужно рассеять туман и изложить отдельные моменты.

Главный вопрос, который здесь поднимается и на который должен быть дан ответ, гласит: почему и при каких своеобразных обстоятельствах Советское Правительство заключило в августе прошлого года договор с Германией?

Сначала факты. В годы, когда Гитлер посредством антикоминтерновской политики фактически проводил политику окружения Советского Союза, оказалось, что коммунисты почти во всех странах не были достаточно сильны и им не удалось организовать заметного отпора этой антирусской политике Германии.

Начало войны, так же как и само протекшее время войны, к сожалению, показали, что наступательная сила и сопротивляемость коммунистических партий в отношении революционной борьбы и активной мобилизации масс оставляли желать много лучшего и что можно записать в актив лишь отдельные успехи. В настоящая время почти все коммунистические партии во всей Европе запрещены и их нелегальная деятельность повсюду наталкивается на величайшие трудности. С другой стороны, фашизм является более или менее господствующей идеологией в Европе, хотя в большинстве случаев насаждаемой принудительно – посредством зверского насилия. Сталин и его ближайшие друзья учли это развитие в связи с наличием военной ситуации и во всяком случае предвидели это. Уже поэтому они были серьезно готовы и умно и гениально решили еще более активно так или иначе включить Советский Союз в борьбу мировых сил, руководствуясь одним принципом – действовать на пользу народов Советского Союза и на благо революционного движения.

Для активного разрешения задач, стоявших перед Советским Правительством весной и летом 1939 года, задач, которые нужно было в основных чертах определить в условиях крайнего обострения международного положения, имелись различные пути: или с Англией и Францией против Германии и, может быть, против Италии, причем стоял вопрос о заключении военного союза, или, если Англия откажется пойти по этому решительному пути, чтобы откровенно вместе с Советским Союзом бороться в заключенном с ним военном союзе, или искать новых и других путей для проведения внешнеполитических мероприятий, гарантировавших активное осуществление по крайней мере ближайших целевых задач. Следовательно, это была такая внешняя

¹ Окончание. Начало и продолжение публикации см. № 6 за 1996 г. и № 1 за 1997 г. нашего журнала. Датировано по содержанию.

² Тельман объединяет в одно целое два соглашения между СССР и Германией: пакт о ненападении от 23 августа 1939 г. и договор о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г.

³ См. документы № 5, 7, 8, 10, 12, 14, 15.

политика, которая, с одной стороны, исключала всякую возможность изоляции Советского Союза от происходящих событий, с другой стороны, давала возможность проводить и в дальнейшем политику нейтралитета и мира и которая, кроме того, не мешала проведению актуальных акций советской внешней политики.

Прежнее английское правительство⁴ в ходе переговоров, которые происходили в течение нескольких месяцев летом 1939 г. в Москве, не только не соглашалось на реализацию ближайших задач, поставленных Советским Правительством (присоединение балтийских государств, Бессарабии, части бывшей Польши и Финляндии, разрешение Дарданелльского вопроса), но оно также посредством всяких оговорок и ничего не говорящих компромиссных предложений и не делая само никаких серьезных позитивных предложений пыталось отвергнуть почти все поднятые Советским Правительством проблемы, которые нужно было выяснить для осуществления обоюдного исполненного доверия сотрудничества, необходимого для заключения общего военного союза.

По отношению к названным выше требованиям Советского Правительства английское правительство стояло на точке зрения статус-кво, и тем самым оно выражало свое недоверие в отношении расширения Советского Союза за счет принадлежавших ранее России территорий, точно так же как оно отклоняло мероприятия по военно-стратегическому обеспечению Советского Союза, между прочим, например, требования к Финляндии⁵. Если уже в ходе переговоров нельзя было достичь соглашения по таким сравнительно крупным вопросам, то позиция Англии в военном вопросе, поставленном Советским Правительством в отношении Польши и Румынии, была просто странной. При таких обстоятельствах от Советского Правительства ни в коем случае нельзя было требовать заключения военного союза с Англией – содружества двух великих держав. От самомнения, нерешительности и нечестности английского правительства сотрудничество СССР с Англией и Францией потерпело крах, и тем самым СССР оказался в новом положении. Так как, кроме того, весьма вероятно, что Сталин и его ближайшие друзья сумели правильно оценить процесс развития революционного рабочего движения во всей Европе в связи с назревающей войной, Советское Правительство должно было здесь также пойти по пути, чтобы попытаться другими методами вовлечь новые миллионы людей в советскую сферу. При этом крайне неблагоприятном положении, в котором в результате поведения Англии оказался Советский Союз незадолго до начала войны, создался базис для заключения советско-германского пакта о ненападении. Следовательно, в первую очередь Англия несет вину за то, что Советское Правительство должно было принять и приняло такое решение. Если предположить, что во главе английского правительства стоял бы вместо Чемберлена Уинстон Черчилль, тогда было бы возможно, что заключение военного союза между Советским Союзом и Англией, а также Францией состоялось. Все международное положение было бы на сегодня иным, чем это имеет место сейчас. Но этот вопрос сегодня уже не является более актуальным, кроме того, в настоящее время позиции Англии сильно потрясены. Германско-русское соглашение является событием величайшего исторического значения не только для обеих стран, но и для всей Европы, даже для всего мира. В результате этого германско-русская война была исключена. За прошедшее время войны Советскому Правительству удалось на благо Советского Союза существенно улучшить и укрепить свои внешнеполитические позиции. Сохранение его основных внешнеполитических линий было облегчено, нейтралитет был сохранен, а также, что не лишено значения, оно помешало тому, чтобы Советский Союз, как крупная великая держава, был заведен и загнан в изолированную позицию, как это случилось в настоящее время, например, с США. И без серьезной помощи и поддержки со стороны революционного рабочего движения в

⁴ Кабинет Артура Невилла Чемберлена, возглавлявшего британское правительство до 10 мая 1940 г.

⁵ В 1939 г. Сталин так обосновывал советские требования к Финляндии: "Мы не можем передвинуть Ленинград, поэтому передвинуть следует границу". См. *Фляйшхауэр И.* Пакт Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938–1939 гг. М., 1991, с. 467.

Европе Советский Союз в состоянии принимать активное участие в дальнейших событиях военного времени, не имея нужды отказываться от политики своего нейтралитета. Благодаря этому Советский Союз смог и может осуществить свои государственные задачи и ближайшие цели. Начато плановое, широкое экономическое сотрудничество, использование колоссальных русских сырьевых источников для всей Европы, и, наоборот, участие Советского Союза в европейском производстве проявило свое величайшее действие. Подумайте-ка, что было бы после неудачи переговоров с Англией и Францией, если не осуществилось бы советско-германское сближение. В каком внешнеполитическом положении должен был бы тогда находиться Советский Союз? Не приняв решения, он стоял бы как почти пассивный наблюдатель между воюющими державами, будучи постоянно подверженным опасности вовлечения в войну. Он не смог бы отметить теперешних больших успехов за первый год войны. И, наконец, тот факт, что благодаря этому усилилось бы идеологическое отделение Советского Союза от человеческого резервуара европейского фашизма, в то время как сегодня он смог существенно улучшить свои идеологические позиции в лагере фашизма.

В № 439 "BBZ" (Берлинер Бёрзен Цейтунг) от 17 сентября 1940 г. в передовой статье "Колониальный порядок 20-го века", имеющей подзаголовок "К визиту Терруци в Берлине" д-ра Г.В. Бауэра, между прочим, говорится: "Колониальная созидательная работа фашизма в итальянской Африке, успехи которой лишь коротко изложены здесь, свидетельствует о творческой мощи авторитарного государства также и в колониальной области и служит неопровержимым доказательством морального закона народа труда на обладание достаточным количеством колониальной земли, как пространства, которое необходимо людям этого народа для их жизни и деятельности". Решающим является труд, а не просто только собственность! Отто Кригк в своей книге "Мир или война. Мировая политика между национал-социализмом и большевизмом" (?) очень метко определяет различие между "имущими людьми", которые являются представителями идеала собственности эпохи либерализма и демократизма и которые, начиная со времени французской революции и до нынешнего дня определяли законы политических событий, и им противостоящими "людьми творчества [труда], воплощающими в себе идеал развития высших духовных творческих сил человека: Германией и Италией (?). Век несправедливой и неоправданной собственности, приобретенной грабежом и силой превосходящего оружия, идет к концу; его место занимает век справедливой и оправданной собственности, созданной трудом!

№ 520/521 "BBZ" от 3 ноября 1940 г. "Милый бог и его лорды" подзаголовок "Протекторат над небом, как над составной частью английского "порядка". От нашего корреспондента д-ра Эдгара Гервина (Стокгольм, 2 ноября). Там, между прочим, говорится: "К теснейшим соратникам эрцбишофа Лэнга относится, как известно, декан Кэнтербери – один из наиболее ярых противников не только новой Германии, но и всякого национального обновления, которое за последние годы произошло на европейском континенте, известный в Англии повсюду под именем "Красный декан", который во сто раз скорее пошел бы вместе с Советской Россией, чем с национал-социалистической Германией или национальной Испанией, как он в этом сам часто признавался"⁶.

⁶ Архив Президента Российской Федерации (далее – АП РФ), ф. 3, оп. 20, д. 117, л. 72–79 (перевод), 80–83 об. (подлинник).

Ганновер, 23.12.1940 г.

Тебе и ближайшим друзьям

После того, как я сообщил тебе⁷ мою точку зрения на будущие перспективы о прочности национал-социалистского режима, ты почти безнадежно заявила, что если это так, то тогда все должны работать на пользу режима и вступить также в национал-социалистскую партию. Ты об этом думала, правда, иначе, чем думают большевики и я, и не так, как мы поступаем в революционной практике, так как совершенно независимо от того, имеет ли режим длительную прочность или нет, вхождение революционеров в НСДАП (если это как-нибудь возможно) и во все национал-социалистские подразделения является так или иначе первой гражданской обязанностью, в особенности, если по всем предвидениям режим имеет длительную прочность. Кто забывает или даже отрицает эту с большевистской точки зрения само собой разумеющуюся вещь, тот, по-видимому, к сожалению, слишком мало думал относительно формирующейся стадии развития революционного движения, ибо основным условием в грядущей более благоприятной для борьбы ситуации всегда является: без движения масс не может быть успеха. Чем сильнее и активнее это движение, тем больше будут успехи масс.

Представляете ли вы себе, с какими трудностями и ценой каких почти немыслимых жертв должны были работать большевики в нелегальных условиях во время кровавого царского режима? Революционеры, которые надеются на других, ждут и постоянно думают о возможности помощи Советского Союза извне, теряют при этом перспективу самостоятельного действия и не могут завоевать мир. Они представляют себе это только в своих мечтах и в своем воображении.

Революционеры ни в коем случае не должны быть сентиментальны. Они должны открыто и смело смотреть в глаза горькой и суровой действительности. Сентиментальностями вы хотя и можете время от времени удовлетворять свои политические чувства и на короткий срок вызывать на сцену разукрашенные мечты, но не можете завоевать ими массы для наших идей, воспитать их, оформить, привести в движение. Для этого необходимы: твердая вера в дело революции, неустрашимое мужество и боевой дух. Может быть, кто-либо из вас думает: да, дорогой Эрнест, ты слишком мало знаешь, потому что уже годы сидишь в тюрьме, отрезанный от мира, и слишком мало знаешь и не оцениваешь соответствующим образом теперешние условия и факты борьбы. Но, дорогие друзья, вы, которые ежедневно все видите и знаете и так сведущи, к сожалению, пугаетесь из-за одной осведомленности, когда речь идет о том, чтобы осмелиться сделать попытку создать новые факты. И это все происходит во время той стадии развития, когда недовольство и общий ропот становятся сильнее, заметнее в повседневной народной жизни, когда настроение брожения в рабочем классе чаще имеет место, так что это не осталось скрытым даже от Гитлера, как видно из его последней речи на заводах Борзиг в Берлине⁸. Если др. Геббельс был вынужден говорить перед рабочими верфей "Блом и Фосс" в Гамбурге⁹, а Гитлер выступал почти одновременно перед рабочими военной промышленности в леворадикальной, почти коммунистической, демагогической форме, то этот метод служит исключительно одной цели – сковать и изменить, т.е. направить на фашистские рельсы настроения, которые сейчас появляются среди рабочих военной промышленности и в других местах. Где же революционеры, которые были бы в состоянии направить эти настроения недовольства, а частично даже озлобления на правильные, т.е. революционные, пути?

⁷ См. док. № 10.

⁸ Речь Гитлера от 10.12.1940 г.

⁹ Речь Геббельса от 17.12.1940.

Здесь надо коротко напомнить об одном зажигательном примере из истории русской революции. Во время русско-японской войны 1905 года, когда в различных областях промышленности громадной царской империи начались революционные забастовки, вспыхнули большие массовые движения и известное московское восстание достигло своего исторического апогея, партия большевиков во всей этой борьбе блестяще выдержала свое первое боевое испытание. После кровавого подавления первой русской революции для большевиков началось трудное время, и в ход против партии революционных рабочих был пущен полицейский государственный аппарат. 1906–1908 гг. были наиболее тяжелыми из тех, которые партия Ленина и ее верные последователи должны были выдержать в борьбе. Но, несмотря на жесточайшие преследования и подавление, несмотря на усиленный террор, большевики боролись, изменив тактику, новыми нелегальными методами, как солдаты пролетарской революции, смело и решительно, за свои старые цели. Конечно, было также время, когда террор преследования так свирепствовал в стране, что ряд партийных организаций был полностью уничтожен и разгромлен. Лучшие рабочие силы и руководящие силы партии были посажены в тюрьму и сосланы в различные районы империи. Царской полиции временно удалось разрушить пути связи отдельных партийных организаций с ЦК так, что они были предоставлены сами себе и должны были работать по собственным политическим директивам. Курьерская связь между петербургской и московской партийными организациями была одно время также нарушена, и только с величайшими трудностями ее удалось снова восстановить.

Даже такой человек, как Ленин, этот гениальный революционер, на время упал духом, когда ЦК почти не имел никаких связей с партийными организациями в стране. В эти роковые часы его подбадривали его верные и отважные друзья, которым он, их великий учитель, так часто и при всех обстоятельствах вселял бодрость духа. Но уже через короткий промежуток времени ЦК снова наладил прерванную и разрушенную связь с важнейшими партийными организациями и постепенно партийная машина организационно снова была пущена на полный ход. Годы революционного подъема в русском рабочем движении начались снова, и в 1912 году было уже совершенно изменившееся положение. Почти во всех важных промышленных районах России снова вспыхивают массовые забастовки и стихийно возникает массовое движение и следовавшие за ним массовые демонстрации. В 1914 году началась мировая война, в которой участвует Россия, а уже в феврале 1917 г., с началом буржуазной революции, рушится царский деспотизм, смененный на время правительством Керенского. Еще в обстановке войны, в начинающемся пожаре гражданской войны формируются на заводах рабочие батальоны и объединяются затем в общей борьбе против правительства Керенского с красными частями армии и флота. Под твердым руководством большевистской партии они в борьбе добиваются славной победы Октябрьской Революции, когда была разбита и ликвидирована окончательно и навсегда система капиталистического подавления и эксплуатации.

В союзе с wybranными во всей стране Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов большевистская партия взяла политическую власть в государстве в свои руки, создала и укрепила ее. Под ее гениальным руководством на различных этапах было победоносно осуществлено социалистическое строительство. Более 23 лет уже стоит крепко на твердом фундаменте перед трудящимся человечеством всего мира огромное социалистическое государство! Как единственное социалистическое государство в мире, оно удерживает за собой свои социалистические державные позиции в центре капиталистического мира, окруженное капиталистическими государствами. Красная армия, Красная авиация и Красный флот охраняют и защищают свое социалистическое отечество и верно несут вахту на границах СССР. Испытанная в сплоченном единстве и стальной боевой дисциплине стоит и бодрствует большевистская партия во главе с т. Сталиным. Героически ее прошлое, славно ее развитие и титанически ее социалистическое дело, созданное совместно с русским народом. Русский народ, как единое целое, относится сегодня с преданностью, любовью, искренней

благодарностью к своей партии и с глубоким уважением к ее большевистскому руководству. С поднятой головой, с гордым национальным сознанием оглядывается он назад, на социалистические успехи и достижения пройденных 23 лет, в то время как его радостный взгляд с полной уверенностью направлен вперед, в великое социалистическое будущее. С глубокой ненавистью и возрастающим недовольством смотрят капиталистические властители на победное шествие социализма в этой стране. Они или замалчивают его развитие, или же искажают правду и отрицают, что небо голубое, ибо капиталистический мировой режим, будь то фашистского или буржуазно-демократического порядка, боится этого действительно социалистического режима и поэтому старается выставить социалистическое государство, т.е. Советский Союз, в глазах своих народов как отпугивающий пример или как картину ужаса. Но революционное человечество во всем капиталистическом мире все больше и больше начинает видеть в социалистическом государстве пример, достойный подражания, для своего освобождения и иногда рассматривает его уже как особую святыню.

Именно теперь, во время войны, когда в фашистской гитлеровской Германии имеет место перемена настроений, этот великий пример революционного развития в русской истории освещает нам путь и поощряет нас к действию. Почти все в прошлом марксистски настроенные рабочие, работницы и служащие находятся теперь или на заводах или в армии. Не только целесообразно, но даже абсолютно необходимо иметь связь с некоторыми из этих слоев. В сегодняшней фашистской Германии имеется такое огромное количество точек для установления контакта и соприкосновения, дающего материал для дискуссий, на основе которых мы можем создавать и расширять это строительство дальше. Не говорите мне о чёрте, Гестапо, которое мешает вам в этой работе, так как оно сейчас же там, где почувствует что-либо. Мы все знаем, что Гестапо рыскает повсюду и что ее купленные молодчики сидят на заводах и в других местах. Но, дорогие друзья, думаете ли вы, что ли, что после войны оно будет менее бдительным? Когда-нибудь ведь нужно же сломать лед, даже если это будет стоить жертв.

Традиция нашей революционной истории в Германии требует от нас, чтобы снова господствовал дух борьбы. Это не значит, что мы должны слепо и без рассудка подвергать себя опасностям, чтобы погибнуть, не добившись никаких успехов. Нет, мы можем ведь сначала плыть под другим флагом и в зависимости от ветра, который больше или меньше благоприятствует вам, направлять свой корабль вперед. Мы не стыдимся, если это надо, маршировать под флагом свастики и проводить под сенью этого флага пропаганду шепотом, если таким путем можно увеличить количество приверженцев Красного Знамени. Таким образом, имеется бесконечно много возможностей, которых мы должны искать, чтобы использовать их так или иначе для нас, т.е. для дела революции. Спокойно и обдуманно, мужественно и смело, при помощи убедительных политических и других благоприятно действующих аргументов должны наконец быть проведены в политике первые бои передовых постов.

Если сегодня, в разгар войны, такое бесчисленное множество рабочих масс, хотя и по принуждению, должно драться и даже приносить свою жизнь в жертву национал-социалистского режима на фронте или еще где-нибудь, то я задаю вопрос, нет ли более святынь обязанностей для революционеров, за выполнение которых с радостью нужно быть готовым охотно и убежденно драться и, само собой разумеется, также и нести жертвы. Так же, как там, они ежечасно подвергаются опасности, так же и здесь вследствие революционной работы они подвергаются не менее серьезной опасности. Однако решающими вопросами являются: для кого? за что? почему?

Можно думать, что жертвы устрашат нас на долгий срок. Нет. Они вызывают на борьбу. Или мы являемся революционерами – тогда вперед на врага, или мы только половинчатые революционеры – тогда будем и дальше стонать и критиковать, но не затронем ни в коей мере основ нашего действительного врага. Конечно, мы при этом не должны предаваться слишком большим иллюзиям, так как я знаю, что эта работа

при сегодняшних обстоятельствах не легка. Эта работа очень тяжелая и при том весьма опасная, так же как и трудна каждая революционная постановка задач против фашистского режима. Но мы все же должны однажды решиться двинуться против этой стены, попробовать выкрашивать из нее камень за камнем и таким образом постепенно все больше и больше увеличивать бреши для того, чтобы всю эту стену сделать в определенных местах ненадежной.

Я не знаю, возможно ли нам организационно охватить оппозицию, ибо это хотя и безусловно необходимо, но одновременно и наиболее трудно. Таким образом, мы стоим у начала нового поворота в отношении нашей политической деятельности, сегодняшняя военная ситуация дает для этого лучший повод. Пусть она поощряет нас к скромным успехам и новым делам!¹⁰

№ 18

Э. Тельман [Р. Тельман]

Ганновер, 23.12.1940 г.

Тебе и ближайшим друзьям

Когда др. Геббельс 17.XII.1940 г. в выступлении перед рабочими верфи "Блом и Фосс" в Гамбурге, между прочим, заявил, "фюрер не хотел этой войны", мне вновь вспомнились слова Гитлера, которые гласят: "Я не хотел войны". Это короткое, но значительное выражение Гитлера касается такой многосторонней и обширной проблемы, что о ней можно было бы написать целые книги.

Сжато, по возможности ясно и популярно здесь следует только коснуться этого утверждения и тем самым всей широкой проблемы, оставляя в стороне факты из области дипломатии, различные документы и ссылки на них.

Многие ораторы НСДАП, очень часто встречая бурное одобрение аудитории, заявляют, что "мы не хотели войны". Понятие "мы", употребляемое в этой связи, является всеобъемлющим, однако также различно определяемым. Если, например, его отнести к воспетому сверх всех похвал, но в действительности не существующему единству народа, то оно соответствует истине, т.к. совершенно определенно большинство немецкого народа не хотело этой войны. Если было бы возможно огражденное от государственного и партийного влияния голосование – хотел ли народ в Германии войны или даже хочет ли он дальнейшего продолжения войны, – то голосование дало бы совершенно ясный ответ.

Мы все знаем, что этот важный вопрос – война или мир – решал только Гитлер с несколькими своими друзьями и ближайшими советниками и в дальнейшем будет решать вопрос об окончании войны. Для меня как для политика само собой разумеется, что относительно начала и окончания войны народ не может быть опрошен путем голосования или каким-либо другим образом заявить о своей точке зрения, т.к. должны быть учтены военные, политические, хозяйственные и другие вопросы, как, например, положение на фронтах во время начавшейся войны. Но я избрал эту гипотезу здесь в качестве примера только для того, чтобы привести более наглядное доказательство тому, что в сегодняшней гитлеровской Германии имеются известные проблемы и сложные вопросы, относительно которых в так часто проповедуемом, но ложно изображаемом народном сообществе имеются различные мнения и еще, кроме того, известные противоположные государственному руководству воззрения. Мы переживаем второй год войны. Более продолжительная война наверняка углубит эти противоречия, несмотря на все социальные, социально-политические обещания и псевдо-социалистические надежды на будущее. Заодно я хочу здесь, хотя и бегло, осветить

¹⁰ АП РФ, ф. 3, оп. 20, д. 117, л. 51–58 (перевод), л. 59–62 (подлинник). Перевод письма Э. Тельмана разослан И.В. Сталину, В.М. Молотову, А.И. Микояну, А.А. Жданову.

один вопрос с той стороны, которая среди наших коммунистических друзей в Германии, а также в других слоях населения вызывала опасные настроения. Здесь речь идет относительно вопроса, касающегося решения Советского Союза, принятого в августе 1939 г., по поводу установления дружественных отношений с Германией. Некоторые круги населения и многие коммунисты утверждают теперь, что только вследствие заключения пакта о ненападении и дружбе между Советским Союзом и Германией Гитлер получил опору для окончательного выступления. Благодаря соглашению между СССР и Германией Гитлеру было дано оружие в руки для постановки со всей остротой польской проблемы таким образом, что была отрезана возможность избежать войны еще в последнюю минуту. Ведь Гитлер не для того за восемь дней до начала войны склонил Советский Союз к германским планам, если он не имел ясных и твердых намерений беспрепятственно начать затем войну против Польши. Некоторые даже совсем открыто говорят, что Советский Союз разделяет вину за начало войны в сентябре 1939 г. Однако все эти высказывания будут все меньше и меньше встречать сочувствия по мере того, как все яснее и яснее коммунисты будут понимать единственно правильные интересы Советского Союза и чем больше будет советскому правительству удаваться доводить до сознания масс его собственную политику мира и нейтралитета.

Если сегодня имеет повсеместное распространение и почву утверждение НСДАП о том, что Гитлер не хотел войны, то можно с таким же правом, если бы это было разрешено, поставить контрвопрос: все ли испробовал и сделал Гитлер в августе 1939 г., чтобы помешать началу войны в сентябре? Или, может быть, ум и гениальность Гитлера, которые обычно признаются, отказали как раз в исторический момент, когда было возможно избежать войны? Этого, конечно, нельзя предположить. Не будем стыдиться также и в этой связи поставить вопрос, стоило ли из-за немецких требований к Польше, если даже они были бы полностью отклонены, начать и вызвать войну такого значения.

Теперь относительно собственных слов Гитлера "я не хотел войны". Для того чтобы доказать лживость этих слов, я хочу перечислить отдельные соответствующие истине факты и высказывания из деятельности Гитлера, которые дают повод к серьезным размышлениям: "Я не хотел войны", и поэтому я:

- 1) по моим собственным указаниям до конца 1938 г. израсходовал на вооружение 90 миллиардов герм. марок;
- 2) создал наилучшим образом подготовленную армию и сильнейший воздушный флот мира;
- 3) мобилизовал, опять по моим собственным указаниям, в мае 1938 г. 96 дивизий для того, чтобы они 2 октября заняли Судетскую область;
- 4) создал 4-летний план, т.е. настоящий военный план для вооружения и т.д.¹¹
- 5) ввел учебные воздушные тревоги и заставил упражняться в них уже за год до войны важнейшие города Германии;
- 6) велел заранее напечатать продовольственные карточки с тем, чтобы была возможность немедленно ввести их в день начала войны;
- 7) заключил за одну неделю перед войной договор о ненападении и дружбе между Советским Союзом и Германией;
- 8) дал распоряжение об укреплении западной границы и строительстве "Западного вала" для того, чтобы избежать войны на два фронта.

А теперь ты выступаешь и говоришь откровенно "я не хотел войны".

Теория Гитлера о том, что в Германии на один кв. километр приходится 140 человек, чего нет во многих частях земного шара, и что поэтому мы должны обеспечить себе пространство, если не путем переговоров, то силой, является тоже опасной теорией, т.к. позднее она с таким же успехом может быть практически обращена

¹¹ Суть принятого в 1936 г. в Германии четырехлетнего плана Гитлер разъяснил предельно ясно: "Немецкая экономика должна через четыре года стать готовой к войне".

против Советского Союза. Если эта теория станет общим достоянием руководящих государственных деятелей всего мира, то весь мир в большей или меньшей степени будет находиться в скрытом состоянии войны.

В речи Гитлера 10.XII.40 г. перед рабочими заводов Борзиг в Берлине было сказано:

"Таким образом, мы видим, что первые предпосылки для настоящего напряжения лежат в том, что этот мир несправедливо поделен. И это вполне естественно, т.к. в этом большом ход развития таков же, как и внутри народов. Точно так же как внутри народов слишком большое напряжение между богатством и бедностью должно быть выравнено с помощью разума или, если последний отказывает, что часто и силой, в международной жизни один не имеет права претендовать на все, не оставляя ничего другому.

Провидение не для того создало людей, чтобы одни имели в 40, в 80 раз больше, чем другие. Или они имеют рассудок и соглашаются на урегулирование вопроса на более или менее дешевых для них условиях, или подавленный и обремененный несчастьем в свое время возьмет себе все то, что ему полагается. Так обстоит дело во внутренней и внешней жизни народов".

Я разрешаю себе сделать одно сравнение по поводу этой выдержки из речи Гитлера, и тогда вы должны судить, что справедливо и что несправедливо.

Один человек с семьей из 8 детей имеет уже десяток лет кусок земли; его сосед, имеющий двух детей, владеет в течение того же времени участком земли такой же величины. Человек с 8 детьми живет в нормальных условиях существования, его сосед, имеющий только двух детей, живет лучше. Однажды человек с 8 детьми неожиданно выступает перед своим соседом с категорическим требованием передать ему к определенному сроку его участок земли. Последний отклоняет всякие переговоры по этому поводу и отказывается отдать принадлежащий ему по праву отрезок земли, в то время как человек с 8 детьми старается добиться своей цели с помощью угроз и силы. Когда почти беззащитный сосед пробует сопротивляться незаконному произволу, отец 8 детей вынимает револьвер и убивает его. Грабитель и убийца забирает себе кусок земли и заявляет без зазрения совести: "Я не хотел застрелить человека, я только требовал своего права и действовал соответственно этому". И несмотря на то, что он убил соседа, он хладнокровно и без стеснения заявляет: "Я не хотел застрелить его". Если каждый в государстве будет практически так действовать, как Гитлер со своей внешнеполитической теорией, то я благодарю за подобное состояние.

В речи в рейхстаге в январе 1939 г. Гитлер буквально сказал следующее: "Однако я верю в продолжительный мир". Но уже в сентябре того же года война стала фактом. А когда война уже длится некоторое время, Гитлер в 1940 г. говорит: "Я не хотел войны". На заводе Борзига перед рабочими Гитлер говорит о "капитале или труде", а на следующий день он в своей канцелярии принимает со спокойной душой владельцев военных заводов. Но рабочие все же должны это постепенно заметить. Логический вывод: пробуют вкусно приготовить суп уже после того, как он был преподнесен публике¹².

¹² АП РФ, ф. 3, оп. 20, д. 117, л. 63–68 (перевод), 69–71 (подлинник). Перевод письма Э. Тельмана разослан И.В. Сталину, В.М. Молотову, А.И. Микояну, А.А. Жданову.

Ганновер, 7.I.1941 г.

Замечание нашего друга¹³ (который, к сожалению, тем временем покинул нас), сделанное в декабре 1940 года, относительно настроений на недавно состоявшемся гитлеровском собрании на заводах Борзига в Берлине – "я не могу понять рабочих, они кричат и аплодируют Гитлеру, а если их обычно послушать, то они ругаются и жалуются" – и его вопрос к посетительнице: "Что Вы думаете относительно того, чем это можно, собственно говоря, объяснить?" – требуют, учитывая полученный ответ, весьма серьезного отношения.

Смысл ответа заключался в следующем: "По причине возросшего давления сверху, из-за страха перед суровостью режима люди боятся высказываться открыто и не осмеливаются сопротивляться режиму, хотя почти все обычно ворчат, критикуют и ругаются".

Этот простой, хотя в упомянутом пункте и не неправильный ответ ни в коем случае не является достаточным для разъяснения многостороннего вопроса. Ведь, например, восторг на собрании или подобное настроение в народе не объясняются таким ответом и не делают его понятным. Ответ также не содержит достаточного обоснования тому, почему массы так покорны и в общем удивительно спокойны. И, наконец, ответ оставляет совсем открытым вопрос о том, чем объяснить, что рабочие так сильно проявляют свою симпатию и восторг Гитлеру?

Я хочу здесь попытаться найти ответ на поставленный основной вопрос.

Вопреки растущему недовольству, которое за последнее время накопилось в массе всего населения, должно иметься и имеется что-то такое, что гипнотизирует массы, приводит их в состояние оцепенения, способно сковать их и отвлечь от повседневного гнета. Этим является большая политика с ее излучаемой на массы магической силой, систематически проводимая и широко задуманная политика гитлеровского руководства, выпячиваемая вперед и вдалбливаемая массам всеми мыслимыми, политически замаскированными и пропагандистски разукрашенными методами.

Этой большой политикой и ее магнитами наэлектризовываются и притягиваются массы; она производит чуть ли не волшебное действие на большую часть немецкого народа, и уже вследствие этого повседневный гнет, критика всего и всех и недовольство проявляются слабее, в особенности на массовых собраниях. К этому еще присоединяется гений вождя и личность Гитлера, который, будучи постоянно восхваляем как национальный герой, способен действовать на большинство трудящихся чуть ли не как магическая притягательная сила.

Это исчерпывающее изображение настроений разъясняет заметную, хотя и критическую сдержанность масс по отношению к режиму. Они забывают иногда повседневную нужду и заботы, в особенности, если им в докладах говорят в замаскированной под социалистическую и разукрашенной под антикапиталистическую форме о том величии, которое ожидает Германию в будущем; тогда настроение масс меняется и, как, например, при гитлеровских выступлениях на собраниях, оно находит свое выражение в появляющейся радости и восторге. Для того повсюду в Великой

¹³ Речь идет о советском полпреде в Германии А.А. Шкварцеве, занимавшем этот пост с сентября 1939 г. по ноябрь 1940 г., когда его сменил В.Г. Деканозов. В декабре 1940 г. Шкварцев еще находился в Берлине. 11 декабря 1940 г. Р. Тельман в очередной раз посетила советское полпредство и передала письма Э. Тельмана. Через три дня, 14 декабря, Деканозов доложил в Москву В.М. Молотову об обнаружении им распisos Шкварцева о выдаче денег Р. Тельман. 19 декабря Деканозов вручил Гитлеру верительные грамоты в рейхсканцелярии и полностью вступил в должность полпреда СССР в Берлине. После чего бывший полпред Шкварцев был отозван в Москву.

Германии организуются многочисленные политические собрания и массовые доклады, для того выступают и выступают с речами вожди нацистов, чтобы отвлечь внимание народа от размышлений о его действительных интересах, держать его в состоянии подъема и целеустремленно наталкивать его на якобы социалистические лозунги и дела национал-социалистского режима.

Относительно данного устно ответа – здесь нужно отметить и установить, что режиму путем принуждения и усиленного давления сверху, а также путем неумолимой строгости и суровости до сих пор удавалось сдерживать многие озлобленные и в особенности политически просвещенные массы и затруднять их открытые выступления. Из-за страха перед ясностью взгляда политически мыслящих людей они беспощадно применяют все средства подавления и насилия для того, чтобы задушить уже в зародыше всякое оппозиционное движение. Но, несмотря на это, бесчисленные группы из всех новых и старых кругов и лагерей проводят без местного и центрального руководства свои политические обсуждения.

Какие основные проблемы и вопросы и важнейшие мысли находятся в настоящее время на переднем плане большой политики и пропаганды?

1) Решительное проведение тотальной войны и ее безусловное продолжение до решающей победы над Англией являются основным пунктом национал-социалистской политики и пропаганды. Эта тотальная война, которую ведет Великая Германия и которая якобы ей была навязана, определяется и пропагандируется как социалистическая и социальная борьба против господства денежных тузов и золота одновременно с активной позицией и возросшей идеологической пропагандистской кампанией против власти и системы английской плутократии. Острейшее осуждение английских преступников войны и развертывание проблемы виновности в войне. Пропаганда замены Англии на ее позициях как торговой и экспортирующей державы Великой Германией с ее новыми территориальными приобретениями и будущими колониями, т.е. перенятие наследства Англии после ее поражения. Сильнейшая уверенность в будущей победе стоит в центре пропаганды.

2) Военная победа как предпосылка нового порядка в Европе. Блок держав оси и его историческая миссия в Европе и во всем мире. Сила фактов, которые, сначала будучи созданы оружием, подкрепляются силой идей и социального мира.

3) В общем комплексе почти всех вопросов политики и пропаганды прославляются имевшие место военные, политические и дипломатические успехи и достижения, приписываемые гениальному руководству Гитлера.

4) Положение Германии во время версальского диктата используется для исторического сравнения с теперешней господствующей позицией Великой Германии. Германия снова свободна в международном отношении и добилась своей независимости без всякой посторонней помощи. Новый подъем Германии на позиции великой мировой державы, слава и величие нации под руководством гитлеровского режима прославляются фанатично и преувеличенно.

5) Уже теперь в приукрашенном образе рисуется картина перспективы обеспеченных условий жизни и существования всего немецкого народа в будущем. Проповедуют, что теперешнее поколение осуждено приносить жертвы и что оно борется за счастливое будущее своих детей и новый подъем нации. Являющиеся якобы социалистическим социальное творение Гитлера и обширные планы будущего выпячиваются как важнейшие мирные задачи будущего и одновременно воспеваются как "социалистическая" воля руководства во время войны. Лозунгом – национальный "социализм" – уже теперь украшается якобы социалистическая форма будущего великой Германии.

6) Продолжается выпячивание идеи общественности и народной общности при пренебрежении действительным положением вещей, повседневной народной жизнью и сознательно тенденциозное и лживое восхваление на заводах и в учреждениях проблем "единство нации", "единство руководства и народа", "единство заводов и армии",

"единство фронта и родины", "сообщество и освобождение народов Европы под политическим руководством держав оси".

Эти проблемы и вопросы в настоящее время господствуют в национал-социалистской политике и пропаганде. Они постоянно связываются с борьбой за существование немецкого народа, приспосабливаются от случая к случаю к задачам дня и войны и готовятся в форме одурманивающих волн пропаганды в массы народа.

Рассмотрим по-деловому и здраво основное содержание национал-социалистской политики и пропаганды и к каким положениям и выводам в основном тогда мы придем.

Основные мысли этой большой политики насквозь империалистичны и показывают свое открытое шовинистическое содержание в свете военной политики. Немецкий империализм в своем милитаристском выражении стоит открыто и незамаскировано перед нами. Эта сознательно проводимая НСДАП империалистическая политика преподносится массам под маской национализма, и она умышленно переплетена и живейшим образом поддерживается социальным остоном.

Для того чтобы обмануть массы и включить их по возможности без сопротивления в открытый империалистический курс и в эту разбойничью политику и держать их в дурмане, национал-социалистский пропагандистский аппарат, который, как известно, стоит на службе просвещения народа, маскирует существо нового великогерманского империализма политикой, в которой ударение делается на социальные нужды, закутанное псевдосоциалистическим покровом и приукрашенные антикапиталистическими разговорами. Искусно созданная система политики, в которой национал-социалистские вожди не гнушаются средствами, если есть возможность сделать с народом политический гешефт. Дерзко и бесстыдно они утверждают, что они ведут войну в благородных целях, за человеческий прогресс против недостойного человечества капитализма, за социальные идеалы против капиталистической эксплуатации, за свободу народов против капиталистического произвола и подавления, да, они борются якобы за новый социальный мир, за современный европейский "социализм" и за пропитывание Европы немцами "социализмом".

Эта банда мошенников осмеливается назвать себя "застрельщиками нового времени" – по-видимому, они имеют в виду новую эпоху немецкого империализма. Да, если бы этот путь судьбы, на который вступило большинство немецкого народа, включая национал-социалистское руководство, не был бы столь роковым и горьким для исторического развития немецкой нации, тогда можно было бы насмешливо говорить о "мифе 20-го столетия"¹⁴.

Но трагедией немецкого народа является то, что он зачастую восторженно соскальзывает на путь этого нового исторического развития немецкой нации, без того чтобы серьезно отдать себе отчет в будущих последствиях и империалистических результатах, ибо подавляющее большинство немецкого народа недостаточно ясно видит открытое империалистическое и шовинистическое существо этой политики и специфические черты этого нового развития и не понимает достаточно того факта, что прежде всего на него лягут неслыханные тяготы народнохозяйственного и социального порядка. К этому еще добавятся громадные издержки войны, взваленные на настоящее и будущее поколения. Нам нужно взять только две основные проблемы из всей многосторонней концепции рассуждения о существующем военном положении, и уже нам будет ясно и мы поймем заблуждение или путаницу мыслей в головах народных масс, возникшую в результате империалистической политики вождей нацистов. Этими проблемами являются "война и победа" или "война и поражение". Почти весь немецкий народ за конечную победу Германии. Одновременно с этим он берет на себя полную ответственность за военную политику НСДАП и ее руководства и за ее все дальнейшие последствия, которые в

¹⁴ "Миф XX века" – так назывался изданный в 1930г. основной труд нацистского идеолога А. Розенберга.

военно-политическом и историческом смысле имеют место сегодня и будут иметь место завтра. В этом отношении и с такой установкой он, таким образом, без того чтобы сам это знал или хотел, настроен полностью империалистически и шовинистически.

Другая проблема, "война и поражение", может быть поставлена и развернута только по-революционному, она в своей окончательной последовательности будет совсем понятна только для политически ясно мыслящих лиц. Исторический поворот во время войны в 1917 г. с его славной победой большевиков в царской России¹⁵ может здесь служить историческим фактом, заслуживающим повторения.

Является ли это случайностью, что национал-социалистские вожди не упоминают ни единым словом действительный социализм, который осуществлен в Сов. Союзе? С большим удовольствием они употребляют в политике псевдосоциалистический хлам, который им не вредит, и тщательно соблюдают молчание – только из соображений политических выгод – о том факте, что только в одной стране во всем мире практически осуществлен социализм. Они знают, почему они молчат относительно социалистического развития Советского Союза, мы, однако, не должны молчать, а должны и здесь выполнять наш революционный долг. Только действительно революционные инициаторы нового, лучшего времени, которые готовы бороться за истинно социалистическое будущее, могут быть спасителями немецкого народа также и в настоящее время. Ибо кто же внесет ясность в головы сбитых с толку масс? Кто скажет им, что путь, по которому они идут, не приведет их к лучшему будущему, благосостоянию, прогрессу человечества и социалистическому счастью?

Кто покажет им путь к социализму и кто освободит массы рано или поздно от рабского ярма фашистского подавления и принуждения и от разбойничьей империалистической практики завоеваний? Мы, борцы партии пролетарской революции!!!

Замечание: (Мне не хотелось, если Вы выполнили бы революционный долг и передали бы нашему другу, который недавно нас покинул, это письмо, по возможности дословно)¹⁶.

№ 20

21 января 1941 г.

Имперский руководитель Розенберг в конце ноября 1940 г. говорил во французской палате в Париже по поводу идей 1789 г. и их действия и в конце своей речи, между прочим, заявил следующее:

"Мы вели прямую борьбу против либерализма, марксизма, еврейства и масонства"... "когда-то идеи терпимости были достоянием мечтательных мыслителей, затем они стали оружием политических заговорщиков, а затем в начале 20 столетия перешли в руки уголовных преступников. Таков ход развития идей 1789 г."

"Из хаоса, нужды и позора, против интернациональной идеи выступил национальный идеал. Победа этого идеала во всех областях означает, собственно, мировую революцию 20 столетия".

Розенберг затем напомнил, что некоторые мыслители в Германии (Ницше¹⁷ и

¹⁵ Фактическая неточность. Большевики победили не в царской, а в буржуазно-демократической России, ставшей таковой после Февральской революции 1917 г.

¹⁶ АП РФ, ф. 3, оп. 20, д. 117, л. 87–94 (перевод), 95–99 (подлинник). Перевод письма Э. Тельмана разослан И.В. Сталину, В.М. Молотову, А.И. Микояну, А.А. Жданову.

¹⁷ *Ницше, Фридрих* (1844–1900) – немецкий философ, представитель иррационализма и волюнтаризма, один из основоположников "философии жизни". Широко использовался идеологами нацизма.

Лагарде¹⁸, Вагнер¹⁹ и Хоустон Стюарт Чемберлен²⁰, во Франции (Гобине²¹ и де Лапуже²²) и в Англии (Карлейль²³ и Чарльз Диккенс²⁴) напрасно поднимали свой голос против социальной нужды и капиталистической эксплуатации.

В воскресном выпуске "ББЦ" № 30/31 от 19 января 1941 г. была помещена крайне интересная передовица на тему "Вопросы без ответов". Она подписана известным сотрудником "ББЦ"²⁵ по международным вопросам Карлом Мегерле, являющимся членом немецкого рейхстага.

Это действительно сильная вещь, что давнишний сотрудник "ББЦ" по международным вопросам (который к тому же является членом немецкого рейхстага), несмотря на дружественные германо-русские отношения, разрешает себе, в косвенной форме, взять против Советского Союза такой тон, который, собственно говоря, должен был бы быть неуместен и не соответствовать времени.

В передовице говорится: "...Господин Хэлл²⁶, конечно, в свое время защищал в американском парламенте версальский диктат. Этим самым он защищал принцип, что голая сила (насилие) создает право. Следовательно, принцип силы не является для Хэлла столь отвратительным. Сила в английских или американских руках крайне желательна. Когда англосаксонское насилие (сила) сделало свое дело, тогда внезапно снова вступает в силу "право", и каждый, кто противится англосаксонскому мировому порядку, является преступником. Точно так же, как сознание справедливости, моральное возмущение Хэлла имеет двойственную основу. Бухгалтерия японского, итальянского и немецкого "счета долгов" не имеет пропусков. Наши "преступления против бога и человечества" просто лишают благочестивого, справедливого и гуманного государственного секретаря возможности жить в мире и дружбе с этими тремя великими державами. Его совесть не разрешает ему молчать об их "преступлениях". Его возмущение безгранично, за исключением одного: на новых и старых границах и на внутреннем режиме Советского Союза буря его возмущения стихает. Здесь ему удается держать язык за зубами, аналогично тому, как это недавно удалось президенту Рузвельту, несмотря на Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву, Польшу и "румынский раздел"²⁷, несмотря на диктатуру пролетариата, государственную организацию антирелигиозного движения, уничтожение демократии, свободной торговли и свободного слова, назвать Советский Союз дружественной державой.

С большим удовольствием его приветствовали бы сегодня, а не завтра как союзника в христианском крестовом походе против "тиранов". Если Хэлл молчит об этих

¹⁸ Вероятно, имеется в виду *де Лагард, Пауль* (1827–1891) – немецкий языковед-востоковед, профессор Гёттингенского университета, исследователь Библии, выступал за создание немецкой "национальной религии", был противником влияния евреев на экономическую жизнь.

¹⁹ Речь, вероятно, идет о немецком экономисте *Адольфе Вагнере* (1835–1917). Под влиянием идей исторической школы подчеркивал зависимость хозяйственной жизни от правовых условий, к которым частично относил собственность.

²⁰ *Чемберлен, Хьюстон Стюарт* (1855–1927) – английский аристократ, принявший германское подданство. Зять композитора Р. Вагнера. Теоретик расизма и "германской исключительности". Чемберлен был противником традиционной христианской религии, противопоставляя ей идею "немецкого христианства, освобожденного от еврейского духа"; заложил основы евгеники – "науки" о расовой чистоте.

²¹ *Де Гобино, Жозеф Артур* (1816–1882) – французский социолог и писатель, один из основоположников расизма и расово-антропологической школы в социологии.

²² *Лапуж, Жорж Ваие* (1854–1936) – французский социолог, последователь теории социального дарвинизма и один из идеологов расизма. Разделял человечество на "высшие" и "низшие" расы. Вместе с Ж.А. де Гобино оказал значительное влияние на формирование расовой теории фашизма.

²³ *Карлейль, Томас* (1795–1881) – английский публицист, историк и философ. Выдвинул идеалистическую концепцию "культы героев", которые якобы являются единственными творцами истории.

²⁴ *Диккенс, Чарльз* (1812–1870) – английский писатель, автор многих романов, имевших социальную направленность и получивших всемирную известность.

²⁵ "Berliner Börsezeitung" – "Берлинская биржевая газета".

²⁶ *Хэлл, Корделл* – государственный секретарь США в 1933–1944 гг.

²⁷ Входящие в состав Румынии Бессарабия и Северная Буковина в июне 1940 г. были включены в состав СССР.

вещах, то он знает почему. Вызвать все четыре великие державы Старого Света сразу он считает непрактичным. Англосаксонцы должны лучше рассчитаться с ними по очереди, по одиночке, в конце очередь пришла бы и Советскому Союзу, который в англосаксонском мировом порядке является таким же неразрешенным посторонним предметом, как Германия, Япония и Италия.

В остальном уже сегодня над Советским Союзом висит моральное эмбарго Америки, и он видит надежное обладание своих новых приобретений под угрозой "правовых принципов" англосаксонских держав".

Замечание: Автор вышеназванной передовицы поместил в январском номере ежемесячного журнала "для углубления культурных отношений народов всемирно-политического треугольника" "Берлин – Рим – Токио" передовицу "Доказательство надежности тройственного пакта", содержание которой мне неизвестно.

В "ББЦ" от четверга 7.I.1941 г. (2-й выпуск) помещена передовица на тему "Императорский путь" с подзаголовком "Экономическая реформа Японии по немецкому образцу", подписанная Зейдо Накано.

В одном месте там говорится:

"Немецкий народ, переживший горький опыт коммунизма, умел воздать должное благословение национал-социалистской системе".

В экономическом разделе имперского выпуска "ДАЦ"²⁸ от воскресенья 19.I.1941 г. в статье "Мнение государственных секретарей", подписанной редактором раздела И. Виншу, имеется следующее наивное, запутывающее мысли место: "Далее мировой наблюдатель констатирует, что система общественного хозяйства, свободная от предпринимателя даже в виде государственного социализма или государственного капитализма, в современном социальном сознании отстала и кажется уже покрытой пылью и реакционной, поскольку она не в состоянии полностью исчерпать производительные, хозяйственные и социальные источники народа"²⁹.

№ 21

Ганновер, 31.III.1941 г.

Отдельные концентрированные замечания относительно перспектив общего военного положения

1) На основании заявлений, которыми обменялись недавно Советский Союз и Турция относительно практики двустороннего пакта о ненападении и обоюдного нейтралитета в случае нападения с третьей стороны³⁰, я пришел к убеждению, что высшее немецкое военное руководство не намеревается больше осуществлять военный поход через территорию Турции, для того чтобы, возможно, с фланга захватить Суэцкий канал.

2) Поэтому с полной уверенностью нужно полагать, что ввод немецких войск в Болгарию преследует стратегическую цель – начать в ближайшее время с двух фронтов наступление против Греции³¹. Возможно, что еще до этого Греция заявит о своей готовности к мирным переговорам, что, без сомнения, мыслимо.

²⁸ "Deutsche Allgemeine Zeitung" – "Немецкая общая газета".

²⁹ АП РФ, ф. 3, оп. 20, д. 117, л. 100–103 (перевод), л. 104–105 (подлинник). Перевод письма Э. Тельмана разослан И.В. Сталину, В.М. Молотову, А.И. Микояну, А.А. Жданову.

³⁰ В 1925 г. между СССР и Турцией был подписан договор о дружбе и нейтралитете, о соблюдении которого стороны обменялись заявлениями в начале 1941 г. 18 июня 1941 г. Турция, сохраняя заключенный 19 октября 1934 г. союз с Великобританией, подписала договор о дружбе и ненападении с Германией.

³¹ 1 марта 1941 г. премьер-министр Болгарии Б. Филев подписал Венское соглашение о присоединении к блоку фашистских держав – Тройственному пакту. Германские войска как союзники вступили на болгарскую территорию, которую Германия использовала в качестве плацдарма для нападения на Югославию и Грецию в апреле 1941 г.

3) Концентрация сильных немецких моторизованных частей, в особенности танковых дивизий и немецких бомбардировочных и истребительных эскадрилий, на североафриканском театре войны, в Ливии, дает основание считать, что так же и там, в короткий срок со стороны союзных итало-германских войск последует большое военное наступление против армии Уавелля³². Это наступление имеет целью нанести уничтожающие удары британским имперским частям на территории вплоть до Суэцкого канала и дальше.

4) Кроме того, я предполагаю, что подготовляемое уже более 9 месяцев в широких военно-стратегических масштабах нападение в целях военного захвата собственно Англии произойдет примерно в мае месяце.

5) В новогоднем послании Гитлера говорится: "1941 год принесет завершение величайшей победы нашей истории". Аналогичные политические намеки в его последних речах дают понять, что в 1941 г. будут победоносно проведены наступательные сражения против Англии. И слова Риббентропа при приеме Мацуока³³: "В действительности же – это является нашим убеждением – судьба Англии уже решена. Сегодня мы знаем, что война выиграна Германией и ее союзниками – в конце этого 1941 года, мы думаем, это будет знать весь мир".

6) Если даже на всех трех вышеназванных и подробней изложенных театрах войны победа будет на стороне войск держав оси, что я осмеливаюсь определенно предполагать, это еще ни в коем случае не будет означать, что война против Англии окончится в 1941 году. Поражение Англии будет сокрушительным, и ее военное положение сначала будет чрезвычайно ослабленным. Хотя таким образом война на европейском континенте окончится, однако она, очень вероятно, будет продолжена в других частях света, в особенности на океанах. Англия в этом случае, опираясь на свои доминионы и поддерживаемая, как союзным партнером, Соединенными Штатами Северной Америки, продолжит войну на других фронтах мира³⁴.

Ганновер, 31.III.1941 г.³⁵

По поводу актуальной темы "Смысл и значение тройственного пакта" я хочу для вступления указать на написанные мною ранее трактаты, без которых контур этого сложного вопроса был бы неясным.

Речь идет о следующих трактатах:

а) Новое распределение и новое расчленение мира на четыре больших хозяйственных области.

б) Политическое лицо Европы после победы Германии над континентальными государствами.

в) Германско-русские дружественные отношения.

г) Империалистическая роль США и обострившееся напряжение между США и Японией.

³² Уэйвелл, Арчибалд Персивал (1883–1950) – британский фельдмаршал. С июля 1935 г. возглавлял командование британских вооруженных сил на Ближнем Востоке.

³³ Мацуока, Ёсукэ – министр иностранных дел Японии в 1940–1941 гг. При его содействии был заключен 27 сентября 1940 г. Тройственный пакт между Японией, Германией и Италией. Тельман пишет о беседе Мацуока и его германского коллеги Риббентропа, состоявшейся в Берлине 28 и 29 марта 1941 г. В ходе японо-германских переговоров обсуждались не столько вопросы борьбы "третьего рейха" против Великобритании, сколько намерение Германии напасть на СССР. "Развитие событий может быстро привести к конфликту между Германией и Россией", – заявил Риббентроп. На вопрос Мацуоки о возможности подключения СССР к Тройственному пакту рейхсминистр иностранных дел ответил, что этот вопрос не стоит на повестке дня; позиции Германии и СССР по вопросу о Финляндии и Балканах являются противоположными, и в "любом случае переговоров с русскими на их условиях не будет... Сотрудничество с Россией абсолютно невозможно, так же как невозможно объединить огонь и воду... Если политика Сталина не будет соответствовать линии фюрера, он разгромит Россию". – Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945. Serie D. Bd. XII, S. 335.

³⁴ АП РФ, ф. 3, оп. 20, д. 117, л. 111–112 (перевод), л. 125 (подлинник).

³⁵ Продолжение письма.

Еще отдельные короткие, частично значимые дополнения к этим прежним трактатам:

К § а. В этом охарактеризованном тогда новым расчленении мира за хозяйственные области – Африка и Тихий океан велась еще борьба; они занимают пока что особое место. Тем временем Советская власть активно осуществила на основе заключенных договоров свои торговые отношения с отдельными государствами Европы и заметно расширила свои хозяйственные отношения с различными государствами европейского хозяйственного пространства.

К § б. С помощью усиленного дипломатического воздействия и благодаря военной мощи Великой Германии Гитлеру удалось втянуть в сферу своей военно-политической власти дальнейшие государства Европы. Сегодня почти вся Европа стоит под знаком политики силы Великой Германии и под ее контролем.

К § в. Несмотря на то, что в советско-германских дружественных отношениях не появлялись заметные ухудшения, немецкая пресса, радио и все другие средства пропаганды избегают, примерно начиная с приезда Молотова в Берлин³⁶, сообщать хотя бы малейшее относительно развития в Сов. Союзе. Даже во время обоюдного напряжения, т.е. перед заключением пакта о дружбе³⁷, было иногда лучше. Подобное состояние молчания относительно благоприятного развития дружественной державы на продолжительное время кажется мне совершенно невыносимым. Этот факт действует тем более отягощающе, что продолжавшееся молчание не является случайностью, а происходит во всяком случае по указанию свыше; возможно, что другие, оставшиеся для меня неизвестными, причины привели к этому. Другой пример: в Москве демонстрировался немецкий фильм "Победа на Западе"³⁸, однако мне неизвестно, что советские кинокартины демонстрируются теперь в Германии. Управление др. Геббельса и Розенберга функционирует превосходно.

К § г. Соединенные Штаты Северной Америки являются наследниками распада британской мировой империи, т.к. эта война принесет им первенство над Англией. Англия впервые за свою историю принуждена к подчинению своих жизненных интересов интересам другой великой державы. Ибо собственно Англия (метрополия) согласно заключенным между Вашингтоном и Лондоном письменным и устным соглашениям уже считается потерянной³⁹. Тесное партнерство с Англией в этом ничего не изменяет. Хотя Америка вследствие закона о помощи Англии свое участие в войне значительно и усилила, однако более чем сомнительным является то, что будет ли в состоянии эта широкая акция помощи спасти английскую метрополию. Рузвельт проводит твердую, решительную, властную политику в существенной части за счет Англии. Старые привычки расширения владений, союза с другой державой в случае нужды снова оживились. Его антинемецкие позиции служат ему для того, чтобы за счет Англии поднять Америку на вершину могущества. Пользуясь отсутствием английских пароходов и купцов, США обеспечивают себе рынки. В тяжелую для Англии минуту они включают ценнейшие английские колониальные владения в

³⁶ Визит в Германию советской официальной делегации под руководством Молотова состоялся 12–14 ноября 1940 г. Председатель СНК СССР и нарком иностранных дел вел переговоры с Гитлером, Риббентропом, Гессом и Герингом. Директивы Сталина, данные Молотову перед поездкой в Берлин, см. Новая и новейшая история, 1995, № 4. По этому вопросу также см.: Переводы немецких записей берлинских переговоров и телеграммы, которыми обменивались в их ходе Сталин и Молотов (Международная жизнь, 1991, № 7); записи переговоров, сделанные переводчиками Молотова (Новая и новейшая история, 1993, № 5). На страницах нашего журнала развернулась полемика по этому вопросу, см.: *Безыменский Л.А.* Визит В.М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. в свете новых документов (1995, № 6); *Сиполс В.Я.* Еще раз о дипломатической дуэли в Берлине в ноябре 1940 г. (1996, № 3).

³⁷ Речь, очевидно, идет о советско-германском договоре о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г.

³⁸ Нацистский пропагандистский фильм о военной кампании вермахта весной–летом 1940 г., в результате которой были захвачены Дания, Норвегия, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Франция.

³⁹ Очевидно, Тельман излагает точку зрения нацистской пропаганды, извратившей высказывание Черчилля о том, что, даже если немцы вторгнутся на Британские острова, война против Гитлера будет продолжена. Соглашений между Лондоном и Вашингтоном об отказе от обороны Британских островов не было.

сферу своей власти и обеспечивают себе выдачу английского флота. Политика Рузвельта все с большей и большей скоростью принимает империалистические черты. В то время как США далее расширяют панамериканское объединение и стараются его укрепить, скачкообразное расширение североамериканских державных позиций в Средней и Южной Америке принимает все большие формы, которые памятливы еще Латинской Америке из ее прошлого. Пока что Рузвельт действует еще в Западном полушарии, и некоторые признаки указывают на то, что он там еще не насытился. Соответственно этому Соединенные Штаты торопятся с попыткой, пользуясь слабостью Англии и не принимая также во внимание японские претензии, свою границу в Тихом океане вынести дальше в западном направлении. Здесь они наталкиваются на сферу японского влияния и интересов. Вследствие принципиального расхождения стремлений Японии и Америки – Англии возникают в дальневосточном и тихоокеанском пространстве обостренные напряжения.

Япония стремится распространить свое господствующее положение в Восточной Азии на тихоокеанское пространство для того, чтобы заполучить новые сырьевые источники. Рузвельт наряду с экономическим блокированием Японии стремится запугать и отбросить ее из западной части Тихого океана. Несомненно, тихоокеанское пространство будет занимать сначала особое политическое положение. Господство в нем оспаривают восточноазиатский и американский блоки. Неизбежно возникнут некоторые спорные проблемы. Например, после поражения Англии должно быть выяснено будущее английских владений в Тихом океане. Голландская Индия и земли в Южном море являются для одних держав слишком желаемыми областями. США, кроме того, заинтересованы в будущем Филиппин⁴⁰. Новая решительная борьба за судьбу Тихого океана вообще почти неизбежна, т.к. мирное разрешение вопроса о разделе сфер влияния и интересов между США и Японией, учитывая наличие соседних государств, не кажется вероятным. Поэтому Япония присоединилась к тройственному пакту, направленному в первую очередь, наряду с Англией, против США, и нашла в Германии и Италии сильнейших союзников. Рузвельт поддерживает чунцинское правительство⁴¹ и стремится создать против Японии фронт окружения: США – Англия – Голландская Индия – правительство Чунцина. Однако ход развития событий в Атлантике может побудить и даже принудить Рузвельта оставить мысль о войне на два фронта и направить главные силы в этом направлении.

И, наконец, к самой теме "Смысл и значение тройственного пакта в свете последних всемирно-политических событий".

Основы этого трудного вопроса имеют сложную и многостороннюю подоплеку, и, кроме того, они различным образом могут быть обсуждены и истолкованы. К этому присоединяется то, что функции этого пакта могут меняться в зависимости от событий, т.е. соответственно данному международному положению, точно так же, как он показал свои способности приспособляться, как, например, это было с присоединением Югославии⁴². Ибо функции, существо, оценка и значение тройственного пакта являются настолько разносторонними и проблематичными и могут быть освещены и поставлены настолько различно, что попытка дать резюмирующее толкование является поистине политическим кунштштоком.

Здесь следует показать в общих чертах и сжатой форме и не столько в деталях объемлющую общую картину, касающуюся тройственного пакта.

Общая мировая политика и мировые события достигли переломного пункта, от

⁴⁰ Филиппины, захваченные США в 1899 г., в 1935 г. получили автономию. В декабре 1941 г. Филиппины были оккупированы Японией.

⁴¹ Правительство гоминьдана, руководимое Чан Кайши.

⁴² 25 марта 1941 г. премьер-министр Югославии Д. Цветкович подписал в Вене протокол о присоединении Югославии к Берлинскому пакту от 27 сентября 1940 г., в который к этому времени входили Германия, Италия, Япония, Венгрия, Румыния, Словакия, Болгария. Через день, 27 марта 1941 г., правительство Цветковича было свергнуто, а новое правительство Симовича не утвердило акта присоединения Югославии к этому пакту.

которого исходят лучи нового развития хорошо известного нам направления и цели. Проблематика этого нового развития и содержащиеся в ней задачи будут раскрываться перед нами, однако, только постепенно. Ко времени начала этой войны, как известно, имелись 7 великих держав (США, Англия, Германия, Советский Союз, Япония, Франция и Италия). Сейчас, однако, речь может идти, собственно говоря, только о 5 (США, Германия, Советский Союз, Япония и Италия). Ибо Франция как великая держава уже вышла из строя, а судьба Англии не может быть больше изменена – она как великая держава уже получила тяжелый удар. Из этих 5 великих держав Германия, Япония и Италия являются ведущими государствами в системе тройственного пакта. Их сферы влияния распространяются на значительные пространства мира. США как единственная великая держава рассматривается опасным антиподом тройственного пакта. Они стремятся сначала совместно с Англией, как союзницей, создать широкую общность интересов в пространстве, населенном приблизительно 700 млн. человек (Советский Союз по отношению к тройственному пакту занимает выжидательную и более чем нейтральную позицию)⁴³. Параграф 5 тройственного пакта считается с неприкосновенностью советской территории и жизненного пространства народов Советского Союза и признает далее претензии Советского правительства относительно ведущей роли в восточно-европейско-азиатском пространстве. Так как Советский Союз в связи со своим внешнеполитическим отношением к Германии и Италии не продолжает в настоящее время своей прежней балканской политики, он мог бы стремиться создать новую группу государств в азиатском пространстве, а также в Малой Азии и подчинить ее своему руководству. Ибо сейчас был бы подходящий момент прежние английские сферы влияния в этих пространствах сделать полезными для хозяйственных и внешнеполитических интересов Советского Союза. Недавно сделанный обмен заявлениями между Советским и Турецким правительствами дает понять, что отношения Советского Союза с Турцией снова улучшились и нормализовались. Этот факт мог бы, например, стать исходной точкой для образования такой группы государств под руководством Советского Союза. Я имею в виду такие государства, как Турция, Иран, Ирак, Афганистан, Монголия, Тибет, не находящиеся под японским влиянием области Китая и т.д.

Теперь перейдем к более проблематичному вопросу, которого я здесь хочу коснуться. Во время наиболее острого напряжения между национал-социалистической Германией и Советским Союзом был, как известно, создан антикоминтерновский пакт⁴⁴, к которому наряду с Германией в качестве первых государств примкнули Япония и Италия. Тем временем в обстановке, существенным образом вызванной войной и изменившимся международным положением, при наличии новых группировок государств и годовичного существования дружественного пакта между Советским Союзом и Германией в сентябре 1940 года подписан тройственный пакт. Гитлер охарактеризовал тогда эту систему государств, которая в политической, хозяйственной и культурной области уже существовала несколько лет, как политический треугольник, который достиг своего апогея с подписанием военного союза 27 сентября 1940 года.

⁴³ Официальная реакция Москвы на заключение Тройственного пакта была изложена через три дня после подписания Германией, Италией и Японией этого документа. 30 сентября 1940 г. газета "Правда" без подписи автора опубликовала написанную Молотовым статью, содержащую следующие положения:

- пакт не является чем-то неожиданным для СССР;
- он означает вступление войны в новую фазу;
- пакт является следствием усиления агрессивности США и Англии;
- он подтверждает принципы советско-германского пакта 1939 г. и согласие, царящее между СССР и участниками пакта.

СССР определялся как "верный своей политике мира и нейтралитета". См. *Безымянский Л.А.* Указ. соч., с. 126–127.

⁴⁴ Антикоминтерновский пакт заключен в Берлине 25 ноября 1936 г. между Германией и Японией. В ноябре 1937 г. к нему присоединилась Италия. В 1940 г. превращен в открытый союз – Берлинский пакт от 27 сентября 1940 г.

Япония и Италия снова были теми государствами, которые первыми примкнули к этому новому пакту. Потом последовало вступление Венгрии, Словакии, Румынии и Болгарии. Почти все эти партнеры являются государствами, которые имеют общую границу с СССР или расположены в непосредственной близости от него, за исключением Италии. Это все может быть случаем, однако, возможно также, что другие политические причины были толчком к этому, ибо заметный страх Гитлера перед большевизмом и политическим или идейным влиянием Советского Союза наиболее ясно выявился в его политике, касающейся переселенцев и возвращенцев. Повсюду, куда только вступала Красная Армия, сейчас же все немцы изымались из занятых Сов. Союзом областей, в то время как они в капиталистических странах Дунайского бассейна в большинстве случаев должны были оставаться на месте. Является это тоже случаем? Нет! Параграф 5 тройственного пакта включен в пользу Советского Союза и соответственно его позициям. Однако оговорки, включенные в капиталистические, преследующие империалистические цели договора в пользу социалистического Советского Союза, являются для империалистов вопросами целесообразности и не являются гарантиями безопасности и неприкосновенности владений социалистического государства. Таким образом, всегда необходима высочайшая бдительность и условное недоверие, несмотря на дружественные и добрососедские отношения между Германией и Советским Союзом.

Этим самым я подхожу к существу тройственного пакта. Вследствие присоединения Японии к тройственному пакту политика оси распространилась на Дальний Восток. Обоюдное признание ведущей роли Японии в восточноазиатском и тихоокеанском пространствах и ведущей роли держав оси в европейско-африканском пространстве ясно выражено в тройственном пакте. Благодаря этому идейная основа политики и была существенно усилена. Пакт оказал глубокое влияние на интернациональную ситуацию, он создал новое соотношение сил и открыл совершенно новую картину мира. Он увеличил уверенность в победе держав оси и является также и прежде всего базой для конструирования новой Европы и новой Азии. Соглашение между Берлином, Римом и Токио является не только военным союзом в целях полной военно-политической изоляции Англии, но и означает также новое предостережение по адресу Соединенных Штатов. Тройственный пакт должен в первую очередь обеспечить то, чтобы Соединенные Штаты в случае вступления в войну находились бы в Тихом океане перед лицом такого большого флота, что Америка не была бы в состоянии помочь Англии в Атлантике и в Средиземном море. Этим пактом три державы создали себе могучий инструмент как для своей политики, так, если необходимо, для ведения войны. Однако тройственный пакт является не только военным союзом между тремя могучими мировыми державами, а он является также империалистическим договором с наступательным, идейным направлением. Военный смысл его заключается в обоюдном обязательстве и поддержке во время войны и в особенности при ее расширении; империалистический – в вопросе неограниченных претензий на территории, которые намечаются и требуются всеми тремя партнерами; политико-идейный – в понятии борьбы за создание нового порядка в мире. Понятие нового порядка, которое содержит в себе планы мирового господства, не находит ослабления своего существования в какой-либо ссылке в тройственном пакте о стремлении к миру на всем земном шаре как конечной цели. Несомненно, имеются намерения создать в мире три новые империи, под руководством которых должны быть поставлены блоки определенных стран. Например, присоединение Маньчжурии, Сев. Китая, Таи, возможно, Внутренней Монголии весьма вероятно. Планы оси преследуют цель создания обширной коалиции народов. На европейском континенте возникнет, предположительно, большая федерация под руководством держав оси. Конечно, может также случиться, как, например, с Югославией, что то, что вчера еще считалось порядком, может быть воспринято завтра как нарушение нового порядка. Однако это боли родов, которые могут появиться и иметь место при каждом новом большом развитии. Все государства мира, которые активно и наступательно противятся этому фа-

шистскому и империалистическому направлению удара Германии, Италии и Японии, подвергаются при этом непосредственной опасности быть запутанными и втянутыми в настоящую войну.

Тройственный пакт является империалистическим, разбойничьим пактом; стоящие во главе его руководящие вожди не гнушаются никакими средствами для того, чтобы завербовать новых союзников и заключить их в свои ряды с целью использовать их и сделать полезными для своих фашистско-империалистических разбойничьих походов и планов.

Таков мир 20 столетия.

Отдельные цитаты, которые еще закрепляют общую картину приведения доказательств

Дипломатический сотрудник "Берлинер Бёрзен Цейтунг" др. Мегерле (член рейхстага) пишет по поводу тройственного пакта: "...если этот пакт, именно, охватывает непосредственно три континента – Европу, Африку и Азию, а остальной мир непосредственно и решительно подвергает своему влиянию, тогда, значит, речь идет о мировом пакте, который решительно создает формы будущего земного шара".

"Д.А.Ц."⁴⁵ – Разговор с Мацуока: "Это великая идея – улучшить мир с помощью пакта".

Туриная "Штампар" по поводу визита Мацуока: "Время торопит в могучих дуэлях между силами революционных народов и силами плутократических, реакционных государств. Япония намерена со всем весом своей военной подготовленности быть при этом и поддерживать импульс своих народно-политических и империалистических нужд.

Тройственный пакт является величайшей действительностью эпохи".

Министр иностранных дел Риббентроп: "Кто думает быть в состоянии напасть на тройственный пакт, тот должен будет иметь дело с концентрированной силой трех народов, насчитывающих более 250 млн. человек".

"Корриере де ля Сера" по поводу визита Мацуоки: "Япония стоит не в стороне от теперешней войны, от которой, по-видимому, зависит новый порядок мира на многие столетия" (12.3).

Из статьи в "ББЦ"⁴⁶ № 136 (22.3.1941) "Всемирные современные размышления" с подзаголовком "Всемирно-политическая библиотека" Альфреда Розенберга, Иоганна Муллера:

«Существо великой "мировой революции", свидетелями которой мы являемся, состоит в том, что ее волны охватывают весь земной шар... Европа не является больше пространством, ограниченным своими собственными границами; в Европе 20 столетия не происходит ни одного события без того, чтобы не производить на другие континенты глубокое воздействие. Исходящие с нашей части света тенденции развития приняли всемирно-политические масштабы; то, что происходит в Европе, волнует, даже потрясает весь неевропейский мир. На основе этого положения вещей создается, в особенности для немецкого народа, который в этом развитии стал сильнейшей действующей силой, полностью новый характер созерцания того, что мы называем "историей". До сих пор содержание истории составляла европейская система государств и европейская культура. Определяющим фактором в мировой политике являлся разворот сил европейских народов на земном шаре; независимо и отдельно от Европы выросшие народы и культуры считались объектами этого рода мировой политики. Новые идеи и революционные принципы авторитарных государств Европы не могут быть сообразно логике сдержаны в границах Европы, если развитие распространяет созидательные силы европейской революции на другие континенты для

⁴⁵ "Deutsche Allgemeine Zeitung" – "Немецкая общая газета".

⁴⁶ "Berliner Börsenzeitung" – "Берлинская биржевая газета".

того, чтобы взяться, выходя за пределы новой организации Европы, за новое справедливое оформление других частей счета". "Всемирно-политическая библиотека" выходит в то время, когда политическое действие определяет характер эпохи»⁴⁷.

№ 22

Ганновер 16.4.1941 г.

К главе "Тройственный пакт" от 31.3.1941 г. еще три дополнительных указания и отдельные выдержки из речей, посланий и прессы

Указания:

1) Тройственный пакт имеет не только военные, империалистические, политические или идейные функции, как это уже было подробно изложено 31.3.1941 г., но также и очень важную хозяйственную. Это совершенно логично вытекает из его империалистической и политической функции, равно как и из стремлений трех держав относительно создания порядка больших пространств в различных частях света.

Также и в области валют мировых отношения заметно изменяются. Так же как империализм доллара все больше и больше триумфирует над английским фунтом. Япония укрепляет и стремится расширить свои позиции посредством валютного блока иены, Германия серьезно стремится снова сделать марку ведущей валютой в Европе, а также мировой валютой.

2) Главная Комиссия объединенных в тройственном пакте государств – Германии, Италии и Японии – имела в Берлине недавно свое первое заседание. Ее цель служила финансированию проблем в военной, хозяйственной и политической области. Для меня это является исполнительным комитетом всех участвующих в тройственном пакте государств в своем фашистско-империалистическом выражении.

3) Проблема Соединенных Штатов Европы под руководством Германии во главе с Гитлером лежит в пределах возможностей грядущего развития.

Выдержки из речей, посланий и из прессы.

а) На заседании немецкого студенческого конгресса в Вюрцбурге в конце мая 1939 (?) выступил руководитель главного управления ДАФ⁴⁸ Клаус Зельцнер и заявил:

«Национал-социализм хотя до сих пор занимался только внутринемецким порядком, однако, несмотря на этот лозунг, права на самостоятельность, становится маяком подражания для всех тех народов, которые находятся в аналогичном положении. Да, из "Германия, проснись!" 1920 года стало "Европа, проснись!" наших дней и придет "Мир, проснись!"⁴⁹ будущего».

б) В связи с 2600-летним существованием японского императорского дома Гитлер направил японской нации следующее послание: "Япония с удовлетворением может наблюдать, что ее влияние в восточно-азиатском пространстве и ее значение в мире постоянно растут и что она как ведущая держава восточной Азии может предъявить претензии за то, чтобы совместно с ведущими державами нашей части света создавать новый порядок лучшего, более справедливого мира".

в) Из рузвельтовских бесед у домашнего камина 1.1.1941 г.: "Две нации в Европе и одна в Азии объединились в угрозу, что они объединятся для акции против США, если США вмешаются в программу экспансии этих трех наций или помешают ей".

"Германия многочисленным малым государствам Европы наставила револьвер на грудь, чтобы ввергнуть их в отвратительное состояние".

⁴⁷ АП РФ, ф. 3, оп. 20, д. 117, л. 111–124 (перевод), л. 125–131 (подлинник). Перевод письма Э. Тельмана разослан И.В. Сталину, В.М. Молотову, А.И. Микояну, А.А. Жданову.

⁴⁸ Немецкий рабочий фронт – официальное название нацистских профсоюзов.

⁴⁹ Перечисляются нацистские лозунги.

г) В особом приложении "ББЦ" от 4.3.1941 г. в статье "Амстердам – интернациональная биржевая площадь" говорится: "Еще больше, чем во время мировой войны, борьба идет за принципиальное решение мировоззрения. Ее исход переформирует навеки лицо мира и вместе с этим – мировое хозяйство".

д) Рузвельт в своей речи в Белом доме в середине марта т.г.: "Мир не знает, что он должен делать с нацией, которая вследствие своего величия или своей военной мощи утверждает, что она имеет право господствовать над миром, раздавливая при этом парадным шагом остальные нации и расы".

"Немцы стремятся не только к изменениям на колониальной карте или к изменению границ в Европе, но и к свержению всех базирующих на выборах правительств".

е) Имперский министр др. Фрик⁵⁰ на большом митинге в Ганновере 1.4.1941 г.:

"Слова вождя "Англия будет побеждена" найдут свое осуществление, ибо в этой борьбе будет решен вопрос не только об осуществлении нашего мировоззрения, но одновременно и о новой Европе, в которой каждый народ создает свое жизненное пространство соответственно силам и способностям" (?).

ж) В нью-йоркском журнале "Лифе"⁵¹, в передовой "Американский век" Генри Р. Луку говорится:

"Так же если Англия время от времени должна была бы оповещать о целях войны, то американский народ всегда в состоянии эффективно одобрить или нет эти цели. Если в противовес этому Америка должна была бы назвать цели войны, то Великобритания приняла бы их как верные. Некоторые американцы имеют чувство, что мы при совместной работе с Великобританией как-либо играли английскую игру, а не нашу собственную. Какое бы значение эта установка ни имела бы в прошлом, на сегодня она является неосведомленным, глупым непониманием обстановки. При любой форме партнерства между нами и Британской империей Великобритания полностью согласна с тем, чтобы представить США роль ведущего партнера".

Он приводит следующее место из недавно опубликованной в "Лондонском экономисте" статье: "Если осуществится постоянная более тесная связь между Англией и США, то островной народ с населением меньше чем 50 млн. человек не должен ожидать, что он будет ведущим партнером. Центр тяжести и последние решения должны больше и больше перемещаться в Америку. Мы, англичане, не должны обижаться относительно этого исторического развития. Мы должны скорее гордиться, что исторический цикл начиная с зависимости через вражду и независимость заканчивается в новой обоюдной зависимости". Затем он приходит к решающему выводу, "большой, важный вывод, который следует здесь сделать вам, американцам, состоит просто в том, что решающая предпосылка для руководства принадлежит нам"⁵².

№ 23

Ганновер, 16.IV.1941 г.

В сегодняшний день моего 55-летия – уже 9 день рождения, который я провожу в тюрьме, – я шлю Вам дорогие и революционные приветы.

Короткое дополнение к главе о "военном положении" от 31.3.1941 г.

Два наступления немецкой армии тем временем уже начались, предсказанное третье предположительно предстоит. После переворота в Югославии⁵³ всеобщее постоянно ожидаемое событие – вступление немецких войск в Югославию – стало

⁵⁰ Фрик, Вильгельм, – рейхсминистр внутренних дел Германии.

⁵¹ Имеется в виду американский журнал "Life".

⁵² АП РФ, ф. 3, оп. 20, д. 117, л. 133–137 (перевод), л. 147–148 (подлинник). Перевод письма Э. Тельмана разослан И.В. Сталину, В.М. Молотову, А.И. Микояну, А.А. Жданову.

⁵³ 27 марта 1941 г. профашистское правительство Цветковича было свергнуто.

фактом⁵⁴. Согласно грабительским положениям тройственного пакта, был совершен так же и этот акт; или, говоря на языке немецкой дипломатии, это называется: дальнейшее представительство немецких интересов "было доверено той силе, которая, кажется, одна в состоянии взять под свою защиту право и здравый смысл"; или, как осмелится писать немецкая пресса, "теперь оружием будет уничтожено сопротивление, которое противостояло новому порядку".

Указанная мною двухфронтная война немецких вооруженных сил, таким образом, проведена как через Болгарию, так и через Сербию. Выпад Югославии из тройственного пакта сделал стратегическое положение для Германии только еще более благоприятным, чем оно уже было 25.III.1941 г., в день подписания Югославией тройственного пакта.

Путем интенсивных военных приготовлений и продолжавшейся месяцы концентрации войск высшее военное командование подготовило этот план, который нашел свое начало во вступлении войск в Болгарию⁵⁵, причем было учтено вступление в Югославию с тем, чтобы можно было ударить по восточной греческой армии с фланга. В противовес этому югославские армии находились еще в большинстве случаев в состоянии мобилизации и они никогда не были в состоянии боевой готовности на решающих с точки зрения обороны страны границах. Несмотря на это, однако, темп военных событий на юго-востоке Европы является изумительным и достойным удивления.

В этой связи сообщение о заключении пакта о ненападении и дружбе между Советским Союзом и Югославией⁵⁶ особо интересно. Оно имело сначала сенсационное действие и было полностью неожиданное, еще к тому же где оно по времени совпало с первым известием о вступлении немецких войск в Сербию.

Ясным и понятным является то, что новое югославское правительство стремилось еще перед вступлением немецких войск в свою страну осуществить этот договор. Ибо до сих пор ни в коем случае недружественные югославские военные круги, широко представленные в новом правительстве Симоновича, теперь были сильно заинтересованы в пакте с Советским Союзом. На случай поражения от немецких вооруженных сил они искали эту страховку у Советского Союза для того, чтобы иметь гарантии осуществить, может быть, с помощью Советского Союза их план будущего, еще спасти старую Сербию как самостоятельное государство.

Уже много трудней разгадать проблему, почему советское правительство заключило этот договор с государством, которое стояло недалеко перед своим поражением? Но, может быть, как раз поэтому! Какие это могли быть внешнеполитические и политические побуждения, которые заставили советское правительство взять этот дипломатический курс?

1) Заключение этого пакта является, по-видимому, мирной, однако все же политической демонстрацией против держав оси, в особенности против Германии.

2) В балканской политике Советский Союз хочет снова сказать свое слово и не быть в будущем как мировая держава исключенным и пользоваться уважением больше, чем до сих пор.

3) Советское правительство имеет особый интерес к тому, чтобы на Балканах осталось самостоятельное сербское государство; во-первых, по причине проводимой им политики и его тамошних интересов, во-вторых, для ликвидации грозящей ему в этой области изоляции.

4) Заключение пакта является происламской демонстрацией для магометан вообще.

5) В связи с объявлением войны Италией Англии и Франции некоторое напряжение, возникающее между Советским Союзом и Италией, было очищено и дипломатические отношения снова нормализовались; в пределах возможного лежит то, что вследствие

⁵⁴ 6 апреля 1941 г. началось фашистское вторжение в Югославию.

⁵⁵ 2 марта 1941 г. в Болгарию вступила 12-я германская армия генерал-фельдмаршала З. Листа.

⁵⁶ 5 апреля 1941 г. между Белградом и Москвой был подписан договор о дружбе и ненападении.

военных мер против Югославии известные заключенные тогда соглашения аннулировались и нарушались.

б) Заявления, которыми недавно обменялись Советский Союз и Турция, шли, если и при по-другому сложившихся обстоятельствах в целом, почти в аналогичном направлении.

Темой дня в то время было недолгое ожидаемое событие вступления немецких войск в Югославию и пакт ненападения, заключенный между Советским Союзом и Югославией.

Симптомом для общего настроения в Швейцарии является следующая выдержка из "Тургауер Цейтунг":

"Когда в Белграде массы народа выражали ликование молодому королю Петру⁵⁷, генералу Симовичу и послам США и Великобритании, когда они во время молебна в белградском соборе шикали по адресу немецкого посла, тогда они уже знали, что это, очевидно, означает войну, однако они скорее хотели эту войну, относительно исхода и ужаса которой они не могли себе делать иллюзий, чем добровольно отказаться от самого ценного: свободы и чести. Как швейцарцы, которые, может быть, однажды должны будут при подобных обстоятельствах вступить в борьбу, объединимся в нравственном почтении этих двух народов, и мы можем мечтать только о том, чтобы мы в решительный момент держались так же достойно, так же мужественно, с такой же честью, так же бесстрашно, как греки и югославы⁵⁸.

№ 24

Ганновер, 16.4.1941 г.

(Написано очень быстро)

1) Большую радость и одновременно политический подарок ко дню рождения принесло мне сегодня газетное сообщение о заключенном в Москве Пакте о нейтралитете между Советским Союзом и Японией⁵⁹. В борьбе за судьбу революционной жизни дело обстоит почти что так, что люди моего склада больше заботятся о могучем СССР, чем о самих себе. Мой политический инстинкт хотя и предвидел и постоянно ожидал заключения Пакта о ненападении между СССР и Японией, однако в отношении самого содержания я был постоянно в неизвестности. Заключение этого договора является дипломатическим шедевром. Содержание договора – короткое, однако сильное и притом изложенное ясно, понятным языком. Заключение этого пакта фланкировало в пользу Советского Союза фактически положения тройственного пакта, и это с поддержкой одного из значительных его участников. Умный ход со стороны советской дипломатии и одновременно новое меткое указание также для мировой общественности на то, что Советское Правительство серьезно стремится к дальнейшему продолжению его политики мира и нейтралитета, ибо эта политика соответствует воле и интересам всего советского народа.

Я поздравляю!!!

2) Из вполне безупречного и полностью достоверного источника мне стало известно, что в Восточной Пруссии, и в особенности в Кёнигсберге, в народе курсируют слухи, что сильная концентрация там войск служит цели вторжения в соответ-

⁵⁷ 27 марта 1941 г. югославский принц-регент Павел был низложен, а 17-летний наследный принц Петр провозглашен королем.

⁵⁸ АП РФ, ф. 3, оп. 20, д. 117, л. 138–141 (перевод), л. 145–146 (подлинник). Перевод письма Э. Тельмана разослан И.В. Сталину, В.М. Молотову, А.И. Микояну, А.А. Жданову.

⁵⁹ Советско-японский пакт о нейтралитете был заключен в Москве 13 апреля 1941 г. В этот же день, во время проводов из Москвы Мацуоки, Сталин, глядя на японского министра иностранных дел и положив руку на плечо германского посла в СССР Шуленбурга, сказал: "Мы должны оставаться друзьями и сделать для этого все!" (Розанов Г.Л. Сталин – Гитлер 1939–1941. М., 1991, с. 197).

ствующем случае в Советский Союз с тем, чтобы затем на место Сталина поставить во главе Советского Союза Молотова (т.е. свергнуть Сталина). Эти слухи там широко распространены, так что они оттуда разносятся дальше. Из этого видно, что немецкие шовинисты пробуют всеми мыслимыми методами внести в немецкий народ их ненависть к большевизму.

С другой стороны, также оттуда идет хорошее сообщение, что огромное количество поездов с хлебом из Советского Союза пересекает область.

Таким образом, так же и сегодня враждебные Советскому Союзу подмешиватели яда постоянно работают для того, чтобы снизить престиж социалистического Советского Союза в глазах фашистского мира. Однако железные факты разорвут фашистскую паутину лжи!⁶⁰

⁶⁰ АП РФ. ф. 3, оп. 20, д. 117, л. 142–143 (перевод), л. 144–144об. (подлинник). Перевод письма Э. Тельмана разослан И.В. Сталину, В.М. Молотову, А.И. Микояну, А.А. Жданову.

А.А. РОДИОНОВ

ЗАПИСКИ ПОСЛА СССР В ПАКИСТАНЕ В 1971–1974 гг.

ИНДИЯ И СОВЕТСКО-ПАКИСТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Бхутто пользовался большей властью и влиянием, чем кто-либо до него. Бхутто нравился мне, нашим дипломатам, журналистам. Он был доступен и разговорчив, редко уклонялся от ответов на многочисленные вопросы журналистов. Бхутто рекламировал Пакистан лучше, чем кто-либо другой, и пакистанцы во время его выступлений буквально заходились от восторга. И дело было не в актерстве Бхутто, скорее в его неукротимом темпераменте. В беседах со мной президент держался просто и откровенно, явно получал удовольствие от беседы и осознавал важность личных контактов для большой дипломатии и политики. О Бхутто вспоминают как об одном из лучших ораторов Азии, где красноречие в чести и приравнивается в политике к оружию. Он овладевал аудиторией, увлекал ее.

Что касается практической политики, то Бхутто обладал широкими полномочиями, в полной мере используя возможности чрезвычайных законов. Он не очень-то прислушивался к голосу оппозиции, мало тревожился по поводу выступлений печати, заявляя, что не читает ее. Впрочем, в Пакистане по пальцам можно было пересчитать газеты, способные хотя бы иногда возражать Бхутто. Подавляющее большинство газет и журналов, сдерживаемых писаными и неписаными ограничениями, а скорее боязнию лишиться главного источника дохода – рекламы государственных промышленных предприятий, относилось к каждой его речи, как к манифесту, и даже не помышляло о критике.

Бхутто не терпел рядом с собой потенциальных конкурентов. Он полностью контролировал Пакистанскую народную партию (ПНП), и если, к примеру, главный министр провинции, как это произошло в Пенджабе, проявлял излишний характер и самостоятельность, то быстро терял свой пост.

Президент был ярым противником вмешательства армии в политическую жизнь страны, а ведь армия была одним из самых важных общественных институтов. До прихода Бхутто к власти в стране 14 лет царил военная диктатура, и далеко не все офицеры утратили вкус к управлению страной. Он внимательно следил за настроениями военных и решительно пресекал всякое их поползновение к захвату власти.

Президент считал себя социалистом; лозунгом его партии было "Вся власть народу", но в действительности не вел и не собирался вести Пакистан к социализму.

Бхутто разделял антииндийский настрой большинства соотечественников, но вел переговоры с Индирой Ганди и намерен был встречаться и беседовать вновь, чтобы в ходе деликатного и длительного зондажа попытаться выйти хоть на какой-нибудь компромисс.

Советское руководство знало о моих хороших, надежных отношениях с Бхутто,

использовало их для развития политического диалога, советско-пакистанских отношений, а также оказания влияния на подходы президента страны к основным международным проблемам, существующим на южноазиатском субконтиненте, содействуя их решению. Многие вопросы советско-пакистанских отношений решались через призму наших отношений с Индией. Мне трудно было реализовывать исходящие от президента Пакистана предложения, порой очень важные. Каждый раз Москву интересовало: как это скажется на советско-индийских дружественных отношениях.

Бхутто понимал, что СССР на протяжении многих лет, когда отношения с Пакистаном еле теплились, поддерживал Индию в политической, экономической и военной областях. Отдавая отчет в том, насколько улучшение отношений между СССР и Пакистаном положительно сказалось бы на обстановке в Южной Азии – и, в частности, на отношениях с Индией и Бангладеш – президент последовательно добивался советско-пакистанского сближения, используя для этого любой шанс.

16 февраля 1973 г. я принял Бхутто в советском посольстве. Мы обсуждали многие вопросы, представлявшие взаимный интерес. Беседа продолжалась более двух часов. Президент подчеркивал, в частности, что с пакистанской стороны нет абсолютно никаких проблем и преград, которые бы препятствовали укреплению дружбы и развитию сотрудничества между нашими двумя странами. Проводя в целом политику одинаково хороших отношений со всеми великими державами, Пакистан, по словам Бхутто, готов пойти на укрепление дружбы с СССР вопреки возможной негативной реакции со стороны США и Китая. Но у Бхутто сложилось впечатление, что есть какие-то причины, по которым СССР довольно сдержанно относится к развитию отношений с Пакистаном. Возможно, одной из них являлось опасение советской стороны, что улучшение советско-пакистанских отношений может быть отрицательно воспринято в Индии. Иначе трудно понять, почему советские руководители, посетившие фактически все страны Южной Азии, до сих пор не побывали в Пакистане, где их ждут и где им был бы оказан самый дружественный и теплый прием.

Пакистан, отмечал Бхутто, с надеждой ждет ответа советской стороны на убедительную просьбу о продаже ему 300 тыс. т пшеницы. Пакистан, который перенес небывалые наводнения, причинившие ему самые большие жертвы по сравнению с другими странами субконтинента, было бы трудно понять причины отказа в столь необходимой народу продовольственной помощи со стороны дружественного Советского Союза, оказавшего помощь Индии и Бангладеш, в значительно меньшей степени пострадавшим от стихийных бедствий. Президент отметил, что пакистанской стороне также трудно понять мотивы, по которым СССР не может удовлетворить просьбу Пакистана о поставках запасных частей к вертолетам и другой советской технике, которая уже используется чисто в гражданских целях. По мнению Бхутто, поставки запчастей не вызвали бы какой-либо отрицательной реакции со стороны Индии.

В заключение Бхутто выразил надежду, что советские руководители найдут возможность в соответствии с переданными приглашениями посетить с дружественным визитом Пакистан и лично убедятся в больших переменах, происшедших здесь со времени прихода к власти гражданского правительства, и в дружественных чувствах пакистанского народа к Советскому Союзу.

Примечательна еще одна встреча с Бхутто 2 июня 1973 г. Он позвонил мне и спросил, чем я буду занят в предстоящие субботу и воскресенье. Я ответил полушутливо, что буду трудиться во имя советско-пакистанских отношений. "Давайте потрудимся вместе. Приезжайте с супругой к нам в Натхиагали", – сказал Бхутто. 4 июня мы отправились на дачу президента.

В Исламабаде было жарко, термометр показывал около 40°C. В Натхиагали, расположенном в горах, было прохладнее – 22–23°C.

Семья Бхутто занимала двухэтажный особняк. В нем был рабочий кабинет президента, комната для небольших заседаний, гостиная, столовая – все это с одной стороны, с другой – жилая часть, которую занимала семья. Президент и его жена

встретили нас приветливо. Два дня прошли незаметно: гуляли по парку, играли в гольф, осмотрели конюшню породистых лошадей, принадлежавшую спортивному клубу, пили чай в кафе – и все это время беседовали. Бхутто не любил зря проводить время, встреча с советским послом понадобилась ему, чтобы поделиться накопившимися мыслями, идеями. При этом он хорошо знал, что сказанное им обязательно уйдет в Москву.

Вечером был обед, на котором присутствовали губернатор Пенджаба Г.М. Кхар с супругой.

Бхутто сказал, что, проявляя заботу о нормализации обстановки на Индостанском полуострове, он вынес на одобрение Национального собрания проект резолюции о признании Бангладеш. Тогда, если будет положительно решен вопрос репарации пакистанских военнопленных, а проблема проведения судов над некоторыми из них в Дакке будет снята с повестки дня, Пакистан на предстоящей сессии ООН проголосует за принятие Бангладеш в члены этой международной организации. Бхутто отметил, что Пакистан со своей стороны стремится сделать посильный вклад в дело укрепления мира во всем мире. По его словам, национальным интересам Пакистана наиболее полно отвечал бы внешнеполитический курс неприсоединения, позитивного нейтралитета, отказа от участия в каких-либо военных блоках, в частности СЕНТО – детище "холодной войны", который создавался прежде всего в антисоветских целях.

Я, соглашаясь и поддерживая идеи президента, говорил, что в СССР придают большое значение укреплению положительных тенденций добрососедских отношений и взаимовыгодного сотрудничества между государствами Азии. Ярким примером этого является предложение СССР о создании системы коллективной безопасности в Азии, которая, по нашему убеждению, является широкой по своему значению задачей общего улучшения положения на субконтиненте. Бхутто говорил много и доверительно – мое донесение в центр заняло много страниц.

ДВА ДНЯ В ПОМЕСТЬЕ БХУТТО

26 декабря 1973 г. мне позвонил помощник премьер-министра и сказал, что Нусрат и Зульфикар Али Бхутто приглашают меня с женой в Ларкану, где 6 и 7 января 1974 г. Бхутто намеревался праздновать день рождения. Мы приняли приглашение с благодарностью.

5 января в предоставленном нам служебном вагоне в сопровождении представителя службы безопасности и чиновника протокольного отдела министерства иностранных дел Пакистана мы отправились в поместье премьер-министра. На крупных станциях нас встречали представители местных администраций и ПНП. Они передавали слова приветствий, говорили о советско-пакистанской дружбе, приносили фрукты, сладости.

На вокзале в Лоркане нас встречал адъютант премьер-министра, и примерно через полчаса мы были в поместье Бхутто. После того, как мы расположились в уютных апартаментах, нас пригласили на завтрак супруги Бхутто. Встреча была теплой. Я вручил Бхутто новогоднее поздравление от генерального секретаря ЦК КПСС Брежнев, написанное на красивой открытке с видом Кремля. Премьер-министр сердечно поблагодарил за оказанное ему внимание и заговорил о заинтересованности Пакистана развивать сотрудничество с СССР в политической, экономической и культурной областях. Бхутто просил передать в Москву, что он помнит о всех обещаниях, данных им советским руководителям во время его официального визита в Советский Союз, и сейчас с удовольствием информирует, что им принято решение о признании Народной Республики Бангладеш.

Вечером состоялся обед по случаю дня рождения Бхутто. Он проходил в узком кругу, присутствовали дети, близкие родственники, школьный друг Бхутто, президент правой индийской партии "Сватантра" ("Независимость") Пилу Модии с супругой, французский миллионер грек по национальности Андре Ментзелопус с детьми.

Обстановка была праздничная, гости быстро познакомились друг с другом, освои-

лись с обстановкой и вели себя раскованно. Бхутто пил мало и весь вечер выступал в роли тамады на собственном торжестве. Он вспоминал о своем детстве, студенческих годах, о том, что гадалка, когда он был еще мальчиком, предсказала ему, что проживет он до 48 лет – праздновался его 48-й день рождения. Дочь Бхутто Беназир – высокая, стройная, красивая девушка – сама в разговор не вступала, но охотно отвечала на наши вопросы, демонстрируя незаурядную эрудицию. Образование она получила в Англии и США. Мы, конечно, не могли предположить, что через несколько лет она станет премьер-министром своей страны и пойдет по стопам отца. Сын Бхутто Шахнаваз учился в военном колледже, с детства мечтал стать офицером и даже носил костюм на военный манер. За столом он больше отмалчивался. Я сидел рядом с Нусрат на почетном месте; мы беседовали о детях, литературе, народных традициях, о советских фильмах "Анна Каренина", "Война и мир", которые они с мужем смотрели в нашем посольстве.

За столом речь зашла о политике. Пилу Модии пытался доказать, что "односторонняя ориентация Индии на СССР не отвечает интересам индийского народа". Бхутто не соглашался с таким утверждением и говорил, что на месте Модии он был бы весьма благодарен за ту всестороннюю поддержку, которую оказывает СССР индийской стороне. Он был бы счастлив, если бы Пакистану удалось добиться таких же дружественных отношений с СССР, какие имеет Индия. Сотрудничество государств Южной Азии с СССР, подчеркивал Бхутто, имеет большое значение для нормализации обстановки в этом районе, экономического развития этих государств, подъема благосостояния их народов.

Ментзелопус, который неоднократно бывал в Москве, с восхищением говорил о достижениях советского народа во всех областях жизни. Он подчеркивал, что развитие отношений взаимовыгодного делового сотрудничества с СССР полностью отвечает национальным интересам французского народа. Высказываясь о политике Советского Союза, он отмечал ее благотворное влияние во всех районах земного шара, в том числе и в Южной Азии.

Я в свою очередь сказал, что советско-индийские отношения являются традиционными, прочными, они испытаны жизнью, отвечают интересам народов обеих стран. Отметил, что не всем это нравится, в частности и в самой Индии. Сказал также и о хороших перспективах и обоюдной заинтересованности отношений СССР с Пакистаном.

В связи с национализацией банков в Пакистане Пилу Модии заметил, что он не одобряет такого шага пакистанского правительства. Он утверждал, что индийская экономика находится в тяжелом состоянии якобы только потому, что правительство Индиры Ганди поддерживает социалистические тенденции в стране. Бхутто отверг такую точку зрения своего школьного друга, подчеркнув, что социалистический путь развития открывает перед развивающимися странами широкие перспективы. Национализация банков в Пакистане, по его словам, подрывает позиции монополистического капитала, грабящего трудящихся страны. Сейчас государство, контролируя вклады в банках, сможет более эффективно использовать их для развития экономики.

Пилу Модии сказал, что правительство Индии предпринимает усилия по налаживанию контактов с Пекином, устранению недоверия, имеющегося между двумя странами. На его реплику о том, что СССР с беспокойством следит за возможностью индийско-китайского сближения, я сказал, что советская позиция в этом вопросе последовательна и не вызывает сомнений. СССР никогда не вмешивался во внутренние дела других государств и не имеет ничего против стремления Индии добиться взаимопонимания с третьими странами.

На следующий день Бхутто пригласил меня на его встречу с крестьянами. Я с большим интересом наблюдал, как скромно, по-крестьянски одетый он спокойно и убедительно разговаривал с простым человеком. Речь шла о земле, предстоящем сборе урожая, о семенах и сельскохозяйственной технике. Крестьяне говорили о своем нелегком труде, высоких ценах на удобрения, невыносимых налогах, поборах поме-

щиков. Бхутто внимательно их слушал и разъяснял смысл преобразований, происходящих в стране, суть сельскохозяйственных реформ, которые покончат с феодальными пережитками в деревне и облегчат жизнь крестьян. В заключение пребывания в Ларкане у нас была беседа с глазу на глаз. Бхутто просил передать в Москву просьбу о возможности нанести кратковременный визит в СССР в ближайшее время.

Из Ларканы я отправился в Карачи, где у меня заранее были назначены встречи с губернатором провинции Синд, бизнесменами и коллективом нашего генерального консульства. Мне часто приходилось бывать в Карачи, и я любил этот город. Карачи – торговая и промышленная столица Пакистана, в которой смешались воедино Восток и Запад, старое и новое. Удивляли многолюдные улицы. Автобусы с дизелем и огромное количество современных автомобилей соседствовали с велосипедами, моторишками, верблюдами, быками, ослими, используемыми в качестве грузового транспорта. В кузовах и на прицепах – корзины и мешки с овощами и фруктами. Они пришли с далеких плантаций Пешеварской долины и полей дельты Инда, которые кормят этот большой город, раскинувшийся на берегу Аравийского моря.

Климат в Карачи умеренный, жаркий летом, прохладный зимой. Это город садов и парков, в период цветения деревья напоминают огромные благоухающие букеты. На берегу моря раскинулись пляжи, яхт-клубы, теннисные корты. Здесь всегда много посетителей, желающих покупаться и позагорать.

Карачи славился прекрасными зданиями отелей, магазинов, банков, мечетей. Высотный отель "Интерконтиненталь", где мне не раз приходилось останавливаться, сооруженный иностранными фирмами, был предназначен для зарубежных бизнесменов, туристов и делегаций. Бесшумно скользили лифты. Круглые сутки кондиционеры давали прохладный и сухой воздух, очищенный от гари и пыли; все чисто, почти стерильно.

Перенос столицы в Исламабад не помешал Карачи сохранить за собой роль важного политического и экономического центра Пакистана. В Карачи остались штаб-квартиры ведущих политических организаций, издательства и типографии крупнейших газет, правления пакистанских и иностранных банков. Из 22 семей финансово-промышленных магнатов жили в Карачи.

Карачи – родина Мухаммада Али Джинны, первого генерал-губернатора страны, скончавшегося здесь в 1948 г. Место, где воздвигнут мавзолей Джинны, стало для пакистанцев святыней.

ВСТРЕЧА С БХУТТО В КВЕТТЕ

25 апреля 1974 г. я получил послание советских руководителей. Мне поручалось передать его премьер-министру¹ Пакистана. Позвонив в канцелярию премьер-министра, я узнал, что Бхутто в столице Белуджистана Кветте и возвратится в Исламабад через неделю. Я позвонил Бхутто, он сказал, что хотел бы видеть меня в Кветте.

26 апреля я был принят Бхутто в губернаторском дворце. Приятное сообщение из Москвы в немалой степени определило дружественный характер нашей беседы. В послании советских руководителей говорилось, что "в Москве с удовлетворением были восприняты соображения премьер-министра Пакистана, высказанные в беседах с советским послом, с пониманием отнеслись к его пожеланиям осуществить визит в СССР. В Москве будут рады принять премьер-министра Пакистана в качестве гостя советского правительства с официальным визитом в СССР и окажут должное гостеприимство высокому гостю".

Бхутто в ответном слове сердечно поблагодарил советских руководителей за то, что они пошли навстречу его пожеланиям, и с глубокой благодарностью принял приглашение. Но вновь подчеркнул, что придает большое значение развитию отно-

¹ 10 апреля 1973 г. Национальное собрание Пакистана приняло постоянную конституцию. 10 августа 1973 года Фазал Илахи Чоудри был избран президентом Пакистана, 12 августа Зульфикар Али Бхутто – премьер-министром Пакистана.

шений и укреплению взаимоотношений с СССР. Премьер-министр заявил, что он выполнил свои обещания, данные советскому руководству в 1972 г., и это вызывает у него глубокое удовлетворение. Предстоящий визит, по убеждению Бхутто, открывал новый этап в пакистано-советских отношениях, поэтому он немедленно начнет разработку вопросов, которые следовало бы обсудить в Москве.

Бхутто считал целесообразным обсудить с советскими руководителями различные аспекты двустороннего сотрудничества, положение на субконтиненте, отношения Пакистана с государствами Южной Азии, Афганистаном, актуальные международные проблемы. Он выражал искреннюю надежду на то, что длительная эра конфронтации между Пакистаном и Индией наконец окончена.

Далее Бхутто информировал об итогах трехсторонней встречи, закончившейся в Нью-Дели. Он сказал, в частности, что в ходе встречи министры иностранных дел Индии, Пакистана, Бангладеш подтвердили свою решимость приложить все усилия для установления прочного мира, поскольку только в условиях мира можно обеспечить благополучие и процветание 700-миллионному населению субконтинента. Результаты переговоров, сказал премьер-министр, обсуждались на заседании кабинета министров Пакистана, где было выражено официальное отношение пакистанской стороны к итогам делийской встречи.

Характеризуя соглашение между Пакистаном, Индией и Бангладеш как историческое, Бхутто подчеркивал, что оно является таковым не только потому, что это первое трехстороннее соглашение в истории субконтинента, оно представляет собой важный этап на пути выполнения Симлского соглашения. По его оценке, перспективы установления прочного мира в отношениях Пакистана с Индией "никогда еще не были такими хорошими, как в настоящее время". В заключение премьер-министр отметил роль СССР в урегулировании проблем на южноазиатском субконтиненте. Лишь благодаря СССР государства этого региона смогли найти пути к взаимному сближению и восстановлению доверия друг к другу, подчеркнул он.

На этом мы закончили беседу. Бхутто посоветовал мне посмотреть столицу Белуджистана. Он пригласил меня вечером на обед в очень узком кругу, где мы сможем продолжить беседу.

Кветта – город-крепость. Ее история связана с походами Александра Македонского, военными конфликтами с Ираном и Афганистаном. В настоящее время она железной и автомобильными дорогами надежно связана с южноазиатским субконтинентом и является важнейшей военной базой.

Город располагается в долине на высоте 1675 м, напоминает Кабул и Тегеран: его окружают голые скалы, на которых не увидишь и пучка травы. Климат очень здоровый, особенно хорошо в Кветте летом и осенью, а зима суровая. Здесь выращиваются прекрасные грейпфруты, арбузы, абрикосы, персики, яблоки, гранаты, груши. Кветта особенно популярна как место летнего отдыха. Своими парками и озерами она привлекает много туристов. В Кветте сохранились мастера старинной своеобразной вышивки из кусочков зеркала по ткани, используемой при отделке женской и детской одежды, сумок, поясов.

Город и военный гарнизон соседствуют друг с другом. Но последний расположен несколько выше. Когда в 1935 г. произошло землетрясение, погибло 35 тыс. человек, но военный городок остался невредимым. После этой катастрофы Кветта была выстроена заново.

Вечером мы встретились с Бхутто снова. Он был в хорошем настроении, спрашивал, понравилась ли мне Кветта, много рассказывал об обычаях белуджей, брагуев, бугти, биарры, джапачи, лошари, пуштунов, менгалов и других народностей, населяющих Белуджистан, эпизодах их жизни. Хотя положение в ней контролировалось властями, однако для того, чтобы решить ее проблемы, необходимы были эффективные мероприятия. По словам премьер-министра, на современное состояние в провинции оказывали влияние два основных фактора: феодально-племенные пережитки и экономическая отсталость. По его убеждению, живучесть феодально-племенных тра-

дий в Белуджистане является вызовом XX в. Феодалы не хотят просто сдаваться, и поэтому процесс приобщения Белуджистана к современной цивилизации происходит болезненно. Некоторые деятели, спекулируя на национализме, жонглируя словами о социализме, на деле стремятся сохранить свое личное правление над белуджами. Неграмотные и забытые люди, которые их поддерживают, не понимают, что, ослепленные этими лозунгами, они борются за сохранение власти феодалов, последних они искренне считают наместниками Бога на земле. По словам Бхутто, не автономия волнует Белуджистан, феодалы боятся наступающего прогресса. Он убежден, что проблемы провинции разрешимы, для этого требуется лишь время.

Я поинтересовался мнением премьер-министра относительно транзитной торговли через Пакистан. Он сказал, что достижение соглашения по этому вопросу между Пакистаном и Афганистаном имело бы важное значение не только для развития экономического сотрудничества этих стран, подъема экономики и благосостояния их народов, но и для укрепления мира в Азии. По мнению Бхутто, этот вопрос нужно решать постепенно, шаг за шагом, ибо это проблема не одного дня. Народ следует убедить в необходимости такого сотрудничества. В противном случае реакционные силы могут использовать идею транзитной торговли для нагнетания напряженности в Пакистане, разжигания антииндийских, антиафганских настроений. Поэтому транзитная торговля – одна из проблем, которую надо решать осторожно. В качестве примера Бхутто заметил, что продуманная и осторожная линия правительства в подготовке пакистанского народа к признанию Бангладеш нейтрализовала оппозицию и обеспечила успех. Оглядываясь назад, можно было только удивляться, как изменились к лучшему отношения между Пакистаном и Афганистаном, если стала возможной постановка вопроса о транзитной торговле.

Правительство решило много сложных проблем, однако предстоит сделать еще больше, отметил Бхутто. Пристального внимания требовало состояние экономики, необходимо было урегулировать платежный баланс и другие финансовые вопросы. Сохранились и сложные социальные проблемы. Правительство, по словам премьер-министра, намеревалось предпринимать энергичные усилия для их решения, основой политики нынешнего руководства Пакистана являлась забота о благосостоянии народных масс: оно, по словам Бхутто, делало все для того, чтобы народ верил в него и шел за ним.

Встреча закончилась поздно, а на следующий день рано утром я вылетел в Исламабад.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ВИЗИТ БХУТТО В СССР

Дней за десять до официального визита премьер-министра Пакистана в СССР я встретился с Бхутто, чтобы, пока у нас есть время и возможность, вернуться к вопросам, которые было бы целесообразно обсудить в Москве, хотя они не раз стояли на повестке дня предыдущих наших бесед. Бхутто повторил, что главная цель его поездки в Москву состоит в том, чтобы продемонстрировать добрую волю, направленную на дальнейшее развитие советско-пакистанских отношений, что, по его мнению, безусловно, должно способствовать укреплению его позиций в стране и на международной арене. Премьер-министр ставил в качестве одной из главных задач продолжение политического диалога на высшем уровне.

Официальный визит пакистанской правительственной делегации в Москву состоялся 24–26 октября 1974 г. Были все основания считать его успешным. Удовлетворение его результатами выразили обе стороны.

С советской стороны переговоры вел Косыгин. Алексей Николаевич хорошо знал Пакистан, его проблемы и подходы к решению вопросов на южноазиатском субконтиненте. К чести Косыгина, он рано разглядел в Бхутто незаурядного государственного деятеля.

Бхутто говорил о том, что Пакистан строго соблюдает Симлские соглашения. Индия и Пакистан восстановили торговые отношения, прерванные еще в 1965 г. в

ходе вооруженного конфликта между обоими государствами. В Исламабаде делегации Индии и Пакистана подписали торговое соглашение. В соответствии с ними торговые связи стали строиться на межгосударственной основе и в условиях режима наибольшего благоприятствования. Заключена первая сделка о закупке Индией партии пакистанского хлопка. Открыты порты Индии и Пакистана для судов этих стран. Все это отвечало коренным интересам народов обеих стран, создавало благоприятную основу для развития взаимовыгодного делового сотрудничества, углубляло процессы нормализации отношений в Южной Азии.

Благодаря взаимному признанию Пакистана и Бангладеш значительная группа бенгальцев репатриировались в Бангладеш, а пакистанцы получили возможность возвратиться к себе домой. На родину возвратились более 90 тыс. пакистанских военнопленных.

Все это было достигнуто в ожесточенной борьбе с силами, противодействовавшими нормализации обстановки на Индостанском полуострове. Мир – это процесс, который должен осуществляться с терпением и мудростью. "Когда я, выступая на митинге, заявил о необходимости признания Бангладеш, в меня стреляли из автоматов, – сказал Бхутто. – В следующий раз бросали камни, потом выкрикивали лозунги против признания, а в итоге восприняли это как должное".

Косыгин сказал, что он хорошо представляет эти трудности и считает, что пакистанское руководство выбрало правильное направление. "Мы высоко ценим признание вами Бангладеш. Это был мудрый шаг", – отметил он.

В ходе бесед Бхутто с советскими руководителями – Брежневым, Косыгиным, Громыко, – проходившими в атмосфере взаимопонимания и откровенности, были обсуждены вопросы советско-пакистанских отношений, а также международные проблемы, представляющие взаимный интерес. Советская и пакистанская стороны в ходе переговоров с удовлетворением подтвердили совпадение или близость позиций обоих правительств по многим актуальным международным проблемам, что служило основой сотрудничества Советского Союза с Пакистаном на международной арене и повышало престиж и авторитет Пакистана в международных делах, чему пакистанцы придавали особое значение. Все это было зафиксировано в совместном советско-пакистанском коммюнике, которое широко публиковалось во всех средствах массовой информации.

Большое значение для пакистанцев имела встреча Бхутто с Брежневым, свидетельствующая о новом уровне советско-пакистанских отношений.

В ходе переговоров были рассмотрены вопросы советско-пакистанского торгово-экономического сотрудничества. Бхутто поднял вопрос о сотрудничестве с СССР в области добычи и разведки нефти и газа на территории Пакистана. Он сказал также, что Пакистан хотел бы развивать ядерную энергетику. "У нас есть, – подчеркнул премьер-министр, – большие запасы урана, однако отсутствуют производственные возможности для его обогащения".

Косыгин ответил Бхутто, что СССР сотрудничает в деле обогащения урана со многими странами и готов сотрудничать в этой области и с Пакистаном. В ответ на просьбу пакистанской стороны о строительстве в Исламабаде советского госпиталя Косыгин заверил, что эта просьба будет рассмотрена положительно. Была выражена готовность направить советских врачей для работы в госпитале.

В целом в пакистанских официальных и общественно-политических кругах преобладали настроения удовлетворенности итогами визита Бхутто в Москву. Представители пакистанского руководства, члены делегации давали высокую оценку результатам визита, с теплотой вспоминали пребывание в Москве. Отмечалось значительное усиление интереса в Пакистане к СССР. Итоги визита были положительно встречены в пакистанских средствах массовой информации.

После окончания визита Бхутто в Москву 27 октября 1974 г. у меня состоялась беседа с Громыко. Андрей Андреевич выразил удовлетворение итогами официального визита пакистанской правительственной делегации в СССР, это чувствовалось по его настроению, располагающему к хорошей беседе. Он говорил о незаурядности Бхутто

как политика, хорошем знании им международной обстановки, серьезных трудностях в его стране. Громыко с удовлетворением отметил оздоровление обстановки на субконтиненте, заметное продвижение в двусторонних отношениях. Большую роль в этом сыграл установившийся политический диалог между советскими руководителями и Бхутто. Очень важно, подчеркнул он, когда между руководством страны и советским послом устанавливаются близкие, доверительные отношения. "Посольство провело большую работу, внесло значительный вклад в дело успешного визита Бхутто в СССР. Я прошу передать благодарность коллективу посольства, – сказал Андрей Андреевич. – Конечно, в данный момент все усилия должны быть направлены на закрепление итогов визита. Но я не хочу сейчас с вами говорить на эту тему по одной причине: решением политбюро ЦК КПСС вы утверждены в новой должности – чрезвычайным и полномочным послом СССР в Турции. Вам дается недели две – три на завершение дипломатической миссии в Пакистане, после чего возвращайтесь в Москву".

На этом наша встреча завершилась. На следующий день, 28 октября, я улетел в Исламабад.

По существующей традиции при отъезде посла из страны пребывания устраивается прием в посольстве. Наш большой зал приемов был до предела заполнен гостями. К нам пришли премьер-министр Бхутто, президент Пакистана Ф.И. Чоудри, министр обороны и иностранных дел А. Ахмад, другие министры, депутаты Национального собрания, представители общественности, бизнеса, интеллигенции.

Бхутто сказал, что он рассматривает свое пребывание на прощальном приеме в посольстве как свидетельство добрососедских отношений между Пакистаном и СССР, как знак глубокого уважения советскому послу, который внес неоценимый вклад в укрепление дружбы между нашими странами.

Заключительным мероприятием, завершавшим мою работу в Пакистане, был обед у премьер-министра Бхутто. В его резиденцию в Равалпинди мы с женой прибыли в указанное время. Теплая встреча, радушный прием, как всегда дружественная атмосфера, непринужденная, спокойная беседа, больше говорили об СССР, о последнем официальном визите Бхутто в Москву, о перспективах нашего сотрудничества. Перед десертом, когда бокалы наполнили шампанским, Бхутто произнес тост: "В результате взаимных усилий между нашими странами создан дух доверия. Мы не имеем никаких скрытых целей в отношении СССР, ведем открытую политику и уверены, что тем же отвечает нам СССР. В отношениях между народами обеих стран укрепляются взаимные симпатии, они почувствовали близость друг друга. Благодаря государственной мудрости и ответственности, с которой обе стороны подходили к возникающим проблемам, нам удалось устранить их, и последняя советско-пакистанская встреча в верхах продемонстрировала небывало высокий уровень наших отношений". Много добрых слов Бхутто сказал в мой адрес: "Я часто встречаюсь с дипломатами разных стран, но никогда еще не было между нами такого взаимопонимания и доверия, как с нынешним советским послом. Мы высоко ценим его большой вклад, который он внес в советско-пакистанские отношения, это в значительной степени помогло нам поднять их на небывало высокий уровень".

В заключение Бхутто подарил мне свой портрет в серебряной рамке с дарственной надписью: "С наилучшими пожеланиями его превосходительству Алексею Алексеевичу Родионову. Зульфикар Али Бхутто".

Так закончилась наша последняя встреча. На следующий день мы покинули Исламабад.

ТРАГИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ БХУТТО

Мы с женой Аллой Ивановной жили в Турции, но воспоминания о Пакистане не покидали нас. Они подкреплялись незаметными нитями связи, сохранившимися между семьей Бхутто и нами. Моя жена получала поздравления с днем рождения от Бегам

Нусрат. Как-то, возвращаясь с международного женского форума, который состоялся в Мексике, Бегам Нусрат остановилась в Анкаре, и у нас состоялась теплая, запомнившаяся нам дружеская встреча. Сам Бхутто при каждой возможности передавал нам привет и лучшие пожелания.

Но потом, года через два с половиной, начались трагические события. Летом 1977 г. пакистанский генерал, начальник штаба сухопутных войск Мохаммед Зия-уль-Хак совершил военный переворот. В ночь с 4 на 5 июля войска захватили президентский дворец, Зульфикар Али Бхутто был арестован. Вначале его поместили в Марри, летнюю президентскую резиденцию, а вскоре он был предан суду. Против него было сфабриковано уголовное дело: бывший премьер-министр обвинялся в убийстве политического противника и был приговорен к смертной казни. Бхутто опротестовал приговор. Его адвокаты утверждали, что они располагают важными доказательствами и докажут, что Бхутто осужден по политическим мотивам. Был подготовлен документ, содержащий показания бывшего директора пакистанского разведывательного управления, который заявил, что большая часть улик сфабрикована по приказу людей Зия.

Апелляция была заслушана, и потребовалось несколько недель для того, чтобы решение было обнародовано. Верховный суд принял решение большинством в один голос (трое судей голосовало против). Верховный судья С. Анвар-уль-Хак подписал решение, подтверждающее приговор, который ранее был вынесен судом Лахора: Бхутто был приговорен к смертной казни через повешение за политическое убийство. Приговор должен был быть приведен в исполнение. Судьба Бхутто целиком и полностью находилась в руках военного администратора Пакистана Зия-уль-Хака, который уже неоднократно заявлял, что не собирается пересматривать решение суда, хотя в это время на него оказывали серьезное давление США, Китай, Саудовская Аравия. Президенту и военному администратору Пакистана объясняли, что казнь Бхутто приведет к политической и социальной нестабильности в стране.

За несколько минут до того, как в тесном, переполненном зале, вместившем чуть более 150 человек, объявили решение Верховного суда, здесь был арестован военнослужащий, крикнувший: "Если Бхутто казнят, я не оставлю в живых ни одного генерала".

Правительство генерала Зия-уль-Хака решило, что протесты против казни Бхутто улягутся через несколько месяцев, а живой Бхутто останется знаменем оппозиции.

Бхутто находился в военной тюрьме, ожидая, когда подручные Зия-уль-Хака поведают его на эшафот. Основной адвокат Бхутто – Яхья Бахтияр, сообщал, что здоровье Бхутто ухудшается из-за некачественной пищи и плохих условий в камере для приговоренных к смертной казни, где он содержался. Он значительно похудел, один раз даже потерял сознание, однако камеру не могли открыть минут 20, так как вдруг исчезли ключи. В камере Бхутто полно клопов и его очень беспокоил телефон, установленный рядом с камерой. Другой адвокат, Гулям Али Мемон, добавил, что ни один из старших представителей администрации тюрьмы не посетил Бхутто с целью инспекции условий его содержания.

В Лахоре Бегам Нусрат Бхутто, исполнявшая обязанности председателя ПНП, была посажена под домашний арест. Она направила властям в связи с этим письмо с протестом. Позднее поступил приказ о заключении ее в тюрьму и о запрещении ей вести всякую политическую деятельность, агитацию, встречаться с политиками.

В петиции в Высший суд Лахора Бегам Нусрат Бхутто пожаловалась, что со времени отстранения ее мужа от поста премьер-министра в июле 1977 г., которое произошло в результате захвата власти армией, ее семья стала постоянным объектом травли. Она заявила, что все члены семьи подвергаются преследованиям.

Режим содержания Бхутто в тюрьме все более ужесточался. Газета "Ньюсуик" 29 мая 1978 г. писала: "Под бдительным надзором снайперов, размещенных на высокой каменной стене, во дворе районной тюрьмы в Равалпинди приземлился армейский вертолет. Из него вывели бывшего премьер-министра Зульфикара Али Бхутто.

Подошли пять конвоиров, чтобы отвести его в крошечную камеру без окон, где ему, возможно, предстоит провести последние дни своей жизни. Перед тем, как двери камеры закрылись, Бхутто сказал своему адвокату: "Если власти хотят убить меня таким образом, это их личный выбор!".

У Бхутто были основания для пессимизма: Зия-уль-Хак решил навсегда покончить со своим могущественным политическим соперником. Вскоре после переворота генерал заявил, что в течение 90 дней состоятся выборы. Хотя Бхутто был в тюрьме, он оставался серьезным соперником: ПНП продолжала действовать, и ее сторонники были активными участниками антиправительственных выступлений по всей стране. Из-за популярности Бхутто Зия был вынужден перенести выборы. Генералы бросили в тюрьмы тысячи приверженцев Бхутто и отказались от планов формирования нового правительства "национального примирения". Ни один из ведущих политических деятелей Пакистана не хотел участвовать в правительстве, ответственном за казнь Бхутто.

Генералу было адресовано множество посланий иностранных политических лидеров, осуждавших смертный приговор. Председатель Президиума Верховного Совета СССР, генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев и английский премьер-министр Джеймс Каллагэн направили личные прошения. Президент Ливии Муаммер Каддафи предложил прислать за Бхутто самолет, чтобы увезти его. Правительство Ирана обещало, что Пакистан останется без иранской ежегодной помощи в размере 300 млн. долл., если приговор будет приведен в исполнение. Турция заявила, что готова предоставить убежище Бхутто. Премьер-министр Турции Б. Эджевит обратился к Зия-уль-Хаку с просьбой помиловать Бхутто. В личном письме ему Эджевит отметил, что, направив Бхутто в Турцию, Зия-уль-Хак будет тем самым способствовать росту демократии в стране. Турция даст со своей стороны гарантии, что Бхутто не будет участвовать в политической жизни. Против казни бывшего премьер-министра Пакистана решительно выступил лидер турецкой оппозиции председатель Партии справедливости С. Демирель. "Пакистан многое теряет и ничего не приобретает". С просьбой помиловать Бхутто к военному администратору Пакистана обратились Международная комиссия юристов, премьер-министр Швеции, правительства Австралии, Дании, Голландии, Греции, Франции, ФРГ и др. Три просьбы о помиловании Бхутто направил генеральный секретарь ООН Курт Вальдхайм.

Зия-уль-Хак не реагировал на обращения, не принимал послов, которые должны были вручить личные послания пакистанскому руководителю относительно судьбы Бхутто.

Лондонская газета "Дейли экспресс" опубликовала драматические отрывки из письма Бхутто старшему сыну Мартазе под заголовком "Письмо из камеры смертника". Бхутто писал: "Мы все знаем о том, что я невиновен. Все мы уверены, что я стал жертвой грязного и подлого заговора. Я считаю своим большим достижением, что мне удалось пробудить несчастный народ моей страны, дать ему в государстве голос. Я смыл с них позор 1971 г. и восстановил честь моего народа. Время не остановить, и это важно. Я должен пройти через все с честью. Каким бы ни был исход, я достойно приму его. Ни в судах, ни в администрации нет справедливости. Меня могут спасти лишь Аллах всемогущий и народ".

27 марта 1979 г. дирекция центральной тюрьмы Равалпинди получила распоряжение о приведении в исполнение приговора о смертной казни Бхутто.

31 марта 1979 г. в 12 часов ночи приговор должен был быть приведен в исполнение. За 48 часов до казни о ней известили приговоренного. В течение этого времени ему разрешили в последний раз повидаться с родственниками. С Бхутто накануне казни встретился бывший член его кабинета А. Пирзада. "Когда за решетками я увидел господина Бхутто, – рассказывал Пирзада, – я повалился на стул, мне показалось, что передо мной скелет с совершенно седой бородой". У Бхутто в заключении в целях безопасности изъяли бритвенные принадлежности. У него отобрали книги. В камере, освещенной лампочкой в 200 ватт, был только тюфяк на полу. По словам Пирзада,

после подтверждения приговора Верховным судом Бхутто ничего не ел, кроме меда, и пил лишь кофе. Несмотря на ужасные унижения, с которыми он сталкивался, Бхутто не падал духом.

Многие из последователей Бхутто в нарушение его указания группами и индивидуально обратились к генералу с просьбой спасти Бхутто от виселицы. С такой просьбой обратился, в частности, Пирзада. "Я не нашел смелости сказать Бхутто об этом. Я впервые не стал ему повиноваться", – заявил он. В письме генералу Пирзада подчеркнул: "Вы обладаете такой властью, что капелька чернил, находящаяся в Вашей ручке, может спасти жизнь... Бхутто". В интервью американскому телевидению Зия-уль-Хак подчеркнул: "В связи с тем, что высшие суды Пакистана нашли Бхутто виновным, я не вижу оправдания, чтобы кто-либо вмешивался в действия закона, и я, в частности, не воспользуюсь такой прерогативой". В ответ на вопрос, собирается ли генерал, приняв во внимание ходатайства о помиловании, смягчить приговор, Зия-уль-Хак заявил: "Для Бхутто милосердия не ждите".

В 01.55 ночи Бхутто, когда ему приказали выйти из камеры, отказался повиноваться. Тогда ему связали руки и силой уложили на носилки. На месте казни его подняли на платформу. Палачи совершили процедуру опознания приговоренного к смерти, зачитали приказ о приведении в исполнение смертного приговора, связали ноги и опустили петлю. По сигналу из-под ног Бхутто была выбита деревянная планка, и его тело провалилось в образовавшуюся щель. Бывший премьер-министр Пакистана, которому в январе исполнился 51 год, был повешен в 2 часа ночи. Он оставался на виселице 35 минут, затем магистрат и тюремный врач констатировали смерть. Его тело той же ночью военным самолетом перевезли в Наудеро, местечко близ Ларканы, родины Бхутто, где были погребены его предки. Бхутто похоронили на семейном кладбище. Бегам Нусрат Бхутто и ее дочь Беназир во время казни были взяты под стражу. Радио Пакистана известило о казни Бхутто только после того, как его останки были преданы земле.

5 апреля 1979 г. вся печать Турции – как и других стран – посвятила свои первые полосы казни Бхутто под такими заголовками: "Они повесили Бхутто", "Хуже чем убийство", "Его лишили жизни", "Попытка Турции спасти его не принесла успеха", "Мир в шоке", "Теперь Бхутто – легенда", "Неплохо сработано, господин Зия", "Зверская месть".

Видный политический деятель Турции С. Демирель заявил: "Я не думаю, что есть хотя бы один человек, который не сожалел бы о содеянном. Когда политика связана с судами и виселицами, страна не может двигаться к лучшему, она пойдет вспять. Под виселицами ведь и трава не растет... По человечеству нанесен еще один удар". Многие страны осудили казнь Бхутто. "Индиан экспресс" писала: "Генерал Зия-уль-Хак может вскоре обнаружить, что мертвый Бхутто не менее угоден, чем живой. Если всеобщие выборы на самом деле состоятся, казнь Бхутто превратится в серьезный – если не решающий – фактор. Повесив Бхутто, генерал Зия окончательно обрек себя на путь диктаторства. Но ему следует помнить, что диктаторы не живут долго, особенно в Пакистане".

В Пакистане еще долго продолжались демонстрации протеста против казни Бхутто.

В 1981 г., когда 31-летняя Беназир возвратилась из лондонской ссылки, в честь нее был проведен один из самых многолюдных и эмоциональных митингов за последние годы. Несмотря на жесткие меры, принятые правительством, десятки тысяч сторонников Бхутто собрались приветствовать возвращение в Пакистан его дочери после 19-месячного отсутствия. Беназир приехала в родной город Ларкану на похороны брата Шахнаваза, который умер при загадочных обстоятельствах во Франции.

Как только одетая в черное Беназир Бхутто вышла из самолета, раздались крики: "Беназир! Беназир!", и она разразилась рыданиями. Позднее 75 тыс. человек собрались на похороны Шахнаваза Бхутто, блокировав близлежащие дороги.

Обратившись к собравшимся, Беназир воздержалась от открытой критики Зия-уль-Хака, сказав лишь: "Я понимаю ваши чувства". Следовало считаться с тем, что Зия

мог обрушиться с репрессиями на ПНП или распустить ее, о чем он неоднократно говорил.

Когда пакистанский генерал росчерком пера лишил жизни свергнутого премьер-министра, он в глазах пакистанцев подписал смертный приговор самому себе. Взятый вновь на вооружение лозунг "Одна могила на двоих" находил поддержку у народа, демонстрировавшего свое негодование казнью Бхутто. Это было самое сильное проявление яростного протеста. "В пляске смерти почитатели Бхутто поют ему славу" – с такими заголовками вышел ряд пакистанских газет.

Появились признаки недовольства в армии. Казнь Бхутто усилила расслоение в стране на всех уровнях – региональном, военном, политическом. Десятки тысяч пакистанцев в Равалпинди и других городах скандировали: "Смерть Зие и его детям!".

Видные политические деятели ПНП активно выступили за отмену военного положения в стране, восстановление политических прав и свобод, освобождение политических заключенных. Во главе движения появилась новая яркая фигура – дочь казненного премьер-министра Беназир Бхутто.

С. В. КРЕТИНИН

ОТТО БАУЭР (1882–1938) И АВСТРОМАРКСИЗМ

СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ, ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ

Если бы книга рекордов Гиннеса включала чемпиона по количеству новаций, внесенных в идеологический лексикон социал-демократии, то одним из главных претендентов на этот титул был бы Отто Бауэр. "Культурно-национальная автономия", "социальные факторы власти (силы)", "социалистический аншлюс", "равновесие классовых сил", "количественная демократия", "демократический социализм", "очаги социализма", "третий путь", "интегральный социализм" – вот далеко не полный перечень теоретических постулатов и положений, автором или соавтором которых был этот выдающийся австрийский социалист.

Отто Бауэру досталась сложная историографическая судьба. И советские исследователи, и их оппоненты не могли строго классифицировать его ни как реформиста, ни как ортодокса, ни как радикала. Ни в одном политическом лагере Бауэра не считали "своим" на все сто процентов. Советские идеологи не могли простить ему антибольшевистские памфлеты 20-х годов, деятельность во главе министерства иностранных дел Австрии и традиционную русо- и славянофобию. Социал-демократическая и буржуазная историография Запада в свою очередь не принимала просоветский пафос произведений Бауэра 30-х годов, левацкие, революционаристские реплики после февраля 1934 г. В итоге для большинства исследователей Бауэр оставался с привычным, но мало что объяснявшим ярлыком "австромарксист".

В современных условиях, когда идеологические штампы не довлеют более над исследователями и деление на "своих" и "чужих" не является необходимым атрибутом их разработок, появилась возможность объективного анализа специфического явления – австромарксизма – и деятельности его главного идеолога Отто Бауэра.

"ДЕСЯТИЛЕТНИЙ ГЕНИЙ"

Рождественским вечером 1891 г. на столе, среди подарков, приготовленных друг другу членами семейства Бауэров¹, выделялась папка для бумаг, на которой аккуратным детским почерком было выведено: "Конец Наполеона. Драма в пяти действиях. Праздничный подарок Отто Бауэра".

Драма была оформлена в соответствии с требованиями жанра и базировалась на историческом материале. Первые три ее действия происходили в штаб-квартире Наполеона под Лейпцигом, четвертое – на Эльбе и пятое – на Венском конгрессе.

Среди главных персонажей выделялись, помимо самого Наполеона, российский император Александр I, австрийский император Франц II, король Пруссии Фридрих Вильгельм III. Сам Отто играл в семейной постановке своей драмы австрийского князя Шварценберга².

¹ В это время в либеральных еврейских семьях, к которым принадлежали и Бауэры, было принято отмечать Рождество вместе с детьми на христианский манер.

² *Braunthal J. Otto Bauer. Ein Lebensbild. – Otto Bauer. Eine Auswahl aus seinem Lebenswerk. Wien, 1961, S. 10.*

Этот столь любимый биографами Бауэра эпизод не только заслуживает внимания как свидетельство раннего проявления талантов будущего вождя австрийской социал-демократии, но и демонстрирует его изначальное тяготение к превознесению немецкой истории и культуры, что позднее нашло отражение в его произведениях.

Отто Бауэр родился 5 сентября 1882 г. в Вене. Родословная его семьи запутанна. Дед и бабка Отто, о которых не сохранилось документальных свидетельств, были евреями, приехавшими, вероятно, из Северной Чехии. Чешский был вторым языком в семье Бауэров.

Природа не обделила талантами семейство Бауэров. Один дядя Отто – Людвиг Бауэр – был венским адвокатом, отцом известного профессора медицины Юлиуса Бауэра. Второй дядя – Карл Бауэр – стал удачливым торговцем. Третий сын в семье Филипп, отец Отто, был владельцем текстильной фабрики.

Дети Филиппа Бауэра и Кэте Гербер – Отто и Ида, к которой старший брат оставался сильно привязанным всю жизнь, – росли в доброжелательной атмосфере, но при этом родители не баловали их. Детям с раннего возраста прививалось уважение к труду. Несмотря на достаток в семье, Отто и Ида сами убрали свои комнаты, а по пятницам все члены семьи принимали участие в грандиозных генеральных уборках.

Родители дали Отто хорошее образование. Сначала он посещал народную школу, затем два года отучился в Венской академической гимназии, а после переезда семьи в г. Меран (из-за болезни отца) шесть лет ходил в местную гимназию.

Отто был прилежным учеником, одним из лучших в классе. Он учился с интересом, особенно усердно занимаясь немецкой историей, о чем свидетельствует его тщательный конспект 12-томной "Истории Германии" К. Лампрехта.

Юный Бауэр увлекался также немецкой классической философией, главным образом категорическим императивом Канта. Позднее он назвал это увлечение "детской болезнью кантианства"³. Но уже в пятом классе гимназии он проявил интерес к марксизму, изучив и законспектировав "Манифест Коммунистической партии", "Капитал" и "Анти-Дюринг".

В отличие от многих видных деятелей социал-демократического движения Бауэр не оставил после себя целостных автобиографических записок. Поэтому при воссоздании истории его жизни приходится полагаться на свидетельства его друзей, знакомых, очевидцев, которые были собраны одним из соратников Бауэра – известным деятелем австрийской социал-демократии Юлиусом Браунталем.

После окончания гимназии отец планировал направить Отто по своим стопам и настаивал, чтобы тот поступил в текстильную школу в Райхенберге. Однако бывший доселе послушным сыном Отто проявил характер и настоял на продолжении учебы в Венском университете по специальности юриспруденция.

Начало XX в., таким образом, стало и началом самостоятельной жизни Бауэра в качестве студента Венского университета, в котором он, с перерывом на время службы в армии, обучался до 1906 г.

КАФЕ "ЦЕНТРАЛЬ"

В Венском университете молодой Отто с увлечением погрузился в учебу. Он усердно штудировал латынь, переводил на немецкий древнегреческие трагедии, изучал французский и английский языки, позднее, при работе над историей балканских народов, изучил также сербский язык, а в русском плену, куда он попал в годы первой мировой войны, – русский.

Особое внимание Бауэра, как и в школьные годы, привлекала немецкая история. В это время он начинает собирать материал по истории Австрии, который был позднее использован им в книге "Национальный вопрос и социал-демократия".

Большое впечатление на молодого студента произвели произведения Карла Ка-

³ Ibid., S. 12.

утского по национальному и колониальному вопросам. Знакомство с трудами признанного авторитета марксистской мысли совпало с активным включением Отто в социал-демократическое движение Австрии.

На рубеже XIX и XX вв. Вена являлась Меккой социалистического движения не только для многонациональной монархии Габсбургов, но и для соседних стран. Социал-демократическая организация Австрии реально претендовала – как в практическом, так и в теоретическом плане – на роль второй после социал-демократии Германии европейской партии II Интернационала, особенно после принятия Венской программы 1901 г.

"Кузницей кадров" Социал-демократической рабочей партии Австрии (СДРПА) был знаменитый Венский университет, в котором кроме Бауэра получили образование такие известные социал-демократы, как Карл Каутский и Рудольф Гильфердинг, Карл Реннер и Макс Адлер. Двое последних образовали с Бауэром, по меткому замечанию австрийского исследователя В. Раймана, "дружеский союз антиподов"⁴.

Макс Адлер являл собой редкий тип социалистического теоретика, отдававшего предпочтение научным изысканиям в кабинетной тиши и преподавательской деятельности. Впоследствии он стал профессором Венского университета. Увлекаясь философией, Адлер сделал попытку соединить в своих трудах марксизм и немецкий идеализм.

Реннер был полной противоположностью Адлеру. Активный, напористый, умеющий быстро сориентироваться в сложной ситуации, обладавший незаурядным политическим чутьем, он имел все задатки удачливого политика: в 1918–1920 гг. Реннер был канцлером, а в 1945 г. стал президентом Австрийской республики. Неслучайно он практически полностью посвятил себя карьере политического деятеля.

Отто Бауэр, что весьма симптоматично, занимал в этом союзе "центристское" положение. Соратники по партии отмечали, что в нем уживались "две различные натуры" и постоянно шла внутренняя "борьба между интеллектом и волей"⁵.

Бауэр совмещал в себе и увлеченность научными исследованиями, не забываясь при этом в заоблачные философские высоты, как М. Адлер, и политический азарт, хотя здесь ему не хватало трезвого расчета и хватки Реннера. Романтик в политике и прагматик в науке – такими словами можно выразить кредо Отто Бауэра.

Не случайно, что если М. Адлер вошел в историю в качестве социалистического теоретика, а Реннер – как видный функционер социал-демократической партии, то Бауэр в равной степени считается и признанным марксистским идеологом, и одним из политических лидеров.

Именно этот "союз антиподов", а также Рудольф Гильфердинг, Густав Экштайн, Фридрих Адлер (сын Виктора Адлера) и другие стали организаторами так называемого "австромарксистского кружка", объединившего в своих рядах молодых социал-демократов Австрии. Кружок вскоре получил известность, что дало основание американскому социалисту Лоу Боудину в серии статей в теоретическом органе германской социал-демократии "Нойе цайт" за 1907–1908 гг. специально выделить группу молодых венских теоретиков социализма как особое направление "австромарксистов". Так родилось понятие "австромарксизм".

Вскоре кружок распался, а сам термин "австромарксизм" получил широкое хождение лишь во второй половине 20-х годов XX в., когда после принятия знаменитой Линцской программы австрийской социал-демократии противники партии стали третиловать ее, называя "австромарксистской", стремясь подчеркнуть тем самым отличие социал-демократов Австрийской республики от прочих социал-демократов Запада. Например, в секретной книге "История Австрии в 1918–1934 гг.", созданной Исторической комиссией рейхсфюрера СС в 1938 г., сразу же после аншлюса Австрии, в

⁴ *Reimann V. Zur gross für Österreich: Seipel und Bauer im Kampf um die Erste Republik. Wien – Frankfurt a.M. – Zürich, 1968, S. 262.*

⁵ *Ellenbogen W. Otto Bauer. – Ellenbogen W. Menschen und Prinzipien. Erinnerungen, Urteile und Reflexionen eines kritischen Sozialdemokraten. Wien – Köln – Graz, 1981, S. 68, 72.*

специальной главе "Австромарксизм" австромарксисты характеризовались как "еврейская руководящая клика"⁶, ставившая своей целью борьбу против демократии и законности.

Не случайно печатный орган социал-демократической партии Австрии газета "Арбайтерцайтунг" в ноябре 1927 г. опубликовала статью, в которой описывалась история появления термина "австромарксизм"⁷. Сам Бауэр считал, что австромарксисты взяли свои основные положения из произведений патриарха австрийской социал-демократии Виктора Адлера, соединив их с теоретическими разработками другого выходца из Австро-Венгрии – ведущего теоретика германской социал-демократии Каутского, и "этот синтез... дал нам то, что называется австромарксизмом"⁸. Бауэр, таким образом, возражал против выделения австромарксизма как специфического направления, отличавшегося от марксизма II Интернационала и Социалистического Рабочего Интернационала (СРИ).

Штаб-квартирой австромарксистов стало венское кафе "Централь", где помимо австрийских социалистов частыми гостями были их зарубежные коллеги, и среди них – малоизвестный в то время Л.Д. Троцкий.

Последний так вспоминал свои встречи с австромарксистами: «Гильфердинг свел меня впервые со своими венскими друзьями: Отто Бауэром, Максом Адлером и Карлом Реннером. Это были очень образованные люди, которые в разных областях знали больше меня. Я с живейшим, можно бы почти сказать, почтительным вниманием, слушал их первую беседу в кафе "Централь"»⁹.

С кафе "Централь" связана романтическая история любви Бауэра и Хелены Ландау. Хелена Ландау (в девичестве – Гумплович) происходила из семьи польских евреев. Ее родной дядя Людвиг Гумплович был знаменитым социологом, профессором университета Граца. Так же как и Бауэр, Хелена рано прониклась социалистическими идеями. Эмигрировавшая из Царства Польского, она, будучи студенткой Венского университета, развернула социалистическую пропаганду среди венских рабочих через созданное ею "Рабочее социалистическое политико-экономическое общество". В 1895 г. Хелена, еще совсем юная студентка, вышла замуж за польского еврея Макса Ландау, тоже являвшегося убежденным социалистом и противником царской России.

Хелена была на 10 лет старше Отто, и к 1904 г., когда они впервые встретились в кафе "Централь", она уже успела обзавестись тремя детьми!¹⁰ Тем не менее Хелена оставалась весьма привлекательной женщиной, а нарочитая самостоятельность и критичность суждений придавали ей определенный шарм.

Целых 10 лет продолжался этот странный роман – Хелена то отталкивала Отто, то, напротив, поощряла его ухаживания. Только в 1914 г. она развелась с Ландау и стала женой Бауэра.

Отношения между супругами складывались весьма необычно. Эмансипированная, привыкшая к независимости и самостоятельности Хелена доставляла мужу немало неприятных минут. Австрийский социал-демократ Отто Лейхтер вспоминал, что «первым вопросом, который он (Бауэр. – С.К.) задавал по возвращении домой из поездки, был следующий: "Где жена?". Если Хелена отсутствовала, он мчался в кафе-терий, где она имела обыкновение коротать время, и чуть ли не силой приводил жену домой»¹¹.

Тем не менее этот брак оказался удачным, хотя у супругов не было детей: единственный ребенок умер в младенчестве. Очень скоро Бауэр примирился с руководящим положением жены в семье. Кроме того, Хелена оказывала значительное влияние

⁶ Центр хранения историко-документальных коллекций (далее – ЦХИДК), ф. 701, оп. 1, д. 25, л. 14.

⁷ Bauer O. Werkausgabe, Bd. 1–9. Wien, 1976–1980; Bd. 8, S. 11.

⁸ Ibid., Bd. 6, S. 664.

⁹ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии, т. 1. М., 1990, с. 237.

¹⁰ Leichter O. Otto Bauer: Tragödie oder Triumph. Wien – Zürich – Frankfurt a.M., 1970, S. 11.

¹¹ Ibid., S. 24.

на деятельность Бауэра как социал-демократического партийного функционера и идеолога.

Таким образом, в венском кафе "Централь" Бауэр не только связал себя с социал-демократическим движением, но и нашел личное счастье.

"МОЛОДОЙ МАРКС"

На первых в истории Австрии всеобщих парламентских выборах в мае 1907 г. СДРПА завоевала 87 депутатских мандатов из 514 и стала самой многочисленной фракцией в рейхсрате. Это положило начало новому периоду в истории партии, на ведущие роли в которой выдвинулись молодые социал-демократы и среди них ставший секретарем парламентской фракции Отто Бауэр.

Бауэр стремительно ворвался в элиту западной социал-демократии. Вчерашний студент, он в 1907 г. возглавил самую значительную фракцию австрийского парламента и опубликовал вызвавшую сенсацию книгу "Национальный вопрос и социал-демократия".

Начало взлета Бауэра следует отнести к 1904 г., когда он стал одним из отцов-основателей австромарксистского кружка, который начал издавать сборник "Марксистские исследования". В этой серии впоследствии увидели свет и "Национальный вопрос и социал-демократия" самого Бауэра, и фундаментальный труд Гильфердинга "Финансовый капитал". В этом же году состоялось знакомство Бауэра с человеком, оказавшим определяющее воздействие на формирование его как социалистического теоретика – с Карлом Каутским.

В мае 1904 г. Бауэр начинает публиковаться в возглавлявшемся Каутским ведущем органе германской социал-демократии "Нойе цайт". Каутский сразу же выделил Бауэра среди молодых австромарксистов и в декабре 1904 г. назвал его в письме к Виктору Адлеру талантливым социалистическим теоретиком нового поколения¹².

Вскоре Бауэр стал ближайшим соратником Каутского; именно через Бауэра Каутский поддерживал связь с социал-демократами Австрии, а также со своими родственниками. На долгие годы Бауэр сделался лучшим учеником и другом Каутского. Последний даже однажды заметил, говоря о Бауэре: "Таким представляется мне молодой Маркс"¹³.

Правда, в своих первых статьях за 1904–1906 гг., являвшихся комментированной компиляцией работ Каутского по экономическим и колониальным вопросам, "молодой Маркс" еще не дотягивал до столь обязывающего "звания". Но именно в эти годы обозначилась ориентированность, направленность Бауэра на углубление и развитие марксизма, прежде всего в области национальных проблем.

Но Бауэр с самого начала не ограничивался только теоретическими изысканиями, он старался проявить себя как политический деятель. В этом отношении непреходящее значение имело для него сотрудничество с Виктором Адлером – безусловным лидером австрийской социал-демократии того времени. Как секретарь социал-демократической фракции парламента Бауэр много и продуктивно работал бок о бок с этим выдающимся социалистом.

Врач по образованию, Виктор Адлер смотрел на жизнь и на людей глазами доброго доктора. Он во многом благотворно повлиял на характер Бауэра, привив ему такие необходимые для политика качества, как интеллигентность, такт и выдержанность.

К 1908 г. Бауэр достиг многого: стал одним из руководителей самой сильной партийной фракции в парламенте одного из крупнейших государств мира, получил известность как социалистический публицист, сблизился с такими патриархами II Интернационала, как Карл Каутский и Виктор Адлер.

Однако этим достижения молодого австрийца не ограничивались. Он начал искать

¹² Adler V. Briefwechsel mit August Bebel und Karl Kautsky sowie Briefe von und an Ignaz Auer, Eduard Bernstein, Adolf Braun u.a. Wien, 1954, S. 439.

¹³ Цит. по: Reimann V. Op. cit., S. 262.

свое собственное место в международном социалистическом движении. В 1907 г. вышел новый теоретический журнал австрийской социал-демократии "Кампф", бессменным редактором которого с тех пор стал Бауэр. Вскоре журнал прочно завоевал репутацию печатного издания № 2 по значимости для международного социал-демократического движения после "Нойе цайт" Каутского.

Бауэр много публиковался в других социал-демократических изданиях под псевдонимами Карл Манн и Генрих Вебер, преподавал в вечерней рабочей школе. Однако истинное признание как одного из ведущих теоретиков II Интернационала пришло к нему после выхода работы "Национальный вопрос и социал-демократия" все в том же столь удачном для Бауэра 1907 г.

"НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ"

В начале XX в. сложнейшей проблемой, стоявшей перед социал-демократией Австро-Венгрии, была национальная. Формально единая социал-демократическая организация Австрии (Цислейтании) фактически представляла собой консорциум практически независимых национальных партий. Национальному вопросу была посвящена Брюннская программа 1899 г., которая, однако, не сняла противоречий между различными национальными социал-демократическими организациями Австрии. Бауэр подчеркивал, что "основным недостатком этой программы является тот факт, что национальный вопрос в Австрии рассматривается изолированно от исторического положения и исторической роли пролетариата"¹⁴. Этот и другие, по его мнению, недостатки национальной программы австрийской социал-демократии Бауэр попытался исправить в своем фундаментальном сочинении "Национальный вопрос и социал-демократия".

В первую очередь он считал необходимым разработать теорию нации. В отличие от Реннера, рассматривавшего нацию как субъект права и органическую составляющую государства¹⁵, в основе экономики Бауэра лежала "самобытная историческая концепция общественного, экономического и культурного развития наций и их исторической роли с начала средневековья"¹⁶.

Исследуя нацию как продукт истории, Бауэр выделил три ее исторических типа. Первый из них представляет собой "нацию, все члены которой связаны как общностью по крови, так и общей культурой предков"¹⁷. В качестве примера этого типа Бауэр приводил германцев времен Цезаря и Тацита.

Но эта нация непрочна, и по мере перехода к классовому обществу образуется "нация классового общества", которую связывает уже "не кровное и культурное единство масс, а культурное единство одних только господствующих классов". Такой нацией, по Бауэру, было "средневековое рыцарство"¹⁸. Народные массы в средние века и новое время составляли лишь "фон нации".

И наконец, третий тип нации – нация социалистического общества будущего, представление о которой у Бауэра, следует отметить, было весьма туманным: это некое аморфное объединение "всех соплеменников в автономное национальное целое", где общность будет определяться не общим происхождением, а общим воспитанием¹⁹. Однако механизм этого объединения Бауэр не раскрыл.

Обращает на себя внимание весьма утрированный, заидеологизированный подход

¹⁴ Bauer O. Op. cit., Bd. 1, S. 577.

¹⁵ См. работы Реннера под псевдонимами "Синоптикус", "Шпрингер": *Синоптикус*. Государство и нация. СПб., 1906; *Шпрингер Р.* Национальная проблема. СПб., 1909; Анализ взглядов Реннера по национальному вопросу см. *Швейцер В.Я.* Социал-демократия Австрии. Критика политических концепций и программ. М., 1987, с. 50–54.

¹⁶ Leichter O. Op. cit., S. 57.

¹⁷ Bauer O. Op. cit., Bd. 1, S. 184.

¹⁸ Ibid., S. 185.

¹⁹ Ibidem.

Бауэра к определению нации. Единственное связующее звено в современных ему нациях он видел в национальном характере, дать четкое определение которому он также не смог, делая ударение на принципе общей наследственности.

Утверждая, что нация – явление исторически обусловленное, Бауэр возражал против принципа деления современных ему государств, основанного на признании национального государства прогрессивной формой, а государства национальностей – пережитком прошлого. Он призывал учитывать историческое своеобразие каждого государства, подразумевая в первую очередь Австро-Венгрию.

Теоретические построения Бауэра опирались на конкретный пример возникновения и развития австрийского государства. "Австрийское государство представляет собой продукт того великого движения, которое направило массы крестьян из Германии... на северо- и юго-восток"²⁰, – писал он. На северо-востоке возникло впоследствии Пруское государство; на юго-востоке – Австрийское.

Рассматривая, таким образом, Австрию как государство, образованное в результате германской колонизации, Бауэр выделял несколько этапов и направлений становления государственности в колонизованных районах. Первый из них относится к периоду раннего феодализма и характеризуется германским проникновением в славянские (словенские) районы Каринтии, Крайны, Штирии. Хронологическим рубежом Бауэр считал 820 г. – дату подавления восстания славян, после чего начался процесс насильственной германизации вновь освоенных районов. В итоге местная славянская знать была либо уничтожена, либо восприняла чужеземный образ жизни, а крестьянство оказалось под двойным – феодальным и национальным – гнетом. Словенцы, таким образом, превратились в нацию без истории – "неисторическую нацию".

"Совершенно иные последствия имела великая германская колонизация на юго-востоке... происходившая в уже сложившихся национальных государствах: Богемии, Польше и Венгрии. Здесь немецкий элемент не поглотил и не поработил коренные национальности, но проник в тело национального государства и произвел в нем разнообразные изменения"²¹, – подчеркивал Бауэр.

Бауэр исходил из идеи двух основных направлений формирования австрийской государственности. Второй период ее развития (XII–XV вв.) он связывал с проникновением немецкого элемента в Богемию, Польшу, Венгрию, Трансильванию.

Новый этап развития Австрии Бауэр рассматривал в тесной связи с борьбой против турецкого завоевания – с 1526 г., когда, по его мнению, на державу Габсбургов легла историческая миссия спасения европейской цивилизации. При этом помимо внешних врагов Габсбургам пришлось вести упорную борьбу против чешских сословий (восстание 1618–1620 гг.). "Благодаря победе государства над сословиями Австрия стала государством. Но поражение сословий осудило чешский народ на роль неисторической нации; Австрия таким образом превратилась в немецкое государство"²², – констатировал он.

Однако сословия сохранились в Венгрии, что было одной из причин отставания этой страны от Австрии. Новую историю Австрийского государства Бауэр рисует на фоне борьбы национальностей за восстановление своих исторических прав. В XIX в. полным ходом идет процесс "пробуждения неисторических наций", проявившийся в революции 1848 г.

Бауэр, однако, был далек от мысли о неизбежности распада Австро-Венгерской монархии на национальные государства и, самое главное, не считал это целесообразным. Напротив, он был обеспокоен "национальным ревизионизмом" внутри социал-демократической организации Австрии.

В заключительной части книги Бауэр изложил свои взгляды в форме проекта программы социал-демократической партии по национальному вопросу, направленной

²⁰ Ibid., S. 245.

²¹ Ibid., S. 249.

²² Ibid., S. 267.

на предотвращение распада Австро-Венгрии в интересах рабочего класса. Он считал, что "Австрия должна быть преобразована в демократическое союзное государство национальностей", в котором для представителей той или иной национальности "должны быть созданы национальные автономные самоуправляющиеся общины"²³. При этом Бауэр весьма наивно полагал ограничить права национальных сообществ областью культуры, в то же время ратуя за "объединение всего культурного человечества для общего господства над природой"²⁴.

Таким образом, в оценках национального вопроса Бауэр исходил из традиционных марксистских постулатов об отмирании в будущем наций и нецелесообразности дробления существующих многонациональных государств. Бауэр, правда, критиковал Энгельса, считавшего в середине XIX в. невозможным для "неисторических" наций создание собственных государственных объединений.

Наиболее слабой представляется та теоретическая часть работы Бауэра, где он попытался дать определение нации. Именно она подверглась заслуженной критике, в частности, и со стороны других социал-демократов. Каутский, например, отмечал заблуждения Бауэра относительно выделения некоего "национального характера", считая это не просто недостатком, а реакционным утверждением, сходным с взглядами таких радетелей "немецкого духа", как В. Зомбарт, Ф. Ницше, Л. Ранке²⁵.

В.И. Ленин, соглашаясь с замечаниями Каутского, подчеркивал недооценку Бауэром интернационального момента²⁶. Именно ленинская критика "защиты культурно-национальной автономии"²⁷ Бауэром поднималась на щит при оценках взглядов последнего советскими исследователями, что не совсем соответствует истине. Во-первых, Бауэр не употреблял термин "культурно-национальная автономия" в том смысле, который в него вкладывал Реннер; во-вторых, он предпочитал рассматривать вопрос о "национальной автономии" применительно к возможности преобразования не социалистического, а современного Бауэру буржуазного государства.

Раздражение критиков вызывало заимствованное Бауэром у Гегеля положение о "неисторических нациях", к которым тот относил народы, лишенные в силу тех или иных причин собственной государственности. И хотя Бауэр оговаривался, что "неисторическими мы называем эти нации только в том смысле, что в эпоху, когда лишь господствующие классы являлись носителями национальной культуры, они не имели своей национальной и культурной истории"²⁸, даже само употребление этого термина по отношению к той или иной нации или народности как бы ставило на них клеймо неполноценности.

Работа Бауэра затрагивала новые, доселе не востребованные марксистской научной мыслью аспекты. Она не только констатировала наличие национальной проблемы, но и предлагала пути ее разрешения в интересах рабочего класса, традиционно рассматривавшегося как класс-интернационалист, которому должны быть чужды национальные предрассудки.

Однако формально ратуя за ликвидацию национальных различий, Бауэр осознанно воспринял целый ряд марксистских одиозных положений и постулатов, прежде всего положение о "неисторических нациях", в качестве примера для которых он избрал южнославянский народ словен (словенцев), что весьма симптоматично. Славянский вопрос особенно остро стоял тогда перед Австро-Венгрией. Именно он будет в центре исследовательского и политического интереса Бауэра и в последующие годы.

²³ Ibid., S. 581.

²⁴ Ibid., S. 582.

²⁵ Каутский К. Национальные проблемы. Пг., 1918, с. 153–157.

²⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 210.

²⁷ Там же, т. 25, с. 258.

²⁸ Bauer O. Op. cit., Bd. 8, S. 247.

В работах Бауэра, посвященных национальным проблемам, особое место занимал славянский вопрос. Уже в предисловии к немецкому изданию "Национального вопроса и социал-демократии" Бауэр отмечал, что "в Австрии и России национальный вопрос является труднейшей проблемой"²⁹. Он вообще часто подчеркивал схожесть и общность исторических судеб двух империй – Российской и Австро-Венгерской, по окраинам и между владений которых простиралась область расселения южных и западных славян. Славянский вопрос, по Бауэру, во многом определил политику этих государств.

При работе над "Национальным вопросом и социал-демократией" Бауэр изучил большое количество литературы по славянской проблематике. Славянская проблема рассматривалась им и в серии вышедших после этой книги статей в нескольких ракурсах. Рассмотрим основные из них:

1. Исторический. Как историк Бауэр попытался создать самобытную концепцию происхождения и расселения славян, в основе которой лежала идея о различии исторических судеб славянских и германских племен, произошедших от "одного общего племени". Славянская общность оказалась менее мобильной и гибкой и медленнее прогрессировала по сравнению с германскими и романскими народами Европы. В итоге только отдельные славянские народы – русский и польский, причисляемые Бауэром к "историческим" народам, – создали собственную государственность. Остальные славянские народы, занимавшие обширные области в Центральной и Восточной Европе, оказались неспособными противостоять натиску немецкой колонизации. Исключение Бауэр делал лишь для чехов и хорватов, бывших "историческими" народами, но утративших это качество с вхождением в состав державы Габсбургов³⁰.

Таким образом, по Бауэру, в силу исторической закономерности значительная часть славянских народов была подчинена немецкому народу, который "поглотил огромные человеческие массы славянского происхождения", причем эти массы трактовались Бауэром как чуждый элемент, "чуждая составная часть"³¹.

Остальные славяне либо были покорены Османской империей, либо вошли в Российскую империю, образуя в составе этих государств отдельные очаги напряженности: болгарский, сербский, черногорский – для Турции; польский – для России. Но наибольшее беспокойство славяне, по мнению Бауэра, доставляли Австро-Венгрии.

2. Славянский вопрос в Австро-Венгрии. В Австро-Венгрии Бауэр усматривал два основных славянских центра напряженности: южнославянский и чешско-польский. В вышедшей в конце 1908 г. статье "Южнославянские проблемы" он дал развернутую картину социально-экономического и политического положения в области расселения южных славян "от Каринтских Альп до берегов Черного моря". Бауэр отмечал, что на начало века эта территория находилась под властью двух монархий и семи правительств³².

Веками неисторические славянские народы были отсталыми и забытыми. Начало национального пробуждения в их землях Бауэр относил к периоду завоевания Наполеоном Иллирии. Он критически подходил к идеям общности южнославянских народов, отмечая противоречия между великосербскими и великохорватскими планами.

Исходя из принципа необходимости сохранения территориальной целостности Австро-Венгрии, Бауэр не видел серьезной угрозы этой целостности со стороны южных славян, пока те действуют по собственной инициативе, без вмешательства извне; он считал, и, как оказалось, небезосновательно, опасным для империи стремление к дальнейшему территориальному расширению за счет южнославянских земель Османской

²⁹ Ibid., S. 49.

³⁰ Ibid., Bd. 1, S. 894.

³¹ Ibid., S. 88.

³² Ibid., Bd. 8, S. 218, 221.

империи, так как это нарушало и без того хрупкий баланс национальностей в государстве. Накануне первой мировой войны он пророчески заявил, что "первой грубой ошибкой" со стороны Австро-Венгрии "была аннексия Боснии в 1908 г."³³

Бауэр считал, что для славян Австро-Венгрии в наибольшей степени необходимо применение принципа культурно-национальной автономии. Он ратовал за безусловную автономию польских земель при условии, что первый шаг на пути к этому сделает Россия, освободившаяся от царизма.

Наиболее сложным для империи был, по мнению Бауэра, чешский вопрос. Он детально рассмотрел соотношение немецких и чешских секторов в Чехии (Богемии). В частности, разбирая ситуацию в Моравии, Бауэр пришел к выводу, что эта территория может быть условно разделена на две неравные части. Меньшую из них образует промышленный район вокруг городов Брно (Брюнн), Иглау, Ольмюц, Цнайм, где проживает около 500 тыс. немцев, составляющих здесь абсолютное большинство. В остальной, аграрной части страны на 1,6 млн. чехов приходится чуть более 175 тыс. немцев³⁴. Вывод из этих данных напрашивался сам собой: ни немцам, ни чехам порознь не прожить, так как социально-экономические связи, обусловившие зависимость преимущественно аграрного чешского сектора от преимущественно индустриального немецкого, складывались веками.

Бауэр резко возражал против преобразования социал-демократической организации Австро-Венгрии в некий консорциум национальных партий. В речи на конгрессе II Интернационала в Копенгагене 29 августа 1910 г. он подчеркивал нереальность требований чешских коллег, которые "хотят всех чешских рабочих нечешских областей объединить в автономную организацию"³⁵. Бауэр считал, что, несмотря на активизацию сепаратистских настроений в начале XX в., славянские народы не представляют реальной внутренней угрозы распаду Австро-Венгрии.

3. Славянский вопрос и Российская империя. Особое внимание Бауэр уделял влиянию России на зарубежные славянские народы. В работе "Национальный вопрос и социал-демократия" он отмечал два отрицательных, на его взгляд, положения, связанных с Россией.

Первое, исходящее изначально от зарубежных славянских народов, – панславизм, лозунги которого были подхвачены царизмом. Бауэр считал, что панславизм привел к парадоксальному, на первый взгляд, но вполне закономерному результату. Призванный пробудить чувство славянской общности, он способствовал осознанию отдельными славянскими народами собственной исключительности. Панславизм был выгоден национальной буржуазии лишь до тех пор, пока она не была допущена к экономическим и политическим рычагам власти. Затем на смену идеи славянской общности пришел обыкновенный национализм.

Второе опасное идейное течение, близкое к панславизму, но берущее начало в самой России, Бауэр видел в славянофильстве, которое он рассматривал как "орудие реакционной борьбы", направленное против "всякой реформы в западноевропейском духе"³⁶. Главная пагубность славянофильства, считал Бауэр, – проповедь консервации патриархальных отношений, основанных на экстенсивном, отсталом сельском хозяйстве нищих и невежественных мужиков, задавленных суеверием греческой церкви и абсолютистской властью. Последняя испытывала стремление к расширению своей сферы влияния за счет присоединения территорий, населенных "братьями-славянами". Бауэр высказывал опасения, что Австрия может оказаться втянутой в конфликт с Россией из-за украинских, польских или южнославянских земель. Однако перспективы такого столкновения оценивались им невысоко. Он полагал, что российская революция 1905 г. дала толчок подъему национальностей Балканского полуострова. Проявление этого подъема он видел в младотурецкой революции и в Балканских

³³ Ibid., S. 775.

³⁴ Ibid., S. 625.

³⁵ Ibid., Bd. 6, S. 19.

³⁶ Ibid., Bd. 1, S. 196.

войнах, которые Бауэр считал буржуазными революциями для стран – участниц конфликта.

Таким образом, Бауэр полагал, что раз в России и южнославянских землях начались буржуазные революции, то они в скором времени похоронят идеи панславизма и славянофильства. Но при этом он видел новую угрозу, так как на фоне революционного подъема происходил рост национализма у народностей, входящих в Российскую империю, которые в свою очередь будут стремиться создать свое национальное государство из русских земель.

Бауэра особенно волновало то, что процесс пробуждения "неисторических" национальностей может захлестнуть Австрию, что украинцы и поляки захотят образовать свои государства на территориях, отторгнутых от Российской и Австро-Венгерской империй.

Столь негативное, порой даже пренебрежительное отношение Бауэра к "славянскому" и "русскому" вопросам вполне объяснимо, исходя из расчетов, которые он и другие лидеры австрийской социал-демократии (К. Реннер, Ф. Адлер и др.) строили на сохранении Австро-Венгерской империи как основы для дальнейшего преобразования этого государства на автономных и федеративных началах. Бауэр и его единомышленники исходили из неверного, как показало время, постулата о возможности преобразования многонационального государства в содружество наций в эпоху социализма. Против этого постулата выступал, в частности, Каутский, выгодно отличавшийся от других лидеров немецкой социал-демократии³⁷ большей терпимостью и пониманием в отношении славянского вопроса. Он не был склонен усматривать в Российской империи изначально контрреволюционную, враждебную "прогрессивным" германским и романским народам, двигавшимся к социализму, силу. Он предполагал, что при определенных условиях возможно преобразовать ту же Российскую империю в демократические "Соединенные Штаты России"³⁸.

Однако в целом во II Интернационале даже в начале XX в. сохранялась традиция неприязненного отношения к славянам, начало которой было положено Марксом и Энгельсом, обвинившими славян после поражения революций 1848–1849 гг. в контрреволюционности. Антиславянские настроения Бауэра можно объяснить тремя причинами. Во-первых, он с ранних лет был проникнут великогерманскими настроениями. Во-вторых, сказывалась ситуация внутри Австро-Венгрии, где позиция чешской социал-демократии конфронтировала с политикой руководства австрийской и немецкой социал-демократии. И в-третьих, влияли и общие сложности со славянским вопросом в дуальной монархии. Это пренебрежение к славянству особенно ярко проявилось при характеристике Бауэром Балканских войн.

II ИНТЕРНАЦИОНАЛ: НА ВТОРЫХ РОЛЯХ

Книга "Национальный вопрос и социал-демократия" и статьи по национальному вопросу принесли Бауэру признание как одному из ведущих теоретиков международной социал-демократии. Однако это не означало автоматического вхождения в руководящую элиту II Интернационала. Национальные проблемы по-прежнему оставались на периферии исследований марксистских теоретиков. К тому же Бауэру и его соратникам по австромарксистскому кружку приходилось "продираться" сквозь плотный строй идеологов от марксизма. И в этом не менее Бауэра преуспели и Реннер, ставший заметной политической фигурой в австрийской социал-демократии, и Гильфердинг, известность которому принес труд "Финансовый капитал".

Успех Гильфердинга не в последней степени способствовал переориентации Бауэра.

³⁷ Под немецкой социал-демократией подразумевается в данном случае не только социал-демократия Германии (СДПГ), но и другие немецкие социал-демократические организации, прежде всего в Австрии.

³⁸ Каутский К. О национальном вопросе в России. СПб., 1906, с. 5.

В рецензии на книгу своего друга Бауэр подчеркивал, что со времени смерти Маркса экономическая мысль не сделала большого шага вперед и "Финансовый капитал" Гильфердинга "дал нам то, в чем мы давно нуждались"³⁹.

После 1910 г. Бауэр начал активно разрабатывать экономические вопросы, тесно увязывая их с политическим положением в Австро-Венгрии. Так, развивая идеи Маркса о кризисах, Бауэр отмечал, что "мы близки к окончанию экономической депрессии"⁴⁰.

Согласно Бауэру, капиталистическая экономика развивается от кризиса к кризису и кризисы эти будут повторяться периодически, перемежаясь с депрессиями и подъемами. Развитие капитализма неизбежно вело к росту индустриального пролетариата, его сплоченности и организованности. Однако "власть капитала все еще велика", что неизбежно должно было, по Бауэру, увеличивать сопротивление народных масс и способствовать в перспективе установлению "классового господства" пролетариата⁴¹.

В теоретическом отношении экономические произведения Бауэра за 1910–1913 гг. являлись неоригинальным переложением Маркса. Однако при этом прослеживалось несколько особенностей. Бауэр использовал Марксовы теории применительно к конкретной обстановке в Австро-Венгрии. Одну из причин отставания в развитии империи Габсбургов он усматривал во внутренних таможенных тарифах. Он даже сделал прогноз, что с 1917 г., когда планировалось пересмотреть условия таможенного режима империи, начнется экономический подъем⁴².

Бауэр много внимания уделял мелким проблемам, в частности, полемике с Гильфердингом и Е. Варгой по вопросу о том, ведет ли снижение ценности золота к росту цен на товары или нет.

Решая проблемы, стоявшие перед марксистской политэкономией, Бауэр облекал свои мысли в формы, не понятные простому читателю. Его экономические произведения пестрели всевозможными экономическими формулами, раскладками; это делало их труднопонимаемыми для широких кругов читателей.

Однако Бауэр верно определял магистральное направление своих теоретических разработок, что в итоге давало свои плоды. Если на VIII конгрессе II Интернационала в Копенгагене Бауэр был всего лишь рядовым делегатом, войдя во второстепенную комиссию по вопросам профсоюзного движения, то на следующем, IX конгрессе в Штутгарте он уже выступал с программной речью о развитии капитализма за последние 10 лет, в которой констатировал быстрый прогресс капитализма, что в свою очередь, по его мнению, приближало час победы "организованного рабочего класса над организованным капитализмом"⁴³.

Однако все это не означало автоматического "вхождения" Бауэра в круг "олимпийских богов" II Интернационала. Как в любой созданной по иерархическому признаку организации, все главные роли в Интернационале были давным-давно уже распределены. Его ведущим официальным теоретиком считался с конца XIX в. Каутский, основным оппозиционным теоретиком – Э. Бернштейн. Э. Вандервельде и А. Бебель были ведущими функционерами II Интернационала. В. Адлер оставался признанным лидером австрийской социал-демократии.

Накануне первой мировой войны из жизни ушли такие видные социал-демократы, как супруги Лафарг, Бебель. Однако патриархи Интернационала ревностно оберегали замкнутость касты избранных. В феврале 1914 г. отдыхавший на Ривьере Каутский писал В. Адлеру: "После смерти Августа у Интернационала остался только один вождь – ты... Тебя не заменит ни Фриц (Фридрих Адлер. – С.К.), ни Отто (Отто

³⁹ *Bauer O. Op. cit., Bd. 8, S. 377.*

⁴⁰ *Ibid., Bd. 1, S. 765.*

⁴¹ *Ibid., S. 812.*

⁴² *Ibid., S. 745.*

⁴³ *Ibid., Bd. 6, S. 59.*

Бауэр. – С.К.)⁴⁴. Каутский отверг также кандидатуры Ж. Жореса, Г. Гаазе и даже Э. Вандервельде. Фактически речь шла о сохранении статус-кво в руководящем ядре Интернационала. Так что Бауэру отводились лишь вторые роли.

БАЛКАНСКИЙ КРИЗИС

Балканские войны 1912–1913 гг. привлекли к себе пристальное внимание Бауэра. Используя накопленный ранее материал, в многочисленных статьях в 1912–1913 гг. он при характеристике Балканского кризиса пытался решить четыре основные задачи: оценить Балканский кризис, исходя из противоречий между Турцией, с одной стороны, и Албанией и Македонией – с другой; дать характеристику войнам с точки зрения противоречий между Турцией и молодыми государствами Балканского полуострова: Сербией, Грецией, Болгарией; изложить события, исходя из противоречий между великими державами на Балканах и в районе Восточного Средиземноморья; раскрыть всемирно-историческое значение событий на Балканах и определить основные направления политики II Интернационала в этом регионе.

При решении первой задачи Бауэр выступал как историк. Изучив большой объем источников и литературы, в том числе и на сербском языке (обзором которой он предварял свое изложение), Бауэр дал ретроспективный анализ истории Македонии и Албании, события в которых послужили поводом для первой Балканской войны.

Продолжая линию, очерченную в "Национальном вопросе и социал-демократии", Бауэр развивал идею о неисторических народах – албанцах и македонцах, которые были ввергнуты в "жалкое состояние неисторических земледельческих племен". В Македонии славянская знать была истреблена турками, и это привело к тому, что основную массу зависимого населения там составили славяне, а помещиками были иностранцы-турки. В этих условиях наилучшим выходом Бауэр считал "завоевание Македонии христианскими балканскими государствами", что было бы "равносильно для нее буржуазной революции"⁴⁵.

Более сложной виделась Бауэру ситуация в Албании, где национальное противостояние между турками и албанцами усугублялось религиозной борьбой между мусульманами и христианами, с одной стороны, и внутри христиан, между греческими ортодоксами и католиками, – с другой⁴⁶. Это делало Албанию яблоком раздора между Сербией, Грецией, Австро-Венгрией и Италией.

Сербия, как и другие получившие независимость от Турции балканские страны, питала, по Бауэру, "старую неприязнь" к своим недавним хозяевам, которую обострила борьба в Македонии. Все это способствовало объединению Сербии, Греции, Болгарии, Черногории в Балканском союзе против Турции.

Оценивая взаимоотношения между "большим человеком Европы" и христианскими государствами Балканского полуострова, Бауэр выступал уже не столько как историк, сколько как политик. Он не упустил из вида и старые противоречия между самими балканскими государствами, в частности, борьбу константинопольской патриархии и фанариотов⁴⁷ за церковную гегемонию в Болгарии и Сербии, борьбу за экзархат (административно-территориальную область), усугублявшуюся традиционной неприязнью между подвергавшимся дискриминации славянским населением Балкан и находившимися по сравнению с ними в привилегированном положении греками.

Бауэр считал, что первая Балканская война (9 октября 1912 г. – 30 мая 1913 г.) лишь обострила старые противоречия между балканскими государствами, нарушила

⁴⁴ Adler V. Op. cit., S. 592.

⁴⁵ Bauer O. Op. cit., Bd. 8, S. 710–711.

⁴⁶ Ibid., Bd. 1, S. 858.

⁴⁷ *Фанариоты* – в Османской империи представители греческого духовенства, а также вообще богатые и знатные греки, в большинстве потомки аристократических византийских родов. Благодаря своим богатствам и политическим связям они занимали высокие посты в турецкой администрации, пользовались большими привилегиями. Фанариотское духовенство подчинило своей власти всю православную церковь в Европейской Турции.

паритет, привела к усилению Болгарии. Поэтому вслед за первой вспыхнула и вторая Балканская война (29 июня – 10 августа 1913 г.), которую он считал неизбежной. При этом вновь проступала традиционная славянофобия Бауэра, не считавшего главным виновником войны царскую прогермански ориентированную Болгарию. Напротив, он подчеркивал, что именно для Румынии "хозяйственной необходимостью" являлось "овладение Добруджей", которую та и захватила у Болгарии в ходе второй Балканской войны – "войны между союзниками"⁴⁸.

Балканский кризис обострил противоречия между великими державами. На его фоне произошло окончательное определение военных блоков в будущей первой мировой войне, что Бауэр считал одним из главных результатов Балканских войн.

Оценивая войны с позиции международного обозревателя, Бауэр считал начало первой Балканской войны делом рук России, которая "мобилизовала Балканский союз против Турции"⁴⁹. В его работах за 1912–1913 гг. явственно слышны панические нотки, в частности, в утверждении о том, что в результате поражения Турции "Россия станет главенствующей державой на Средиземном море" и разместит свои корабли в портах Эгейского моря⁵⁰.

Характеризуя взаимоотношения великих держав во время Балканских войн, Бауэр был непоследователен, считая, будто "все внешнеполитические конфликты современности проистекают из противоречий между германским и английским империализмом"⁵¹. Но при этом он приписывал России главную роль на международной арене. Именно вокруг нее, по его мнению, группировались и ее "исторический враг" Англия, стремившаяся получить монополию в Персидском заливе и прикрыть свои индийские владения от германской экспансии, и Франция, "становившаяся год от года все больше вассалом царя"⁵². Страхом перед Российской империей проникнуты все работы Бауэра о Балканских войнах. Страх этот являлся не только следствием его традиционной славяно- и русофобии и великогерманских настроений, но и опасениями за судьбу Австро-Венгрии.

Бауэр выделял три основных соображения, которыми руководствовалась правящая верхушка дуалистической империи в Балканском кризисе: стремление вовлечь Сербию в сферу своего экономического влияния, сохранить спокойствие и порядок в югославянских землях империи, не допустив усиления южнославянских государств, прежде всего Сербии, расширить границы империи до Эгейского моря и присоединить важнейший морской порт Салоники.

Но эти планы приводили Австро-Венгрию к столкновению сразу на трех фронтах: против Италии, против России и против балканских государств.

Вмешательство Австро-Венгрии в балканские дела Бауэр считал крайне опасным для нее. "Первой грубой ошибкой была аннексия Боснии и Герцеговины в 1908 г. Второй грубой ошибкой явилась борьба за независимость Албании в 1912 г."⁵³, – писал он.

В обоих случаях формально дуалистической империи сопутствовал успех, но в действительности, считал Бауэр, дипломатия государства, которая ввергла Австро-Венгрию в тяжелый экономический кризис, потерпела поражение. Обострились противоречия с Россией и всеми балканскими странами, а также с Италией из-за Албании, что вызвало антиавстрийские настроения в Германии – союзнице Италии. Румыния также отошла от союза с монархией Габсбургов. В итоге могущество Австро-Венгрии, ее авторитет в Европе оказались серьезно подорванными. Она была вынуждена искать союзников, в частности, в лице Болгарии.

Балканские войны привели к подъему национального самосознания отсталых, с точки зрения Бауэра, народов Балканского полуострова, в первую очередь в Албании

⁴⁸ *Bauer O. Op. cit., Bd. 8, S. 769.*

⁴⁹ *Ibid., S. 725.*

⁵⁰ *Ibidem.*

⁵¹ *Ibid., Bd. 1, S. 863.*

⁵² *Ibid., Bd. 8, S. 755.*

⁵³ *Ibidem.*

и Македонии. Для этих стран войны явились буржуазными революциями, которые вместе с российской революцией 1905–1907 гг. и младотурецкой революцией стали, по Бауэру, составной частью мирового революционного процесса, продвигавшегося на Восток – в Переднюю Азию, Персию, Индию, Китай.

Но Балканские войны показали всю опасность глобальной мировой войны, борьба против которой виделась Бауэру главной задачей социал-демократии. Так как войны возникли из империалистических противоречий, то главным лозунгом международного рабочего класса Бауэр считал призыв "Против империализма!".

В борьбе против Балканских войн особую миссию, по мнению Бауэра, должны были выполнить рабочие классы России и Германии. Бауэр призывал российский пролетариат вести борьбу против завоевательных планов царизма, в частности, против захвата Константинополя. Немецкий же пролетариат, под которым Бауэр имел в виду немецких рабочих Германии и Австро-Венгрии, как самый передовой отряд международного рабочего движения должен был выступить против передела карты мира, против нового раздела Турции под лозунгом "Руки прочь от Азии!"⁵⁴.

Борьбу за мир Бауэр тесно увязывал с борьбой за общий успех дела пролетариата. Он полагал, что рабочий класс не сможет добиться успеха в условиях военного хаоса, которым сопровождались буржуазные революции XVII–XIX вв. Залог успеха пролетариата он видел в сохранении статус-кво в Западной и Центральной Европе при условии крушения деспотических режимов в Восточной Европе и Азии, в первую очередь в России.

В борьбе против войны Бауэр выступал как интернационалист, в одинаковой мере не разделяя захватнических устремлений как чуждой ему Российской империи, так и родной Австро-Венгрии. Но при определении национальных приоритетов он отдавал пальму первенства германским народам, рабочий класс которых виделся ему главной ударной силой в борьбе против войны и в будущей пролетарской революции.

Однако вопреки расчетам Бауэра немецкие пролетарии не только не восстали против новой – первой мировой – войны, но и, охваченные националистическим энтузиазмом, дружно двинулись на защиту своего отечества против армий, состоявших из таких же пролетариев, как и они. Да и сам Бауэр оказался не на передовой борьбы за мир, а на передовой русско-австрийского фронта в Галиции.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: "Я ПРОВЕЛ ТРИ ГОДА В ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОСТАЛЬНОГО МИРА"

Бауэр оказался единственным видным идеологом II Интернационала, увидевшим первую мировую войну изнутри – из солдатских окопов. Он был призван как офицер запаса в регулярную армию вскоре после своей свадьбы.

Война стала водоразделом в его жизни. В этом отношении весьма точным является замечание Д. Альберса. "До 1914 г. теоретические работы Бауэра – в большинстве своем развивали и распространяли учение Маркса на неисследованные области"⁵⁵, – писал он.

Война застала Бауэра в сложном положении. Только что наладилась его семейная жизнь. Он был полон творческих планов. Но перспективы на будущее были весьма туманны. Тем не менее первая мировая война, кардинальным образом изменившая ситуацию в международном рабочем движении, оказала Бауэру неоценимую услугу.

С началом войны, как отмечалось выше, Бауэр был мобилизован в армию Австро-Венгрии и оказался на русско-австрийском фронте. Первые его письма с фронта были весьма оптимистичны и написаны в шутовском тоне. В одном из них он иронично сравнивал себя с "генералом" Энгельсом⁵⁶. Однако вскоре лейтенанту австрийской

⁵⁴ Ibid., Bd. 1, S. 884.

⁵⁵ *Albers D. Versuch über Otto Bauer und Antonio Gramsci: Zur politischen Theorie des Marxismus.* Berlin, 1983, S. 127.

⁵⁶ *Bauer O. Op. cit., Bd. 3, S. 1033.*

армии стало не до шуток. 23 октября 1914 г. во время штыковой атаки он попал в российский плен.

Уже из плена (из Смоленска) Бауэр сообщал жене, что "поначалу я был подавлен психологически". Ему вернули все вещи, кроме денег, давали читать французские и русские газеты (как мы уже отмечали, в плену Бауэр изучил русский язык)⁵⁷. Затем вместе с другими пленными офицерами он был отправлен в далекое село Березовка в Забайкалье, где провел почти три года. По возвращении из плена он писал одному из лидеров австрийской социал-демократии К. Зейтцу: "Я провел три года в изоляции от остального мира"⁵⁸.

Освободился из плена Бауэр во многом благодаря хлопотам лидера шведской социал-демократии Яльмара Брантинга в июле 1917 г. Некоторое время он жил в Петрограде в качестве гостя российских меньшевиков – супругов Федора и Лидии Дан, а в сентябре вернулся в Вену.

Сразу по возвращении Бауэр оказался в гуще политических событий. В условиях военного кризиса готовился очередной съезд партии, которая остро нуждалась в свежих идеях и новых людях. Каутский с энтузиазмом воспринял известие о возвращении своего ученика и писал В. Адлеру, что готов приехать в Вену "инкогнито" для личной встречи с ним и Бауэром⁵⁹.

Бауэр, однако, не сразу смог включиться в активную политическую жизнь, чему мешал тот факт, что он формально оставался военнослужащим, которым была запрещена общественная и политическая деятельность. Сказывалась и длительная изоляция от австрийского и международного социал-демократического движения.

Тем не менее Бауэр не собирался сидеть сложа руки, он оперативно подготовил труд о революционных событиях в России "Русская революция и европейский пролетариат".

"РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ"

Бауэр оказался единственным крупным западным социалистом, побывавшим в революционном Петрограде в период между Февралем и Октябрем 1917 г. Впечатления и размышления о революционной России были изложены им в вышедшей в Вене в октябре 1917 г., накануне большевистского переворота, книге "Русская революция и европейский пролетариат" под псевдонимом Г. Вебер.

Бауэр стремился решить три основные задачи: показать немецким рабочим всемирно-исторические результаты и значение для международного рабочего движения революционных событий в России; продемонстрировать взаимосвязь между событиями в России и борьбой за мир; раскрыть влияние "великой русской революции" на ситуацию внутри социал-демократических партий воюющих стран⁶⁰.

По Бауэру, Февральская революция 1917 г. возникла из "массового движения рабочих масс Петербурга". Однако он не видел в России перспектив для успеха социалистической революции, повторяя известные тезисы меньшевиков об аграрном, отсталом характере страны, где рабочий класс составляет меньшинство населения. "Революция в России не может закончиться диктатурой пролетариата"⁶¹, – таков был вывод, сделанный Бауэром.

В то же время он был убежден и убеждал читателей в том, что "победа российской революции означает победу демократии и национальной автономии во всей Европе"⁶². Бауэр связывал надежды на скорое окончание войны именно с революцией в России, рассчитывая, что в ближайшее время последует выход этой страны из войны, после

⁵⁷ Ibid., S. 1036.

⁵⁸ Ibid., S. 1038.

⁵⁹ Adler V. Op. cit., S. 640, 656.

⁶⁰ Bauer O. Op. cit., Bd. 2, S. 41.

⁶¹ Ibid., S. 71.

⁶² Ibid., S. 87.

чего державы Антанты будут не в состоянии ее продолжать. Вслед за этим у него вырисовывалась четкая перспектива на восстановление единства международного социал-демократического движения.

Однако на пути к восстановлению мира Бауэр усматривал большие сложности, определявшиеся экономической зависимостью России от стран Антанты. "Россия – пленница британского империализма", – утверждал он, что противоречило его же высказываниям периода Балканских войн о подчинении царизмом Англии. Российский народ сбросил оковы царизма, но он не сможет полностью освободиться до тех пор, пока "находится в оковах британско-французских капиталистов". К чести Бауэра, он был далек от обвинения в развязывании и продолжении войны только "империалистов" Антанты. "Революция в России не покончит с войной до тех пор, пока немецкие рабочие не уничтожат власть немецких аннексионистов, пока рабочие Англии и Франции, Италии и Америки не вынудят свои правительства к заключению мира!"⁶³ – восклицал он.

Бауэр с большой симпатией отзывался о революционной России, чем несколько сглаживалась его довоенная русо- и славянофобия. Оказавшись на короткое время в революционном Петрограде, он сблизился с меньшевиками. Информировав Каутского о своем возвращении из России, он подчеркивал, что разделяет точку "зрения Мартова и его друзей"⁶⁴ по вопросу о перспективах развития революции. Несмотря на тесные связи с меньшевиками, его отношение к большевикам нельзя назвать резко негативным, напротив, он много положительного видел в их деятельности. Именно по вопросу об отношении к советской власти произойдет разрыв между Бауэром и Каутским в 30-е годы.

АВСТРИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1918 г.

Война вызвала всеобщий кризис и резкое усиление центробежных тенденций в Австро-Венгрии. В связи с этим стали актуальны разработки, сделанные Бауэром в довоенный период, по национальному вопросу. Оказавшись очевидцем последних дней существования дуалистической монархии, Бауэр снова повторил свои аргументы в пользу преобразования ее в "союзное государство", состоящее "из союзов австрийских народов". Появились и новые вариации. Так, Бауэр не исключал возможности создания государства, "союзного с Германской империей"⁶⁵. Впоследствии, после провозглашения независимости Австрии, идея о соединении с Германией (об аншлюсе) будет красной нитью проходить во многих работах Бауэра.

Период Австрийской революции оказался одним из самых напряженных в жизни Бауэра. Как один из вождей социал-демократии немецкой Австрии, ворвавшейся на Олимп власти на революционной волне, он получил важный пост статс-секретаря иностранных дел в коалиционном правительстве К. Реннера.

Другим, не менее важным направлением политической деятельности Бауэра тогда стало руководство комиссией по социализации. Перед ним встала ответственная задача – дать теоретическое обоснование революционных событий в бывшей Австро-Венгрии и разработать политическую стратегию социал-демократии.

Бауэр выдвинул и широко использовал в своих многочисленных публикациях тезис о том, что первая мировая война была самой крупной, самой кровавой буржуазной революцией "на протяжении всей всемирной истории"⁶⁶. Эта идея явилась продолжением и развитием его довоенной концепции о Балканских войнах как буржуазных революциях.

По Бауэру, революция в России революционизировала народы Австро-Венгрии,

⁶³ Ibid., S. 88.

⁶⁴ Ibid., Bd. 9, S. 1039.

⁶⁵ Ibid., Bd. 7, S. 271.

⁶⁶ Ibid., Bd. 2, S. 633.

особенно славян. Таким образом, "создание Австрии – прямое следствие войны"⁶⁷, утверждал он.

События 1917–1918 гг. в Европе легли в основу теории революции Бауэра. Он выделял революцию национальную – "выделение национального государства"; революцию политическую – являющуюся "делом одного дня" и "делом насилия"; революцию социальную – которая в отличие от революции политической "может быть лишь... результатом многолетнего труда"⁶⁸. Он считал, что в большинстве стран бывшей Австро-Венгрии имели место лишь первые два типа революции.

Революция национальная, по Бауэру, состояла в образовании независимых государств: Австрии, Венгрии, Чехословакии, Югославии, выделившихся из многонациональной империи Габсбургов. Революция же политическая виделась ему в форме свержения монархии и установления демократической республики. И только в Австрии и Венгрии, по его мнению, "революция приняла характер социальной, пролетарской революции"⁶⁹, так как национальная революция в этих странах означала конец господства буржуазии, борющейся за сохранение монархии.

При анализе такой триединой схемы революции, построенной Бауэром, в первую очередь бросается в глаза ее приземленность, ориентированность на конкретную обстановку в бывшей Австро-Венгрии. Бауэр попытался приспособить, переработать традиционную марксистскую революционную теорию к новым условиям. С близких Бауэру позиций давал трактовку революции и Карл Каутский, выделявший две основные фазы революции: политическую и социальную⁷⁰. При этом надо отметить тот факт, что, двигаясь общим со своим старым другом и учителем курсом в разработке революционной теории, Бауэр впервые опередил его.

Теория революции Бауэра оформилась уже в 1919 г. в многочисленных брошюрах и статьях и получила развернутое изложение в вышедшей в 1923 г. книге "Австрийская революция". Каутский же лишь в работе "Пролетарская революция и ее программа" впервые серьезно поставил вопрос о соотношении социального и политического в революции, развив свои идеи более обстоятельно в сочинениях середины 20-х годов и особенно в "Материалистическом понимании истории" (1927 г.).

Неожиданный приход социал-демократов к власти в Австрии вызвал в радикальных кругах австрийской обществуности иллюзии относительно возможности перенесения в Западную Европу большевистских методов. В определенной мере этому способствовало образование 3 ноября 1918 г. Коммунистической партии Австрии. Бауэр со всей серьезностью предостерегал от подобных, как он считал, заблуждений. Он указывал, что невозможно "просто перенести в Австрию методы наших русских товарищей"⁷¹. Эта идея станет доминирующей в большинстве последующих работ Бауэра по русскому вопросу. Для доказательства невозможности применения большевистского опыта в немецкой Австрии Бауэр часто использовал горький опыт Венгерской революции, в ходе которой социал-демократия не смогла предотвратить сползания к хаосу и анархии, поддавшись искушению "сделать революцию по-большевистски".

Другой, не менее опасной для дела пролетариата в Австрии угрозой Бауэр считал антидемократические, антисоциалистические поползновения со стороны внутренней и внешней контрреволюции. Именно последние виделась Бауэру наиболее опасной, и именно борьбе против попыток иностранных держав поставить на колени молодую Австрийскую республику он посвятил свою деятельность как глава внешнеполитического ведомства.

Бауэр получил, пожалуй, самый сложный и ответственный участок работы. Австрия была державой, проигравшей войну. Поэтому перед Бауэром стояла задача

⁶⁷ Ibid., Bd. 8, S. 937.

⁶⁸ Ibid., Bd. 2, S. 201.

⁶⁹ Ibid., S. 636.

⁷⁰ Подробнее см. *Кретинин С.В.* Карл Каутский (1854–1938): опыт переосмысления. – Новая и новейшая история, 1995, № 2, с. 177–178.

⁷¹ *Bauer O.* Op. cit., Bd. 5, S. 133.

добиться приемлемых условий мира. Это была очень сложная задача, так как необходимо было в срочном порядке нормализовать отношения с соседними государствами, в частности с Италией, и разрешить проблему немецкоязычного населения, оказавшегося в непривычном качестве национального меньшинства в возникших на развалинах габсбургской монархии национальных государствах, прежде всего в Чехословакии.

Конец 1918 – начало 1919 г. выдались крайне напряженными для Бауэра. Ему приходилось буквально уговаривать чехословаков пропустить в Вену эшелоны с продовольствием и углем. Он вел упорные переговоры с Италией по проблеме Тироля. Позднее ему пришлось решать сложную проблему пограничного спора между Австрией, Венгрией, Чехословакией и Королевством Сербов, Хорватов и Словенцев из-за Бургенланда. Все эти страны претендовали на так называемый "Бургенландский коридор", населенный преимущественно немцами. В итоге Австрии удалось сохранить эту территорию, так же как и ряд районов Тироля.

Однако, несмотря на эти незначительные успехи, в целом социал-демократии немецкой Австрии не удалось добиться осуществления своих главных целей на международной арене: Австро-Венгрия была признана одной из виновниц войны. Не удалось также присоединить к немецкой Австрии районы с компактным проживанием немцев, отошедшие в соответствии с мирными договорами к Чехословакии; потеряли фиаско и проекты объединения с революционной Германией.

Бауэр был одним из главных приверженцев идеи "социалистического аншлюса" – соединения немецкоязычных стран – Германии и Австрии – в единое государство для построения социализма. В утвержденном 12 ноября 1918 г. Временным национальным собранием законе о провозглашении Австрии республикой была зафиксирована и статья о том, что немецкая Австрия является частью Германской республики.

Резоны этой концепции были очевидны: Австрия была недостаточно сильна, чтобы в одиночку противостоять контрреволюции. Только вместе с Германией, с ее мощной индустрией, развитым во всех отношениях хозяйством Бауэр считал возможным достижение конечной цели революции – построение социализма в объединенном государстве.

В начале 1919 г. Бауэр и Реннер в составе австрийской делегации в Берлине вели переговоры о возможности "социалистического аншлюса" с германскими представителями: графом У. Брокдорф-Ранцау, В. фон Мёллендорфом и представителем Немецкого банка Р. Хавенштайном. Этот эпизод может быть истолкован как попытка сговора вождя австрийской социал-демократии с представителями классового врага – германской буржуазии. Впрочем, в этом нет ничего удивительного, ибо Бауэр, как и его коллеги из австрийской социал-демократии, не верили в скорый успех социализма ни в Австрии, ни в Германии в отдельности. Поэтому такого рода мероприятия могут рассматриваться как попытка подготовки базы для социалистических преобразований в будущем.

В ходе переговоров с германскими представителями была достигнута определенная договоренность о присоединении Австрии к Германии. Бауэр даже предложил конкретные меры по соединению финансовых систем обеих стран, в частности, основание руководством Австрии филиала Немецкого имперского банка⁷².

Однако державы Антанты воспротивились этому проекту, опасаясь как возможности резкого усиления новоиспеченного объединенного немецкого государства, так и укрепления социалистических организаций. Помимо этого, отмечает австрийский исследователь Ганс Хасс, идеи аншлюса вступали в противоречие со стремлениями части революционно настроенных австрийских рабочих на воссоединение с революционной Венгрией⁷³.

В конечном счете идея "социалистического аншлюса" была похоронена, хотя в

⁷² Reimann V. Op. cit., S. 298.

⁷³ Haas H. Otto Bauer und der Anschluß 1918/1919. – Sozialdemokratie und "Anschluß". Historische Wurzeln Anschluß 1918 und 1938 Nachwirkungen. Wien – München – Zürich, 1978, S. 40–41.

программе австрийской социал-демократической партии (немецкой⁷⁴) вплоть до самого "аншлюса" Гитлера сохранялось это положение. И даже уже в эмиграции социалисты Австрии продолжали подчеркивать, что целью их борьбы "является не восстановление независимости Австрии. Мы ориентируем наши усилия на совместное со всем немецким рабочим классом свержение фашизма"⁷⁵.

Таким образом, большинство внешнеполитических акций, инициатором и вдохновителем которых был Бауэр, не увенчались успехом. Однако своей главной заслугой на посту руководителя министерства иностранных дел Бауэр считал достижение мира. В июле 1919 г., после заключения Сен-Жерменского мирного договора, он оставил свой пост. "Восемь месяцев внешней политики"⁷⁶, как он сам называл этот период, на службе у Австрийской революции закончились.

Несмотря на неудачи и сложности в послевоенной Австрии, социал-демократия этой страны, возглавляемая такими лидерами международного рабочего движения, как Отто Бауэр, Карл Реннер, Макс Адлер (Виктор Адлер умер в ноябре 1918 г.), взяла курс на подготовку социалистических преобразований. Население страны в целом активно поддерживало социал-демократов. Так, на выборах в Учредительное собрание в феврале 1919 г. СДРПНА получила большинство мандатов, правда, всего на три мандата больше своих конкурентов и союзников по коалиции – христианско-социальной партии.

Полученное большинство было явно недостаточным для формирования однопартийного правительства. В результате было образовано коалиционное – с участием буржуазных партий – правительство. Этот шаг получил впоследствии обоснование в концепции Бауэра "равновесие классовых сил".

РАВНОВЕСИЕ КЛАССОВЫХ СИЛ

Созданное после выборов в феврале 1919 г. коалиционное правительство вновь возглавил К. Реннер, получивший и пост министра внутренних дел. Социал-демократам достались также министерства обороны, иностранных дел, юстиции и социального управления. Президентом Национального собрания был избран социал-демократ К. Зейтц. Пост вице-канцлера занял руководитель нижеавстрийских крестьян – Л. Финк. Представителям буржуазных партий не достался ни один из ключевых постов.

Новое правительство начало широкомасштабные реформы. Были ликвидированы такие старые монархические органы управления, как Государственный совет, а сами Габсбурги, поскольку император Карл отказался подписать отречение, изгонялись из страны. Имущество бывших монархов было конфисковано. Отменялись все законы военного времени. На предприятиях устанавливался 8-часовой рабочий день, пособия по безработице, болезни, инвалидности, вводился оплачиваемый отпуск, запрещался детский труд.

Таким образом, в Австрии были осуществлены грандиозные экономические мероприятия, за которые социал-демократы боролись десятилетиями. Однако эти акты по сути своей носили не социалистический, а буржуазно-демократический характер. Это были те преобразования, которых социал-демократия добивалась в условиях буржуазного государства. Останавливаться на них СДРПНА не собиралась. Национальное собрание избрало комиссию по социализации, главой (президентом) которой стал Бауэр. Вице-президентом был избран глава христианско-социальной партии прелат И. Зайпель.

Бауэр отмечал, что создание комиссии по социализации не встретило поначалу серьезного сопротивления со стороны буржуазии и бюрократии, которые "понимали

⁷⁴ Помимо Социал-демократической рабочей партии немецкой Австрии (СДРПНА) в Австрии существовала, в частности, Чехословацкая социал-демократическая рабочая партия, объединявшая чешских рабочих этой страны.

⁷⁵ ЦХИДК, ф. 1306, оп. 2, д. 49а, л. 3.

⁷⁶ *Bauer O. Op. cit., Bd. 2, S. 185.*

под социализацией государственную организацию и регламентацию народного хозяйства"⁷⁷. В работах "Путь к социализму" (1919 г.), "Акции социализации в первый год республики" (1919 г.), "Принципы управления сельским хозяйством" (1921 г.), "Австрийская революция" (1921 г.) и в других Бауэр признавал, что наибольшее влияние на формирование его концепции социализации оказали произведения Каутского и английских "гильдейских социалистов", а также "первые мероприятия большевиков в области организации народного хозяйства", намеченные первым съездом Совета народного хозяйства в мае 1918 г.⁷⁸

Социализация не была для Бауэра идентична обобществлению производства. Она мыслилась им как широкий и многоступенчатый процесс коренного переустройства всей хозяйственной системы. У него можно вычленить несколько направлений в области социализации. В качестве приоритетного он называл необходимость сломить господство бюрократии на производстве. С этой целью им был разработан проект закона о фабрично-заводских комитетах, утвержденный Национальным собранием 15 мая 1919 г. Помимо этих комитетов для более четкого контроля за производством Бауэр предложил учредить институт Комитетов служащих⁷⁹.

Таким образом, Бауэр рассчитывал поставить старую бюрократию буржуазного государства под контроль многочисленных рабочих органов. Однако борьба со старой бюрократией неизбежно порождала новую – рабочую – бюрократию. Тем не менее Бауэр считал необходимым переориентировать стихийно возникшие в первые дни Австрийской революции Советы в органы, ведающие исключительно вопросами управления производством. В этом, по его мнению, крылось одно из основных различий между революцией в России, где Советы стали органами государственного управления, и революцией в Австрии, где Советы должны были способствовать нормализации и контролю за хозяйственной жизнью. Показательно, что Бауэр не ставил вопросом – как это пытались делать умеренные социал-демократы Германии и Австрии – или власть Советов, или власть социал-демократии, а предлагал компромиссное разграничение функций этих двух организаций. Но при этом он считал неприемлемым для Австрии "русский пример", в основе которого лежала "диктатура Советов"⁸⁰.

Касаясь непосредственно обобществления отдельных отраслей промышленности, Бауэр отмечал: "Социализация народного хозяйства должна начаться с тяжелой индустрии – угольной, добывающей, металлургической, сталелитейной промышленности"⁸¹. Он выступал против тотальной конфискации и экспроприации, за компенсацию владельцам предприятий.

Понимая социализацию более широко, чем его германские коллеги (после революции 1918 г. в Германии была также создана комиссия по социализации, во главу угла поставившая подготовку обобществления отдельных отраслей промышленности), Бауэр считал, что она должна подготовить почву для перехода к социалистическому хозяйству. Он планировал с этой целью создание триединой системы управления народным хозяйством в составе государства, профсоюзов и потребкооперации⁸².

Все три звена выступали в этой схеме равноправными и взаимодействующими элементами единого комплекса. Помимо этого каждая социализированная отрасль должна была управляться особыми органами из представителей рабочих и служащих, работающих в данной отрасли.

Исходя из вышеизложенного, представляется возможным вычленить в концепции Бауэра три основные функции социализации как комплекса мероприятий переходного периода: контроль над производством, обобществление наиболее важных отраслей промышленности и создание условий для перехода к социализму через управленческую

⁷⁷ *Bauer O.* Op. cit., Bd. 2, S. 694.

⁷⁸ *Ibid.*, S. 282, 283, 697.

⁷⁹ *Ibid.*, S. 698.

⁸⁰ *Ibid.*, S. 135–136.

⁸¹ *Ibid.*, S. 115.

⁸² *Ibid.*, S. 698.

систему. Как справедливо отмечали левые функционеры Социалистической партии Австрии (СПА) Э. Мерц и Ф. Вебер в докладе на конференции, приуроченной к 40-летию со дня смерти Бауэра (1978 г., Вена), "программа социализации Бауэра была рассчитана на постепенную, частичную социализацию"⁸³.

Одним из основных недостатков этой программы следует признать чрезмерное нагромождение управленческих структур, которые, будучи призванными бороться с засильем буржуазной бюрократии, сами могли погрязнуть в бюрократической рутине. Слабо был разработан и вопрос социализации сельского хозяйства.

Тем не менее бауэровская программа вскоре дала ощутимые результаты, в частности, она способствовала образованию так называемых "очагов социализма" (например, в области коммунального самоуправления), сохранявшихся и после оттеснения социал-демократов от власти. Следует также согласиться с Бауэром в том, что такая политика была разумной альтернативой возврату к капитализму, с одной стороны, и большевизации Австрии – с другой. Экономические трудности и неудачи социализации Бауэр связывал не столько с сопротивлением капиталистов внутри самой немецкой Австрии, сколько с давлением извне, в частности, с запретом со стороны Антанты на аншлюс с более экономически развитой Германской республикой. Сам Бауэр вскоре отказался от руководства практическим воплощением своего проекта социализации, сосредоточившись на теоретических проблемах. В октябре 1919 г. он оставил пост руководителя комиссии по социализации (Бауэр сменил В. Элленбоген), сохранив за собой лишь пост председателя социал-демократической фракции в Национальном собрании, затем – в Национальном совете вплоть до февраля 1934 г.

Необходимым условием для успешного использования результатов социализации Бауэр считал переход всей власти в руки рабочего класса. Однако добиться этого в послевоенной Австрии не удалось. Сложилась ситуация, охарактеризованная им как "период равновесия классовых сил"⁸⁴, когда пролетариат был еще недостаточно силен, чтобы в одиночку управлять государством, а буржуазия уже не располагала силами и средствами для восстановления своей власти в прежнем объеме.

"Периодом равновесия классовых сил" для Австрии Бауэр считал время от создания коалиционного правительства (начало коалиции – день провозглашения республики 12 ноября 1918 г.) до 1922 г., когда были заключены Женевские протоколы о предоставлении западными державами большого займа Австрии, что в решающей степени стабилизировало австрийскую экономику, укрепило капиталистический строй в этой стране, затруднив тем самым деятельность социал-демократов.

В условиях стабилизации капиталистической системы социал-демократия Австрии, переоценив свои силы, вышла из правящей коалиции. Впоследствии Бауэр признавал, что они рассчитывали на неспособность буржуазных партий сформировать собственное правительство. Однако вскоре после расторжения коалиции социал-демократы были поставлены перед фактом образования против них буржуазной коалиции. Более того, на выборах 1920 г. СДРПНА потеряла около 5% голосов.

В этих условиях Бауэр начал весьма скептически оценивать дивиденды от участия социал-демократии в коалиционном правительстве. "Социал-демократическая партия сможет принять участие в коалиционном правительстве лишь в том случае, если это участие предоставит нам не только видимость власти, а саму реальную власть"⁸⁵, – отмечал Бауэр в 1923 г. Эти идеи трансформировались позже в его концепцию "качественной демократии", обосновывавшую мирный, парламентский путь пролетариата к власти в странах Запада в противовес большевистской России.

Окончание следует

⁸³ März E., Weber F. Otto Bauer und die Sozialisierung. – Otto Bauer und der "dritte" Weg. Frankfurt. a.M., 1979, S. 79.

⁸⁴ Bauer O. Op. cit., Bd. 7, S. 743.

⁸⁵ Ibid., Bd. 9, S. 860.

Т. Л. ЛАБУТИНА

"ДЕЛО" АНГЛИЙСКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЯ РИЧАРДА СТИЛЯ

Шел март 1714 г. Промозглый холодный ветер разогнал жителей Лондона по домам. Близилась полночь, но в здании парламента еще горели свечи. В палате общин слушалось дело по обвинению одного из ее членов Ричарда Стиля в написании "скандальных и мятежных пасквилей, которые бросали тень на королеву Анну, а также на знать и духовенство Англии". Эти "пасквили", как утверждалось в парламенте, были направлены на то, чтобы "посеять раздоры среди добропорядочных подданных... и вызвать смуту среди них"¹. Пять часов продолжались дебаты, в результате которых палата приняла решение: эсквайра Ричарда Стиля за написание и публикацию "скандальных и подстрекательских пасквилей" исключить из парламента. То был беспрецедентный в истории парламента случай, когда одного из его членов исключили только за то, что он осмелился в печати высказать свои суждения по поводу политики, проводившейся королевскими министрами.

Кто же был этот смельчак? Ричард Стиль (1672–1729) еще при жизни приобрел широкую известность как просветитель, драматург, памфлетист, как один из основателей английской журналистики. Философ Дж. Беркли высоко ценил "острый ум, природный здравый смысл, великодушие, талант организатора и особенную деликатность и легкость пера мистера Стиля"². Незаурядная личность, одаренный драматург, талантливый журналист Стиль проявил себя также как стойкий борец одной из соперничавших в то время на политической арене Англии партий – партии вигов. Вся его жизнь – это пример самоотверженного и бескомпромиссного служения своему делу. Став вигом, Стиль сохранил навсегда верность этой партии и избранным принципам и не согласился изменить им даже за выгодную должность и большое вознаграждение. Гражданское мужество, решительность, твердость убеждений, честность проявил скромный вигский журналист в неравной борьбе с королевскими министрами и правящей в стране партией тори. Таких смелых борцов за гражданские свободы нации было в те времена немного. Своей активной гражданской позицией Стиль заметно выделялся среди многих просветителей начала XVIII в. Этим он привлек наше внимание. Страницы истории, связанные с "делом" Стиля, представляются весьма актуальными для наших современников.

В России произведения Стиля были известны еще в XVIII в. Просветитель Н.Н. Новиков, ознакомившись с сатирико-нравоучительными журналами английского журналиста – "Тэтлер", "Спектейтор" и другими, – и сам стал выпускать подобные издания ("Трутень", "Пустомеля", "Кошелек"). На русском языке отдельные статьи из журналов Стиля появились в XIX в. Первое научное исследование о жизни и творчестве Р. Стиля, а также его друга и соратника по журналистской деятельности Дж. Аддисона было издано в начале XX в. Эта книга В. Лазурского и поныне продолжает оставаться в отечественной науке единственным исследованием творчества

¹ Parliamentary History of England from the Norman Conquest in 1066 to the Year 1803, v. VI. London, 1810, p. 1274.

² Aitken G.A. The Life of Richard Steele, v. 1. London, 1889, p. 370.

Стиля³. В зарубежной литературе о Стиле имеются два солидных биографических труда Дж. Эйткина и К. Уинтона⁴. Французский исследователь Ж. Беранже в книге "Литераторы и политика в Англии от революции 1688 г. до смерти Георга I" осветил идейные воззрения Стиля⁵. Ряд исследовательских статей о Стиле помещен в сборнике "Аддисон и Стиль. Критическое наследие"⁶. Но идейно-политические взгляды журналиста и просветителя Р. Стиля все еще недостаточно изучены зарубежными учеными, а в отечественной науке они вообще не являлись прежде предметом специального исследования. Между тем их изучение дает возможность не только лучше узнать личность одного из основателей английской журналистики, но и ближе познакомиться с идеологией раннего английского Просвещения.

Когда говорят о Просвещении как идейном движении в переходную от феодализма к капитализму эпоху, связанном прежде всего с борьбой буржуазии против феодализма, то на память чаще всего приходят имена великих французских мыслителей: Вольтера, Дидро, Руссо, Монтескье. Об английском Просвещении известно значительно меньше. Однако именно Англия стала родиной Просвещения (термины "Просвещение" и "просветители" во Франции вошли в обиход лишь в конце XVIII в., а поначалу выразителей идей Просвещения называли "философами"). До сего дня в зарубежной науке не утихают споры о том, что следует понимать под термином "Просвещение" и кого можно относить к просветителям⁷. На наш взгляд, именно передовая буржуазная идеология, направленная на борьбу как с пережитками феодализма, так и с отдельными негативными явлениями капитализма, объединяла в Англии сторонников просветительского движения. К последним принадлежал и английский журналист Ричард Стиль⁸. Детальное знакомство с его биографией, а также анализ взглядов и поступков журналиста позволят узнать немало нового еще об одной неизученной странице в истории века Просвещения. Основой настоящего очерка послужили материалы издававшихся Стилем журналов "Тэтлер", "Спектейтор", "Гардиан", "Инглишмен", а также ряд написанных им в начале XVIII в. памфлетов.

Ричард Стиль родился в марте 1672 г. в Дублине в семье небогатого ирландского адвоката. Он рано осиротел и был передан на попечение ближайшего родственника. В 19 лет Ричард поступил в колледж Чарт-хаус, где познакомился с Джозефом Аддисоном, которому довелось стать его верным другом, а позднее и соратником в журналистской деятельности. Их дружба продолжалась и в Оксфордском университете, куда Стиль поступил в 1689 г. Спустя пять лет он покинул стены университета и поступил добровольцем в гвардейский полк герцога Ормондского. В те времена получить офицерскую должность в английской армии можно было либо за деньги, либо заручившись поддержкой высокого покровителя. В конце 1694 г. скончалась от оспы супруга короля Вильгельма Оранского, королева Мария. Стиль тотчас откликнулся на это событие поэмой "На смерть королевы", которая явилась своеобразным панегириком королевским особам. Поэма не осталась незамеченной властями: очень скоро ее автор был произведен в офицеры. Быстро продвигаясь по служебной лестнице, Стиль к 28 годам дослужился до капитана. Тем не менее литературной деятельности не оставлял. Стиль продолжал писать стихи, сблизился с видными драматургами и писателями Англии: Конгривом, Свифтом, Аддисоном. Вскоре он издал поэму "Христианский герой", в которой вновь выражал свои верноподданнические чувства к королю

³ Лазурский В. Сатирико-нравоучительные журналы Стиля и Аддисона. Из истории английской журналистики XVIII в. т. I-II. Одесса, 1909-1916.

⁴ Aitken G.A. Op. cit.; Winton C. Captain Steele. The Early Career of Richard Steele. The John Hopkins Press, 1964.

⁵ Beranger J. Les Hommes de Lettres et la Politique en Angleterre de la Révolution de 1688 à la Mort de George 1-er. Bordeaux, 1968.

⁶ Addison and Steele. The Critical Heritage. London, 1980.

⁷ Подробнее об этом см.: Лабутина Т.Л. У истоков современной демократии. Политическая мысль английского Просвещения (1689-1714 гг.). М., 1994, с. 17-18, 45.

⁸ Ряд российских ученых (Н.М. Мещерякова, А.И. Петина) также причисляют Р. Стиля к просветителям: Просветительское движение в Англии. М., 1991, с. 35, 443-444.

Вильгельму. Спустя несколько месяцев появилась его комедия "Похороны, или Модная печаль", в которой также можно найти проявления верноподданнических чувств автора к королю. Через два года Стиль написал пьесу "Любовник-лжец, или Дамская дружба" и комедию "Нежный супруг". К 32 годам он уже стал известным драматургом, зачинателем нового типа сентиментально-нравоучительной комедии. В литературных салонах его имя называли в одном ряду с такими светилами, как Свифт, Дефо, Аддисон. Успех Стиля как драматурга, автора нравоучительных пьес привлек внимание вступившей на престол после смерти Вильгельма Оранского в 1702 г. королевы Анны. Она пожаловала Стилю должность камер-юнкера при своем супруге принце Георге, а также назначила его редактором правительственной "Лондонской газеты".

Весной 1705 г. Стиль женился. Его избранницей стала Маргарет Стренч, происходившая из семьи богатого вест-индского плантатора. Их брак продлился недолго: через два года Маргарет скончалась. Утешился Стиль быстро: через несколько месяцев он женился на приятельнице своей первой жены признанной красавице Мэри Скерлок. Ричард глубоко и нежно полюбил ее. Сохранилось множество писем и записочек, которые он посылал жене в немногие дни их расставаний. Эта переписка свидетельствует о взаимных глубоких чувствах любви и преданности обоих супругов. Леди Скерлок, происходившая из древнего знатного рода и являвшаяся единственной наследницей ирландского шерифа, не привыкла себе ни в чем отказывать. Поэтому, выйдя замуж за Стиля, она поставила дом на широкую ногу, продолжая вести расточительный образ жизни, что немедленно сказалось на финансовом положении семьи. Как отмечал биограф, именно расточительность супруги Стиля явилась причиной многих его финансовых затруднений⁹. Лазурский также признавал, что расходы Стиля "на устройство комфорта для обожаемой женщины" были столь велики, что никакие литературные заработки, ни новые должности не могли избавить его от долгов, от которых Стиль страдал до конца жизни¹⁰. Однажды он даже оказался в долговой тюрьме.

Кроме всего прочего, леди Скерлок не отличалась ангельским характером. Как свидетельствовал Свифт, супруга Стиля "самым постыднейшим образом помыкает им"¹¹. Нередко она ему читала нотации и бранила за то, что своей непрактичностью он разорял семью. И тем не менее Ричард продолжал с обожанием относиться к жене, подарившей ему двух дочерей и сына. Их брак продлился 11 лет. Когда же в 1718 г. супруга Стиля скончалась, Ричард горевал о ней до конца жизни.

Весной 1709 г. в Лондоне появился первый номер еженедельника "Тэтлер" ("Болтун"). Его редактором и главным автором был Стиль. Утверждали, что большое влияние на этот журнал оказал "Ревю" Дефо¹². В "Тэтлере" нередко печатались и друзья Стиля: Аддисон и Свифт. Материалы журнала касались социальной, общественной и культурной жизни Англии. В "Тэтлере" впервые Стиль стал выступать как просветитель. Свой журнал он основал для того, чтобы с его помощью "обнаруживать ложный образ жизни, срывать маску с коварства, тщеславия и лицемерия", а также "покровительствовать скромному, трудолюбивому; прославлять мудрого, храброго; поощрять доброго, благочестивого; нападать на бесстыдного, ленивого; высказывать презрение к тщеславному, трусливому; обезоруживать незаконного, нечестивого"¹³. На страницах журнала Стиль рассуждал о необходимости предоставления права на образование предстательницам "прекрасного пола". Он утверждал, что женщин следует уважать за их ум, а не только восхищаться их внешностью. Стиль высказывался о средневековой поэзии, восхищался пьесами Шекспира и произведениями поэта-республиканца XVII в. Джона Мильтона.

⁹ Aitken G.A. Op. cit., p. 225.

¹⁰ Лазурский В. Указ. соч., т. I, с. 50.

¹¹ Свифт Дж. Дневник для Стеллы. М., 1981, с. 38.

¹² Aitken G.A. Op. cit., p. 241.

¹³ Лазурский В. Указ. соч., т. I, с. 238, 240.

В начале 1711 г. на смену "Тэтлеру" пришел новый журнал "Спектейтор" ("Зритель"), в издании которого вместе со Стилем активное участие принимал Аддисон. Материал в этом журнале излагался в оригинальной форме: в виде различных дискуссий между пятью членами вымышленного клуба – помещиком, купцом, офицером, чиновником, священником. В издании отражалась расстановка политических сил в стране, освещалось экономическое положение классов и социальных слоев Англии, а также давалась характеристика общественному мнению по поводу внутренней и внешней политики, проводившейся торийским правительством. И в новом журнале Стиль продолжал, как и многие другие просветители, подвергать резкой критике различные негативные явления буржуазной действительности Англии. В поле критики журналиста попали члены армии. Зная о царивших в армии порядках не понаслышке, Стиль обвинял английских солдат, участвовавших в завоевательных войнах, которые вела в ту пору Англия (войны Аугсбургской лиги и за испанское наследство), в отсутствии сострадания к населению покоренных территорий. Несчастья жителей, оставшихся без крова, опустошение и мародерство в городах и деревнях неприятеля оставляли солдат равнодушными. Их мысли, писал Стиль, были направлены лишь на удовлетворение собственных appetites и интересов.

С долей иронии изобразил Стиль в журнале борьбу, которую вели партии тори и вигов. Упоминая о столкновениях в клубе помещика и купца, Стиль подразумевал под помещиком тори, отстаивавшего "земельные" интересы, а под купцом – вига, представлявшего "денежные" интересы, автор подчеркивал, что они настолько "умеренны в своих антагонизмах", что не заходят "дальше обоюдных шуток". Стиль осуждал партийные распри, охватившие все общество. Соперничество партий особенно было заметным в провинции, где оно приобрело, писал Стиль, "дух жестокости и грубой беспощадности"¹⁴. Стиль высказывал опасения, что "неистовый партийный дух" может привести к "гражданской войне и кровопролитию" в стране. Партийные распри "не только разрушают добродетель и разум и толкают к варварским отношениям друг с другом, но и вселяют в англичан враждебность, растравляют их души, передавая эти чувства и предубеждения их потомкам"¹⁵.

"Спектейтор" пользовался популярностью в стране. И хотя ежедневно расходилось до трех тысяч экземпляров журнала, его читатели требовали увеличения тиража. Свифт признавал, что "Спектейтор" "бывает весьма недурен"¹⁶.

В 1713 г. на смену "Спектейтору" пришло новое ежедневное издание Стиля и Аддисона – "Гардиан" ("Опекун"). Его издатели не могли остаться безразличными к событиям политической борьбы тех лет, поскольку сами являлись представителями партии вигов. В первом номере журнала Стиль писал: "Партии слишком сильны, чтобы было возможно оставить их без внимания", и поэтому он сам не может "остаться на нейтральной позиции"¹⁷. Постепенно журнал превратился в оппозиционный орган политики партии тори.

Политические размежевания в английском обществе становились день ото дня все ощутимее. Партийные разногласия превращали друзей во врагов. Примером тому явились взаимоотношения Стиля со Свифтом. Когда Свифт перешел на сторону партии тори, его дружбе со Стилем пришел конец. Со страниц "Гардиана" Стиль принялся критиковать статьи Свифта в журнале "Экзаминар". В ответ Свифт с негодованием заявил, что "порывает дружбу со своим старым знакомым и собутыльником Стилем"¹⁸. В одном из памфлетов с критикой в адрес вигов Свифт язвительно упрекал Стиля в том, что у него "нет изобретательности и он не владеет изрядным слогом, находясь всецело в руках дураков и бездельников". Свифта возмущало, "на каком

¹⁴ Steele R. Sir Roger De Coverley. Essays from the "Spectator". Boston, 1892, p. 117.

¹⁵ Ibid., p. 115, 119.

¹⁶ Свифт Дж. Указ. соч., с. 140.

¹⁷ Aitken G.A. Op. cit., p. 366.

¹⁸ Goldgar B.A. The Course of Party. Swift's Relations with Addison and Steele. Lincoln, 1961, p. 128–131.

основании Стиль дает советы министрам и самой королеве?.. Потому что он издавал "Болтуна", "Зрителя" и писал в "Опекуне"? Или потому, что он был солдатом, алхимиком, редактором официальной газеты, комиссионером штемпельного сбора с газет и камер-юнкером? Нет. По его мнению, всякий человек имеет право излагать "перед королевой и министрами" свои взгляды относительно их ошибок и указывать опасности, которые он, конечно, видит, а министры не видят. Он, имевший близкое общение с низшим классом людей, думает, что "знает свет" не хуже первого министра, и на этом основании хочет непременно руководить Ее Величеством в важнейших государственных делах"¹⁹.

Менее известные и заурядные писаки обвиняли Стиля во взяточничестве, расточительном образе жизни, в том, что он будто бы оставляет на содержание государства своих незаконнорожденных детей, что у него нет "ни благородства, ни чести, ни политических убеждений"²⁰.

Но в отсутствии политических убеждений обвинять Стиля было по меньшей мере несправедливо. Его политические взгляды, на рассмотрении которых мы ниже остановимся, подтверждали, что Стиль всегда стоял на позициях вигов. Как и большинство членов этой партии, Стиль считал, что государственная власть имеет "договорное" происхождение. Он утверждал, что королева "восседает на троне, как и ее предшественники, и пользуется привилегиями и почестями на основе договора", заключенного между правителем и народом. Этот договор считается одинаково священным как для правителя, так и для "самого низкороджденного его подданного"²¹. Правда, Стиль расходился со многими вигами в вопросе о том, кто являлся основателем государственной власти. Если виги Дж. Локк и Д. Дефо считали, что первый король получил власть от народа, то Стиль утверждал, что "основателем и создателем всех правлений" был Бог²².

В отношении предпочтительной формы правления Стиль был единомышлен с другими вигами. Для него лучшей, "несравненной" формой правления являлась ограниченная монархия. "Очень хорошо известно, – писал Стиль, – что монархия, когда ее подкупают, вырождается в тиранию, аристократия в олигархию, а демократия склонна к волнениям и беспорядкам. И потому, чтобы устранить опасность, которая может возникнуть от каждой из них в отдельности, изобрели смешанную форму правления, которая означает правление короля, лордов и общин"²³. Стиль сравнивал британскую конституцию с "прекрасной фигурой в архитектуре" – пирамидой, основание которой – это народ, середина – знать, а вершина – монарх. Стоит отнять у пирамиды основание, "как она потеряет свою красоту и силу, если же поставить ее на вершину, она рухнет под тяжестью собственного веса, но если ее поставить на основание, то не будет ничего более красивого и прочного, и чем шире ее основание, тем прочнее она будет стоять"²⁴.

Правитель, король при конституционной монархии, должен быть, по мнению Стиля, прежде всего "хорошим человеком, во все вникающим и связанным священной клятвой в том, что врученная ему власть будет направлена на служение обществу"²⁵. Король обязан управлять народом в соответствии со статусами, одобренными парламентом, и не вправе самолично издавать законы. Он должен поддерживать протестантскую религию как установленную законом и вообще быть "другом", "покровителем" так же, как и сувереном для всех людей. Взгляды Стиля на моральные качества правителя носили просветительский характер. Стиль был уверен, что большое значение для правителя имеет мнение подданных о его личных качествах:

¹⁹ Лазурский В. Указ. соч., т. II, с. 298–300.

²⁰ Aitken G.A. Op. cit., p. 411–412.

²¹ The Englishman. A Political Journal by Richard Steele. Oxford, 1955, p. 23, 130–131.

²² Ibid., p. 232.

²³ Ibid., p. 114.

²⁴ Ibid., p. 184.

²⁵ Ibid., p. 15.

скромности, мудрости, справедливости, доблести, доброте, искренности, патриотизме и т. д. Он считал, что как только отношение подданных к правителю изменится в худшую сторону, так его власть придет к концу²⁶.

Власть короля над народом Стиль сравнивал с властью отца над семьей, заявляя, что "семья является своего рода маленьким королевством, а королевство большой семьей". Он был уверен, что король как "отец нации" должен относиться к подданным с той же заботой и вниманием, как и отец в семье относится к своим домочадцам. Примечательно, что взгляды Стиля напоминали отдельные положения известной "патриархальной" теории Роберта Фильмера²⁷, которую использовала в политической борьбе в эпоху Реставрации (1660–1688 гг.) партия тори.

Сторонник ограниченной монархии Стиль выступал против деспотической власти правителя. Когда правитель "перестает быть отцом для своего народа, предпочитая деспотическое правление, и совершает действия, противоречащие интересам народа", то это вызывает ненависть народа к правительству и стремление при первой же возможности от него избавиться. Стиль подчеркивал, что деспотическое правление лишает правителя любви и уважения народа, усиливая недоверие к нему, и может вызвать "самые плачевные последствия". Подчинение народа власти деспота, подчеркивал Стиль, достигается только с помощью террора, казней, тюремных заключений. Единоличная власть правителя является "чистой тиранией", поддерживаемой приближенными и фаворитами тирана. "Жить при таком правлении – значит испытывать неизмеримые страдания", – заключал Стиль²⁸.

Как и большинство вигов, Стиль выступал за необходимость сопротивления тиранической власти правителя. Обращаясь к событиям Славной революции 1688–1689 гг., Стиль подчеркивал, что все, кто проповедовал пассивное подчинение и непротивление деспотической власти Якова II Стюарта, были спасены только благодаря их сопротивлению этому тирану. Стиль одобрял принятую королем Вильгельмом Декларацию прав, считал, что в ней признавалось "справедливым возмущение народа тиранией" и утверждалась "законность" сопротивления деспотической власти. Стиль был убежден, что не может быть никакой свободы там, где нет права на ее защиту, и призывал сограждан объединять усилия для уничтожения власти тиранов²⁹.

Стиль был убежден в том, что для обеспечения безопасности англичан, сохранения их собственности и свобод необходимо укреплять "достоинство и власть парламента". Сторонник усиления власти парламента, в особенности его нижней палаты, Стиль в то же время признавал необходимым соблюдение принципа "равновесия сил" (короля и парламента) в управлении государством. Он подчеркивал, что каждая из сторон имеет свою сферу деятельности, и если они объединяют свои усилия, то управление страной осуществляется "с легкостью", и конституция сохраняется. Но стоит одной из сторон вмешаться в дела другой, как заведенный порядок тотчас нарушается, а конституция "впадает в конвульсии"³⁰.

Чтобы парламент должным образом исполнял свои функции, следует с большим вниманием относиться к кандидатурам депутатов, избираемых в палату общин. Стиля возмущало, как порой совершенно "невежественные во многих вопросах люди" претендуют на право издавать законы не только для своего графства, но и для всей страны. Он писал: "Когда претенденты предлагают свои кандидатуры для служения

²⁶ Ibid., p. 129.

²⁷ Роберт Фильмер (1588–1653) во время революции середины XVII в. написал трактат "Патриарх, или естественная власть королей", в котором отстаивал теорию превосходства абсолютной монархии над ограниченной. Сравнивая власть короля над народом с властью отца над семьей и считая, что власть отца над детьми неограничена, он приходил к заключению о том, что созданная по ее образу королевская власть также должна быть неограниченной.

²⁸ Steele R. The Crisis. London, 1714, p. V–VI.

²⁹ A Defence of the Crisis, Written by Mr. Steele. London, 1714, p. 4.

³⁰ The Englishman, p. 115.

стране, разумно поинтересоваться, каким образом они это намерены делать и смогут ли они с должным вниманием отнестись к свободам и благополучию нации"³¹.

Большое зло, представляющее угрозу для существования парламента, да и конституции в целом, Стиль усматривал в практике подкупа и взяточничества, распространенных в ту пору в английском парламенте. Выступая как-то в парламенте, журналист с гневом обрушился на тех, кто был замешан в коррупции. "Многие из вас попали в эту палату для того, чтобы поправить свое финансовое положение, – заявлял он. – Но продажа голосов вопреки интересам своего графства, а нередко и вопреки разуму и совести, является наихудшим видом проституции". Стиль считал, что подкуп и коррупция разрушают конституцию. И потому очевидно, что "умелый разрушитель страны" сможет добиться своей цели, открыто не нападая на нее, но лишь "поощряя дебоши и подкуп отдельных ее представителей с тем, чтобы прибрать все к рукам"³².

Большую ответственность в делах государственного управления Стиль возлагал на министров. Он был убежден, что король не может "дурно поступать" и что министры, а не правитель, ответственны за все злоупотребления власти. Обращаясь к событиям гражданской войны в Англии, журналист подчеркивал, что если бы король Карл I всю вину за недочеты в правлении переложил на плечи своих министров и судей, посоветовавших ему собирать "корабельные деньги" без согласия парламента, то, возможно, убийства "несчастливого правителя" и не произошло. Стиль усматривал причину всех несчастий в королевстве, во время которых "текли потоки крови народа", именно в "плохих" министрах. Такие министры, окружая правителя, "ставили свои амбиции превыше законов и всевозможными уловками связывали руки слабых, молчаливых подданных, а не величественного монарха". В результате, "бесчестно добившись усиления своей власти больше, чем допускал закон, – писал на страницах журнала "Инглишмен" Стиль, – министры ставили правителя и народ в затруднительное положение, вызывая ревностные чувства и недоверие друг к другу"³³. Такие заявления вигского журналиста вряд ли могли прийти по вкусу министрам из правящей партии тори.

Стиль защищал гражданские свободы. Под "свободой" он понимал "счастье людей жить под действием законов, созданных с их личного согласия или с согласия их представителей в парламенте"³⁴. Стиль тесно связывал понятие "свободы" с собственностью, что было характерным для большинства буржуазных идеологов XVII–XVIII вв. "Свобода и собственность – это составляющие счастья, за которые честный и благородный человек должен сражаться, пока жив, и с радостью умереть, защищая их", – восклицал он³⁵. Высоко ценил Стиль свободу слова. Распространяя ее действие на депутатов парламента, он заявлял: "Свобода слова является существенной частью великой привилегии каждого члена палаты общин"³⁶. Однако в том, что такая привилегия может оказаться на деле фикцией, Стилю пришлось вскоре убедиться на собственном опыте. Горячо поддерживал просветитель также свободу совести, считая "незаконным" лишение людей возможности выбора религии. Как и все виги, он защищал протестантских диссентеров (сектантов, вероотступников от англиканской церкви), и когда тори приняли в 1714 г. закон о схизме (расколе), запрещавший обучение детей диссентеров без принятия ими причастия по канонам англиканской церкви и требовавший закрытия учебных заведений диссентеров, Стиль открыто выступил с его осуждением. Он утверждал, что этот закон "в довольно искусной манере" лишает диссентеров веротерпимости, которую им в свое время предоставил король Вильгельм Оранский, и он направлен на то, чтобы лишить

³¹ Ibid., p. 36.

³² A Speech Supposed to Be Spoken by R. Steele, Esq. at the Opening This Parliament (далее – A Speech by R. Steele). London, 1714, p. 7.

³³ The Englishman, p. 105.

³⁴ Steele R. The Crisis, p. I.

³⁵ The Englishman, p. 76.

³⁶ Speech by R. Steele, p. 6.

диссентеров их "прирожденных прав" как религиозных, так и гражданских. Просветитель усматривал в этом "проявление насилия"³⁷. Закон о схизме он называл "жестоким", поскольку, согласно ему, диссентеры попадали под власть должностных лиц, самовольно решавших судьбу их собственности и образования их детей. Стиль полагал, что с той поры, как диссентеры получили веротерпимость, они стали вести такой же образ жизни, как "лучшие и наиболее благонадежные граждане" Англии, и потому принуждать их к конформизму по отношению к англиканской церкви – значило "нарушать их природные права", что вообще противоречило всякому здравому смыслу³⁸. Поэтому Стиль ставил под сомнение возможность подчинения такому закону. Столь открытая демонстрация взглядов, в корне противоречащих религиозной политике правящей партии тори, да и самой королевы, стойкой приверженницы англиканской церкви, не прошла для Стиля даром. Странники "высокой" церкви были готовы расправиться с неугодным журналистом и только дожидались удобного случая.

Примечательно, что, защищая свободу совести, Стиль в то же время критически относился к последователям атеизма и деизма. На страницах "Тэтлера" он писал о той антипатии, которую испытывал "ко всякому неверующему, называл ли тот себя деистом, атеистом или свободомыслящим"³⁹. Журналист наделял "свободомыслящих" самыми нелестными эпитетами, называя их "надутыми болванами", "язвами общества", "нахальными недоучками", "врагами мира и счастья вселенной", "страшными животными" и т. п.⁴⁰. Как видно, в вопросе о свободе совести просветитель был противоречив. С одной стороны, он ратовал за предоставление всем людям права выбора религии по своему усмотрению, а с другой – тотчас же обрушивался с упреками на тех, кто пытался этим правом воспользоваться. Подобно большинству буржуазных идеологов, Стиль видел в атеизме угрозу не столько догматам англиканской церкви, сколько существующему строю, поэтому всячески противился их распространению в стране.

Стиль не просто выражал взгляды вигов на страницах своих журналов и памфлетов. Он был сознательным проводником идеологии этой партии. Выступая в парламенте, Стиль заявлял: "Я – виг и послан сюда этой партией"⁴¹. Он поддерживал самые тесные связи с руководством партии, а за статьи, напечатанные в "Инглишмене", который начал издавать с осени 1713 г., и памфлет "Кризис", направленный против политики правящей партии, Стиль получил от лидеров вигов приличное вознаграждение. И тем не менее перо вигского журналиста никогда не было продажным, хотя попытки привлечь Стиля на сторону тори были предприняты премьер-министром от партии тори Робертом Харли. Последний хорошо понимал, сколь велико значение прессы в политической борьбе. Именно поэтому он стремился приблизить к себе самых известных в ту пору в Англии писателей, публицистов, журналистов. Ему удалось привлечь на свою сторону Свифта, Дефо, однако со Стилем произошла осечка. В дневнике Свифт, который являлся посредником между Харли и Стилем, писал, что Стиль был смещен «за то, что несколько месяцев тому назад напечатал "Тэтлера", направленного против мистера Харли"⁴². И действительно, в одном из номеров журнала Стиль весьма нелицеприятно отозвался о премьер-министре, заявив, что тот относится к таким людям, которые "не только не стыдятся порока, но даже щеголяют им. Когда он сидит в своем кабинете и ничего не делает, все думают, что он строит козни... Он вечно заботится о том, чтобы его считали самым коварным из людей, и

³⁷ A Letter to a Member of Parliament Concerning the Bill for Preventing the Growth of Schism. – Tracts and Pamphlets by Richard Steele. Baltimore, 1944, p. 245–246.

³⁸ Ibid., p. 250.

³⁹ Лазурский В. Указ. соч., т. I, с. 343–344.

⁴⁰ Там же, с. 356.

⁴¹ A Speech by R. Steele, p. 7.

⁴² Там же, с. 31.

боится обвинения в недостатке ума"⁴³. При этом он добавлял, что именно Харли назначил Стиля на эту должность, увеличив к тому же его жалование с 60 до 300 ф. ст. Поступок Стиля Свифт расценил как "дьявольскую неблагодарность". Оба литератора еще находились в дружеских отношениях и нередко проводили вместе вечера в кофейнях "за чашей пунша". Поэтому Свифт предпринял попытку наладить отношения своего приятеля с Харли. Он "настойчиво упрасивал мистера Харли сохранить за Стилем хотя бы его вторую должность (комиссара по сбору гербовых пошлин) и оказать ему некоторое снисхождение". И вот, "в угоду мне, – писал Свифт в дневнике, – мистер Харли выразил согласие и назначил Стилю свидание; Стиль изъявил величайшую готовность явиться, однако он не только не соизволил прийти, но и не прислал никаких извинений. Было ли это оплошностью, глупостью, дерзостью или проявлением партийной злобы, судить не берусь, однако я никогда больше не стану хлопотать о нем"⁴⁴. Отказавшись явиться к премьер-министру для переговоров, Стиль тем самым явно задел самолюбие Харли. При встрече со Свифтом он не удержался с укоризной напомнить о своей готовности помириться со Стилем и о том, что журналист так и не подумал явиться к нему на прием. Злопамятный Харли не забыл о "неблагодарности" Стиля и только выжидал случая, чтобы расправиться с гордым упрямым. Летом 1712 г. до Свифта дошли слухи о готовящейся кампании против Стиля, что следует из записи, сделанной в дневнике: «Видимо, недалек тот час, когда он (Стиль. – Т.Л.) потеряет свою должность, потому что в последнее время был очень уж дерзок в своем "Спектейторе"»⁴⁵.

Критические высказывания Стиля были направлены не только в адрес министров-тори. Стиль осмелился выступить даже против действий самой королевы. Когда королева Анна издала указ о введении в палату лордов 12 новых пэров-тори с тем, чтобы они могли оказать противодействие вигам и тем самым добиться проведения в парламенте "торийского" курса во внутренней и внешней политике страны, один из членов палаты – виг лорд М. Уортон – счел подобное "введение в пэры" незаконным и в знак протеста вышел из палаты. Стиль одобрил поступок лорда и опубликовал "Письмо сэру Уортону", в котором расценил "введение в пэры по случаю" как "новшество, таящее опасность для королевы и ее подданных". Стиль полагал, что столь "массовое производство в пэры" является "оскорблением прерогативы", особенно, если учесть, что эти люди не всегда обладают необходимыми "для введения в пэры" заслугами. Введение в палату новых пэров "по случаю", по мнению Стиля, создавало "порочную" практику для законодателей, поскольку "добрые намерения знатных патриотов, готовых с честью и беспристрастием выполнять свой долг по отношению к своему правителю и стране... могут быть уничтожены группой людей, введенных в палату перед обсуждением какого-либо законопроекта". Стиль высказывал опасения, что если такие действия в будущем не будут предотвращены законом, то конституции грозит неминуемая гибель⁴⁶.

Летом 1713 г. Стиль объявил о своем решении баллотироваться от небольшого городка Строкбридж. И как только его избрали в парламент, тори тотчас начали открытое наступление на вигского журналиста. В журнале "Экзаминар" появилась статья, автор которой сетовал, что редактор "Гардиана", посмеявшийся затронуть королеву, а также честь других известных людей страны, продолжает оставаться безнаказанным. Он призывал исключить Стиля из парламента. Через две недели появился другой памфлет, в котором палате общин прямо предлагалось рассмотреть вопрос об "оскорбительном, вероломном, бунтарском и абсурдном" поведении Ричарда Стиля⁴⁷. Все обвинения, выдвинутые авторами этих и других памфлетов, в большом количестве появившихся в те дни, Стиль отвергал. "Эти писаки будут склонять меня,

⁴³ Цит. по: Лазурский В. Указ. соч., т. II, с. 276.

⁴⁴ Свифт Дж. Указ. соч., с. 31, 64.

⁴⁵ Там же, с. 318.

⁴⁶ Steele R. A Letter to Sir M. Warton Concerning Occasional Peers. – Tracts and Pamphlets..., p. 74–76.

⁴⁷ Aitken G.A. Op. cit., p. 397.

поскольку я их товарищ по перу, – писал он в "Гардиане", – но я не могу быть безразличным, когда они оскорбляют во мне честь и достоинство"⁴⁸.

Развернутая партией тори кампания против Стиля набирала силу. Биограф Стиля К. Уинтон утверждал: "Не вызывает сомнения, что решение министров исключить Стиля из парламента было задумано вскоре после его выборов и что он знал об этом"⁴⁹. Один из членов партии тори П. Ветуорт в своих заметках писал, что "Стиля следует вышвырнуть из палаты". Об этих слухах, муссировавшихся в партийных и парламентских кругах, сообщали также Д. Дефо и известный поэт А. Поп. Наконец, в личных бумагах Харли сохранилась следующая запись: «Мы заслушали информацию о случаях подкупа во время выборов, две петиции имеются против автора "Гардиана", так что его присутствие в палате может оказаться не таким продолжительным, как некоторые того ожидают»⁵⁰.

Между тем поток анонимных памфлетов, направленных против Стиля, нарастал. С одним из таких памфлетов выступил Свифт, который ставил в упрек журналисту скорее его личные слабости, нежели политические убеждения. Свифт упоминал "низкое происхождение" Стиля и его "жизнь не по средствам". В резкой форме он высказался также о его "пристрастии к вину", утверждая, что не знает "общества, докучнее этого господина, пока он не осушит хотя бы одну бутылку"⁵¹. Стилю, как и всем смертным, были свойственны некоторые человеческие слабости.

Несмотря на поток обвинений, обрушившихся на журналиста, Стиль не терял мужества и не сдавался. В новом журнале "Инглишмен" он обсуждал самые различные вопросы политики правительства, продолжая по-прежнему критически высказываться о министрах-тори. В январе 1714 г. увидел свет знаменитый памфлет "Кризис", 40 тыс. экземпляров которого мгновенно разошлись по стране.

В этом памфлете Стиль обращался к событиям Славной революции, в результате которых была уничтожена "тирания" Якова II. "Наша религия, жизнь, свобода и собственность находились в опасности в правление Якова II, – писал он. – Мы были спасены от деспотической власти католического правителя Славной революцией и незабвенным королем Вильгельмом"⁵². Стиль призывал сограждан не забывать имя своего освободителя и само освобождение. Он указывал на те права и привилегии, которые Славная революция принесла англичанам. Теперь протестантские подданные вправе иметь оружие для своей защиты от тирании; выборы в парламенте проводятся свободно; свободы слова, дебатов и собраний в парламенте гарантируются. В то же время объявлялось незаконным: издание актов без согласия парламента, подача петиций в парламента "с подстрекательскими целями"; содержание постоянной армии в королевстве в мирное время без согласия на то парламента, а также разорительные штрафы и жестокие наказания⁵³.

Поскольку в то время в Англии в партийной борьбе большое место занимал вопрос о судьбе английского трона в случае смерти королевы Анны, не имевшей прямых наследников, Стиль высказал свои суждения и по этому поводу. Как и большинство вигов, он защищал протестантское престолонаследие и потому призывал англичан "ради сохранения королевы, религии страны, свобод и собственности" поддержать протестантское престолонаследие дома Ганноверов⁵⁴. В содержании памфлета Стиля трудно найти какую-либо крамолу против правительства, однако именно данное произведение наряду с рядом других его памфлетов было инкриминировано ему парламентом.

16 февраля 1714 г. открылась сессия парламента. Среди его депутатов был и

⁴⁸ Ibid., p. 399.

⁴⁹ Winton C. Captain Steele. Baltimore, 1969, p. 181.

⁵⁰ Ibidem.

⁵¹ Свифт Дж. Указ. соч., с. 38.

⁵² Steele R. The Crisis, p. 2.

⁵³ Ibid., p. 4–5.

⁵⁴ Ibid., p. 34, 36.

Ричард Стиль. С первых же дней своего пребывания в парламенте он почувствовал недоброжелательное отношение к себе со стороны ряда депутатов. Позднее, вспоминая эти дни и последовавшие за ними события, Стиль писал: "Дурное расположение ко мне проявилось с первых же дней сессии, и все, что произошло со мной, явилось завершением того, что готовилось заранее"⁵⁵.

Когда Стиль начал выступать в парламенте об избрании спикера палаты общин, в зале поднялся шум, раздались крики: "Болтун! Болтун!". Стилю мешали говорить, но он невозмутимо продолжал свою речь. Он заявил, что по праву долга депутата считает необходимым поставить в известность королеву о злоупотреблениях в стране и, в особенности, о "подкупленном министерстве". При дворе все еще закрывают глаза на поступки премьер-министра и его приближенных, пекущихся о собственном благе. В то же время немногие патриоты, "защитники интересов страны", не решаются смело вскрыть злоупотребления министров из-за "возможных осложнений в будущем", либо потому, что "подкуплены хорошим жалованьем или должностями"⁵⁶. Стиль заявлял, что высоко ценит "священные доктрины" о свержении правительства, презревшего клятву и нарушившего доверие народа, и призывал немедленно устранить злоупотребления министров. Когда журналист закончил свою речь, в палате раздались язвительные выкрики: "Писака! Он думает, так-то просто выступать в парламенте!"⁵⁷.

Желая избавиться от неуютного и опасного депутата, тори спешно принялись стряпать против Стиля "дело". Из министерства в парламент была доставлена бумага, которая гласила: "Несмотря на все меры, принятые организаторами выборов, многие убежденные враги министерства оказались избранными в парламент. Среди них самый несносный – мистер Стиль, он в нескольких печатных произведениях обсуждал политику правительства с чрезвычайной смелостью как выразитель интересов всей вигской партии. Поэтому все министры... сошлись в едином мнении: предпринять все возможные меры, чтобы исключить его из парламента"⁵⁸. Это послание послужило своего рода сигналом к началу прямой атаки против Стиля. 11 марта в палате общин выступили члены палаты от партии тори: Т. Хангерфорд, М. Фоли, У. Уандхем. Они упрекали Стиля в написании им памфлетов, содержащих "несправедливые измышления против королевы" и наполненных "мятежным духом". Стиль в этот день не присутствовал в палате, что следует из его письма к жене: "Дорогая! Я хочу сообщить тебе, что лорд Галифакс (один из лидеров вигов. – Т.Л.) посоветовал мне не являться в парламент, чтобы первая атака против меня прошла в мое отсутствие... Но я полагаю, что они начнут против меня весьма неблагоприятную и бесчестную кампанию, и только Бог не позволит им обидеть безвинного"⁵⁹.

На следующий день депутат палаты общин премьер-министр Харли зачитал в палате обвинение против Стиля. Оно было основано на том, что при написании ряда своих произведений журналист допустил выпады, направленные "к антиправительственной агитации, бросающие тень на Ее Величество и обвиняющие ее администрацию и правительство"⁶⁰. Стилю было приказано явиться в палату на следующее утро. На утреннем заседании палаты присутствовали не только ее члены, но и многие любопытные зрители, прознавшие про "дело" Стиля. Были зачитаны отдельные отрывки из опальных произведений журналиста. Ряд выступивших депутатов от партии тори вновь указали на их "враждебный и мятежный дух". Виг Дж. Краг робко попытался вступить за Стиля, но его тотчас прервали. Наконец, предоставили слово обвиняемому. Стиль поднялся и обратился к спикеру со следующей речью: "Господин спикер! Я опубликовал несколько книг и памфлетов с искренними чувствами и благими

⁵⁵ Mr. Steele's Apology. – Tracts and Pamphlets..., p. 292.

⁵⁶ A Speech by R. Steele, p. 6, 7.

⁵⁷ Mr. Steele's Apology, p. 294.

⁵⁸ Parliamentary History..., p. 1266.

⁵⁹ Ibidem.

⁶⁰ Mr. Steele's Apology, p. 294.

намерениями послужить нашей королеве и стране... церкви и государству и в особенности протестантскому дому Ганноверов. Я заявляю перед палатой, что защищаю каждого подданного этого королевства"⁶¹. Стиль попросил отсрочку для подготовки речи в свою защиту. Палата общин пошла навстречу, и дальнейшее слушание его дела отложили на неделю. 18 марта в палате общин Стиль вновь занял место на скамье подсудимых. В течение трех часов он по пунктам отвечал на обвинения, предъявленные ему на основании отдельных выдержек из его произведений, которые заранее в печатном виде были розданы каждому депутату. Стиль выражал недоумение, "каким образом многие авторы, которые пишут с рвением о вопросах, считающихся изменческими в соответствии с законами парламента, счастливо избегают внимания законодателей. В то же время писатели, объявляющие себя защитниками министерства и проникающие в тайны правления, а в действительности являющиеся первыми агрессорами, поскольку публикуют фальшивые доклады", не только не наказываются, но напротив – поощряются правительством"⁶². Стиль заверил всех присутствующих, что в памфлетах "не нарушил ни одного из существующих законов страны". "Случай со мной совершенно экстраординарный, – продолжал он, – поскольку я наказан палатой общин, свобода слова в которой является существенной привилегией, за высказанные убеждения, совершенно не являющиеся криминальными"⁶³. Стиль полагал, что его "дело" является всего лишь "памфлетной войной" между двумя лицами – Стилем и Харли, каждый из которых считает, что за ним его партия"⁶⁴.

Когда Стиль закончил свою речь и удалился, в палате начались жаркие дебаты. Депутат от партии тори Фоли заявил, что незачем устраивать длительные прения, поскольку и без того совершенно ясно, что произведения Стиля являются "скандальными, подстрекательскими и оскорбительными" по отношению к правительству, Ее Величеству и церкви. С большой яркой речью в защиту Стиля выступил виг Р. Уолполь (ставший в правление Георга I премьер-министром). Он расценил "дело" Стиля как "экстраординарное и насильственное разбирательство", нарушающее свободы как всех подданных, так и депутатов палаты. Уолполь оправдывал Стиля и выражал надежду, что палата "не принесет в жертву одного из своих членов, виновного всего лишь в том, что он как хороший патриот указал на плохое правление министров"⁶⁵. Уолполя поддержали многие виги, однако партия тори сумела одержать верх и большинством голосов (245 против 152) провела в палате решение об исключении Р. Стиля из парламента. На этом "дело" вигского журналиста Ричарда Стиля закончилось.

Палата общин легко рассталась с одним из своих членов не только потому, что тот допустил критические высказывания в адрес торийских министров, но и потому, что, как подчеркивал биограф Стиля К. Уинтон, Стиль заметно отличался от большинства депутатов, уступая им в знатности, богатстве, связях. Да, Стиль был широко известен как журналист и являлся неординарным членом палаты общин, однако он не был знатным. К тому же у него не было "семейных интересов", а большинство членов обеих партий "черпали свои силы и влияние именно через семейные связи, позволяющие им становиться политическими лидерами". Вот почему Стиль стал в парламенте "своеобразной мишенью" для аристократов. По-видимому, карьера Стиля как депутата парламента была предreshена с самого начала.

"Дело" вигского журналиста Р. Стиля свидетельствовало, что провозглашенная английской буржуазией свобода слова порой оборачивалась фикцией для каждого, кто осмеливался выступать с критикой в адрес власть предержащих. В этой связи уместно напомнить замечание К. Маркса о том, что в буржуазном обществе полной свободой

⁶¹ Ibidem.

⁶² Ibid., p. 229.

⁶³ Ibid., p. 337–338.

⁶⁴ Ibid., p. 301.

⁶⁵ Parliamentary History..., p. 1269, 1272–1274.

слова пользуется только правительство⁶⁶. И "дело" Стиля полностью подтвердило это.

Как же сложилась дальнейшая судьба отважного журналиста? Вступивший на престол в 1714 г. король Георг I Ганноверский, благоволивший к вигам, предоставил Стилю ряд должностей, которые приносили ему немалый доход. Стиль побывал и смотрителем королевских конюшен, и мировым судьей, и директором королевского театра, и уполномоченным по конфискации имущества шотландских мятежников. Дважды (в 1715 и 1722 гг.) он снова избирался в парламент. Активная политическая деятельность Стиля не мешала продолжать ему заниматься литературным ремеслом. Он написал еще ряд пьес, одна из которых ("Сознательные любовники") имела шумный успех у публики. Возобновил Стиль и свою работу над изданием политических журналов: в 1715 г. вышли в свет 38 номеров второй серии "Инглишмена", появились новые журналы "Таунток" ("Городская молва") и "Плебей". Теперь в них журналист выступал с ортодоксальных позиций, поскольку защищал правящую партию вигов. Правительство одобряло подобную деятельность: летом 1715 г. Стиль получил от премьер-министра Р. Уолполя солидное денежное вознаграждение в 500 ф. ст.

Однако удача, сопутствовавшая Стилю в литературных занятиях, изменяла ему в коммерческих предприятиях, в которые он время от времени пускался со свойственной ему непрактичностью и легкомыслием. Так он увлекся проектом по доставке живой рыбы из Ирландии на рынки Лондона, но эта затея очень скоро потерпела крах, и Стиль понес серьезные убытки. После смерти жены Стиль заметно сдал. Его здоровье резко ухудшилось. Чтобы подлечиться, он поехал на воды в знаменитое курортное местечко Бат. Здесь его настигло новое печальное известие: трагически погиб единственный сын. В Лондон Стиль решил больше не возвращаться, а вскоре совсем отошел от политической и литературной деятельности. Через два года он перенес паралич. 1 сентября 1729 г. Стиль скончался в небольшом местечке Кармартене. Так завершилась жизнь одного из видных деятелей раннего английского Просвещения.

⁶⁶ *Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 55.*

В.А. ДУНАЕВСКИЙ, И.А. НИКИТИНА

СЕРГЕЙ БОРИСОВИЧ КАН (1896–1960)

Сергей Борисович Кан родился 17 июля 1896 г. в Терийоках, где семья Бориса Николаевича Кана – преуспевающего петербургского адвоката – жила на даче. Б.Н. Кан был человеком хорошо образованным, знавшим иностранные языки и обладавшим недюжинными ораторскими способностями, столь необходимыми для столичного юриста¹. Еврей по происхождению, он, как и многие интеллигенты того времени, принял православие.

Жена Бориса Николаевича, Евгения Фелициановна, происходила из обедневшего католического польско-литовского шляхетского рода Ходасевичей. Она, как и ее муж, тоже приняла православие. Красавица Евгения Фелициановна была очень образованна, умна, владела иностранными языками, интересовалась искусством. Она обожала своих детей – сына Сергея и двух дочерей Таню и Нину, уделяла большое внимание их воспитанию. Горячую любовь к матери Сергей Борисович сохранил на всю жизнь.

С детских лет Сергей и его сестры систематически изучали иностранные языки. Обучением детей французскому и немецкому языкам занимались гувернантки и бонна, нанятые супругами Кан. Учителя и воспитатели жили вместе с Канами в их большой квартире в Санкт-Петербурге.

Начальное образование Сергей получил в петербургской немецкой протестантской школе Святых Петра и Павла. После переезда семьи в Москву большое влияние на формирование личности и взглядов Сергея оказали либеральные учителя частной московской гимназии Флерова (ныне 110-я школа), а позднее, в юношеские годы, – близкий по возрасту к племяннику младший брат Евгении Фелициановны Владислав Ходасевич, впоследствии известный литератор, увлекавшийся искусством, театром, разделявший либеральные взгляды и осуждавший левый экстремизм. И, как писал одному из авторов этой статьи сын Сергея Борисовича Александр Сергеевич Кан², "до революции особенно В[ладислав] Ф[елицианович] Ходасевич, часто гостивший в семье, любимец общий" стал и другом, и наставником Сергея. "Отсюда – любовь к русской классике, поэты любимые у С[ергея] Б[орисовича] кончались Блоком, Есениным, Ахматовой и самим Ходасевичем"³.

Счастливое, безоблачное детство Сергея миновало. А его юные годы оказались трудными и тревожными. Семью постигло несчастье – у отца появились признаки психического расстройства. Несмотря на то, что его упорно лечили, болезнь быстро прогрессировала, и вскоре он скончался. Это произошло в Пятигорске в 1916 г. Уход из жизни отца усугубился объективными обстоятельствами: Россия, находившаяся в огне первой мировой войны, вступила в труднейший 1917 г. После Февраля 1917 г. С.Б. Кана направили в школу прапорщиков.

¹ См. наиболее обстоятельный очерк о С.Б. Кане: *Алексеев-Попов В.С.* О научной и педагогической деятельности С.Б. Кана (1896–1960). – Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1961, № 1, с. 176–183; см. также: *Кан А.С.* Сергей Борисович Кан (1896–1960). Биобиблиографический указатель. М., 1993.

² Письмо А.С. Кана В.А. Дунаевскому от 17 июля 1996 г. – Архив автора.

³ Там же.

Вследствие тягот военного времени, социальных противоречий и политической борьбы положение в стране стало еще более напряженным и неустойчивым. Октябрьская революция 1917 г. усилила все эти тенденции. Общество расколосось.

В 1918 г. Евгения Фелициановна вместе с младшей дочерью Ниной и бывшим помощником мужа – обрусевшим немцем, адвокатом Николаем Георгиевичем Нидермиллером – покинула Петроград и уехала в Крым, а затем через Константинополь и Берлин в Париж. Там она вскоре вышла замуж за Н.Г. Нидермиллера. Он удочерил младшую сестру Сергея Борисовича. В годы немецко-фашистской оккупации Парижа это спасло обеих женщин от Освенцима, хотя сам Нидермиллер по обвинению в масонстве попал в концлагерь. Впоследствии ему удалось спастись.

Сын и старшая дочь Евгении Фелициановны не последовали за матерью и остались в России. Дочь довольствовалась скромным заработком переводчицы технической литературы. Она вышла замуж вторым браком за профессора Московского энергетического института Дмитрия Николаевича Вырубова. Сергей Борисович тяжело переживал разлуку с матерью и любимой сестрой (отчасти им же воспитанной), но он не эмигрировал. Он остался в родной стране и вместе со всем народом пошел по тернистому жизненному пути, который вел в неизвестность.

За действиями человека стояла общая проблема, которая возникала в каждой революции, – "Интеллигенция и революция". Не приходится сомневаться в том, что близкие Сергею Борисовичу люди умоляли его уехать за границу вместе с ними. Но он остался в России. Чем же он руководствовался? Во-первых, видимо, для него был характерен истинный патриотизм. Во-вторых, вера в победу социалистического строя. Не следует забывать того огромного воздействия, которое оказала на Россию конца XIX – начала XX в. социалистическая и, в частности, марксистская мысль. Позорное поражение царизма в русско-японской войне 1904–1905 гг., неудачи в первой мировой войне, вина за которые в значительной степени падала на царское правительство, и, наконец, отречение Николая II от престола вызвали адекватное отношение многих представителей интеллигенции, особенно ее молодой части, "начиненной" романтическими иллюзиями. Многие не избавились от этих иллюзий до конца жизни. Среди этой части интеллигенции был и Сергей Борисович Кан. В уже цитированном письме А.С. Кан писал, что его отец "умер с верой в возможность гуманного советского социализма". Стремясь понять и объяснить этот фантом, Александр Кан полагает, что в его отце "противоречиво сочеталась преданность марксизму, идеалам Октября (высмеивал Живаго), восхищение Лениным (портреты трех классиков висели над его столом) с горьким разочарованием в советской политической системе (не столько в экономике – он умер в пору кульминации советских технико-экономических успехов и высоких еще темпов роста)"⁴.

Итак, патриотизм и вера в социализм определили его выбор. С юности Сергей мечтал стать историком. Но в 1915 г. по настоянию матери он поступил в Петроградский электротехнический институт, окончить который ему, правда, не пришлось, поскольку в 1917 г. он был призван в армию и оказался вовлеченным в бурные революционные события.

Когда борьба большевиков за власть вступила в финальную, победоносную стадию, юнкер Сергей Кан был направлен на защиту Зимнего дворца. События 24 октября, острейшая борьба за власть глубоко потрясли Сергея Борисовича. Он сразу же принял решение в бой не вступать, временное правительство не защищать. С большим трудом Сергей Борисович сумел покинуть Зимний дворец. Он отдал свою винтовку какому-то матросу, опасаясь быть задержанным, и еле-еле добрался до дома, где жила Настасья Рекова, ранее служившая няней в семье Бориса Николаевича и Евгении Фелициановны. Прожив у няни несколько дней и оправившись от тяжелого душевного потрясения, Сергей Борисович уехал в Москву, где без промедления устроился уполномоченным Центра по эвакуации на Курском вокзале. Но долго

⁴ Там же.

работать там ему не пришлось – Сергей Борисович заболел сыпным тифом. Эта тяжелая болезнь не прошла для него бесследно.

В начале 1920-х годов Сергей Борисович принял ряд важных решений, определивших его личную жизнь и выбор профессии. В 1922 г. он женился на Розе Александровне Калмансон. Она была немного моложе его. Ее отличали не только приятная внешность, но и сила воли, безупречная честность, трудолюбие, уравновешенность. Роза Александровна в трудные межвоенные годы не слишком доверяла людям и стремилась к тому, чтобы семья их жила довольно замкнуто. Она была верной подругой Сергею Борисовичу, стойко переносила вместе с ним трудности жизни, а он в свою очередь высоко ценил душевные качества жены и искренне любил ее. Вскоре у них родился сын Александр, счастливо сочетавший положительные черты характера и способностей родителей. Супруги уделяли очень большое внимание его воспитанию и образованию. Об этом свидетельствует и сам Александр Сергеевич: "С ним (отцом. – *Авт.*) было легко и полезно советоваться, – пишет А.С. Кан. – Например, – в моем случае это главное – он настоятельно направлял меня на скандинавистику, когда я хотел заниматься русской историей".

Не исключено, что А.С. Кан мог бы внести существенный вклад в изучение отечественной истории, но одним из ведущих специалистов-скандинавов он действительно стал. Ныне А.С. Кан – автор ряда исследований, доктор исторических наук, профессор одного из шведских университетов. Приносим Александру Сергеевичу глубокую благодарность за предоставление им материалов, связанных с жизнью его отца.

В 20-е же годы Сергей Борисович сделал очень важный для него выбор – он определил сферу своей будущей творческой деятельности, которой остался верен до конца жизни. Он поступил учиться на факультет общественных наук Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, где прошел школу видного ученого, специалиста по новой истории стран Запада профессора Николая Михайловича Лукина⁵.

В студенческие годы С.Б. Кан особенно заинтересовался проблемами массового и рабочего движения во Франции XIX в., а после окончания университета – также сюжетами экономическими и социальными, генезисом капитализма в Германии. В те же годы он тщательно изучал труды основоположников марксизма (сохранились конспекты), философию истории Гегеля, сочинения Канта, Вебера, французских просветителей, в особенности Монтескье и Руссо.

В марксизме С.Б. Кана привлекало резкое осуждение социального и национального гнета, протест против эксплуатации трудящихся. Сергей Борисович был верным, убежденным сторонником демократических принципов равноправия людей. Но открытое нарушение этих принципов в годы тоталитарного режима в значительной степени определило то, что историк Парижской коммуны 1871 г. и рабочего движения не вступил в правящую коммунистическую партию. Именно "разочарование в советской системе" объясняет "непримиримое" отношение С.Б. Кана "к сталинщине во всех ее проявлениях".

Постоянно совмещая учебу с преподаванием (в аспирантуру его не взяли как сына белоэмигрантов), Сергей Борисович целеустремленно занимался в библиотеках, главным образом в библиотеке созданного Д.Б. Рязановым Института К. Маркса и Ф. Энгельса, изучая историческую литературу на трех основных западных языках. Его эрудицию, способности к самостоятельному научному исследованию высоко оценили и преподаватели, и его товарищи – студенты.

Еще в студенческие годы Сергей Борисович стал регулярно преподавать на рабфаках Москвы, в военных училищах, выступать с лекциями в рабочих клубах. Он проявил способности блестящего педагога, стал приобретать известность как прекрасный лектор, обладающий ораторским даром и владеющий безупречной русской речью.

⁵ О Н.М. Лукине см.: *Галкин И.С.* Н.М. Лукин – революционер, ученый. М., 1984; *Дунаевский В.А., Цфасман А.Б.* Николай Михайлович Лукин. М., 1987.

Лекции он читал вдохновенно, с увлечением, что сразу же было отмечено учащимися, старавшимися их не пропускать.

О выдающихся качествах С.Б. Кана как лектора свидетельствует и его студент, а затем аспирант конца 30-х – начала 50-х годов И.Н. Неманов, ныне доцент Смоленского государственного педагогического университета, обучавшийся в те годы в Московском государственном педагогическом институте (МГПИ) им. В.И. Ленина. "Среди московских профессоров-историков той поры, – пишет он, – а профессура эта была богата яркими талантами, – С.Б. Кан – одна из самых блистательных фигур. Эпитет "блистательный" не содержит ни грана преувеличения... Что касается лекций С.Б. Кана, то они поражали, наряду с колоссальной эрудицией и высокой культурой лектора, своеобразной театральностью в лучшем смысле этого слова. Правильнее было бы сказать, что это было сочетание высокого академизма с манерой, органически включавшей в себя элементы отчасти продуманной и отчасти спонтанной театральности в духе судебных ораторов начала века. В этом, как мне кажется, сказывалась роль С.Б. Кана как носителя лучших традиций особой, если так можно выразиться, либерально-профессорской культуры, выработанной поколением ученых-педагогов российских вузов конца XIX – начала XX в. ... Побудить слушателей не только запомнить, усвоить некий сюжет, но и пережить его – такова была цель лектора"⁶.

Большая лекторская работа шла параллельно с научно-исследовательской деятельностью С.Б. Кана, первая публикация которого увидела свет в 1927 г. Это была статья, посвященная роли якобинской прессы в канун провозглашения Парижской коммуны 1871 г.⁷ Тема была подсказана учителем Сергея Борисовича Н.М. Лукиным. Естественно, С.Б. Кан часто обращался к трудам К. Маркса и широко использовал их, однако при этом сам расставлял акценты. Так, рассматривая революцию 18 марта как результат блока пролетариата и мелкой буржуазии и приводя резко негативные оценки Маркса в отношении деятельности неоякобинцев, С.Б. Кан все время подчеркивал "взрыв революционности всей мелкой буржуазии в ее целом, который и создал возможность союза между всеми прослойками мелкой буржуазии и пролетариатом"⁸. Отсюда – и общий вывод историка о том, что значение мелкобуржуазной части вышеназванного блока было "очень велико".

Парижская коммуна 1871 г. стала центральной темой исследовательских штудий С.Б. Кана в конце 20-х – начале 30-х годов; в первую очередь его привлекали наименее изученные аспекты этой темы, о чем свидетельствуют работы С.Б. Кана, посвященные деятельности Маркса во время Коммуны и организации им помощи жертвам версальского террора⁹, взаимоотношениям Французского банка с различными политическими силами накануне событий 18 марта¹⁰, рецензии, учебные пособия.

Так, обращаясь к деятельности Маркса, С.Б. Кан стремился даже в научно-популярных работах раскрыть творческую лабораторию трудов Маркса. Говоря о Французском банке, он считал важным выделить особо закон Дюфора об уничтожении отсрочек по векселям, оказавший существенное влияние на позицию мелкой буржуазии. В своих рецензиях на книги как зарубежных, так и отечественных авторов С.Б. Кан не шел по пути, избранному многими рецензентами, сообщающими читателю о том, что в первой главе рецензируемой книги автор пишет то-то, во второй то-то и т.п. Он придавал решающее значение концепции автора, широте источниковой базы, знанию фактического материала.

В качестве иллюстрации приведем лишь один пример – рецензию Сергея Борисовича на книгу военного историка С.Н. Красильникова о боевых действиях комму-

⁶ Письмо И.Н. Неманова В.А. Дунаевскому от 4 августа 1996 г. – Архив автора.

⁷ Кан С.Б. Якобинская пресса перед революцией 18 марта 1871 г. – Историк-марксист, 1927, № 6; *его же*. Парижская коммуна. Сб. под ред. Н.М. Лукина. М., 1932.

⁸ Там же, с. 120.

⁹ Кан С.Б. Маркс как организатор помощи жертвам версальского террора. М.–Л., 1931; См. также: Парижская коммуна. Сб. статей. М.–Л., 1932.

¹⁰ Кан С.Б. Французский банк и подготовка событий 18 марта 1871 г. – Историк-марксист, 1933, № 4.

наров¹¹. Замечания рецензента важны и потому, что высказанные им требования к автору он в первую очередь применял к самому себе. Так, он писал, что Красильников "не только не систематизировал весь материал по военной истории Коммуны, но попросту прошел мимо важнейших и вполне доступных советскому историку книг и материалов. Список использованных им источников ограничен и носит случайный характер". И далее: автор "недостаточно знаком с библиографией вопроса и вместо обещанной "систематизации всего материала" о боевых действиях Коммуны ограничился простой компиляцией немногих прочитанных им книжек и печатных материалов". А отсюда – и концептуальные огрехи: "огульное отрицание роли Центрального комитета Национальной гвардии", отнесение ее к "соглашательской части Парижа"¹². Неосвоенная оказалась и контрреволюционная деятельность А. Тьера. Рецензент обращал внимание на большое количество имевшихся в книге фактических ошибок.

Обширные знания С.Б. Кана и его эрудиция привлекли его внимание к историографическим сюжетам¹³. Историография на протяжении всей творческой деятельности ученого занимала существенное место в его монографических трудах и многочисленных рецензиях.

С середины 30-х годов диапазон творческих интересов С.Б. Кана существенно расширился. В печати появился цикл его работ, посвященных экономической и политической истории Германии, – восстанию силезских ткачей 1793 и 1844 гг., силезской текстильной промышленности, буржуазно-демократическим революциям в Западной Европе.

Изучая причины и результаты революций, проблемы становления промышленного капитализма в Германии и раннюю стадию развития этой формации в других странах Европы, ученый неизменно уделял пристальное внимание положению народных масс, их борьбе против нищеты, за социальные и политические права.

В те же годы продолжает расширяться диапазон педагогической деятельности С.Б. Кана. Когда в 1934 г. в Московском государственном университете был открыт исторический факультет, он был приглашен работать на кафедру новой истории, которую возглавил его учитель, к тому времени уже академик Н.М. Лукин, заведовавший до этого кафедрой новой истории в Московском институте философии, литературы и истории (МИФЛИ), открытом в середине 1931 г.

Именно Ученый совет МИФЛИ, учитывая плодотворную педагогическую и научную деятельность С.Б. Кана, в 1938 г. присвоил ему без защиты диссертации ученую степень кандидата исторических наук. Студенты конца 30-х годов, как и их предшественники, любили лекции Сергея Борисовича, усердно работали в руководимом им семинаре по истории Великой французской революции. С.Б. Кан предлагал студентам выбрать интересовавший их сюжет из списка четко сформулированных тем, каждая из которых была обеспечена прекрасными источниками. Студенты старательно трудились над своими докладами. Обсуждение докладов на спецсеминаре всегда проходило живо, интересно. Каждое занятие обязательно завершалось выступлением самого С.Б. Кана, который разбирал положительные и слабые стороны заслушанного доклада и оценивал его.

Однако историческая наука, лишь несколько лет назад преодолевшая долговременное воздействие на нее схематизма и социологизирования, попала в тенета сталинского догматизма и начетничества, усугубленных массовыми репрессиями, коснувшимися всех социальных групп населения страны. Напряженность обстановки давала себя знать везде. Не миновала она и высших учебных заведений.

Весной 1937 г. С.Б. Кан был уволен с исторического факультета МГУ и некоторое время был без работы, но затем все же получил возможность преподавать в МГПИ.

Докторская диссертация С.Б. Кана "Два восстания силезских ткачей – 1793 и

¹¹ Кан С. С. Красильников. Боевые действия Парижской коммуны. М., 1935. – Историк-марксист, 1935, кн. 10, с. 154, 155 (рец. на кн.).

¹² Там же, с. 155.

¹³ См. Кан А.С. Сергей Борисович Кан. Биобиблиографический указатель.

1844 г.", которая была им успешно защищена в 1940 г. – это капитальный, комплексный труд, базировавшийся на многочисленных источниках. Автору удалось проследить процесс зарождения и развития капитализма в Силезии, входившей в то время в состав Пруссии.

Через четыре года С.Б. Кану удалось опубликовать докторскую диссертацию как монографию¹⁴. Уже начиная с введения к ней читатель убеждается в глубокой фундаментальности исследования, широком привлечении литературы предмета. Конечно же, базируясь на единственном возможном для советской историографии того периода методе марксизма-ленинизма, автор утверждает о невозможности для "буржуазной исторической науки разрешить проблему перехода от феодализма к капитализму и найти единое целостное объяснение прошлому, протекающему в противоречиях процессу зарождения и становления капиталистического способа производства"¹⁵. Но, несмотря на эту неизбежную дань времени, С.Б. Кан взял все, что он считал необходимым, из трудов "буржуазных" экономистов и историков, критикуя в то же время необидительность ряда их построений.

В исследовании ученого скрупулезно рассмотрена мануфактурная стадия развития капитализма в Силезии, зарождение там фабричного производства и положение трудящихся, их нищета и политическое бесправие; очень большое внимание уделено автором метода борьбы трудящихся – силезских ткачей и ее результатам. Важны приводимые С.Б. Каном данные о выходе силезских полотняных товаров на венгерский рынок. Исследован процесс сосредоточения денежных средств в руках отдельных наиболее богатых предпринимателей-мануфактуристов. Среди них – такие яркие фигуры, как Петер Хазенклевер, Христиан-Готтлиб Диринг и другие, во многом способствовавшие формированию начального этапа технического переворота в Силезии". Цитируемый автором материал о деятельности "Союзов для улучшения положения трудящихся классов", мало изученной в литературе.

Обстоятельно рассмотрев техническую сторону переворота в текстильной промышленности Силезии, экономические условия производства, идейную борьбу, С.Б. Кан ответил на вопрос о месте силезского восстания 1844 г. среди других событий политической истории Германии 40-х годов. Работая над подготовкой к изданию книги "Два восстания силезских ткачей", С.Б. Кан в то же время принял весьма активное участие в создании коллективного труда "Революции 1848–1849 гг." В этом двухтомнике, приуроченном к 100-летию революции в Европе – он увидел свет в 1952 г., – перу С.В. Кана принадлежат главы, раскрывающие причины революции 1848–1849 гг. в Германии, революционные события в Германии (до предпарламента), и ряд других глав¹⁶, среди которых выделяется обширная историография, лишняя раз свидетельствующая об особом интересе ученого к проблемам истории исторической науки.

Одному из авторов настоящей статьи, присутствовавшему во время подготовки двухтомника на нескольких заседаниях редколлегии издания в качестве "наблюдателя-аспиранта", запомнились яркие, эмоциональные, глубоко научные выступления Сергея Борисовича, свидетельствующие о его широкой эрудиции.

Тогда же, в конце 40-х – начале 50-х годов, им была написана научно-популярная книга о революции 1848 г. в германских государствах¹⁷, явившаяся пособием для учителей истории и учебником для студентов. Этим же сюжетам были посвящены и статьи С.Б. Кана, публиковавшиеся в течение ряда последующих лет. Итоги подвела монография ученого, суммировавшая научный вклад немецких ученых в изучение революций 1848–1849 гг.¹⁸ Тонкий анализ литературы предмета позволил автору, хотя и с классовых позиций, показать сложные нюансы идейной борьбы вокруг революций 1848–1849 гг.

¹⁴ Кан С.Б. Два восстания силезских ткачей. 1793 и 1844. М. – Л., 1948.

¹⁵ Там же, с. 3.

¹⁶ См. Революции 1848–1849, в 2-х т. Под ред. Ф.В. Потемкина и А.И. Молока. М., 1952.

¹⁷ Кан С.Б. Революция 1848 года в Австрии и Германии. М., 1948.

¹⁸ Кан С.Б. Немецкая историография революции 1848–1849 гг. в Германии. М., 1962.

Итак, в 40-е годы, в период Великой Отечественной войны и непосредственно после ее окончания исследовательский талант Сергея Борисовича Кана достиг расцвета. Успешной была его преподавательская деятельность. Он был не только профессором МГПИ, но и вел занятия в Высшей Дипломатической школе (ныне – Дипломатическая академия), выступал с лекциями в Московском государственном институте международных отношений и в ряде других высших учебных заведений. С.Б. Кан легко овладевал вниманием слушателей, пробуждал в них интерес к сложным проблемам истории нового времени стран Запада.

Лекции С.Б. Кана были проблемными. Он всегда хорошо отбирал фактический материал, широко использовал источники, давал обширные историографические сведения, а также яркие, убедительные характеристики виднейших исторических деятелей.

В эти годы большое значение в научно-педагогической деятельности С.Б. Кана начинала играть его работа по руководству аспирантами. Он требовал от них беспредельной преданности избранной профессии, систематической упорной работы, изучения не только исторической литературы и источников, но и сопредельных с историей дисциплин – философии, экономики, художественной литературы, истории искусств. Каждый аспирант, утверждал он, должен свободно владеть по крайней мере двумя иностранными языками.

В МГПИ на заседаниях кафедры новой и новейшей истории, возглавлявшейся профессором С.Б. Каном, регулярно заслушивались и обсуждались доклады аспирантов, посвященные темам их исследований. Такие обсуждения всегда были полезны. Аспиранты относились к своему научному руководителю с глубоким уважением, понимая, что они учатся у талантливого ученого-исследователя и педагога. Но кроме этого они были бесконечно благодарны ему за проявленную по отношению к ним доброту, заботу, за то, что он оказывал им неоценимую помощь. Он сам предложил каждому из них поступить в аспирантуру. Среди них были его студенты-отличники, учившиеся ранее у него в МГУ и в МГПИ и оказавшиеся в предельно трудном положении после репрессий, которых не избежали их родители. С.Б. Кан протянул им руку помощи, открыл путь в науку.

В лице этих аспирантов С.Б. Кан обрел верных и искренне преданных учеников. Среди них был его первый аспирант М.И. Фриман, а также И.Н. Неманов, И.А. Ни-

китина, Я.И. Дразнинас и многие другие. Об этом же свидетельствует и А.С. Кан: "Учеников он не держал на расстоянии, но превращал их в своих друзей. Так было с Фриманом, Дразнинасом, Буртовой, ныне здравствующим Немановым"¹⁹.

Искренними друзьями Сергея Борисовича были не только его ученики. Долгие годы его связывали узы дружбы с видными историками – Федором Васильевичем Потемкиным, Владимиром Михайловичем Лавровским, Виктором Федоровичем Семеновым, Исааком Семеновичем Звавичем, Аркадием Самсоновичем Ерусалимским, Анной Михайловной Панкратовой, Исааком Израилевичем Минцем, Павлом Ивановичем Кабановым, Марией Михайловной Себенцовой, а также с его родственниками – художницей Валентиной Михайловной Ходасевич, драматургом Александром Михайловичем Файко. Друзьями Сергея Борисовича были также искусствовед Виктор Никитич Лазарев, артист Иван Николаевич Берсенев. Сергей Борисович привлекал к себе людей своей одаренностью, честностью, остроумием, добротой, неиссякаемой творческой энергией. Он был исключительно трудолюбив, не раз говорил о том, что для него труд, творчество являются смыслом и целью жизни, что наибольшую радость и счастье он испытывает в творческой работе. При этом он не стремился к получению наград и к высоким должностям. "Я солдат науки, и в этом вижу свое призвание", – любил повторять он.

Он утверждал, что ученая степень доктора исторических наук и звание профессора обязывают его много и упорно трудиться над изучением сложных научных проблем. Выход в свет каждой его статьи или книги был для него праздником.

Быт большого ученого был предельно прост и скромн. Весь "московский период" он прожил в густо населенной коммуналке в Староконюшенном переулке, рядом с Арбатом, в перегороденной пополам комнате. Дешевый диван, большой письменный стол, заваленный рукописями и книгами, множество книг на стеллажах, кровать, покрытая серым солдатским одеялом, несколько простых дешевых стульев – вот и вся обстановка его комнаты. Ни отдельной квартиры, ни машины у него не было, да он никогда и не говорил о том, что они ему нужны. Одевался он тоже очень просто.

К середине 50-х годов здоровье Сергея Борисовича стало быстро ухудшаться, но он продолжал работать. В эти годы его внимание было обращено к истории социалистических идей, что нашло свое воплощение в прочитанных им курсах. В основных чертах С.Б. Кан придерживался принципов и концепций, сформулированных главой советской школы исследователей утопического социализма академиком В.П. Волгиным²⁰. К глубокому сожалению, издания курса своих лекций ученому увидеть не удалось. Уже после его смерти лекции вышли в свет²¹, с дополнениями, внесенными учениками Сергея Борисовича, оставшимися верными памяти своего учителя.

В конце 50-х годов усилилась болезнь сердца, появились признаки тяжелого заболевания печени. Он постепенно утратил легкую походку и быстроту движений, стал медленно ходить, появились отеки и одышка. Тонкие, красивые черты его лица изменились. Лицо стало одутловатым. Выющиеся темные волосы поредели, а поседел он, как и его мать, рано. Яркие карие глаза потускнели, в них все чаще выражались печаль и тоска. 7 марта 1960 г. Сергея Борисовича не стало.

В трудное для страны время революционных потрясений, жесточайшего идеологического и политического прессинга в период сталинизма С.Б. Кан честно и достойно прошел тернистый жизненный путь, посвятив свой талант ученого-исследователя и педагога любимой Родине, которой он всегда оставался верен.

¹⁹ Письмо А.С. Кана В.А. Дунаевскому от 17 июля 1996 г. – Архив автора.

²⁰ См. *Дунаевский В.А., Кучеренко Г.С.* Западноевропейский утопический социализм в работах советских историков. М., 1981.

²¹ *Кан С.Б.* История социалистических идей (до возникновения марксизма). Курс лекций. М., 1963.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

Публикация журналом "Новая и новейшая история" статьи академика РАН И.Д. Ковальченко¹ и последовавшая затем дискуссия об основных теоретико-методологических проблемах исторических исследований представляются давно назревшими. Современный этап развития историографии России требует как учета философско-исторического наследия, на котором воспитывалось подавляющее большинство отечественных историков, так и оценки новых подходов, которые настоятельно диктует развитие мировой историографии.

В материалах академика РАН Г.Н. Севостьянова, д.и.н., проф. Н.И. Смоленского, д.и.н., проф. Ю.И. Семенова, д.и.н., проф. В.И. Кузищина и других поставлены проблемы, имеющие существенное значение для дальнейшего развития исторической науки в России². В статье, посвященной понятию "общей исторической теории", Н.И. Смоленский пишет: "Составной частью исторического познания всегда было развитие тех представлений, которые претендовали в той или иной степени на объяснение истории в целом; при этом не только прошлого, но и ее перспектив. Они могут быть названы общи историческими, или общи исторической теорией, хотя далеко не всегда соответствовали рангу такой теории, т.е. являлись целостной, всесторонней и непротиворечивой системой взглядов на фундаментальные свойства развития человеческой истории"³.

Н.И. Смоленский считает, что потребность в общи исторических теориях существовала и в прошлом. Однако нужда в них в современной отечественной историографии и общества в целом многократно увеличилась: проблему выбора пути развития России невозможно решить без опоры на научно обоснованные представления об общемировом развитии. Отсутствие научно обоснованной концепции развития российского общества – одна из острейших потребностей современности.

В этой связи вновь необходимо вернуться к оценке марксистского понимания истории как системы методологических принципов. В спорах последних лет марксистская теория представляется анахронизмом, признаком косности и застоя, орудием идеологического диктата. Нам представляется, что дело обстоит гораздо сложнее.

Как известно, историческая концепция К. Маркса возникла в середине XIX в. и представляла собой синтез новейших достижений мировой исторической науки. Она в течение длительного времени рассматривалась не только у нас в стране, но и на Западе как одно из передовых и перспективных направлений. И во многих отношениях эта теория действительно являлась таковой. Она оказала стимулирующее влияние на многие исторические школы второй половины XIX – первой половины XX в., вполне вписывалась в прогрессивное направление развития мировой исторической мысли, открывала возможность исследования новых аспектов прошлого, ранее не привлекавших внимания ученых, давала выход их стремлениям к обобщению.

¹ Ковальченко И.Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах. – Новая и новейшая история, 1995, № 1, с. 3–33.

² Методологические поиски в современной исторической науке. – Новая и новейшая история, 1996, № 3.

³ Смоленский Н.И. Возможна ли общи историческая теория? – Новая и новейшая история, 1996, № 1, с. 3.

В России восприятие марксистской исторической теории было подготовлено традициями русской дореволюционной историографии. М.М. Ковалевский, Д.М. Петрушевский, Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, Е.В. Тарле, хотя и не считали себя марксистами и нередко полемизировали с материалистическим пониманием истории, всегда живо им интересовались и в своих конкретных исследованиях нередко близко подходили к реализации его принципов.

За 70 лет на марксистской теории было воспитано не одно поколение советских историков, которые по социально-экономической истории, истории революции, внешней политике и истории международных отношений обогатили мировую историографию. Поэтому просто выбросить марксистскую теорию за борт отечественной историографии будет неисторично. Совершенно прав Г.Н. Севостьянов, который считает, что методология К. Маркса нуждается в усовершенствовании и обновлении, избавлении от устаревших догм, доктрин и идеологизации⁴.

Попытку дальнейшего развития материалистического подхода к истории в постсоветский период предпринял Ю.И. Семенов. Заслуживает внимания стремление ученого дополнить исторический материализм понятием "социально-исторический организм", который, по мнению автора, позволит изучать не только "вертикальные", диахронные, но и "горизонтальные", синхронные связи, существовавшие в пространстве между историческими объектами⁵. Однако трудно согласиться с итоговым выводом автора, гласящим: "Знакомство со всеми основными современными концепциями философии истории убедило меня, что марксистское понимание истории является наилучшим из всех существующих общих методов исторического познания. Равного ему я не знаю"⁶.

В настоящее время сложились в целом благоприятные условия для разработки теоретико-методологических вопросов исторической науки. Прекращение "холодной войны" снимает неизбежность политизации и поляризации в подходах к изучению прошлого, хотя и не устраняет их целиком, так как в мире сохраняются разные системы общественных отношений и несовпадающие национальные интересы. Как подчеркивал И.Д. Ковальченко, "развитие исторической мысли и исторической науки подошло к такому рубежу, когда их дальнейший прогресс требует преодоления резкой поляризации и поиска путей к синтезу философско-исторических концептуальных подходов и построений"⁷.

Актуальным в этой связи представляется определение комплекса проблем, которые составляют ядро современной методологии истории. Условно их можно разбить на три сектора. Первый – понятие методологии истории и ее роль в системе современных знаний. Второй – эпистемологические проблемы истории. Третий – вопросы методологии истории в научных школах зарубежных стран. Рассмотрим более подробно каждый из разделов современной методологии истории.

Как известно, понятие методологии истории не является величиной постоянной и неизменной. Оно изменяется вместе с представлением о предмете и функциях исторической науки и теми требованиями, которые общество предъявляет к данной отрасли знаний. Понятие и содержание методологии истории по-разному определяется в отечественной и зарубежной литературе. Так, в "Философском словаре" методология определяется как совокупность приемов исследования и как учение о методах научного познания⁸. Один из первых советских авторов, активно разрабатывавших проблемы методологии, К.Д. Петряев дает следующую формулировку: "Методология – это система существенных аспектов мировоззрения и теории (или ряда теорий),

⁴ Новая и новейшая история, 1996, № 3, с. 75–76.

⁵ Семенов Ю.И. Материалистическое понимание истории: недавнее прошлое, настоящее, будущее. – Там же, с. 82.

⁶ Там же, с. 84.

⁷ Ковальченко И.Д. Указ. соч., с. 4.

⁸ Философский словарь. М., 1963, с. 268.

определяющих исследовательские принципы науки"⁹. Томский исследователь Б.Г. Могильницкий пишет: "Методология истории изучает природу, принципы и методы исторического познания"¹⁰.

Иные дефиниции мы находим в трудах современных зарубежных ученых: М. Блока, А.Дж. Тойнби, К. Поппера, Б. Рассела, Л. Февра, К. Ясперса и др. В частности, К. Ясперс, определяя смысл и назначение истории, пишет, что "можно стремиться и к единой обобщающей картине мира; в ее целостности тогда выявляется наличие различных культурных сфер и их развитие; они рассматриваются отдельно и во взаимодействии, постигается их общность в постановке смысловых проблем и возможность их взаимопонимания; и, наконец, разрабатывается некое смысловое единство, в котором все это многообразие обретает свое место"¹¹.

Приведенные соображения немецкого мыслителя указывают лишь на контуры современной методологии истории. Задача нашей дискуссии – наполнить их конкретным содержанием.

На наш взгляд, главная цель методологии истории – определить предмет истории, показать суть методов исторического познания, показать их разнообразие, выявить понимание возможностей существования различных подходов к интерпретации прошлого, проложить "информационную тропу" к ученым, которые внесли крупный вклад в историческую науку.

История в этой связи представляется попыткой профессиональных ученых воссоздать и записать прошлое путем изучения фактов, почерпнутых из разных источников. В самом широком контексте – политическом, социальном, экономическом и культурном – это связано с изучением человека в обществе. История рассматривает тенденции и их реальные воплощения, скачки в развитии и эволюционные изменения, уникальные и типичные события.

Рассматривая роль истории в современном обществе, необходимо осмыслить историческую науку как систему. Известно, что ее развитие зависит от многих факторов: социальных условий, в которых она призвана функционировать, методологических принципов, присущих каждому направлению, общественного заказа на проблематику исторических исследований, состояния и доступности источниковой базы, функционирования организационных форм исторической науки.

Интенсивное внедрение многими российскими историками цивилизационного анализа прошлого требует изучения соотношения формационного и цивилизационного подходов в исторических исследованиях, особенно взаимосвязи таких понятий, как "формация", "цивилизация", "культура". Цивилизационный подход к прошлому диктует необходимость по-новому взглянуть на такие проблемы, как: история и культурология, мораль и история, история и искусство.

Большое общественное звучание в современной России приобрели работы по антропологии и этногенезу. Это не случайно, так как длительное время эти отрасли знаний зачислялись в разряд биологических, а социально-исторические аспекты не разрабатывались. Труды Л.Н. Гумилева дают возможность с иных позиций исследовать механизм возникновения, развития и распада этносов¹².

В последние годы отечественные авторы часто обращаются к проблеме альтернативности в истории. Состоялся ряд "круглых столов", симпозиумов и семинаров. Интерес к этой проблеме не случаен. Исследования прошлого отдельных стран и народов, а также всемирной истории под углом зрения альтернативности социально-экономического, политического и духовного развития представляют не только умозрительный, но и практический интерес, позволяя выявить оптимальные варианты общественного развития, определить наиболее благоприятные возможности их реализации.

⁹ *Петряев К.Д.* Вопросы методологии исторической науки. Киев, 1971, с. 8.

¹⁰ *Могильницкий Б.Г.* Введение в методологию истории. М., 1989, с. 4.

¹¹ *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1994, с. 30.

¹² *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990; *его же.* От Руси к России. М., 1992; *его же.* Этносфера: история людей и история природы. М., 1993, и др.

В этой связи следует также преодолеть нигилистическое отношение к роли исторических знаний в прогнозировании общественного развития, которое заметно усилилось после распада СССР. Историкам при этом вменяется вина, что они не смогли "предсказать" распад государства, хотя очевидно, что основная задача прогнозирования состоит не в том, чтобы "предсказывать" события, а анализировать тенденции развития общества, исследовать будущее.

Проблемы теории познания активно изучались в отечественной историографии как до 1917 г., так и позже. По этим вопросам историки и философы опубликовали немало книг и статей. В современных условиях среди эпистемологических вопросов исторической науки, на наш взгляд, первостепенное значение имеют такие проблемы, как: принципы и методы исторической науки, применение количественных методов и информационных технологий в исторических исследованиях, роль категорий и понятий в историческом познании, вопросы хронологии и периодизации в истории, дискуссии об историческом факте и его месте в реконструкции прошлого, проблемы критики исторических источников, структура и логика исторического познания. Из-за недостатка места отошлем читателей к специальной литературе по этим вопросам¹³ и ограничимся лишь общим замечанием: ныне требуется рассмотреть все эти проблемы с позиций методологического плюрализма.

Наконец, для успешного развития отечественной историографии необходимо знать состояние методологии в научных школах зарубежных стран. Кое-что в этом направлении уже сделано, в частности изданы труды О. Шпенглера, А.Дж. Тойнби, П. Сорокина, Ф. Броделя, К. Ясперса, Х. Ортега-и-Гассета и других зарубежных мыслителей, чьи работы прочно вошли в мировую историографию XX в.

Однако обращает внимание, что в нашей литературе по методологии истории до сих пор не преодолен "европоцентризм". Мы мало знаем об ученых стран Востока, хотя их идеи широко входят в менталитет современников.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что в центре раздумий и поисков историков в течение многих столетий был человек, для которого, по словам Фукидида: "Нет счастья без свободы, нет свободы без мужества". И в той степени, в какой историческая наука помогает людям решать эти вопросы, зависели и будут зависеть ее предмет, функции и социальный статус.

*А.А. Аникеев,
доктор исторических наук,
профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории
Ставропольского государственного педагогического университета*

¹³ *Ракитов А.И.* Историческое познание. М., 1982; *Барз М.А.* Категории и методы исторической науки. М., 1986; *Пронштейн А.П.* Вопросы теории и методики исторического исследования. М., 1986; *Жуков Е.М.* Очерки методологии истории. М., 1987; *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 1987; *Schider T.* Geschichte als Wissenschaft. München, 1968; *Nipperday Th.* Historismus und Historismuskritik heute. Stuttgart, 1975; *American Historical Profession.* Cambridge, 1988.

ЕЩЕ ОДИН ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ ПЕРИОДИЗАЦИИ НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

Редакция журнала "Новая и новейшая история" провела полезное и интересное обсуждение проблем периодизации всемирно-исторического процесса. На страницах журнала были представлены точки зрения многих российских историков. Хотя в опубликованной в № 1, 1996 г. журнала статье Б.Д. Козенко и Г.М. Садовой подведены итоги этого обсуждения, хотелось бы высказать несколько соображений, которые, как нам кажется, могут быть приняты во внимание. Наше понимание периодизации новой и новейшей истории сводится к следующим тезисам:

1. Считая вполне плодотворным сочетание формационного и цивилизационного подходов к периодизации новой и новейшей истории, за что ратует большинство авторов, мы возражаем против эклектичного понимания такого сочетания. Принципиально важно для каждой эпохи и каждого периода определить доминанту исторического развития – преобладание формационных или цивилизационных характеристик.

2. Мы придерживаемся широкого подхода к тому, что называется "движущей силой истории". В это понятие следует включать комплекс факторов, составляющих менталитет народа. Среди них особого внимания заслуживают отношение к историческому опыту, характер его наследования. Здесь же, несомненно, нужно назвать классовую борьбу, которая выражается как в прямых результатах – революционных преобразованиях в обществе, – так и в опосредованном воздействии на государственную власть и общественно-политические структуры. Определенное значение имеют также природно-географические условия, о которых много писали в свое время историки-позитивисты. На разных этапах исторического развития и для разных народов ценность тех или иных импульсов меняется. По мере подъема человеческой цивилизации можно, пожалуй, наблюдать тенденцию постепенного отхода на второй план классовый борьбу и природно-географических факторов.

3. При решении проблемы периодизации новой и новейшей истории никуда не уйти от европоцентризма или даже западноевропоцентризма вследствие использования весьма важного принципа периодизации по передовому региону. В качестве такового на разных этапах выступал либо весь Запад, либо отдельные западные страны (Англия, США). Передовой регион аккумулировал и генерировал новейшие элементы развития и, подобно локомотиву, тянул за собой все остальные страны мира.

4. С учетом вышеизложенного предлагаем следующую схему периодизации новой истории. Новая история в целом представляет собой капиталистическую стадию индустриальной цивилизации. Генеральная линия развития в эту эпоху проявлялась в постепенной интеграции мира, в модернизации общества на базе капиталистической индустриализации и буржуазно-демократических ценностей, в увеличении объективно-научного знания.

Начало первого периода новой истории – это рубеж XV–XVI вв., когда в результате Великих географических открытий происходят распространение западной цивилизации и интеграция мира. Это время зарождения капитализма как уклада в Западной Европе и формирования буржуазии как класса – носителя идеи модернизации. Наконец, на начало новой истории указывает процесс перерастания феодальной народности в нацию. В это время преобладали цивилизационные характеристики, что обеспечивало преимущественно эволюционные линии поступательного движения.

Отправной рубеж второго периода новой истории приходится на Нидерландскую и Английскую буржуазные революции. Этот период отмечен продолжением и усилением

интеграции мира (пуританская колонизация Северной Америки, колониальная политика европейских держав), развитием мануфактурного капитализма, обоснованием в теории и воплощением на практике новых основ государственности, научными открытиями Ф. Бэкона, Г. Галилея, Р. Декарта, И. Ньютона, а также новыми успехами национальной жизни (образование США). Во втором периоде преобладал формационный процесс, что и объясняет серию ранних буржуазных революций, включая Великую французскую.

С конца XVIII в. начинается третий период новой истории. Ему присущи такие черты, как переход к фабрично-заводскому капитализму, дальнейшая либерализация и демократизация в государственной и общественно-политической сферах, успехи национального движения в Латинской Америке, Греции, Румынии, Италии и Германии. При этом до начала 70-х годов XIX в. проявлялся преимущественно революционный вариант развития, затем он сменился эволюцией и реформами.

Завершается третий период и вся новая история первой мировой войной и революционными потрясениями в России, Германии, Австро-Венгрии. Важно добавить, что к этому времени в социально-экономической жизни, во внутренней и внешней политике ведущих западных стран весьма явственно проявляются новые черты (монополистический капитализм).

Не вдаваясь в сколько-нибудь обстоятельное рассмотрение новейшей истории (слишком мала историческая дистанция и велико давление актуальности), отметим, что основное отличие и главное содержание этой эпохи состоят, на наш взгляд, в сложном отношении – противостоянии и взаимодействии – капиталистических и социалистических форм и стадий индустриальной цивилизации, в борьбе между демократическими и тоталитарными политическими системами, в необычайно возросшем динамизме жизни и в НТР, приведшим к максимальной степени интеграции мира, к глобализации позитивных и пагубных воздействий индустриальной цивилизации.

Предложенная схема периодизации западного мира с некоторыми коррективами может быть применима и к истории Востока. С точки зрения систематических контактов цивилизаций, взаимодействия Запада и Востока рубеж XV–XVI вв., связанный с эпохой Великих географических открытий, является отправным в новой истории Востока. С этого времени Запад устанавливает систематический контроль, вытесняя арабов, над ведущими торговыми путями и центрами, связывающими традиционные общества Востока с европейским миром. Идет формирование первых колониальных империй, начинается борьба за колониальную гегемонию (Пиренейские монархии, Голландия, Англия, Франция). Окончание периода – рубеж XVIII–XIX вв. – ознаменовалось тем, что к Англии переходит гегемония в мировой колониальной системе.

С начала XIX в. и до середины 70-х годов страны Запада постепенно втягивают Восток в мирохозяйственные связи, обусловленные потребностями становления индустриального общества, формируют колониальную инфраструктуру управления, "открывают" Цинскую империю и Японию. Следует также отметить расширение сферы колониальной экспансии: начинается соперничество капиталистических государств на Африканском континенте. Представляется важным то, что колониальная политика на этом этапе способствует началу кризиса традиционного восточного общества и стимулирует обострение социально-политической ситуации (движение тайпинов в Китае, восстание 1857–1859 гг. в Индии), а в Японии становится важнейшим элементом перехода к основам капиталистического развития (события "Мэйдзи исин").

С конца XIX в. Восток окончательно превращается в часть мирового капиталистического хозяйства, формируется модель "западный центр – колониальная окраина". В это время складывается комплекс "имперской политики" и "имперского превосходства" по отношению к народам Востока, что находит отражение в западной культуре и социальной психологии. Вместе с тем можно говорить и о начале качественно новых формационных изменений на Востоке, которые ведут к созданию основ буржуазного общества. Этот процесс шел быстрее именно в тех странах и частях земного шара, которые оказались наиболее прочно вовлеченными в мировое капиталистическое

хозяйство (Ближний Восток, Индия, Япония, прибрежные районы Китая). Там под влиянием внешнего фактора складывается так называемая "третичная модель" – многоукладное общество, соединившее традиционные аграрные структуры и капиталистические формы в инфраструктуре, в горнодобывающей промышленности и т.д. Традиционный менталитет человека на Востоке меняется, что связано с попыткой приспособиться к новым буржуазным явлениям. На базе новой социально-классовой структуры и роста этнического самосознания формируются буржуазно-национальное движение и его идеология. В Азии происходят первые буржуазные революции, которые заставляют западные державы корректировать методы колониальной политики и искать более широкую социальную и политическую опору в афро-азиатском мире.

Следовательно, эпоху нового времени нельзя относить только к истории стран Запада, равно как и рассматривать восточный мир вне динамичного развития капиталистического Запада. Новую историю Востока следует воспринимать как эпоху развивающегося взаимодействия западного и афро-азиатского миров на основе колониального синтеза, превращения Востока в часть мирового капиталистического хозяйства, формирования многоукладного общества и его модернизации, роста буржуазно-национального движения и его борьбы за создание условий для национально-суверенного варианта развития.

Разумеется, указанные процессы происходили неравномерно. Окончательно же большинство стран Востока сумело реализовать этот вариант лишь после второй мировой войны. Таким образом, начальная грань новейшего времени для Востока, в отличие от Запада, по нашему мнению, сдвигается до середины XX столетия.

В.В. Сергеев,
доктор исторических наук,
профессор, зав. кафедрой зарубежной истории
Калининградского государственного университета
А.Д. Чумаков,
старший преподаватель кафедры зарубежной истории
Калининградского государственного университета

С.Л. Тихвинский. РОССИЯ – ЯПОНИЯ. ОБРЕЧЕНЫ НА ДОБРОСЕДСТВО. Воспоминания дипломата и заметки историка. М.: изд-во "Памятники исторической мысли", 1996, 250 с.

В октябре 1996 г. исполнилось 40 лет со дня подписания в Москве Совместной декларации СССР и Японии, первой статьей которой объявлялось прекращение состояния войны и восстановление между двумя государствами мира и дружественных отношений. Юбилейные мероприятия по случаю этой даты прошли как в Японии, так и в нашей стране. Отечественные востоковеды подготовили к годовщине серьезные научные труды.

Особого внимания заслуживает выполненная в мемуарном жанре книга академика РАН С.Л. Тихвинского. Это объясняется не только тем, что данная работа написана маститым ученым, но, что в данном случае не менее важно, непосредственным участником весьма непростого процесса послевоенной нормализации взаимоотношений двух соседних государств – СССР и Японии.

Сочетание глубоких знаний историка и конкретной практики дипломата придало воспоминаниям С.Л. Тихвинского особый характер. Автор не просто рассказывает о событиях, участником которых он был, но дает им выводящие на широкие обобщения оценки, привлекая при этом архивные документы, труды отечественных и зарубежных японоведов, периодическую печать. Не обойдены вниманием и работы японских авторов, в первую очередь современников описываемых событий.

В книге две части: "Первая встреча с Японией. Восстановление дипломатических отношений с послевоенной Японией" и "Еще восемь встреч с Японией (1961–1991 гг.)". В первой части повествуется об участии ученого-востоковеда, опытного дипломата в работе правительственной делегации на советско-японских переговорах в Лондоне в 1955–1956 гг., а затем в качестве главы представительства СССР в Токио и временного поверенного в делах Посольства СССР в Японии в 1956–1957 гг. Во второй – о встречах автора в 60–90-х годах с представителями японской общественности, деловых и научных кругов.

Рассказу о перипетиях переговорного процесса с японцами в 50-х годах С.Л. Тихвинский предпочитает развернутую историческую справку об отношениях двух стран до 1945 г. В ней вскрываются причины вступления Советского Союза в войну с Японией, приводятся факты и документы,

свидетельствующие об агрессивном характере политики японских милитаристских кругов в отношении СССР накануне и в ходе Великой Отечественной войны. Показано, как после нападения фашистской Германии на СССР японское правительство грубо нарушало подписанный в апреле 1941 г. в Москве советско-японский пакт о нейтралитете.

23 июня 1941 г. на вопрос советского посла в Токио К.А. Сметанина о позиции Японии в связи с нападением Германии на СССР министр иностранных дел Японии Е. Мацуока недвусмысленно ответил, что "основой внешней политики Японии является Тройственный пакт, и если настоящая война и Пакт о нейтралитете будут находиться в противоречии с этой основой и с Тройственным пактом, то Пакт о нейтралитете не будет иметь силы" (с. 22–23). Это заявление Мацуоки на деле означало одностороннее аннулирование Японией Пакта о нейтралитете, подписанного им всего лишь за несколько месяцев до этого.

В годы войны Япония в нарушение пакта всемерно способствовала Германии в ее войне против СССР, воевала против его союзников. Автор справедливо отмечает: "С декабря 1941 г. этот пакт уже не накладывал на Советский Союз никаких обязательств и превращался в простой лист бумаги, так как Япония сама вероломно напала 7 декабря 1941 г. на США и Великобританию, к тому времени ставших союзниками нашей страны по антигитлеровской коалиции" (с. 26).

Рассмотрение вопроса о пакте о нейтралитете остается актуальным в связи с тем, что в последнее время среди российских авторов появились сторонники японской версии о том, что в нарушении этого пакта повинна не Япония, а СССР.

Отличительной особенностью работы С.Л. Тихвинского является то, что автор не только не уходит, а, напротив, сосредоточивает внимание на проблемах, по которым до сих пор существуют различные точки зрения, ведется активная дискуссия. К одной из таких проблем относится вопрос, правильно ли поступило правительство СССР, отказавшись в 1951 г. подписать Санфранцисский мирный договор с Японией.

Этот договор с самого начала замышлялся

американцами как сепаратный. Он был составлен таким образом, чтобы СССР не мог его подписать. Во-первых, вопреки протестам советского правительства к подписанию этого договора не были допущены Китайская Народная Республика, Монгольская Народная Республика, Корейская Народно-Демократическая Республика, Демократическая Республика Вьетнам. Во-вторых, в тексте договора отсутствовало указание на то, что по Ялтинскому соглашению отторгнутая от России в 1905 г. южная половина Сахалина, а также Курильские острова возвращались Советскому Союзу. В-третьих, текст договора находился в противоречии с положениями Потсдамской конференции о выводе в процессе мирного урегулирования всех иностранных войск с территории Японии. Советскому правительству было известно, что сразу же вслед за подписанием Санфранцисского договора между США и Японией планируется заключить военный союз, согласно которому на всей японской территории на долгие годы сохраняются американские войска.

Полемизируя с Н.С. Хрущевым, который в мемуарах неодобрительно высказывался по поводу отказа И.В. Сталина подписать текст Санфранцисского договора, автор отмечает: "В начале 50-х годов Н.С. Хрущев был секретарем Московского комитета партии и не был в курсе конкретных вопросов международной политики. Нет ничего удивительного в том, что он не связывает вопрос об отказе Советского Союза от участия в разработанном США в одностороннем порядке мирном урегулировании с Японией с конкретной международной обстановкой тех лет, а эта обстановка выглядела для СССР весьма сложной" (с. 49).

Интересны авторские наблюдения и оценки позиции японской стороны на советско-японских переговорах 1955–1956 гг. Перед читателем предстает картина драматичного противостояния сторонников и противников заключения между Москвой и Токио всеобъемлющего мирного соглашения. Находясь в японской столице и будучи свидетелем этого противостояния, С.Л. Тихвинский не мог не ощущать непрямого давления, которое американцы оказывали на японское правительство с тем, чтобы не допустить подписания советско-японского мирного договора. Государственный секретарь США Дж. Ф. Даллес открыто грозил Токио в случае непослушания прекратить оказание Соединенными Штатами дальнейшей помощи Японии (с. 61).

Содержание книги высвечивает неблагоприятную роль, которую сыграли США в деле искусственного создания так называемой проблемы северных территорий, инициирования в Японии кампании территориальных притязаний к нашей стране. Автор свидетельствует: "Члены и советники японской делегации в неофициальных беседах с членами советской делегации давали понять, что территориальный вопрос, вопрос о международных

обязательствах и военных союзах Японии, а также пункт проекта мирного договора о режиме прохода военных судов через японские проливы – все это были области, по которым Япония не могла принимать самостоятельных решений без согласования с США" (с. 70).

Чтобы не допустить подписания между СССР и Японией мирного договора, США пошли на отказ от заключенного в Ялте соглашения, подписанного Ф. Рузвельтом, И.В. Сталиным и У. Черчиллем. В 1956 г. госдепартамент США заявил, что Ялтинское соглашение не имеет законной силы и рассматривается США "просто как декларация". Толкая тем самым японцев на выдвижение необоснованных территориальных претензий, США одновременно шантажировали японское правительство угрозой в случае неприемлемых для Вашингтона советско-японских договоренностей о Курилах навечно сохранить оккупацию японского острова Окинава и всего архипелага Рюкю, захваченного армией США во время войны.

Одним из центральных вопросов книги можно считать освещение автором обстоятельств выдвижения Н.С. Хрущевым плана так называемого компромиссного решения курильской проблемы. О том, что "идея" пойти на уступки Японии принадлежавших СССР островов Хабомаи и Шикотан явилась "дипломатической импровизацией" склонного к непродуманным импульсивным решениям Н.С. Хрущева, исследователям известно давно. Однако со всей определенностью впервые об этом публично заявил только С.Л. Тихвинский. Автор рассказывает, как Хрущев, по сути дела, приказал главе советской делегации на советско-японских переговорах 1955 г. Я.А. Малику пойти на неоправданные территориальные уступки Японии. Как писал впоследствии участник переговоров К. Ниидзэки, японская делегация никак не ожидала подобной уступки со стороны СССР. Он признавал, что "советская делегация на переговорах располагала тремя крупными козырями: японские военнопленные, доступ в ООН и разрешение на лов рыбы в Охотском море, но не использовала их в полной мере" (с. 72). "Щедрость" Хрущева вызвала сперва недоумение, а затем радость и самые непомерные требования со стороны японской делегации.

Оценка автором этого и других своевольных поступков пользовавшегося неконтролируемой властью Хрущева принципиальна и поучительна для нынешних и будущих российских политиков и дипломатов. С.Л. Тихвинский пишет: "Решение Н.С. Хрущева отказаться в пользу Японии от суверенитета над частью Курильских островов было необдуманным, волюнтаристским актом... Уступка Японии части советской территории, на которую без разрешения Верховного Совета СССР и советского народа пошел Хрущев, разрушала международно-правовую основу ялтинских и потсдамских договоренностей и противоречила

Санфранцисскому мирному договору, в котором зафиксирован отказ Японии от Южного Сахалина и Курильских островов. Это неядальновидное самостоятельное решение Хрущева стало миной замедленного действия, которая вот уже 40 лет продолжает угрожать добрососедству народов России и Японии (к сожалению, это был далеко не единственный акт самоуправства Хрущева: передача Крыма Украине, части земель на Северном Кавказе – Чечне, ряда российских областей – Казахстану стоят в том же ряду его волонтаристских поступков, нанесших огромный вред России)" (с. 73–74).

Заметим, что японцы фактически обманули Хрущева. Вопреки включенной под его давлением в Совместную декларацию 1956 г. статье о том, что СССР готов передать Японии острова Хабомаи и Шикотан после заключения мирного договора, японское правительство не стало выполнять эту договоренность. Вместо этого оно произвольно расширило свои территориальные требования, включив в них и наиболее крупные острова Курильского архипелага – Кунашир и Итуруп. Более того, уклоняясь от подписания мирного договора, в 1960 г. Япония пошла на заключение направленного против СССР так называемого "договора безопасности", закрепившего ее тесный военный союз с США.

В Японии прекрасно понимали, что столь явный отход от договоренностей 1956 г. в соответствии с нормами международного права дает СССР основание отказать от ранее сделанного обещания "передать" Хабомаи и Шикотан. Однако, похоже, это не очень беспокоило японское правительство. В разгар "холодной войны", сделав ставку на США, Япония не была озабочена отсутствием мирного договора с СССР. Как отмечают некоторые японские историки, в сложившихся условиях отсутствие такого договора было даже выгодно Японии, ибо создавало в лице СССР "образ врага", спланивало нацию вокруг борьбы за "северные территории".

Считая важным напомнить читателю события 40-летней давности, автор стремится высветить и то положительное, что принесло урегулирование советско-японских отношений. Этому посвящена вторая часть книги, где С.Л. Тихвинский вспоминает о своих последующих поездках в Японию в 60–90-е годы и встречах с японскими общественными деятелями, представителями деловых кругов и участниками различных научных конференций, проводившихся в Японии. Он пишет о гостеприимстве и дружелюбии японцев, их интересе к нашей стране и народу, стремлении уйти от всем надоевшей конфронтации, найти наконец путь к подлинному добрососедству и сотрудничеству. Искренней заботой о будущем российско-японских отношений проникнуты изложенные в конце книги мысли автора о том, по каким направлениям следовало бы развивать современные отношения двух соседних государств, как уходить от стереотипов "холодной войны", устанавливать климат доброжелательности, добрососедства и взаимного доверия.

Вынеся в название книги слова "Обречены на добрососедство", С.Л. Тихвинский заключает свой труд словами: «Соседей не выбирают: россияне и японцы самим географическим расположением обречены на мирное сосуществование и добрососедство. Как бы ни стремились иные политологи представить Россию и Японию "отдаленными соседями", они близки. А, как говорит народная мудрость, "близкий сосед лучше далекого родственника"» (с. 231).

В заключение хотелось бы выразить уверенность в том, что новая книга академика С.Л. Тихвинского будет с интересом воспринята политиками, дипломатами, учеными-востоковедами, широкой научной общественностью.

А.А. Кошкин,

доктор исторических наук,
профессор, академик РАЕН

А.А. Ляховский. ТРАГЕДИЯ И ДОБЛЕСТЬ АФГАНА. М.: изд-во "Искона", 1995, 630 с.

"Афганская война" 1979–1989 гг. – кровотокающая рана народов России и Афганистана. К этой теме обращались и еще будут обращаться исследователи. За последние годы "афганской" теме посвящено немало публикаций в отечественной и зарубежной печати. Тем не менее до появления этой книги не было обстоятельного труда, в котором в полном объеме на основе документальных источников был бы дан объективный анализ событий, происшедших в Афганистане в 70–80-х годах. Книга первого заместителя начальника

управления Главного штаба сухопутных войск генерал-майора А.А. Ляховского, во время войны – помощника руководителя оперативной группы Министерства обороны СССР в Афганистане генерала армии В.И. Варенникова, – важный шаг на пути к ликвидации "белых пятен" истории "афганской войны", восстановлению реальной картины действий советских войск. Это первая книга, написанная на основе ранее секретных и совершенно секретных и до того не публиковавшихся документов политбюро ЦК КПСС, Министерства

обороны СССР, КГБ СССР, МИД СССР. Научная ценность работы возросла бы если бы автор дал конкретные ссылки на архивные источники.

Книга состоит из 10 глав: "Афганский военный переворот – начало трагедии Афганистана", "Трудное решение на ввод войск в Афганистан", "Советские войска ведут бои в Афганистане", "Как воюют моджахеды", "Трудный путь из лабиринта", "Национальное примирение – уловка НДПА?", "Советские войска уходят домой", "Прощай, Афган", "«Шурави» ушли – моджахеды продолжают войну», "Счастье не в награде за доблесть, а в самой доблести", эпилога «Исламский фундаментализм "ползет" в Среднюю Азию» и приложений, включающих списки потерь личного состава войск.

В работе рассказывается о военном перевороте в Афганистане в апреле 1978 г., рассмотрены силы, которые он привел в движение. Дается анализ шагов, предпринятых Н.М. Тараки и Х. Амином по радикальному переустройству афганского общества, что вызвало протест основной массы афганского населения, особенно крестьян. Детально раскрывается весь сложный, противоречивый процесс, связанный с принятием генеральным секретарем Л.И. Брежневым и его окружением решения о вводе советских войск в Афганистан и их последующих действиях. Подробно описывается штурм резиденции Х. Амина и реакция Запада на акцию. Показано, почему и как наши войска были втянуты в кровопролитные боевые действия, хотя входили они в Афганистан с миротворческими целями и задача воевать там им не ставилась. Показаны боевые будни 40-й армии и те условия, в которых ей пришлось вести боевые действия, освещены некоторые операции. Подробно дана характеристика оппозиционного движения в Афганистане, его лидеров и основных полевых командиров.

Автор вскрывает глубинные причины роковых просчетов бывшего советского руководства: поразительное незнание ими истории, особенностей афганского народа, театра военных действий, поверхностная оценка складывавшейся тогда обстановки в Афганистане и вокруг него, недооценка "исламского" фактора, неумение предвидеть последующее развитие мировых событий, отсутствие соответствующего прогноза и пренебрежительное отношение к рекомендациям военных, историков, ученых-востоковедов. Поэтому военное вмешательство во внутренние дела Афганистана поставило советские войска в положение оккупантов со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. Оно нанесло огромный ущерб международному престижу СССР.

Автор всесторонне характеризует общую концепцию "афганской войны". Являясь непосредственным участником событий, он на себе ощутил всю тяжесть проводившихся боевых действий. А.А. Ляховский глубоко анализирует их, делает

соответствующие практические выводы и оценки.

В книге отмечается, что, поскольку ведение боевых действий руководством КПСС не предусматривалось и расчет строился на повторение чехословацкого сценария 1968 г., войска вводились без соответствующей подготовки и обеспечения. Поэтому советское военное командование столкнулось со многими неожиданностями с самого начала ввода войск в Афганистан. Пришлось многому учиться заново. Личный состав ни морально, ни психологически, ни в боевом и техническом отношении не был подготовлен к ведению боевых действий в партизанской войне. "Классическая" тактика, которую изучали офицеры в военных училищах и академиях, оказалась совершенно непригодной для действий против иррегулярных формирований мятежников, применявших тактику партизанских действий – внезапные налеты, засады, дальние обстрелы сторожевых застав и постов, гарнизонов, населенных пунктов и террористические акты. Это была война на моральное и физическое изнурение, без ярко выраженного фронта и тыла. Противник был везде и нигде. Он так же быстро исчезал, как и появлялся. Вчерашние союзники завтра становились врагами, и наоборот. Улыбка в лицо оборачивалась выстрелом в спину.

Советским командованием была проведена большая работа с тем, чтобы привести в соответствие со спецификой театра военных действий моджахедов оргштатную структуру войск, их техническое оснащение, вооружение, выработать рациональную тактику действий, разработать пособия, памятки и инструкции. Накопленный в этом большой и полезный боевой опыт крайне актуален в настоящее время, а его игнорирование, как подтверждает война в Чечне, приводит к плачевным результатам.

Большое место в книге отводится кулуарной борьбе в высших эшелонах власти в Афганистане, раскрываются сущность политики национального примирения и ее непригодность в условиях, когда власти не обладают достаточной силой, чтобы обеспечить ее претворение в жизнь.

Книга написана в очерковом стиле, ее отличает образность языка, доходчивость изложения, логичность построения материала. Она представляет интерес не только для воинов-афганцев и военных, но и историков, востоковедов. Она может быть рекомендована для подготовки некоторых категорий военных кадров, участвующих в миротворческих операциях и локализации вооруженных конфликтов. Работа получила высокую оценку со стороны ряда военачальников, а также зарубежных экспертов.

96Генерал армии *М.А. Гареев*,
Президент Академии военных наук РФ,
доктор военных наук,
доктор исторических наук, профессор

В современном посткоммунистическом мире, нащупывающем пути движения в XXI столетие, идут непрекращающиеся дискуссии о мере универсализма и специфичности западной цивилизации и такого ее неотъемлемого компонента, как либерализм. Немаловажный вклад в исследование в России этого многогранного и неоднозначного общественного феномена наряду с философами, социологами, политологами, экономистами вносят историки. За последние годы сделано немало для преодоления присущего советской историографии негативизма в оценке природы и роли либерализма, открываются новые страницы его истории в новое и новейшее время.

Рецензируемая работа, выполненная при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, посвящена судьбам либерализма и выяснению общего и особенного в его развитии в пяти ведущих странах Запада – США, Великобритании, Германии, Франции и Италии. Работа состоит из двух частей: "XVII–XIX века: становление" и "XX век: преемственность и развитие". Каждая часть содержит по пять глав, посвященных развитию либерализма в этих странах. В работе имеются также введение и заключение, где ставятся в широком историческом плане проблемы общезивилизационной значимости идеологии и практики либерализма. Редактирование работы, а также написание глав о Великобритании, США, введения и заключения осуществлены д.и.н., проф. В.В. Согриным, главы о Германии написаны д.и.н., проф. А.И. Патрушевым, о Франции – к.и.н. Т.М. Фадеевой, об Италии – к.и.н. Е.С. Токаревой.

Монография привлекает внимание комплексным анализом становления и эволюции либерализма как целостного мировоззрения, центральной идейно-политической традиции западной цивилизации, оказавшей большое влияние на формирование основ государственного строя, общественно-политических структур, развитие экономики, социальной и духовной жизни стран Запада. Немаловажное место в работе уделено характеристике различных течений либерализма, возникавших вследствие дифференциации либерального направления, а также его эволюции, по мере общественного развития, от классического либерализма к современным вариациям и интерпретациям. Сравнительно-исторический анализ страновых вариантов либерализма успешно сочетается с характерным для современной зарубежной историографии интересом к либерализму как политической теории и специфической политической культуре, складывавшейся в противоборстве и взаимовлиянии с различными версиями консерватизма, демократии и социализма.

Через все разделы монографии проходит мысль о гибкости и открытости либерализма, оказавшегося в лучших своих проявлениях способным вбирать рациональные идеи других направлений и традиций, но вместе с тем остающегося верным, при всех своих метаморфозах, поднятому еще на стыке средневековья и нового времени знамени свободы, веры в значимость человеческих индивидов, их способность отыскивать оптимальные пути решения насущных общественных проблем. Именно эти черты, как подчеркивается во введении к исследованию, позволили либерализму внести серьезный, а в ряде стран решающий вклад в становление западной цивилизации, выработку понятия общественных ценностей. Среди последних – "неотъемлемые права человека на духовные, политические, экономические свободы, конкуренция как основа экономического и политического развития общества, плюрализм политических течений и идеологий, их открытое, свободное состязание и одновременно терпимость друг к другу, приоритет личности по отношению к обществу и государству, а общества по отношению к государству, гражданское общество и свободное формирование социальных взаимосвязей, корпоративных и общих норм и обязательств в качестве первоосновы человеческого общежития, разделение властей и правовое государство как основа функционирования политической власти" (с. 5).

В работе дана емкая и содержательная характеристика эволюции либерализма на двух его этапах – в XVII–XIX вв., когда происходило становление либерализма (заметим, что в западной историографии существуют и другие точки зрения на хронологические рамки генезиса и оформления либерализма; в частности, период Просвещения рассматривается как предтеча, а не составная часть эпохи либерализма), и в XX в., отмеченном для либерализма серьезными испытаниями.

История либерализма в интерпретации авторского коллектива предстает прежде всего как напряженные интеллектуальные и духовные искания и социально-политические эксперименты блестящей плеяды выдающихся мыслителей, государственных и политических деятелей, чутких к национальным и мировым реалиям и сложному комплексу проблем, встававших перед странами Запада в процессе становления и развития индустриальной цивилизации и далекого от завершения перехода во второй половине XX столетия к постиндустриальной фазе.

Авторам в первой части работы удалось не только суммировать важнейшие концепции классического либерализма и практический опыт их реализации в специфических условиях столь разных по исторической судьбе стран Западной Европы и Но-

вого Света, но и существенно обогатить представление о судьбе либерализма в новое время анализом его эволюции в эпоху Просвещения, Реставрации, борьбы за объединение Германии и Италии. Весьма удачны, на наш взгляд, емкие характеристики учения основоположников либерализма – Д. Локка, А. Смита, И. Бентама, Д.С. Милля (Великобритания), воззрений Т. Джефферсона, А. Линкольна (США), Ш. Монтескье и различных версий либерализма в эпоху Французской революции XVIII в. и Реставрации (Франция), В. Гумбольдта, И. Канта и малоизвестных российскому читателю творцов "Государственного лексикона" (Германия), взглядов итальянских просветителей и видного лидера либерализма К. Кавура (Италия).

Для характеристики классического либерализма и его трансформации во второй половине XIX – в XX в. весьма ценны содержательный анализ как новых концепций и версий либерализма, рождавшихся в процессе его эволюции и растущей дифференциации, так и наиболее крупных образцов либерального реформаторства, открывавших новые пути и возможности развития западной цивилизации – правления У. Гладстона и Д. Ллойд-Джорджа (Великобритания), "Прогрессивной эры" и "Нового курса" Ф.Д. Рузвельта, либеральных реформ Д. Кеннеди и Л. Джонсона в 60-х годах XX столетия (США), "джолиттизма" эры" в Италии, неотехнократической концепции либерализма Ж. д'Эстена во Франции, теоретического обоснования и практического воплощения в послевоенной Германии концепции "социального рыночного хозяйства".

Всем содержанием работа показывает несостоятельность упрощенных и односторонних суждений о либерализме его сторонников и оппонентов, бытующих в современной России, например, идеи превращения либерализма в некий внеисторический свод незыблемых истин и канонов, верных для любого времени, любых условий, либо своеобразной мистической доктрины неограниченного индивидуализма, абсолютизированного приоритета частной собственности и культа свободного предпринимательства, а главное – иллюзии о возможности в одночасье решить проблему укоренения столь произвольно трактуемых принципов либерализма в государственных институтах, обществе и духовной жизни. Реальная духовная и политическая история либерализма, как показано в исследовании, была отнюдь не бесконфликтной, а успехи и поражения либерализма напрямую зависели от меры его способности выйти за пределы узко элитарного курса и обрести подлинно национальное звучание, найти искомую "золотую середину" между интересами правящих и имущих классов и трудящегося большинства, потребностями экономической и социальной эффективности, стремлением к консервации социально-политического строя и его обновлением под давлением хода времени.

Характерно, что и в первой и во второй части работы большое место уделено мало исследован-

ному до сих пор в отечественной историографии феномену "социального", по определению авторов, либерализма в его различных вариантах – "лloyd-джорджизма" и "джолиттизма" с присущими им обоим поворотами к законодательному урегулированию трудовых отношений и социальному реформаторству, различных вариантов применения теоретической концепции выдающегося британского экономиста Дж. М. Кейнса, сыгравших немалую роль в опробовании в 30–60-х годах XX в. модели "государства всеобщего благосостояния", сделавшего возможным прорыв ведущих капиталистических стран Запада на новый виток общественного развития.

Справедливо подчеркивается, что либерализм со времени своего становления до наших дней не свободен от порожденных им же самим антиномий: декларирование права всех индивидов на частную собственность и фактическое лишение таковой большинства граждан в новое и новейшее время, демократический по своей природе принцип естественных и равных гражданских прав и проблема создания условий и гарантий их соблюдения, отрицание идеологами либерализма как утопических идей равенства всех людей и коллективизма и необходимость вопреки теоретическим постулатам находить пути и средства минимизации сопутствующих новому и новейшему времени социальных проблем и бедствий. Как показано в работе, не случайно в процессе разработки основополагающих принципов либерализма и претворения их в жизнь шло постоянное противоборство, принимавшее различные формы, между сторонниками так называемого экономического либерализма, отстаивавшими принципы неограниченной свободы предпринимательства и невмешательства государства в экономическую и социальную сферу, и убежденными сторонниками "дирижизма" и социального реформаторства при активной роли государства и рабочих партий и организаций.

Книга дает богатый материал для размышлений о роли либерализма в судьбах западной цивилизации, о возможностях и пределах его саморазвития, о степени его самостоятельности и зависимости от внешних факторов и импульсов, о механизмах, обеспечивающих практическое применение характерных для либерализма принципов консенсуса, плюрализма, стабильности в сочетании с изменчивостью, волнообразностью движения вправо-влево, без слома главной магистрали развития по пути свободы и социально-экономического прогресса.

Заслуги авторского коллектива в исследовании гигантской по масштабам, хронологической протяженности и сложности темы несомненны. Но это не исключает определенных недостатков и лакунов в освещении эволюции и судеб либерализма. При удачной в целом структуре работы обращает на себя внимание несколько произвольное размежевание материалов первого и второго разделов.

Так, в главах, посвященных США, Великобритании, во втором разделе изложение начинается с первого десятилетия XX в., в главе о Германии – с окончания первой мировой войны и оформления Веймарской республики. Отсутствует характеристика развития германской либеральной мысли в годы нацистской диктатуры. В главе, посвященной Франции, опущен полувековой период истории и кризиса французского либерализма в Третьей республике, в годы оккупации Франции и в Четвертой республике. Имеются определенные неточности в характеристике организационной структуры итальянского либерализма в новое и особенно новейшее время, в частности, ничего не сказано о создании и функционировании либеральной партии в 20-х годах, а также о ее возрождении и роли после второй мировой войны.

Бегло говорится о взаимоотношениях либерализма и церкви и религии, специфике этих взаимоотношений в англосаксонских, в основном протестантских странах, и в важных оплотах католицизма – Франции и Италии; не показан процесс формирования либеральных течений католицизма и перехвата последними политической инициативы у светских версий либерализма во Франции, Италии и Германии, не в последнюю очередь из-за капитулянтства либеральных партий светского типа перед фашизмом. Поскольку в работе уделено столь большое внимание интеллектуальному и духовному наследию либерализма, следовало, на наш взгляд, особенно подчеркнуть подлинную духовную революцию, произошедшую благодаря становлению и укоренению либерализма и преодолению традиционалистского типа мышления и мировосприятия. Как известно, метафизике средневекового богословия либерализм противопоставил рационализм, научное познание, диалектический подход к проблемам материи – живой и неживой, равно как и к человеческому обществу. Иерархии и сословности, освященным авторитетом церкви и постулатами религии, либерализм, особенно в XVIII–XIX вв., противопоставил принцип естественных прав человека, включая его право на сопротивление тирании, а также светско-рационалистическую интерпретацию природы власти, а соответственно и ее функций.

Е. П. Серапионова. РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ (20–30-е годы). М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, Научный центр общеславянских исследований, Российский гуманитарный научный фонд, 1995, 196 с.

Е.П. Серапионова поставила задачу проанализировать неполитическую "деятельность эмигрантских организаций, их состав, численность" (с. 12) и основное направление их работы. Для ее решения привлечены труды и мемуары эмигрантов, периодическая печать, статьи современных чешских, словацких и российских исследователей, материа-

Либеральная идея бесконечного прогресса и движения человечества по восходящей линии, в противовес фаталистической идее божественной воли и предопределенности судьбы, пересмотр которой начался только в XX столетии, дала мощный импульс различным видам человеческой деятельности, повышая самоидентичность личности, меру ее автономии от диктата традиции. Не менее важно было глубже вскрыть истоки кризиса либерализма в XX в. и учащавшихся проявлений его несостоятельности, особенно в эпоху мировых войн и социальных катаклизмов, трудностей обретения либерализмом "второго дыхания" и новых ценностных ориентиров на исходе XX столетия. Заслуживает внимания прозвучавшая в современных общественно-политических дискуссиях на Западе мысль о том, что современный кризис социализма, усиленный крушением его коммунистической версии, и немалые трудности либерализма в условиях его триумфа представляют два лика кризиса современной индустриальной цивилизации и трудного поиска нового наполнения и обеспечения классических постулатов либерализма на пороге XXI столетия.

Картина истории либерализма была бы несравненно более объемной и поучительной, если бы при ее изложении был шире показан общечеловеческий фон нового и новейшего времени с характерным для него сплетением в тугой узел национальных и социальных научно-технических и духовных, гуманистических и общечивилизационных проблем, а сам либерализм был показан далеко не свободным – при всем своем прагматизме, реалистичности и открытости – от утопий и иллюзий в отношении человека и человечества, меры и неисчерпаемости прогресса, колебаний в выборе приоритетов между духовными, материальными и постматериальными ценностями. Не случайно гуманистическая мысль Запада отнюдь не склонна прогнозировать успех либерализма в глобальном измерении в XXI в.

З.П. Яхимович,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Института
сравнительной политологии РАН

лы серьезной монографии профессора Колумбийского университета М. Раева "Россия за рубежом. История культуры российской эмиграции 1919–1939 гг." (М., 1994).

В небольшом историографическом введении автор подчеркивает первенство "среди работ общего характера о российской эмиграции" (с. 6) книги

Л.К. Шкаренкова "Агония белой эмиграции" (М., 1986), но не упоминает работу В.В. Костикова «"Не будет проклинать изгнание..." пути и судьбы русской эмиграции» (М., 1990), где с широким использованием эмигрантской литературы и периодики освещена нравственная и культурная жизнь российской диаспоры в Германии и во Франции. Автор отмечает, что она не рассматривает самостоятельно проблемы украинской и белорусской эмиграции в Чехословакии. Вне внимания автора осталась Международная научная конференция по культурному наследию 1917–1940 гг., проходившая под патронатом РАН в Москве в 1993 г., а главное, двухтомник трудов, изданный в 1994 г.¹, в котором шесть статей посвящены аспектам культурной жизни российского зарубежья в Чехословакии.

Достоинство книги – использование материалов Русского исторического заграничного архива, так называемого Пражского, находящегося в Москве с 1945 г. в Государственном архиве РФ и ставшего доступным для исследователей только в конце 80-х годов. Е.П. Серапионова впервые ввела в научный оборот документальный материал фондов этого архива: Объединения российских земских и городских деятелей в Чехословакии (Земгор), Административной комиссии русских землевладельцев при Земледельческой едноте (союзе) Чехословакии, Русского юридического факультета и Объединения русских эмигрантских студенческих организаций (ОРЭСО). Автором использованы документы из Государственного архива Чешской республики и из Архива Закарпатской области.

Четкое представление о причинах возникновения первой волны эмиграции, насчитывавшей около 3 млн. человек, об основных ее центрах и, в частности, о создании российской колонии в Чехословакии, в которой по различным данным в разные годы было от 10 до 40 тыс. человек, дано в первой главе "Изгнанники". Здесь же рассматриваются вопросы о составе и материальном положении российской эмиграции в Чехословакии. Автор подробно анализирует положение 2849 российских землевладельцев, состоявших из казаков, жителей Украины и других российских губерний, которые после окончания профессиональных курсов по рабочим специальностям и сельскому хозяйству в большинстве поселились в провинции, особенно в Подкарпатской Руси. Е.П. Серапионова описывает также большие трудности с устройством на работу людей с высшим образованием, занимавшихся умственным трудом, и, в частности, получивших высшее образование в Чехословакии в годы мирового кризиса.

Интересны страницы книги, посвященные "русской акции", т.е. оказанию чехословацким правительством большой материальной помощи рос-

сийским беженцам. Автор подчеркивает, что, хотя инициатором ее был сам президент Т.Г. Масарик и его ближайшее окружение, Э. Бенеш и В. Гирса из министерства иностранных дел Чехословакии, эту акцию активно поддержали деятели правого политического крыла Чехословакии К. Крамарж, связанный с русскими монархистами, и аграрий А. Швегла. Всего с 1921 по 1925 г. чехословацким правительством на проведение "русской акции" было израсходовано 283 млн. чешских крон, а общая сумма за 1921–1931 гг. превысила полмиллиарда чешских крон (с. 22). Автор отмечает, что Масарик не желал поддерживать контакт с правыми эмигрантами, как, например, с генералом П.Н. Врангелем, и делал ставку на кадетов и эсеров, рассчитывая в перспективе на замену власти большевиков левыми силами российской эмиграции, которые могли бы найти общий язык с советами в России.

Е.П. Серапионова характеризует расстановку политических сил в российской диаспоре, роль в ней монархистов, кадетов, демократических групп, эсеров, меньшевиков, социал-демократической группы "Единство". Однако в книге не упоминается о левом крыле эмиграции – "Союзе студентов – граждан СССР", действовавшем в ряде городов Чехословакии в 1924–1927 гг. и имевшем свой печатный орган². Автор отмечает, что в преддверии второй мировой войны российская эмиграция раскололась на два непримиримых лагеря: "оборонцев" – сторонников победы Красной Армии над фашистами, этих взглядов придерживались П.Н. Милоков, А.Ф. Керенский, А.И. Деникин, и "пораженцев" – П.Н. Краснов и др. В книге не указывается конкретно, какие известные деятели российской диаспоры в Чехословакии каких взглядов придерживались. Ничего конкретного не говорит автор об участии российской диаспоры в движении Сопротивления во время войны, хотя и касается этого в заключении книги. Неверно утверждение Е.П. Серапионовой об аресте и депортации после войны всей эмигрантской массы в СССР. Известно, что часть ее вернулась на родину добровольно, другие же остались жить и трудиться в послевоенной Чехословакии.

Вторая глава книги "Пражский Земгор" посвящена созданному 17 марта 1921 г. в Праге по инициативе членов администрации журнала эсеро-ского толка "Воля России" Объединению Российских земских и городских деятелей в Чехословакии, которое на протяжении всего 13-летнего существования возглавляли эсеры В.М. Зензинов, В.Я. Гуревич, И.М. Брушвит, хотя эсеры не составляли большинства среди представителей других политических партий в объединении. Согласно уставу Земгор не занимался политической

² Sovetske pnuti mezi emigranty в рукописи Vlitežsalčeh "Povstaveni a ùloha ruské emigrace v Ceshoslovensku (1918–1927)". Brno 1968, s. 252–258.

¹ Культурное наследие российской эмиграции 1917–1940 гг., кн. 1–2. М., 1994.

деятельностью, но играл важную роль в жизни российской диаспоры. В сферу его деятельности, отмечает автор, входило оказание эмигрантам содействия в приобретении жилищ, трудоустройстве, организации юридической и медицинской помощи, а также в получении высшего и профессионального образования. Решение этих задач зависело от финансовых средств, которые чехословацкое правительство предоставляло Земгору, в частности в виде долгосрочных займов.

В третьей главе монографии "ОРЭСО и другие структуры" отводится значительное место культурно-просветительной деятельности Земгора и заменившего его в начале 30-х годов Объединения русских эмигрантских студенческих организаций. Большим событием в жизни российской диаспоры явилось открытие в Праге в октябре 1923 г. Народного университета (с 1933 г. Русского народного университета), ректором которого длительное время был профессор-биолог М.М. Новиков, а заместителем – литературовед и историк Е.А. Ляцкий. Здесь преподавало 33 профессора, многие из которых были высланы из Советской России в 1922 г.³ В эти же годы в Чехословакии существовали Русский юридический факультет (создатель – профессор П.И. Новгородцев) под протекторатом Карлова университета, Русский педагогический институт им. Я.А. Коменского, Русское высшее училище техников путей сообщения, Институт коммерческих знаний. Общее количество студентов российской диаспоры, обучавшихся в вузах Чехословакии в 1924 г., достигло 3 245 человек⁴. Все они, как пишет Е.П. Серапионова, в основном существовали на средства, полученные от Земгора. В книге уделено место и научным учреждениям, действовавшим в Чехословакии. В Праге активно работало Историческое общество под руководством таких крупных ученых, как Е.Ф. Шмурло, А.А. Кизеветтер, А.В. Флоровский, а также Русский научный институт сельского хозяйства, позже Институт изучения России, во главе с А.В. Пешехоновым, затем Н.Ф. Новосиловым, Экономический кабинет С.Н. Прокоповича, Общество русских инженеров и техников, где действовала комиссия по исследованию влияния нэпа на промышленность России. Все эти учреждения выпускали ученые труды и содержались на средства Земгора. Обстоятельно анализируется также деятельность Русской народной библиотеки в Праге и созданных ею архивов, преобразованных в Русский заграничный исторический архив и переданный в 1923 г. в компетенцию министерства иностранных дел Чехословакии⁵.

³ Костиков В.В. Последний пароход. М., 1988.

⁴ Cech V. Povstaveni a uloha ruske emigrace v Ceskoslovensku (1918–1927). Brno, 1968, s. 77.

⁵ Аксенова Е.П. Историческая наука СССР и русского зарубежья в оценке В.А. Флоровского. –

Среди эмигрантов, как подчеркивает автор, в середине 20-х годов пользовались популярностью литературно-музыкальные вечера в живописном городке Збраславе под Прагой. "Збраславские пятницы"⁶ способствовали установлению, как пишет Е.П. Серапионова, контактов с украинским кружком, а также с армянским и калмыцким. К сожалению, автор мало внимания уделяет Русскому культурно-историческому музею в Збраславе, директором которого был В.Ф. Булгаков⁷. Говоря о Пражской русской реформированной гимназии, автор не отмечает огромную воспитательную работу, проводившуюся в ней представителями российской науки⁸. Больше можно было бы сказать о гимназии в Моравской Тршебове⁹. Значителен материал в книге о творческих объединениях российских деятелей литературы в Праге, ведь здесь жили писатели В.И. Немирович-Данченко, Е.Н. Чириков, А.Т. Аверченко, бывали русские писатели-эмигранты К.Д. Бальмонт, П.С. Шмелев, А.М. Ремизов, Б.К. Зайцев. Рассказано о многочисленных выступлениях в стране известных русских артистов. Сведения об этом хотелось бы видеть сгруппированными в книге в одном месте.

Следует согласиться с автором, что эмигранты способствовали в значительной мере распространению "среди чехов и словаков знаний о России, ее народах, истории, природе, культуре, языке" (с. 167).

К книге приложен, к сожалению, неполный список российских эмигрантских организаций и движений в Чехословакии, а также не все репродукции фотографий памятных мест российской эмиграции в Чехословакии.

Книга Е.П. Серапионовой, несмотря на некоторые пробелы, дает представление о российской эмиграции в Чехословакии, способствует дальнейшему изучению столь важной темы.

Ф.А. Молок,
кандидат исторических наук

Культурное наследие российской эмиграции 1917–1940 гг., кн. 1.

⁶ Лосский Б. В русской Праге (1922–1927 гг.) – Минувшее, 1994, № 16.

⁷ Муромцева Л.П., Перхавко В.Б. Музейные собрания российских эмигрантов в Чехословакии. – Культурное наследие российской эмиграции 1917–1940 гг., кн. 1, с. 63–70.

⁸ Молок Ф.А. Русская гимназия в Праге в 20–30-е годы. – Еженедельник "История", № 30, август 1996.

⁹ Копрживова-Вуколова А. Русская реальная гимназия в Моравской Тршебове. – Культурное наследие российской эмиграции 1917–1940 гг., кн. 2; Белошевская Л. Литературная деятельность русской эмиграции в Чехословакии в межвоенный период. – Там же.

Л. В. Таран. ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ФРАНЦИИ И РОССИИ. 70-е ГОДЫ XIX – 40-е ГОДЫ XX в. Киев: Наукова думка, 1994, 200 с.

Монография доктора исторических наук Л.В. Таран посвящена сравнительной характеристике развития французской и российской исторической мысли последнего столетия в связи с изучением проблем Французской революции 1789–1793 гг. Основное внимание автор сосредоточивает на выяснении того, в какой степени изучение проблем Французской революции способствовало обновлению научных принципов историографии в целом, меняя ее парадигмы как во Франции, так и в России.

Российская историческая наука, а после 1917 г. – советская на всех этапах своего развития проявляла значительный интерес к изучению Французской буржуазной революции конца XVIII в. При этом она многое заимствовала из идейной сокровищницы французской историографии, но и давала немало новых идей и подходов французской историографии, особенно в изучении аграрного вопроса.

Изучение общего и особенного в развитии методологических принципов и концептуальных построений исторической науки Франции и России определило и хронологические рамки работы – 70-е годы XIX – 40-е годы XX в. Это было время, считает автор, когда во французской историографии "произошел переход от позитивистских воззрений на задачи исторического исследования к методологическим принципам, сформулированным школой "Анналов" Л. Февра и М. Блока". В результате "во французской историографии сложились те научные парадигмы, которые и сейчас во многом определяют ее творческое лицо" (с. 7).

Что касается российской исторической науки, то с 70-х годов XIX в. здесь формировалась "русская историческая школа" – "темы ее исследований, а зачастую и выводы были отправной точкой развития первого этапа российской советской историографии революции 1789 г., охватывающего временной промежуток с 1917 до 40-х годов" (с. 7). Нижние хронологические рамки исследования весьма условны, так как 30-е годы с точки зрения научной парадигмы не были этапом в советской историографии. Условность этих рамок, видимо, понятна и исследовательнице, поскольку в монографии она оперирует целыми блоками литературы, как французской, так и советской, и 40–60-х и 60–70-х и даже 80-х годов, а в предисловии справедливо отмечает, что "практически автор исследовал французскую и российскую историографию до начала 90-х годов, поскольку лишь с позиций современного знания возможен подход к достижениям исторической науки вышеозначенного периода" (с. 7).

Отметим новаторский подход автора к проблеме периодизации развития науки советского периода. В противовес принятой до последнего

времени точке зрения¹ она считает здесь важнейшим рубежом 1929 г., год первой всесоюзной конференции историков-марксистов, конец плюрализма в развитии методологических основ историографии, начало насаждения марксизма в СССР, в частности и репрессивными мерами (с. 76–78).

Автор строит исследование на основе плюралистических, историко-философских принципов, особенно широко применяется междисциплинарный подход, используя результаты исследований не только чисто исторических дисциплин, включая философию, социологию и историографию, но данные исторической географии, психологии, антропологии, экономической науки и др. Пожалуй, это можно отнести к едва ли не самым большим удачам исследовательницы, хотя на этом пути, как нам представляется, лежат не только достижения, но и недоработки. Методологические принципы исторической науки, какими мы пользовались до последнего времени, переживают глубокий кризис. От старых методологических и эпистемологических принципов и представлений мы отошли, к новым, к сожалению, не пришли. В этих условиях некоторые оценки в работе историков и их взглядов требуют дальнейшего углубленного осмысления.

Основное внимание в монографии уделено раскрытию роли и места французской национальной историографии, особенно школы "Анналов", в развитии и обогащении методологических основ исторической мысли. Параллельно в монографии анализируется и развитие исторической мысли России и Украины последнего столетия. Особенно хорошо раскрыты роль и место в развитии исторической науки под углом зрения изучения Французской революции конца XVIII в. "русской исторической школой".

И все же главенствующее место в монографии занимает французская, а не российская историография – из четырех глав книги три посвящены французской и только немногим больше главы – российской исторической мысли. Развитие французской историографии, ее вклад в национальную и мировую историографию разработаны намного лучше, чем развитие российской историографии соответствующего периода. Это и понятно. Французская историография играет ведущую роль в исторической науке XX в., оказывая значительное влияние на развитие мировой исторической мысли (с. 3). Естественно, что она и более всего разработана в национальной и мировой историографии. Эта проблематика ближе всего и автору монографии, так как ее кандидатская диссертация была

¹ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966, с. 11–20.

посвящена Пьеру Ренувену как историку международных отношений, в 1991 г. в издательстве "Вища школа" (Киев) вышла и монография автора "Французская историография"².

Монография является едва ли не первой в науке стран СНГ попыткой показать, что процесс развития историографии во Франции, России и Украине до начала 30-х годов был однонаправленным, и в разделах, посвященных французской науке, – в третьем и четвертом, там, где этого требовала логика исследования, удачно проведены соответствующие сопоставления и сравнения процессов, которыми были отмечены методологические, идейные и концептуальные трансформации историографии во Франции, России и СССР как в целом, так и в изучении сюжетов Великой французской революции. Советские историки-зарубежники были несколько в более выгодных условиях, и их вклад в национальную и мировую историографию был заметным и ощутимым даже в самые тяжелые времена. Недаром труды Е.В. Тарле, С.Д. Сказкина, Б.Ф. Поршнева, А.З. Манфреда, В.М. Далина, о которых речь идет в монографии, хорошо известны в научном мире, в частности и во Франции, и были неотъемлемой составной частью научного диалога историков Франции, России и Украины, который развивался часто подспудно, независимо от официальных установок.

Новизной отличаются страницы монографии, посвященные традициям "русской исторической школы" на Украине. "Русская историческая школа" объединяла историков России и Украины. Мы согласны с автором монографии, что "относительно досоветского периода невозможно обособленно говорить о "русской" и "украинской" школах исследования крестьянских проблем революции 1789 г.: в этой области знаний историографический процесс был единым" (с. 5). Отметим только, что из трех наиболее выдающихся представителей русской аграрной школы двое – И.В. Лучицкий и М.М.

Ковалевский – были украинцами. Автор монографии первой ввела в научный оборот материалы архива И.В. Лучицкого, его переписку³.

Оригинальны и материалы о традициях "русской исторической школы" на Украине, особенно в Киевском, Новороссийском (Одесском) и Харьковском университетах.

И все же советский период развития исторической науки, даже под углом зрения изучения проблем Французской революции конца XVIII в. требовал дальнейшего осмысления и разработки. Советская наука не только не расстрачивала, но увеличивала достижения "русской исторической школы". Все это даже в работе, хронологические рамки которой ограничены началом 40-х годов XX в., должно было получить более полное освещение.

Требует большей четкости и смысловой ясности употребляемая автором терминология. После распада СССР необходимо уточнить такие термины, как "отечественная" и "зарубежная" историография, "российская" и "русская" историческая наука, "российские" историки и "русские" историки. Претензии можно высказать и относительно оформления научного аппарата работы: в одних случаях сноски даются по главам в конце монографии, в других же – прямо в тексте. Названия работ французских историков, причем на французском языке, приводятся в тексте, что только затрудняет чтение монографии. В ней называются сотни историков, некоторые неточно (с. 141). На рис. 137 неверно указан год смерти французского историка А. Собуля (не 1981, а 1982 г.).

Несмотря на сделанные критические замечания, монография Л.В. Таран – серьезная заявка на решение важной научной проблемы.

Г.В. Павленко,

доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой новой и новейшей истории и историографии Ужгородского государственного университета

³ См. Письма И.В. Лучицкого (Вступительная статья, комментарий). – Французский ежегодник. 1987. М., 1989.

² Французька історіографія (70-ті роки XIX – 80-ті роки XX ст.). Київ, 1991, 103 с.

С. Б. Семенов. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ АНГЛИЙСКИХ РАДИКАЛОВ XVIII ВЕКА. Самара: изд-во СамГПУ, 1995, 116 с.

Небольшая книга заведующего кафедрой всеобщей истории Самарского государственного педагогического университета, доцента С.Б. Семенова заполняет собой существенную лауну в отечественной историографии. Общественно-политическое движение в Англии XVIII в. и общественно-политическая мысль этого времени исследованы очень слабо. В работе С.Б. Семенова прослежены действие традиций, прежде всего политических и

интеллектуальных, в общественной мысли и общественном движении Англии, взаимосвязь интеллектуальных и общественных движений. В конце XVIII в. под влиянием технических, экономических и политических изменений, последовавших за Английской революцией, и в результате промышленного переворота появляются совершенно новые общественные явления. Ведь именно тогда началось активное демократическое движение в

стране, в котором впервые участвовали рабочие, воспринявшие идеи радикалов о демократизации английской политической системы, прежде всего демократизации парламентской системы. Из этого движения в первой половине XIX в. вырос чартизм, оказывавший в течение десятилетия значительное влияние на политическую жизнь Англии.

Полемизируя с английскими историками, С.Б. Семенов считает, что английский радикализм XVIII в., несмотря на свою сложность, представляет цельное явление. Он не согласен с определением радикализма как движения за парламентскую реформу, данным в "Британской энциклопедии", справедливо считая радикализм более глубоким и разносторонним политическим движением. Автор возражает тем историкам, которые объясняют его появление исключительно религиозными причинами на том основании, что участники и идеологи радикализма были в основном диссидентами С.Б. Семенов отмечает, что это движение с самого начала имело политический стимул и отражало насущные общественные потребности, имея широкий отклик среди мелкой буржуазии, фермеров-арендаторов, фригольдеров. Автор выступает против попыток охарактеризовать это движение как торийское и реакционное по сути, отмечая, что сходство формы требований вовсе не есть сходство их содержания.

С.Б. Семенов считает, что начало радикализма следует отнести к 1769 г., связывая его с так называемым "делом Дж. Уилкса". Он утверждает, что при анализе этого явления нельзя ограничиваться только рассмотрением политических программ. Необходимо выяснение его теоретических основ, идеологии, политических программ и непосредственной деятельности.

Книга состоит из трех очерков, отражающих основное содержание и аспекты английского радикализма: политическую историю радикализма – Джозеф Пристли и Ричард Прайс; радикальную программу реформ – Джеймс Бург и Джон Картрайт; политику, опрокинутую в прошлое, – Кэтрин Маколей.

В них автору удалось дать оригинальный конкретно-исторический анализ творчества этих представителей английского радикализма XVIII в.

Идейные истоки общественно-политической мысли радикалов автор видит в английском Просвещении и показывает это на примере трудов Дж. Пристли и Р. Прайса, где явно просматривается сильное влияние идей Дж. Локка.

С.Б. Семенов утверждает, что радикалы не просто выступили с пожеланиями и декларациями, а действительно были демократами по своим убеждениям и хотели радикально изменить политическую систему Англии, чтобы народ принимал участие в формировании политики. При этом он отмечает, что радикалы рассчитывали только на мирный путь преобразований. Правда, степень их радикализма, как и понимание свободы человека и

гражданина, а также толкование понятия "народ" были различны. И если Дж. Пристли и Дж. Бург стояли за сохранение имущественного ценза в избирательной системе, то Дж. Картрайт выступал за всеобщее избирательное право.

Все упомянутые персонажи предстают в книге живыми индивидуальностями, в окружении современников и на фоне своей эпохи с ее особенностями.

Читатель получил доступ к свежему, неизвестному ранее историческому материалу.

Однако, признавая справедливыми характеристики автором радикализма как сложного исторического явления и его отказ в связи с этим от определения радикализма некоторыми британскими историками как буржуазного или же от принятого в нашей историографии термина "мелкобуржуазный радикализм", нельзя согласиться с отказом С.Б. Семенова дать его социальную интерпретацию. Аргументируя свой отказ, он пишет (с. 16), что в рамках "социологической" интерпретации нельзя дать ответ на вопросы, что подразумевалось под требованием справедливого и равного представительства народа или в чем выражалась буржуазность требования сокращения парламентских полномочий. Поэтому, пишет автор, "ссылки на буржуазное происхождение радикальной программы оказываются недостаточными для ее всестороннего объяснения".

Но в таком случае радикализм из понятия превращается либо в пустую абстракцию, либо в явление совершенно уникального порядка, что не позволяет использовать его в рамках типологического анализа.

Призыв к равному народному представительству сам по себе не является буржуазным и в то время мог быть истолкован как благое пожелание. Но именно эти призывы привлекли к этому движению действительно народные массы: мелких и средних землевладельцев, фермеров, фригольдеров, мелкую буржуазию города, рабочих.

Однако главное даже не это, а то, что в случае успеха, хотя бы частичного, политические реформы тогда были бы полезны прежде всего буржуазии и укрепляли бы буржуазное развитие английского общества, во последствии и подтвердилось. Исходя из этого, думается, что английский радикализм XVIII в. вполне может быть определен как буржуазно-демократическое движение, что отражает и его содержание, и социальную базу, и объективную направленность его результатов.

Вызывает возражение и другой вывод. Обоснованно прослеживая истоки радикализма XVIII в. в английском Просвещении, С.Б. Семенов вместе с тем и ограничивает их этой эпохой, противореча своему же собственному анализу. Не только косвенно – через Просвещение, но и непосредственно эти истоки коренятся в Английской революции и отчасти в движении левеллеров.

Работы Дж. Картрайта, несмотря на ссылки на древнюю конституцию, по сути повторяли левеллеровскую программу, с которой он был хорошо знаком. А. Маколей прямо обращается к событиям, предшествовавшим революции, и непосредственно к ее опыту, и программы демократических политических движений революции становятся политическим ориентиром современности.

Книга позволяет читателю ознакомиться с новыми страницами истории Англии XVIII в.

Е.Г. Блосфельд,

доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории Волгоградского государственного педагогического университета

H. Kissinger. DIPLOMACY. New York: Simon and Schuster, 1994, 910 p.
Г. Киссинджер. ДИПЛОМАТИЯ. Нью-Йорк, 1994. 910 с.

Появление любой крупной политологической работы известного автора – всегда заметное событие; тем более если книга принадлежит перу такого широко известного политика и дипломата, как Г. Киссинджер.

Г. Киссинджер – выпускник, а потом профессор Гарвардского университета, консультант госдепартамента и министерства обороны США по внешнеполитическим и военностратегическим проблемам, помощник президента по национальной безопасности (1969–1975 гг.), государственный секретарь США (1973–1977 гг.), автор крупных работ: "Восстановленный миропорядок", "Ядерное оружие и внешняя политика", "Беспокойное партнерство", "Годы в Белом доме", "Переломные годы"¹.

"Дипломатия" Г. Киссинджера – это объемная монография, состоящая из более чем 30-ти расположенных в хронологическом порядке глав, охватывающих историю дипломатии нового времени. Большинство глав в работе носит описательный характер. Автор зачастую повторяет общеизвестные факты и не претендует на научную новизну.

Основной объект внимания автора, как и в предыдущих его книгах, – теория и практика "баланса сил" на международной арене. Он стремится показать, как формировалось и развивалось искусство дипломатии и каким образом устанавливался баланс сил между государствами на протяжении многих десятилетий.

В книге содержится характеристики видных государственных деятелей и дипломатов разных стран XVII–XIX вв. и новейшего времени. Автор уделяет особое внимание прежде всего тем историческим деятелям, которым удалось путем проведения реалистической внешней политики добиться стабильности в мире и безопасности на

международной арене. Подходя с этими критериями к анализу исторических деятелей, Г. Киссинджер дает интересные оценки таким фигурам, как О. Бисмарк и К. Меттерних, И.В. Сталин и Мао Цзэдун, Де Голль и Чжоу Эньлай.

Большая часть монографии посвящена анализу дипломатии европейских государств в XIX в. Автор пишет о балансе сил между наиболее мощными в военном и геополитическом отношении европейскими державами – Великобританией, Австрией и Россией. Он, несмотря на данную им характеристику дипломатии прошлого века как "безжалостной" (с. 80), положительно отзываясь о реалистическом подходе глав государств к оценке соотношения собственных интересов на международной арене и собственной военной мощи. Анализ степени стабильности Венской системы зачастую сводится у него к детальной проработке дипломатических шагов Меттерниха и Кэслри под углом зрения осуществления политики "баланса сил". При этом из поля зрения автора выпадают многочисленные внутри- и внешнеполитические тенденции, приведшие к распаду Священного союза, складыванию противоборствующих коалиций и началу Крымской кампании. Влияние революционного и национально-освободительного движения 30–40-х годов XIX в. на стабильность системы международных отношений не получило в "Дипломатии" столь же глубокого освещения. Г. Киссинджер делает сравнительный анализ дипломатических усилий Бисмарка, который, как отмечено в книге, произвел поистине "революционные изменения" в дипломатической практике "баланса сил", и императора Франции Наполеона III, отдавая явное предпочтение "железному канцлеру". Автор отмечает, что Наполеон III, "осуществлял свою внешнюю политику в стиле современных политических лидеров, которые оценивают свои успехи по реакции вечерних теленовостей" (с. 136). Такой подход прямо противоречил дипломатическому стилю Бисмарка.

Отказ от использования силы в международных отношениях, попытки установить систему, основываясь лишь на "благих пожеланиях и добрых наме-

¹ *Kissinger H. World Restored: Metternich, Castlereagh and the Problems of Peace 1812–1822. Boston, 1957; idem. Nuclear Weapons and Foreign Policy. New York, 1957; idem. The Troubled Partnership: A Reappraisal of the Atlantic Alliance. New York, 1965; idem. White House Years. Boston, 1979; idem. Years of Uplift. Boston, 1982.*

рениях", являются, по Киссинджеру, одной из главных причин краха стабильности в международных отношениях. Показателен в этом смысле, пишет он, пример Версаля – "мертворожденной" системы. Отказ от "реальполитик", с одной стороны, и увлечение "улучшением внешнеполитических нравов" – с другой, и привели в конце 30-х годов к попустительству агрессии и развязыванию второй мировой войны.

Неудачи Лиги наций весьма показательны для Киссинджера, старающегося вновь предостеречь американский политический истеблишмент от повторения былых ошибок В. Вильсона. Как бы в противовес Лиге наций рассматривается дипломатическая игра, предшествовавшая заключению пакта о ненападении между СССР и Германией в августе 1939 г. В этом случае, пишет автор, два отнюдь не последних в Европе государства, оказавшиеся "выброшенными" за пределы системы международных отношений, последовали принципам "реальполитик" и одержали дипломатическую победу, тогда как западная дипломатия, не говоря уже об американской, оказалась неспособна предотвратить смещение баланса сил на мировой арене.

Размышляя о начале "холодной войны" и развертывании широкой конфронтации между двумя сверхдержавами, автор делает весьма спорный вывод о том, что эти события были по большей части продиктованы несоответствием представлений руководства двух держав о намерениях друг друга. Он отмечает, что в лице Сталина – руководителя советской страны, провозгласившей идеологические принципы основополагающими при формировании политического курса на мировой арене (или "революционной державы"), по Киссинджерскому определению), западные лидеры встретились с "реалистом европейского типа, которому трудно постичь американскую веру в абстрактные принципы" (с. 428).

В этом смысле внешняя политика СССР, как полагает автор, была гораздо более объяснима с точки зрения традиционных принципов "реальполитик", хорошо знакомых Старому Свету. Автор не упускает из виду и минусы американского подхода к внешней политике. В частности, политика "ядерного сдерживания", неизменно понимаемая автором как не в полной мере соответствующая американским национальным интересам, способствовала дальнейшему обострению международной напряженности, а неспособность администрации США оценить реальное стремление соперничающей сверхдержавы к стабильности и предсказуемости мировой политики привела к неправоильной трактовке намерений противника.

Так, посвящая отдельную главу корейской войне, автор замечает, что эта война «вовсе не была рождена "заговором Кремля" с целью втянуть Америку в крупномасштабное противостояние в Азии» (с. 483). Исходя из анализа

принципов европейской "реальполитик" и "баланса сил", Киссинджер отмечает, что советское руководство, желая получить политические дивиденды от конфликта, тем не менее не стремилось к развязыванию новой войны.

Объем материала, посвященный истории вьетнамской войны, в книге обширен. В освещении этой проблемы автор имеет прямую личную заинтересованность. Вьетнамская война, с которой автору пришлось столкнуться будучи помощником президента по национальной безопасности, а впоследствии и госсекретарем США, опровергла многие положения, высказанные Киссинджером в его ранних научных статьях и монографиях. Так, концепция "ограниченного конфликта" и "дозированного применения ядерной силы", одним из разработчиков которой был сам автор и которая была "взята на вооружение" в бурную "эпоху Кеннеди", показала свою явную несостоятельность, а "дозированное" применение ядерных средств не было опробовано. "Средства ведения войны, – объясняет автор, – оказались явно недостаточными для выполнения поставленных целей. Эти цели могли быть достигнуты только путем решимости пойти на такой риск, к чему Вашингтон не был готов" (с. 659). Г. Киссинджер отмечает, что "психологический надлом" в американском обществе в 70-е годы, не раз критиковавшийся им в печати тех лет, сыграл важную роль для "оздоровления" американского внешнеполитического мышления. Несмотря на серьезные неудачи, полагает автор, США после мучительного осмысления, споров и поисков истины, вышли на новый уровень понимания своего места в мире, а СССР, пытавшийся "заполнить вакуум силы" и взять на себя бремя новых международных обязательств, "заплатил смертельную цену за моральные, политические и экономические перегрузки" (с. 701).

Автор пишет, что в наступившую после "холодной войны" эру США остались единственной сверхдержавой. Он проводит аналогию нынешнего миропорядка и Версальской системы, когда Америка вновь может использовать свое почти неограниченное влияние для пропаганды и распространения собственных ценностей по всему миру. Здесь наблюдается явная экстраполяция степени могущества глобальной сверхдержавы конца "холодной войны" на положение США по завершению первой мировой войны, когда США сосредоточили в своих руках лишь относительное финансово-экономическое лидерство. В этом, как пишет автор, будет содержаться главный соблазн для американских руководителей в предстоящие десятилетия. Киссинджер предупреждает, что военно-политическая мощь может оказаться ограниченной, и ныне США уже не могут ни удалиться от мира, ни властвовать над ним безраздельно (с. 19).

Рассуждая о чертах грядущего миропорядка, автор отмечает, что для системы международных

отношений будет характерен главный парадокс – растущая "глобализация", с одной стороны, и рост фрагментарности, сепаратизма и национализма – с другой. Нации вновь стремятся проводить политику в рамках своих узких интересов, они соперничают в большей мере, нежели сотрудничают. "Существует мало свидетельств того, – делает вывод автор, – что вековая практика поведения государств во внешнеполитической сфере изменилась или что она изменится в ближайшие десятилетия" (с. 19). США, прогнозирует Г. Киссинджер, предстоит научиться действовать в мире, где основу

международных отношений составят традиционные принципы европейской дипломатии.

Книга Г. Киссинджера "Дипломатия", являясь апологией принципов "баланса сил" и "реаль-политик", представляет научный и практический интерес в контексте изучения нынешней системы международных отношений и российской действительности, в частности.

А.Н. Серёгин,
аспирант Института
всеобщей истории РАН

© 1997 г.

А.А. ОРЛОВ

АНГЛИЙСКИЕ МОРЯКИ НА РУССКОМ ФЛОТЕ В ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ 1812 г.

Отечественная война 1812 г. была великим подвигом народов России. Вместе с ними против Наполеона в вооруженных силах России сражались представители и других европейских национальностей: немцы в составе Русско-германского легиона, испанцы и португальцы, дезертировавшие из наполеоновской армии, французы-эмигранты, англичане, прежде всего английские офицеры, служившие на русском флоте.

Первые британские офицеры появились в России еще при Петре I, а затем большая группа их прибыла в Россию при Екатерине II. Российские императоры в связи с многочисленными войнами, которые велись на протяжении всего XVIII столетия, с целью укрепления молодого российского флота привлекали опытных иностранных офицеров, служивших на флоте, в первую очередь из британского флота – крупнейшего флота в мире. Им сразу же предлагались высокие чины и большое жалованье.

Со своей стороны британские офицеры были заинтересованы в службе в России. В британском флоте существовал особый порядок продвижения по службе: офицеры младшего и среднего звена годами ждали появления вакантных должностей. Даже один из сыновей короля Георга III герцог Кларенский шесть лет служил мичманом и не мог миновать ни одной ступени флотской иерархии. Кроме того, младшие и средние офицеры получали лишь половинное жалованье ("halfpay"), а в мирное время и оно сокращалось.

Подавляющее большинство британских моряков, приехавших в Россию, служили на Балтийском флоте. В 1812 г. их насчитывалось 40 человек.

Как проявили они себя в ходе Отечественной войны? Какую оценку дали современники и потомки участию англичан в войне? Ответить на эти вопросы помогают документы Российского государственного архива Военно-Морского флота в Петербурге (РГАВМФ) и Архива внешней политики Российской империи в Москве (АВПРИ), многие из которых до сего дня остаются невостробованными.

В отечественной и зарубежной историографии действиям русского флота в 1812 г. уделялось мало внимания. Дореволюционные российские историки описывали действия сухопутной армии, почти не упоминая о флоте, не сыгравшем, на их взгляд, значительной роли в ходе военных действий. Положение несколько изменилось в год 100-летнего юбилея войны, когда начали появляться отдельные работы, посвященные действиям флота в 1812 г. Но из них лишь одна книга военного историка Н.Д. Каллистова была написана на основе изучения неизвестных ранее архивных источников. В ней говорилось и об офицерах русского флота – уроженцах Великобритании, причем автор отмечал исключительно высокие достоинства английских моряков и их вклад в развитие флота и военно-морской науки в России¹. В работе другого историка – К.А. Военского дана противоположная оценка роли английских моряков. Военский считал, что англичане поступали на российскую службу для того, чтобы вовлекать как можно больше офицеров в тайные масонские ложи, призванные установить "политическое главенство в мире и владычество над другими народами Англии"². Ни один из документов, имеющихся в распоряжении историков, и мемуаристика конца XVIII – начала XIX в. не подтверждают точку зрения Военского.

Советская историография также не уделяла должного внимания роли флота в войне 1812 г. Можно назвать лишь работу Ф.А. Гарина, который широко использовал выводы Каллистова³. В

¹ *Каллистов Н.Д.* Русский флот и двенадцатый год. (Роль и участие флота в Отечественной войне, в связи с циклом Наполеоновских войн России). По архивным материалам. СПб., 1912, с. 43.

² *Военский К.А.* Русский флот в 1812 г. – Исторические очерки, рассказы, воспоминания и другие статьи, относящиеся к эпохе Отечественной войны. СПб., 1912, с. 301.

³ *Гарин Фаб.* Война 1812 г. и русский флот. – Советская Латвия, 1941, № 1–2.

английской историографии работы по данной теме единичны. Авторы предпочитают не поднимать вопрос о причинах перехода служащих британского королевского военно-морского флота на флоты других государств. Только в некоторых работах идет речь об английских моряках на иностранной службе⁴.

Таким образом, налицо существенный пробел в изучении важной части англо-русских взаимоотношений в начале XIX в., который и призван восполнить данный очерк.

После Тильзитского мира 1807 г. Россия и Франция стали союзниками. Великобритания становилась их общим врагом. В марте 1808 г. все офицеры-англичане были уволены с военной службы и отправлены в ссылку.

Но уже в начале 1812 г. стало ясно, что война с Наполеоном неизбежна. Для того чтобы защитить Петербург с моря, российское правительство начало уделять повышенное внимание укреплению боеспособности флота. В течение марта–апреля 1812 г. все офицеры-англичане были числены на прежние места службы. 22 марта им было приказано выдать "единовременное не в зачет годовое по чинам жалование", которое они получили 11 мая. Хозяйственная экспедиция Адмиралтейств-коллегии должна была обеспечить их прогонными деньгами для того, чтобы они могли добраться до назначенных им мест службы⁵.

Без недоразумений, однако, не обошлось. К этому времени 13 офицеров из англичан пожелали вступить в российское подданство. Это были: капитан-командоры Ф.Ф. Мессер с тремя сыновьями, П.А. Бойль, А. Огильви, капитан-лейтенанты Эрле, С. Мартин и С. Бодде, лейтенанты Фоллет и Ф.В. Тиздель, мичман Р.П. Бойль и шкипер 12-го класса Джойс. Но эти офицеры не получили причитавшегося им жалования, поскольку распоряжение от 22 марта касалось только иностранцев на русской службе, а они таковыми уже не были. Только повторный приказ Александра I от 10 июня 1812 г. о том, чтобы деньги были выданы и этим офицерам, устранил эту нелепую проблему⁶. Впоследствии почти все офицеры-англичане приняли российское подданство, некоторые еще во время войны, как, например, контр-

адмирал Алексей Самуилович Грейг, родившийся в России в семье известного екатерининского адмирала Сэмюэля Грейка и ставший гражданином России в 1813 г.⁷, а остальные в конце 1810-х – начале 1820-х годов.

По решению императора возглавить Балтийский флот было поручено адмиралу Егору Егоровичу Тету (Джорджу Тэйту) – Кронштадтская эскадра – и вице-адмиралу Роману (Роберту) Васильевичу Кроуну – эскадра Архангельского порта. А.С. Грейг и лейтенант С.И. Мофет были посланы в ставку командующего Дунайской армией адмирала П.В. Чичагова, а в конце 1812 г. – за границу с важными дипломатическими поручениями⁸. Капитан-командор А.И. Эллиот несколько позже отправился в Портсмут для координации деятельности российских и английских военно-морских властей. Остальные офицеры получили в командование суда в эскадрах Тета и Кроуна, а также в эскадре гребных судов контр-адмирала А.В. фон Моллера, которая должна была защищать балтийское побережье России.

Тем временем постепенно улучшались и англо-русские отношения. С начала весны 1812 г. в Стокгольме между российским представителем генералом П.К. Сухтеленем и английским дипломатом Э. Торнтоном велись переговоры о заключении мирного договора. Александр I, уверенный в неизбежности столкновения с Францией, стремился форсировать события. 6 апреля он через морского министра маркиза И.И. Траверсе отдал приказ командирам всех российских портов не нападать первыми на английские суда и не препятствовать "их прибытию к берегу". Англия, до этого в одиночку ведшая борьбу с Наполеоном, сочувственно отреагировала на попытку сближения. 19-мая датировано письмо британского министра иностранных дел лорда Р.С. Каслри Торнтону, в котором говорилось о том, что вице-адмиралу Джеймсу Саумаресу, командовавшему английской эскадрой в Балтийском море, сообщено о "разрешении всем русским кораблям стать под охрану Шведской команды, чтобы не подвергнуться неприятностям от Английских крейсеров", и рекомендовано "принять меры, чтобы русским судам и военным кораблям было оказано величайшее внимание и покровительство"⁹. Торнтон, со своей стороны, 4 июля направил Каслри письмо, в котором просил министра отдать такое же распоряжение и другим английским эскадрам для предупреждения возможных недоразумений. "Я сомневаюсь, – писал он далее, – чтобы эскадра из

⁴ *Brenton E. Naval History of Great Britain, from the Year 1783 to 1822, v. II. London, 1823; Clowes W. The Royal Navy. A History from the Earliest Times to the Present, v. V. London, 1900; Lewis M. Social History of the Navy. 1793–1815. London, 1960.*

⁵ Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 г. (далее – Акты...). Т. 2. Балтийская окраина в 1812 г. Сборник Императорского Русского Исторического Общества, т. 133. СПб., 1911, с. 543–544, 545.

⁶ РГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 218, л. 27, 28; Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), ф. 152 (К.А. Военского), оп. 1, д. 280, л. 3, 7, 8, 12, 13, 33.

⁷ *Крючков Ю.С. Алексей Самуилович Грейг, 1775–1845. М., 1984, с. 16.*

⁸ В июле–сентябре 1813 г. вернувшийся из Англии А.С. Грейг будет успешно руководить осадой с моря крепости Данциг.

⁹ РГАВМФ, ф. 25 (И.И. Траверсе), оп. 1, д. 89, л. 24а.

Архангельска двинулась ранее, чем будет заключен мир, но уверен, что, заручившись согласием правительства Е.В. на беспрепятственный проход, она захочет как можно скорее иметь сведения об этом событии"¹⁰.

Распоряжение министра поступило в Стокгольм с невероятной быстротой, и уже 7 июля Торнтон смог сообщить командирам всех английских военных судов, находящихся в Северном море и у берегов Норвегии, о необходимости оказывать "внимание и покровительство главнокомандующим судами Е.И.В., направляющимися из Архангельского порта в Балтийское море и Финский залив". А 6/18 июля 1812 г. в шведском городе Эребро был заключен официальный англо-русский договор о мире.

К этому времени война уже началась. 12/24 июня войска Наполеона вторглись в Россию. Но теперь он был вынужден отказаться от давно вынашивавшегося им плана нападения на Петербург с моря, так как российский Балтийский флот, хотя и недостаточно подготовленный, мог отразить удар французских канонерских лодок и защитить северную столицу. Так флот, еще не вступив в бой, оказал первую важную услугу России. "Море и Петербург остались за нами", – писал Каллистов¹¹.

Весь июль 1812 г. эскадра адмирала Тета провела в финляндском порту Свеаборг, где она должна была принять на борт русские и шведские войска, предназначенные для высадки в тыл французам. Но шведы не проявили интереса к этой экспедиции и поэтому 18 августа Тету было приказано доставить корпус генерал-лейтенанта графа Ф.Ф. Штейнгеля в Ригу. Тет, зная, что мелководный Рижский залив не позволял морским судам приближаться к берегу, сумел через маркиза Траверсе добиться перемены места высадки с Риги на Ревель. К 27 августа его суда перевезли в Ревельский порт более половины личного состава и весь штаб корпуса, принявшего затем участие в обороне Риги от наступающих войск маршалов Ж. Макдональда и Н. Удино¹².

В обороне северо-западных рубежей России сыграло свою роль и англо-русское военно-морское сотрудничество. В Риге еще с 24 июня 1812 г. находился небольшой отряд английских судов под командованием младшего флагмана в эскадре Саумареса контр-адмирала Мартина. В августе-сентябре канонерки капитанов Стюарта и Brentона, действовавшие в составе отряда судов капитана 1-го ранга Е.Ф. Развозова, отличились в

морском бою в районе лифляндского местечка Шлок и в сражении на реке Больдер-Аа, что привело к временному занятию русскими войсками Митавы. За это английские генералы впоследствии были награждены орденами Св. Владимира 4-й степени. Среди отличившихся офицеров русской службы из англичан командование наградило орденом Св. Анны 2-й степени капитан-лейтенанта Ф.В. Кандлера, командира корабля "Не тронь меня" в эскадре контр-адмирала фон Моллера.

После того как соединенными усилиями русских и англичан удалось отстоять Балтику, в сентябре 1812 г. русский флот под командованием адмирала Тета начал готовиться к отплытию в Англию, где ему было предписано действовать "по распоряжению тамошнего правительства". Зачем же была предпринята такая странная на первый взгляд мера? Каллистов считает, что русский флот был отправлен в Англию "в качестве залога, как гарантия исполнения Россией тех обязательств, которые Александр I дал Англии – бороться с Наполеоном до конца, взамен чего Англия платила России субсидию, впоследствии, по договору в Рейхенбахе (14 июня 1813 г.), определенную в 33 млн. фр. ежемесячно¹³.

В этих словах содержится значительная доля правды, что подтверждается и новыми документальными свидетельствами. Русский флот был нужен Англии и как залог верности императора Александра, и как средство дать передышку своему флоту, переживавшему в то время не лучшие дни. Застой в промышленности, как следствие континентальной блокады, нехватка материалов, особенно российской пеньки, для кораблестроения, отвлечение лучших сил флота на войну с США, в Испанию и в Средиземное море – все это не позволяло поддерживать на прежнем уровне оборону морских границ Великобритании. Поэтому прибытия русского флота в Англию ожидали с нетерпением.

Существуют два сверхсекретных донесения Саумареса британскому послу в России лорду В.Ш. Каткарту от 14 и 16 октября 1812 г. В первом из них вице-адмирал сообщал послу о том, что "все возможное пособие оказано будет кораблям Е.И.В. по прибытии их в сии воды (в Зундский пролив. – А.О.), и я употреблю все попечение для их безопасности от бурь, коих ожидать должно по толь поздому времени". Во втором письме Саумарес писал о том, что "адмиралу Моррису также приказано будет иметь в крейсере суда от Утлиппера к востоку до острова Гано для соединения с дивизиею (эскадрой Тета. – А.О.), которая должна отправиться из Финляндии 22 сего месяца, дабы в случае благоприятного

¹⁰ Там же, л. 24а об.

¹¹ Каллистов Н.Д. Указ. соч., с. 68, 104.

¹² Дунаевский В.А. Отечественная война 1812 г. на Северо-Западе России и в Прибалтике (некоторые вопросы историографии: постановка темы). – Известия АН Латвийской ССР, 1976, № 10 (351), с. 62.

¹³ Каллистов Н.Д. Указ. соч., с. 108; его же. Флот в царствование императора Александра I. – История русской армии и флота, т. 9. М., 1913, с. 160.

ветра они могли вместе следовать к Бельту, где будут находиться корабли, чтобы способствовать проходу их через сей канал до Винго-Зунда; сколько возможно более лодманов, которые отыщутся, будут помещены на русские корабли, но как плавание чрез сей канал не весьма известно подданным Датского Короля, то нельзя полагать, чтобы отыскать можно было надежных из сей стороны. Те же меры предосторожности взяты будут для соединения с другою дивизиею (эскадрой Кроуна. – А.О.) и поставлены суда от Утлиппера к восточной стороне острова Гано, и корабли будут занимать разные свои места в Бельте до самого прибытия кораблей Е.И.В".¹⁴

Как и надеялись англичане, русский флот прибыл в Англию в ноябре 1812 г. Общее командование соединенными флотами было поручено английскому адмиралу Юнгу. Но адмиралу Тету перед отплытием было предписано "возвратиться весною (1813 г. – А.О.) в Балтику сколько можно ранее". С военной точки зрения это было совершенно оправданно. Французский флот, потерявший большое количество судов и экипажей и вынужденный поэтому долгое время стоять в гавани в бездействии, уже не представлял серьезного противника. Почти вся навигация 1813 г. прошла в мелких стычках с французами, которые не решались даже нападать на соединенные англо-русские силы. Вот как описывал контр-адмирал М.П. Коробка одну из таких стычек в письме к российскому послу в Лондоне Х.А. Ливену от 7 июля 1813 г.: "Вице-адмирал французской с 5 кораблями выходил далее несколько обыкновенного, мы были в погоне, но и самые ближние едва за 7 верст могли подойти, как неприятель ушел под-батареи"¹⁵.

Постепенно у российских адмиралов зарождались сомнения в необходимости дальнейшего пребывания флота в Англии. Но для англичан было крайне выгодно задержать у себя русский флот как можно дольше. Его хотели использовать при проведении морских операций в Средиземноморье и в Атлантике. Об этом лорд Каткарт писал Александру I еще 3 января 1813 г., осторожно запрашивая императора, не согласится ли он "согласно своей славе отправить часть морских сил посодествовать в операциях союзников в океане или в Средиземном море". Дальнейший текст документа доказывает, что англичане уже давно вынашивали этот план и детально продумали все возможности его осуществления. Каткарт писал: "Из 15-ти линейных судов, находящихся в Англии, можно будет оставить там сначала 8 с фрегатами, к которым могут присоединиться 4 из

Архангельска. В Балтийском же море окажутся 7 линейных судов эскадры адмирала Тэта (так в тексте. – А.О.), к которым присоединится не менее 3 старых судов, оставшихся во время неприятельских действий в Англии"¹⁶; затем Всеволод, принц Густав и Михаил, что составит не менее 13-ти судов в этом море"¹⁷. Ради исполнения этого плана английское правительство соглашалось принять на себя расходы по обеспечению русских судов всем необходимым.

К началу 1813 г. французские войска уже были отброшены за границы Российской империи, поэтому Александр I посчитал возможным частично удовлетворить просьбы англичан. Ливен 25 марта 1813 г. сообщил маркизу Траверсе о том, что "Е.В. Государь пожелал, чтобы содержание его эскадры в Англии было на счет этого правительства, на что оно охотно согласилось. Решено обеими сторонами, что в этом случае она будет содействовать предприятиям английского флота и одинаково подразумевает, что это будет только в ближайших морях". Адмиралу Тету еще раньше было предписано строго придерживаться следующих пределов крейсерства его эскадры: "Не далее Северного океана, вдоль берегов Голландии, удерживаясь на высоте Флессинга, где река Шельда впадает в море". Главное командование соединенными силами союзников по-прежнему оставалось в руках английского адмирала Юнга¹⁸. Однако, как сообщил Тет Ливену 5 июля 1813 г., адмирал Юнг неоднократно выражал решимость преследовать неприятеля на любом расстоянии. В этом случае, по правилам военно-морского устава, русская эскадра должна была последовать за командующим. Тет просил посла разъяснить ему, как действовать в подобных обстоятельствах.

В этой сложной ситуации российскими властями была проявлена гибкость. 8 июля граф Ливен ответил Тету: "Хотя разпоряжение Адмирала Юнга дабы преследовать неприятеля, в случае он оставит порт, и выдет из пределов предписанных крейсерству оной эскадры, но находя сие разпоряжение нужным для достижения цели, предпринятой экспедиции, я полагаю... для сего согласоваться с требованием адмирала Юнга"¹⁹.

Но уступчивость Александра I тоже имела свои пределы. Эскадра контр-адмирала Коробки была отозвана в Россию уже в августе 1813 г. В апреле

¹⁴ РГАВМФ, ф. 25, оп. 1, д. 89, л. 3–3об, 6, 4–4об, 5.

¹⁵ АВПРИ, ф. 1, II–6, 1813 г., д. 44, ч. 2, л. 16об; Сын Отечества, 1813, ч. VII. Прибавление к 32 книжке журнала № XVI. Новости, с. 8.

¹⁶ Эти суда входили в состав эскадры вице-адмирала Д.Н. Сенявина, после Тильзитского мира оказавшейся интернированной в Англии. – АВПРИ, ф. 1, II–6, 1813 г., д. 44, ч. 1, л. 7–7об.

¹⁷ РГАВМФ, ф. 25, оп. 1, д. 143, л. 3–3об, 4–4об.

¹⁸ АВПРИ, ф. 1, II–6, 1813 г., д. 44, ч. 3, л. 178–178об.

¹⁹ Там же, л. 395–395об.

1814 г. было приказано "немедленно приготовиться для возвращения в Россию, как скоро плавание окажется свободным", и судам эскадр адмиралов Тета и Кроуна. В Англии должны были остаться только суда, требовавшие ремонта, и один исправный фрегат, "который имеет быть отряжен ко берегам Норвегии, для блокады тамошних портов вместе с английскою эскадрою для сего же предмета близ норвежских берегов находящеюся"²⁰. Русские суда покинули Англию в июне 1814 г., а в июле уже прибыли в Кронштадт, перевезя в Россию из Франции две гвардейские дивизии, а также значительное количество закупленных в Англии кораблестроительных материалов, необходимых для нужд флота.

После окончания наполеоновских войн все офицеры-англичане вернулись в Россию и продолжили службу на русском флоте. Судьбы их сложились по-разному. Адмирал Тет в 1816 г., незадолго до смерти, стал сенатором. Сардинский посланник в Петербурге граф Жозеф де Местр в письме своему коллеге в Вене графу А. де Валузу от 12 марта 1816 г. писал, что обстоятельства, сопутствующие этому назначению, привлекли к себе внимание всех иностранцев, живущих в Петербурге. По словам де Местра, Тет хотел отказаться от этого предложения, ссылаясь на свой преклонный возраст, глухоту и полное невежество в делах юриспруденции, но получил от министра юстиции Д.П. Троицкого такой ответ: "Дело не в знаниях; Е.И.В. надеется на ваше рвение, честность и здравый смысл". После сих слов адмирал нашелся лишь сказать, что "в таком случае никто не может помешать императору доверить вам эскадру"²¹.

Вице-адмирал Кроун уже после смерти Александра I был удостоен чина полного адмирала, награжден всеми высшими наградами Российской империи и назначен командиром Балтийского флота. В 1836 г., во время парадного построения флота на Кронштадтском рейде в честь прохода восстановленного ботика Петра I, флигель-адъютант императора Николая I привез Кроуну пожалованный ему орден Св. Александра Невского. "С особым удовольствием приняв его, почтенный старик (Кроуну было в это время 82 года. – А.О.), попросив посланного подождать на палубе, отправился в свою каюту, облекся в полную форму, надел полученную ленту и, выйдя из шканцы, полез по грот-вантам; когда же старик-адмирал достиг грот-бом-салинга, раздёрнули сигнал флоту сделать 32 выстрела; в продолжении этого салюта Роман Васильевич с салинга махал шляпою и, по его приказу, на кораблях кричали "ура!". Спустившись вниз, адмирал поручил флигель-адъютанту доложить Е.И.В., что орден

Александра Невского никогда не бывал так высоко!"²²

Храбрый британский офицер на российской службе Г.Г. Белле дослужился до чина контр-адмирала и до самой своей смерти в 1826 г. пользовался почетом и уважением окружающих.

Сложнее и трагичнее оказалась судьба самого выдающегося офицера среди всех англичан, служивших на русском флоте в первой половине XIX в. – адмирала А.С. Грейга. Отдав свыше 50 лет флоту, оказав неопределимые услуги России, он в конце жизни был несправедливо обвинен в том, что всеми своими успехами был обязан исключительно заслугам и славе своего отца, а также покровительству императрицы Екатерины II, крестной матери маленького Алексея, и Александра I, и отставлен от должности. Российская общественность, однако, не отказала ему в уважении и признании его заслуг. Как вспоминал барон М.А. Корф, на похороны Грейга в 1845 г. "собрались весь (Государственный. – А.О.) Совет, весь флот, вся Академия наук, вся военная свита государева, множество англичан"²³. Дело отца продолжили сыновья Грейга, которые также стали известными военно-морскими и государственными деятелями России.

Жизнь офицеров-англичан, не получивших высоких чинов, известна гораздо меньше. Капитан-лейтенант Д. Гогарт и капитан 1-го ранга С.Г. Скотт умерли еще в 1813 г., капитан-лейтенант С.И. Мофер – в 1821 г., капитан 1-го ранга У.Ф. Мур в 1821–1824 гг. командовал 1-м флотским экипажем в Кронштадте, а Ф.В. Кандлер дослужился до должности члена Морского Генерал-Аудиториата и умер в 1837 г.²⁴ Но как бы ни сложилась их послевоенная судьба, к большому числу из англичан может быть применена характеристика, данная историком русского флота П.И. Белавенцом адмиралу Грейгу: "Англичанин родом, но по пользе, принесенной России и русскому флоту, более русский, чем многие россияне"²⁵.

Английские моряки сыграли значительную роль в развитии флота России. Англичане входили в состав его военно-технической элиты, что особенно ярко проявилось в годы наполеоновских войн. Потомки же офицеров-англичан уже ничем не отличались от русских, считали Россию своей единственной родиной, целиком посвятив себя служению ей.

²² *Voÿm В.* Воспоминания и впечатления. Очерки деятельности наших моряков. СПб., 1887, с. 62–63.

²³ Из записок барона (впоследствии графа) М.А. Корфа. – Русская Старина, т. 110, кн. 12. СПб., 1899, с. 505.

²⁴ АВПРИ, ф. 1, 11–6, 1813 г., д. 44, ч. 3, л. 279, 287; Акты..., с. 552, 554.

²⁵ *Белавенец П.И.* Материалы по истории русского флота. М., 1940, с. 96.

²⁰ Там же, л. 133об.

²¹ *Жозеф де Местр.* Петербургские письма 1803–1817 гг. СПб., 1995, с. 295.

НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ПАМЯТИ АКАДЕМИКА И.Д. КОВАЛЬЧЕНКО

13 декабря 1996 г. исполнился год со дня кончины выдающегося ученого, талантливого педагога, крупного организатора исторической науки, академика РАН Ивана Дмитриевича Ковальченко (1923–1995).

Дорога, которой шел И.Д. Ковальченко к профессиональным занятиям историей, не была простой. Как вспоминал позднее ученый, на стезю историка его вывело стремление понять причины той страшной войны, на фронтах которой он воевал солдатом с 1941 по 1945 г.

С 1947 г. творческая деятельность И.Д. Ковальченко связана с историческим факультетом Московского государственного университета (МГУ) им. М.В. Ломоносова. Студент, аспирант, заведующий кафедрой источниковедения, историографии и методов исторического исследования – таковы вехи трудовой биографии ученого в стенах университета. Широта научных интересов, глубина и новизна подходов к решению конкретно-исторических задач, а также подлинный демократизм в отношениях с людьми притягивали к И.Д. Ковальченко молодежь. Под его научным руководством написано и защищено около 150 дипломных работ и 50 кандидатских диссертаций. На историческом факультете возникла научная школа И.Д. Ковальченко, объединяющая его единомышленников и последователей.

Научное творчество И.Д. Ковальченко многогранно. Он внес крупный вклад в изучение аграрной истории России XIX – начала XX в., истории общественного движения и общественной мысли, источниковедения, историографии, методологии истории. Его исследования по аграрной истории были удостоены премии им. Б.Д. Грекова, а монография "Методы исторического исследования" – Государственной премии СССР.

И.Д. Ковальченко являлся родоначальником и главой нового направления в отечественной исторической науке, связанного с применением количественных методов.

Признанием научной общественностью результатов фундаментальных исследований И.Д. Ковальченко стало избрание его членом-корреспондентом, а затем действительным членом АН СССР. Авторитетом и уважением пользуются труды И.Д. Ковальченко и за рубежом.

Во имя развития исторической науки много сил и времени И.Д. Ковальченко отдавал организаторской работе и в университете, и в журнале "История СССР" (ныне "Отечественная история") на посту главного редактора, и в Отделении истории АН СССР (РАН), которое возглавлял последние годы своей жизни. Он заботился о качественном повышении уровня подготовки молодого поколения историков, оказывал поддержку научным центрам и вузам в различных регионах страны, способствовал расширению и укреплению международных контактов историков.

К годовщине смерти И.Д. Ковальченко были приурочены Научные чтения, организованные историческим факультетом МГУ совместно с Отделением истории РАН и проведенные в стенах университета 2–3 декабря 1996 г.

Чтения открыл декан исторического факультета МГУ проф. С.П. Карпов. С воспоминаниями об И.Д. Ковальченко выступили директор Института научной информации по общественным наукам академик РАН В.А. Виноградов, академик РАН Ю.С. Кукушкин (МГУ), проф. Е.И. Пивовар (Российский государственный гуманитарный университет), директор Института всеобщей истории РАН член-корр. РАН А.О. Чубарьян. В тот же день, 2 декабря, были заслушаны три доклада: "И.Д. Ковальченко. Труды и концепции" члена-корр. РАН Л.В. Милова, "И.Д. Ковальченко – руководитель кафедры" проф. А.Г. Голикова (оба – МГУ), "И.Д. Ковальченко – академик-секретарь Отделения истории РАН" д.и.н. В.С. Шилова (Отделение истории РАН). К.и.н. И.Н. Киселев (Государственная архивная служба РФ) выступил с сообщением, в котором показал значение источниковедческих трудов И.Д. Ковальченко для развития архивного дела в стране. Доцент Хуан Лифу (Институт всемирной истории Китайской АН) рассказала о большом интересе, проявляемом китайскими учеными к теоретико-методологическим работам И.Д. Ковальченко. Проф. В.В. Подгаецкий (Днепропетровский государственный университет, Украина) зачитал письмо руководства Днепропетровского университета сотрудникам исторического факультета МГУ по случаю скорбной годовщины.

3 декабря чтения прошли по двум секциям. В

секции "Проблемы изучения аграрной истории России и разработки количественных методов" с докладами выступили: профессора Л.И. Бородин "И.Д. Ковальченко и отечественная мысль квантитативной истории", Н.Б. Селунская (оба – МГУ) "Концентрация аграрной истории России в трудах И.Д. Ковальченко", Дон К. Роуни (Университет Боулинг Грин штата Огайо, США) "Проблемы методологии социально-экономической истории России".

В этой же секции были заслушаны сообщения: кандидатов исторических наук О.Г. Буховца (Институт истории Белорусской АН) "Методы изучения социальных конфликтов и крестьянской ментальности в России начала XX в.", В.Н. Владимирова (Алтайский государственный университет) "Новые методы в изучении социально-экономической истории Сибири XIX – начала XX в.", И.М. Гарсковой "Базы данных и квантитативная история", Т.Ф. Измestyевой (оба – МГУ) "Внешний рынок России конца XIX – начала XX в.: методы анализа", профессоров С.Г. Кащенко (Санкт-Петербургский государственный университет) "Количественные методы в исследованиях по аграрной истории Северо-Запада России", В.В. Подгаецкого "Клиометрический подход к анализу социальной структуры городов Украины в годы нэпа", Н.А. Проскуряковой (Московский государственный педагогический университет) "Динамика частновладельческого землевладения в России на рубеже XIX–XX вв.", Н.И. Савельева (Самарский государственный университет) "Фермерский путь аграрного развития на Юго-Востоке Европейской России в конце XIX – начале XX в." Проф. В.П. Крикунов (филиал Ставропольского технического университета в г. Георгиевске) в выступлении затронул вопрос о научно-организационной стороне деятельности И.Д. Ковальченко, в частности о его поддержке исторической

науки и вузовского образования на Северном Кавказе. Итоги работы секции подвел ее руководитель проф. В.И. Бовыкин (Институт российской истории (ИРИ) РАН).

На заседании второй секции "Проблемы историографии, источниковедения и методологии истории" были заслушаны доклады к.и.н. А.Е. Шикло "Проблемы историографии в преподавательской деятельности и научном наследии И.Д. Ковальченко и развитие отечественного источниковедения", а также сообщения: докторов исторических наук М.Г. Вандакловской (ИРИ РАН) "И.Д. Ковальченко – председатель Научного Совета по историографии и источниковедению", И.В. Поздеевой (ИВИ РАН) "Кафедра источниковедения исторического факультета МГУ и изучение русской традиционной культуры", профессоров Э.В. Ермаковой (Дальневосточный государственный университет) "Роль И.Д. Ковальченко в развитии исторической науки на Дальнем Востоке", Ю.Ю. Иерусалимского (Ярославский государственный университет) "Современная историография революционной печати 1905 г.", к.и.н. А.В. Лубского (Ростовский государственный университет) "Альтернативные модели исторического познания". Сообщение проф. С.П. Рамазанова (Волжский гуманитарный университет) было посвящено проблеме кризиса в исторической науке. С заключительным словом выступил руководитель секции Ю.С. Кукушкин.

Подводя общие итоги, А.Г. Голиков и С.П. Карпов отметили необходимость опубликования материалов завершившихся первых Научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. Предполагается, что в дальнейшем они будут проводиться регулярно. Вторые Научные чтения запланированы на 1998 г.

Т.А. Круглова

ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ УНИВЕРСИТЕТАХ

На историческом факультете Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в рамках работы Научно-методического совета (НМС) по направлению "История" прошло очередное совещание деканов исторических, историко-филологических, юридических и философских университетов РФ.

Постановка этих вопросов вытекала из необходимости обсуждения предварительных результатов учебной и научно-методической деятельности истфаков университетов в условиях перевода высшей школы РФ на многоуровневую систему обучения (бакалавр – дипломированный специалист – магистр) и введения Государственных

образовательных стандартов (ГОСов) для каждого уровня обучения¹.

Принималось во внимание то обстоятельство, что Госкомвуз РФ рассматривает введение многоуровневой системы как необходимую и перспективную, обеспечивающую гибкость и вариативность в подготовке молодых специалистов с высшим образованием задачу. Установление же

¹ ГОС бакалавра по направлению "История" утвержден Госкомвузом РФ в ноябре 1994 г.; ГОС дипломированного специалиста-историка был в целом принят пленумом НМС в апреле 1995 г. и после доработки представлен в Госкомвуз РФ.

госстандартов, с одной стороны, является гарантией поддержания высокого научно-педагогического уровня высшей школы страны и соблюдения вузами единого федерального компонента образовательных-профессиональных программ, а с другой – предоставляет обучающимся возможность усвоения не только сугубо профессиональных знаний, но и основных элементов общегуманитарной и естественнонаучной культуры в качестве необходимого условия гармоничного развития личности.

Во вступительном слове председательствовавший на совещании декан истфака МГУ академик РАЕН, д.и.н., проф. С.П. Карпов отметил, что к настоящему времени лишь 7–10% вузов перешли на многоуровневую систему.

Другой, не менее важный вопрос, подчеркнул С.П. Карпов, – жесткая позиция Госкомвуза РФ в отношении количества часов, выделяемых на преподавание общегуманитарного и естественнонаучного блоков и обязательного набора соответствующих дисциплин независимо от профиля будущего специалиста. Такая позиция, отметил он, неизбежно приведет к формализации преподавания и одновременно к сужению возможности для обеспечения должного уровня профессиональной подготовки студентов.

С сообщением о работе в условиях перехода на двухуровневую систему подготовки историков (бакалавр – дипломированный специалист) в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ) выступил зам. сопредседателя НМС от РГГУ д.и.н., проф. А.П. Логунов. Он отметил, что опыт последних двух лет позволяет рассматривать проблему подготовки историков в университетах в двух аспектах.

Первый определяется явно обозначившимися тенденциями в государственной политике по отношению к университетам и университетскому образованию, возникшими в начале 90-х годов. Стремление к расширению прав и автономии университетов стало заметно ослабевать. Введение госстандартов лишь подтверждает это. Сам подход к разработке стандартов отражает направленность на максимальную унификацию образовательного процесса. Это проявляется и в значительном перенасыщении образовательных-профессиональных программ предметами блоков общих гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, и в излишне жесткой регламентации блоков общепрофессиональных и специальных дисциплин. Позиция НМС по направлению "История" оказалась наиболее демократичной в этих условиях. Но стоит посмотреть сборник госстандартов – и станет очевидной ее исключительность. В других стандартах число общепрофессиональных и специальных дисциплин переваливает за два десятка. Это – свидетельство того, что из двух возможных вариантов государственной политики – поддержки своеобразия университетов и ориен-

тации на единообразие – выбор сделан в пользу второго. И такое решение не может не вызвать сомнения в его правомерности.

Другой аспект связан с реалиями внутри-университетского исторического образования. Опыт РГГУ все более убеждает в том, отметил А.П. Логунов, что пока еще сохраняющаяся возможность выбора самими университетами различных образовательных программ при всех сложностях открывает гораздо больше перспектив и для решения содержательных задач, и для профессиональной адаптации выпускников истфаков.

Декан истфака Пермского государственного университета (ПГУ) к.и.н., доцент И.К. Кирьянов дал анализ содержания и выполнения учебного плана пятилетней подготовки специалиста, подчеркнув, что ПГУ не перешел на многоуровневую систему. Действующий учебный план, по которому с сентября 1995 г. обучаются студенты 1-го курса дневного, вечернего и заочного отделений, составлен с учетом требований как ГОСа высшего профессионального образования, так и по специальности "История", что было признано пленумом НМС по направлению "История" в апреле 1995 г. Было особо отмечено, что центральное место в плане отведено базовым историческим дисциплинам, а также блоку дисциплин специализации.

От исторического факультета МГУ выступил зам. сопредседателя НМС, зам. декана к.и.н., доцент А.А. Соколов. Он сообщил, что факультет работает по учебному плану, утвержденному ректором МГУ в октябре 1994 г. Выступавший особо подчеркнул, что Ученый совет факультета исходит из признания необходимым и одновременно достаточным срок обучения в пять лет для подготовки квалифицированного историка – как специалиста-практика, так и преподавателя и исследователя. Поэтому Ученый совет факультета не планирует введение бакалавриата. В то же время не исключается постановка вопроса о возможности присвоения степени магистра выпускникам после пяти лет обучения, учитывая научно-педагогический потенциал факультета в рамках МГУ.

Основными параметрами и принципами построения учебного плана факультета, сказал А.А. Соколов, являются: приоритетность дисциплин профессионального профиля – как общих, так и специальных, которая обеспечивает органическое сочетание фундаментальности подготовки с предоставлением студентам возможности получить углубленную специализацию в той или иной области исторического знания. Органической составляющей и общеобразовательной, и профессиональной подготовки является преподавание в расширенном объеме иностранных языков, а также применение математических методов и информационных технологий в исторических исследованиях.

Оратор отметил, что при решении вопроса о месте дисциплин общегуманитарного и естественного блоков в учебном плане Ученый совет факультета исходил из того, что их преподавание должно дополнять профессиональную подготовку, а не осуществляться само по себе. Поэтому обязательными для всех студентов признаны философия и экономическая теория, в то время как социология, право, политология преподаются в рамках специализации по кафедрам, что не исключает и их постановки в качестве общих курсов по выбору. Это же относится и к блоку естественнонаучных дисциплин, где упор сделан на преподавание информатики и математики, необходимых для профессиональной деятельности специалиста-историка. Введение других дисциплин было признано целесообразным осуществлять постепенно при выборе курсов либо факультативов.

При обсуждении опыта работы истфака МГУ был поднят вопрос о соотношении его учебного плана с утвержденными Госкомвузом РФ требованиями к содержанию ГОСа и с принятым НМС госстандартом дипломированного специалиста-историка и о возможных перспективах в этом. С изложением позиции Ученого совета факультета выступил С.П. Карпов. Он подчеркнул, что в МГУ, так же как и в других университетах, осуществляется эксперимент. Они обладают статусом автономии. Действующий учебный план истфака МГУ – это возможная альтернатива. Разрабатывая его, факультет не стремился противопоставить себя "всем остальным", но исходил из того, что его опыт может быть в той или иной степени приемлем и для других.

С изложением подходов Госкомвуза РФ к проблеме реформирования высшей школы выступил начальник Управления гуманитарного образования Госкомвуза В.В. Сериков. Он высказался в поддержку многоуровневой системы подготовки специалистов, подчеркнув, что ГОС высшего профессионального образования, утвержденный Правительством РФ в августе 1994 г., предоставляет вузам значительную свободу в выборе модели подготовки, в распределении часов на преподавание дисциплин внутри блоков образовательно-профессиональных программ и в других вопросах. Выступавший обосновывал правомерность введения бакалавриата тем, что в его рамках осуществляется единая общеобразовательная подготовка и закладываются основы фундаментальной профессиональной подготовки и начальной специализации будущего молодого специалиста, что позволяет ему в последующем выбирать различные формы обучения. Касаясь вопроса о наличии и соотношении в образовательно-профессиональных программах блоков дисциплин различного профиля, выступавший сказал, что высшая школа должна формировать человека не только как специалиста, но и как личность, для

чего и признано необходимым изучать помимо профессиональных и другие дисциплины.

В ходе развернувшейся дискуссии единодушную поддержку получила выраженная докладчиком мысль о неприемлемости чрезмерной регламентации учебной деятельности вузов как через жесткое фиксирование ее основных параметров в ГОСах, так и путем ориентации на разработку на их основе неизбежно усредненных, так называемых "примерных" учебных планов.

Оживленно обсуждались целесообразность и пути перехода к системе многоуровневой подготовки в области высшего профессионального исторического образования, а также возникающие при этом проблемы соотношения в профессионально-квалификационном плане категорий "бакалавр", "дипломированный специалист" и "магистр". Большая часть выступавших высказались за гибкое сочетание различных форм подготовки специалистов-историков в рамках осуществляемого в высшей школе эксперимента, который уже реализуется на исторических факультетах ряда университетов. Большая часть истфаков государственных университетов считает оптимальным сроком обучения пять лет, а часть принявших вариант с бакалавриатом полагает, что окончательное решение должно приниматься по результатам эксперимента в течение ближайшего времени.

Участниками совещания с тревогой была встречена сообщенная А.П. Логуновым информация о том, что, несмотря на усилия Госкомвуза РФ, в нормативах ведомств квалификационный статус "бакалавр" выпускника вузов оказался приравненным к выпускнику средних специальных учебных заведений.

В адрес заместителей председателей НМС была высказана критика за задержку оформления окончательного текста госстандарта "дипломированного специалиста", утвержденного на пленуме НМС в апреле 1995 г. В контексте же положения о необходимости обеспечения максимальной индивидуальности каждого университета было единогласно принято решение определить в госстандарте только общее количество часов, отводимых на изучение блоков базовых и специальных профессиональных дисциплин, оставив их распределение внутри блоков исключительной прерогативой Ученых советов факультетов.

С.П. Карповым, В.А. Смирновым, А.Я. Колесниковым был вновь поставлен вопрос о неоправданности позиции Госкомвуза, предписывающего завышенный объем, а также перечень дисциплин естественнонаучного цикла.

В связи с предстоящей разработкой госстандарта магистра по направлению "История" выступавшие призвали обратить внимание на соотношение типа и содержания подготовки дипломированного специалиста и магистра, а также на соотношение магистериата и аспирантуры как,

давно и безусловно оправдавшей себя системы подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации.

По итогам обсуждения было принято решение о формировании рабочей группы для сбора и обобщения материалов и предложений к проекту госстандарта магистериата по истории, который в каких-то своих элементах может быть альтернативным проекту госстандарта Госкомвуза.

Комментируя четвертый пункт повестки дня совещания, А.А. Соколов подчеркнул безотлагательную необходимость составления скоординированного плана подготовки и апробации в НМС учебной и учебно-методической литературы по дисциплинам профессионального цикла, определения возможностей на 1996/97 учебный год и налаживания постоянно функционирующей системы в этой области. Это позволило бы преодолеть трудности с изданием учебных пособий.

На основе решений и рекомендаций совещания деканов руководству Госкомвуза РФ было направлено письмо за подписью сопредседателя НМС С.П. Карпова, содержащее конкретные предложения по внесению ряда изменений в проект госстандарта дипломированного специалиста по направлению "История" для окончательного его утверждения. В письме рекомендовано: указываемый в госстандарте объем часов на преподавание дисциплин гуманитарного и естественнонаучного блоков считать не нормативным, но ориентировочным, предоставив право принятия соответствующих решений по этим вопросам Ученым советам университетов и

факультетов; в соответствии с примечанием к разделу "Цикл общих математических и естественнонаучных дисциплин" госстандарта существенно ограничить требования к знаниям специалиста-историка в этой области, а также уточнить перечень дидактических единиц дисциплин "Концепции современного естествознания"; снять регламентацию количества часов по дисциплинам общепрофессионального и специального циклов, оставив в госстандарте в качестве рекомендательного только общий объем часов по каждому циклу отдельно.

Совещание приняло решение о создании Совета деканов исторических факультетов университетов РФ для определения основных направлений и задач развития исторического образования в высшей и средней школе, координации научно-исследовательской работы в университетах, а также с научно-исследовательскими институтами РАН, укрепления системы повышения квалификации преподавательских кадров, восстановления и развития междууниверситетских связей по линии обмена преподавателями для чтения общих и специальных курсов, участия в ГЭК, а также целевой подготовки студентов старших курсов и аспирантов.

Председателем Совета деканов был избран декан исторического факультета МГУ С.П. Карпов.

*Соколов А.А.,
кандидат исторических наук,
доцент МГУ*

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ "ПРИЧИНЫ МИРОВЫХ ВОЙН XX в. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ"

15–16 октября 1996 г. в Институте всеобщей истории РАН (ИВИ РАН) прошла международная конференция, посвященная проблемам происхождения мировых войн в XX в. Этот представительный научный форум, организованный Отделением истории РАН, академическими институтами, а также Институтом военной истории МО РФ и Ассоциациями историков первой и второй мировых войн, собрал специалистов из 17 государств мира (России, Украины, Белоруссии, Бельгии, Великобритании, Германии, Италии, Канады, Китая, Нидерландов, Польши, Словении, США, Финляндии, Франции, Хорватии, Швеции). В работе форума приняли участие историки, политологи, дипломаты, военные архивисты, представители российской научной общественности. Она освещалась в средствах массовой информации. Вся практическая деятельность по подготовке и проведению конференции осуществлялись ИВИ РАН.

Конференцию открыл директор ИВИ РАН член-корр. РАН А.О. Чубарьян. Он подвел итоги реализации проекта "Мировые войны XX в.", отметив активную работу Ассоциаций историков первой и второй мировых войн в подготовке и проведении регулярных встреч специалистов для обмена мнениями по дискуссионным вопросам истории крупнейших конфликтов столетия. При этом было подчеркнуто, что особенностью нынешней конференции является поиск новых методологических подходов к исследованию генезиса мировых войн, в частности обращение к компаративистике и типологическому обобщению как уже введенных в научный оборот, так и пока неизвестных научной общественности документальных источников.

О важности и большой практической значимости форума говорил в приветствии собравшимся начальник Управления информационной безопасности Совета по национальной безопасности

России В.Е. Начиновский, отметивший необходимость установления более тесной связи между учеными, занимающимися фундаментальными, теоретическими разработками в области истории международных отношений и практиками – политиками, дипломатами, военными, действующими в сфере укрепления национальной безопасности.

От имени Международного комитета по истории второй мировой войны к присутствующим обратился президент этой авторитетной организации проф. Д. Дилк (Великобритания), который от лица всех участников выразил благодарность организаторам форума за предоставленную возможность обменяться мнениями по всему спектру проблем глобальных конфликтов.

В ходе пленарного заседания первого дня работы конференции, посвященного теме "Истоки конфликтов: объективные и субъективные факторы", с докладами выступили шесть российских и семь зарубежных участников.

В докладе А.О. Чубарьяна "Война и политика" был поставлен ряд принципиальных теоретических вопросов соотношения между войной и политикой XX в., с одной стороны, и морали – с другой. Касаясь политических и военно-стратегических целей участников глобальных конфликтов, докладчик сформулировал кардинальную проблему в контексте исследования темы: насколько оправдано осуществление великими державами и другими государствами своих планов с точки зрения огромных жертв и потерь в войнах XX в. Поэтому, подчеркнул в заключении выступавший, перед государственными деятелями XXI в. стоит задача создать своеобразные демократические амортизаторы военных конфликтов, чтобы исключить даже угрозу войны из арсенала мировой политики как аномальное явление в международных отношениях.

Конкретным сюжетам предвоенной и военной истории были посвящены выступления других ораторов.

Комплекс проблем, связанных с национальными интересами нашей страны, получил отражение в докладе академика РАН С.Л. Тихвинского (Национальный комитет российских историков) "Война на Тихом океане 1941–1945 гг.", д.и.н., проф. Л.Н. Нежинского (Институт российской истории (ИРИ) РАН) "Проблема национально-государственных интересов России и СССР в контексте двух мировых войн" и члена-корр. АН Белоруссии М.П. Костюка "Территориальный фактор в происхождении мировых войн XX в." Выступавшие подчеркивали необходимость осторожного, взвешенного подхода современных политиков к вопросам обеспечения национальной безопасности и использования силовых средств.

Сравнительный анализ дипломатических миссий двух послов США в России – Д. Фрэнсиса и А. Гарримана "Великие ожидания: Дэвид Фрэнсис и Аверелл Гарриман о будущем американо-русских

отношений" провел в сообщении американский историк проф. Л. Гарднер. Тему продолжило выступление д.и.н., проф. В.Л. Малькова (ИВИ РАН) "Вильсон и Рузвельт: взгляд на причины мировых войн", рассмотревшего особенности восприятия причин мировых войн В. Вильсоном и Ф.Д. Рузвельтом.

Различным страноведческим аспектам исследования истоков двух самых страшных катастроф в истории человечества посвятили доклады зарубежные ученые: проф. Ж.Ж. Беккер (Франция) – "Франция и происхождение мировых войн", проф. Н. Хиллмер и Дж. Блэк (оба – Канада) – "Из истории отношений Канады и Советского Союза накануне второй мировой войны", д-р Р. Бендик (Германия) – "Германский менталитет и причины мировых войн", проф. К.-Р. Бёме (Швеция) – "Швеция во второй мировой войне".

Интерес у аудитории вызвали основанные на новых архивных материалах сообщения д.и.н., проф. В.П. Смирнова (МГУ) "Коминтерн о происхождении и характере второй мировой войны" и генерал-полковника Ю.А. Горькова (Генеральный штаб ВС РФ) "О характере оперативных планов ВС СССР накануне Великой Отечественной войны".

В развернувшейся по окончании заседания свободной дискуссии приняли участие директор Института славяноведения и балканистики РАН (ИСБ РАН) д.и.н., проф. В.К. Волков, член Ассоциации историков первой мировой войны к.и.н. А.Г. Кавтарадзе, заведующий отделом Российского государственного военно-исторического архива к.и.н. С.Г. Нелипович, которые затронули проблемы допуска историков к федеральным архивам, вопросы методологии сравнительного изучения первой и второй мировых войн, углубленного исследования их предпосылок с учетом субъективных, в частности психологических, факторов.

Первая половина следующего дня конференции была посвящена работе четырех тематических секций.

Участники секции "Великие державы, колонии и малые страны" заслушали выступления ученых д.и.н. А.В. Игнатьева "Россия и происхождение первой мировой войны", к.и.н. А.И. Степанова (оба – ИРИ РАН) "Причины глобализации локальных европейских конфликтов 1914–1939 гг.", д.и.н., проф. М.В. Ковалева (Украина) "Вторая мировая война в исторической судьбе народов Советского Союза", к.и.н. И.А. Чельшева (ИРИ РАН) "Еще раз к вопросу о русско-французском и советско-французском союзах перед первой и второй мировыми войнами", к.и.н. В.Н. Барышникова (Санкт-Петербургский государственный университет) "Феномен "зимней войны" 1939–1940 гг.", д.и.н. Н.С. Лебедевой (ИВИ РАН) "Проблема наказания военных преступников. Сравнительный анализ опыта двух мировых войн".

Принимавшие участие в работе секции зарубежные специалисты основное внимание уделили дискуссионным вопросам подготовки и участия в войнах стран, которые они представляют. С сообщениями выступили д-р Ж.-Ф. Кромбуа (Бельгия) "Цели войны для Бельгии. Сравнительный анализ происхождения первой и второй мировых войн", профессоры Д. Эвери и И. Стейниц (Канада) "Понятия о победоносном оружии в военном планировании Великобритании и Германии. 1914–1939 гг.", проф. И. Чизмик (Хорватия) "Политика США в отношении бывшей Югославии в первой и второй мировых войн", д-р М. Хулас (Польша) "Положение и политика Польши накануне второй мировой войны".

Поиск новых подходов объективного, комплексного исследования политики "малых" государств Европы и нейтральных стран был характерен для докладов, представленных на секции "Союзники, противники и нейтралы". Доклады сделали: доктор исторических наук С.П. Пожарская "Мировые войны и нейтралитет Испании", Л.В. Поздеева "Британское общественное мнение 1939 г.", кандидаты исторических наук Е.Ю. Сергеев "США и безопасность России накануне первой и второй мировых войн", Ю.В. Кудрина "Политика безопасности Дании накануне первой и второй мировых войн", А.С. Намазова "Германские планы в отношении Бельгии накануне первой и второй мировых войн", Е.Н. Кульков "Военно-блоковая политика Германии накануне первой и второй мировых войн" и А.В. Ревякин (все – ИВИ РАН) "Россия и Франция накануне мировых войн", к.и.н. П.А. Искендеров (ИСБ РАН) "Первая мировая война: война по расписанию или внезапная?", д-р Г. Оселиус (Швеция) "Швеция между Германией и Россией, 1914–1945" и капитан Королевских вооруженных сил Нидерландов М. де Хаас "Дипломатическая борьба Германии и России накануне и в годы мировых войн".

Краткий обмен мнениями между участниками секционного заседания показал, что, несмотря на все усилия по отстаиванию "малыми" и нейтральными государствами некоего "третьего" направления в мировой политике, само развитие ситуации и мощное давление со стороны великих держав толкало эти страны на путь милитаризации и присоединения к одной из соперничающих группировок.

Выступивший в заключение работы секции ветеран отечественной дипломатии, бывший посол СССР в Швеции д.и.н., проф. В.И. Ерофеев поделился воспоминаниями о напряженной деятельности советского дипломатического представительства в Стокгольме в годы второй мировой войны.

Анализ различных составляющих сложной ткани международных отношений в рамках Версальско-Вашингтонской системы был проведен специалистами на заседании секции "Между двумя войнами". С сообщениями выступили: доктора

исторических наук В.Я. Сиполс (ИРИ РАН) "Проблема безопасности СССР между двумя мировыми войнами", З.Д. Каткова (Институт востоковедения РАН) "Китайский фактор в годы второй мировой войны", А.С. Орлов "Была ли неизбежна вторая мировая война?", кандидаты исторических наук Н.И. Андреев (оба – Институт военной истории МО РФ) "Моральный потенциал вермахта перед нападением Германии на СССР", Б.И. Греков (ИСБ РАН) "Рапало: достигнутые результаты и упущенные возможности", В.В. Позняков "Советские разведывательные службы в 1920–1939 гг.", С.В. Листиков (оба – ИВИ РАН) "Стал ли мир более безопасным? Мировая война глазами американцев", В.В. Малай (Белгородский государственный университет) "Международные аспекты гражданской войны в Испании", А.М. Литвин (Институт истории АН Белоруссии) "Белорусский вопрос в контексте событий накануне второй мировой войны".

Интерес и неоднозначную оценку аудитории вызвали доклады зарубежных участников: проф. Р. Раака (США) "Продвижение Сталина на Запад и причины второй мировой войны", докторов И. Гверини и М. Плувиано (Италия) "Либеральная Италия и фашисты", проф. М. Клеменцика (Словения) "Отношение эмигрантов в США из стран Восточной Европы к событиям на родине в годы мировых войн". Так, американский историк проф. У. Кимболл расценил сообщение Р. Раака как бестактное по форме и необоснованное по содержанию.

В ходе работы секции "Мировые войны и историческое сознание" были заслушаны доклады, посвященные различным аспектам дипломатической, социально-психологической и культурной составляющих истории возникновения глобальных военных конфликтов. Доклады сделали: к.и.н. В.А. Емец (ИРИ РАН) "О документальной справке НКВД СССР от 13 мая 1939 г.", д.и.н. проф. О.А. Ржешевский (ИВИ РАН) "Темный маневр английской дипломатии в августе 1914 г.", давшие исчерпывающую оценку одного из секретных маневров британской дипломатии в августе 1914 г., ставшего предметом анализа советского руководства уже накануне второй мировой войны", д.и.н., проф. В.И. Шеремет (ИСБ РАН) "Восточный вопрос в эпоху первой мировой войны", кандидаты исторических наук В.В. Бойцов (Генеральный Штаб ВС РФ) "Брестский мир. Была ли альтернатива?", А.В. Голубев (ИРИ РАН) "Образ союзников в сознании российского общества. 1914–1945 гг.", проф. Дж. Чамберс (США) "Предвоенная история на американской киносцене", д-р А. Донде (Великобритания) "Милитаризм XX столетия", проф. Т. Фиддик (США) "Войны генералов: офицерский корпус и начало мировых войн".

Дискуссия участников заседания показала принципиальную важность углубленного изучения фак-

тора ментальности в контексте проблемы генезиса вооруженных конфликтов большой интенсивности.

Доклады участников заключительного пленарного заседания конференции, объединенные темой "Константы геополитики и национальная безопасность" были отмечены концептуальной новизной и несли элементы дискуссионности. При этом в центре внимания выступавших вновь оказался комплекс вопросов, прямо или косвенно связанных с оценкой места России в геополитике XX в. С докладами выступили: академик РАН П.В. Волобуев (ИРИ РАН) "Россия и Советский Союз в мировых войнах. Потери и приобретения", член-корр. РАН Ю.А. Поляков (ИРИ РАН) "Синдром победы", доктора исторических наук, профессора В.Н. Виноградов (ИСБ РАН) "Юго-Восточная Европа – зона прочного мира или раздора?", Р.Г. Симоненко (Институт истории Украины НАН) "Международные аспекты украинского вопроса в первой и второй мировых войнах", директор

Историко-документального департамента МИД РФ к.и.н. И.В. Лебедев "Накануне Великой Отечественной войны (новые документы Архива внешней политики России), генерал-полковник Г.Ф. Кривошеев (Генеральный Штаб ВС РФ) "Морские потери на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.", проф. Б. Эмерсон (Бельгия) "Великобритания и Россия в преддверии первой мировой войны: друзья по необходимости", У. Кимболл (США) "Версаль и Ялта".

Итоги работы конференции были подведены в выступлениях А.О. Чубарьяна, П.В. Волобуева, О.А. Ржешевского и Д. Макинтоша (Великобритания), которые подчеркнули плодотворность регулярных встреч специалистов разных стран для свободного обмена мнениями и совместного поиска решений наиболее актуальных проблем всемирной истории, а также необходимость расширения архивной базы исторических исследований в нашей стране.

Е.Ю. Сергеев

40-ЛЕТИЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКО-ЯПОНСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

8 октября 1996 г. в Институте востоковедения РАН (ИВ РАН) состоялась научная конференция "Сорокалетие восстановления советско-японских дипломатических отношений", организованная ИВ РАН, Российской академии естественных наук (РАЕН), Советом РАН "История международных отношений и внешней политики России" и Международной ассоциацией "За диалог и сотрудничество в Азиатско-Тихоокеанском регионе".

Конференция открылась выступлением академика РАН С.Л. Тихвинского. Оно было посвящено истории советско-японских переговоров 1955–1956 гг., предшествовавших подписанию Совместной советско-японской декларации 1956 г., непосредственным участником которых он был в качестве советника советского посольства в Лондоне. Главный вывод выступавшего – декларация 1956 г., вопреки сложившемуся мнению, могла быть подписана без обещания каких-либо территориальных уступок с нашей стороны, если бы в работу советской делегации во главе с послом СССР в Великобритании Я. Маликом на переговорах в Лондоне в 1956 г. не вмешивались и дали бы ей возможность до конца реализовать основной, а не запасной вариант проекта мирного договора с Японией. Несмотря на выдвинутые японской делегацией в самом начале переговоров претензии не только на Курилы, но и на Южный Сахалин, у СССР было достаточно аргументов, которые для Японии были в ажее, чем инспи-

рированные США территориальные претензии – это вопросы о разрешении японского рыболовства в советских территориальных водах, о возврате в Японию оставшихся военнопленных и, что не менее важно, содействие Москвы в вопросе приема Японии в ООН.

Лишь неоправданное, как показало время, вмешательство в переговоры Н.С. Хрущева, надевшегося путем частичных территориальных уступок ускорить заключение мирного договора, привело к включению в текст декларации положения о согласии СССР передать Японии южно-курильские острова Шикотан и Хабомаи (русское название "острова Плоские") после заключения мирного договора, что было расценено Японией как слабость, а не как жест доброй воли, на что рассчитывало советское руководство.

В результате японские территориальные требования не только не были сняты, но, наоборот, еще более усилились.

В докладе д.и.н., проф., академика РАЕН А.А. Кошкина был дан анализ основных этапов мирного урегулирования между СССР и Японией начиная с Сан-Францисского мирного договора 1951 г. и до настоящего времени. Особое внимание было обращено на неблагоприятную роль правительства США, которое в нарушение Ялтинского и Потсдамского соглашений в годы "холодной войны" встало на путь поощрения Японии к территориальным претензиям к СССР. В под-

тверждение этого приводились факты грубого вмешательства США в ход советско-японских переговоров о заключении мирного договора.

Незаинтересованность США в окончательном урегулировании отношений между СССР и Японией проявилась и после подписания в 1956 г. Совместной советской-японской декларации, когда Вашингтон фактически заставил Токио пойти на ревизию положений этого соглашения. Вынужденный отказ СССР от содержавшегося в декларации обещания передать Японии после заключения мирного договора острова Хабомаи и Шикотан находится в соответствии с принципом международного права о возможности полного или частичного неисполнения международного договора в случае, если после его заключения возникли обстоятельства, существенно изменившие первоначальные условия, из которых стороны исходили при его заключении.

Произвольное расширение правительством Японии после 1956 г. своих территориальных претензий до четырех островов Курильской гряды, нежелание выполнять положения Совместной декларации, а также заключение в 1960 г. направленного против СССР военного союза с США и явилось действиями, создавшими такие обстоятельства.

"Рубежным документом в отношениях с Японией" назвал Совместную декларацию 1956 г. д.и.н., проф. И.А. Латышев. Высоко оценив значение подписанного 40 лет назад советско-японского соглашения о восстановлении дипломатических отношений, он подверг резкой критике включенное в девятую статью декларации положение об увязке вопроса о заключении мирного договора с передачей Японии группы южных Курил, охарактеризовав его как "дипломатический и юридический ляпсус", допущенный по настоянию Хрущева. В результате на протяжении 40 лет из документа в документ переходит положение о необходимости продолжать переговоры о заключении мирного договора, что серьезно осложняет и без того непростые российско-японские отношения. Между тем декларация 1956 г. прекратила состояние войны между двумя странами и по сути явилась мирным договором, который заложил основы современных двусторонних отношений. Токио же использует переговоры для выдвигания территориальных претензий и, как показало время, не пойдет здесь на какой-либо разумный компромисс. В связи с этим следует отказаться от нереальной идеи заключения мирного договора на японских условиях и развивать двусторонние отношения на той реальной правовой основе, которая существует в настоящее время.

К.и.н. А.Ю. Плотников остановился на исторических и правовых предпосылках подписания декларации 1956 г., а также на некоторых правовых вопросах, связанных с так называемой "проблемой северных территорий".

В частности, была представлена хранящаяся в Российском Государственном архиве древних актов (РГАДА) русская карта японских островов, созданная на основе голландских источников в конце 70-х годов XVIII в., на которой территория Японии ограничена только тремя островами – Кюсю, Сикоку и Хонсю и не включает в себя остров Хоккайдо, что лишний раз убедительно подтверждает тот факт, что в состав Японии в конце XVIII – начале XIX в. не входил даже этот северный остров японского архипелага. Тем более не могли принадлежать, как это утверждается, в то время Японии южные Курильские острова, лежащие севернее Хоккайдо. Таким образом, тезис об "исконной принадлежности южных Курил только Японии", составляющий "историческую" основу концепции "северных территорий", не верен, поскольку не соответствует действительности.

Не соответствует действительности и тезис о "непризнании Японией послевоенных границ с Советским Союзом", составляющий "юридическую" основу этой концепции, – подписанный Японией Сан-Францисский мирный договор 1951 г., Совместная декларация 1956 г., а также Рыболовные соглашения 1956–1980-х годов свидетельствуют о фактическом признании ею советской юрисдикции над Южными Курилами. В соответствии с действующими нормами международного права, государство, которое своими действиями фактически признало международное соглашение, не вправе заявлять о недействительности для него такого соглашения. Следовательно, не вправе заявлять каких-либо претензий на этот счет и Япония.

Выступление д.и.н., проф., академика РАЕН В.И. Зимонина было посвящено проблеме безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и роли в ней советско- и российско-японских отношений как ключевого элемента, обеспечивающего эту безопасность. В этой связи докладчик отметил стратегическое значение южных Курильских островов и южнокурильских проливов, обеспечивающих безопасный и наиболее удобный выход в Тихий океан, и напомнил, что именно на южных Курилах (на острове Итуруп) базировалась японская эскадра, совершившая в 1941 г. нападение на Пёрл-Харбор. Как негативное и чреватое опасными последствиями явление была охарактеризована выступавшим проводимая РФ в одностороннем порядке демилитаризация Курил, при сохранении численности японских войск, дислоцированных на находящемся в непосредственной близости от наших дальневосточных границ острове Хоккайдо.

Д.э.н., проф. А.М. Шарков остановился на экономической стороне территориальных притязаний Японии к нашей стране, отметив огромное значение района Южных Курил прежде всего как богатейшего источника рыбо- и морепродуктов, по запасам которых он занимает одно из первых мест

в мире. В этом, по мнению выступавшего, и заключается одна из главных причин возникновение так называемой "проблемы северных территорий", историческая и юридическая необоснованность и "тупиковость" которой становится все более очевидной. В этой связи было отмечено принципиально важное значение вышедшего в конце прошлого года сборника документов "Русские Курилы", в котором впервые за последнее время приведены строго документальные свидетельства несостоятельности японских территориальных претензий к нашей стране как с исторической, так и с юридической точек зрения.

Выступление Чрезвычайного и Полномочного Посла, заместителя Генерального секретаря ООН в 1987–1992 гг. к.и.н. В.С. Сафрончука было посвящено роли СССР в приеме Японии в ООН, членом которой она стала вскоре после подписания Совместной декларации 1956 г. благодаря поддержке и рекомендации именно нашей страны, честно выполнившей все другие обязательства, принятые на себя по этому соглашению. Что касается обещания передачи Японии двух южных Курильских островов, то оно осталось нереализованным по вине самой Японии: она сорвала заключение мирного договора, недальновидно выдвинув под давлением США дополнительные необоснованные территориальные претензии к нашей стране.

Была также отмечена возросшая за послевоенные десятилетия экономическая мощь Японии, которая все более открыто претендует и на адекватную ей политическую роль в мире, что, в частности, выражается в стремлении Японии

занять место постоянного члена Совета Безопасности ООН.

Д.ю.н., проф. член.-корр. Академии военных наук В.П. Галицкий осветил проблему японских военнопленных, которая постоянно муссируется заинтересованными силами в Японии, а в последнее время и в нашей стране. Была отмечена искусственность и очевидная политическая предвзятость этого вопроса, поскольку речь ведется только о проблемах японских военнопленных в СССР и ничего не говорится о японцах, содержавшихся в плену у американцев или англичан. Выступавший обратил также внимание на тот факт, что проблема во многом искусственно создана самой Японией, которая с самого начала применяла к военнопленным, возвращавшимся из СССР, особый, дискриминационный подход, сильно отличавшийся от отношения к военнопленным, содержавшимся в других странах.

Отдельно был затронут вопрос о недопустимости японских требований о выплате нашей страной материальных компенсаций бывшим военнопленным, так как Советский Союз отказался от каких-либо репараций и контрибуций со стороны Японии, что было специально зафиксировано в Совместной декларации 1956 г.

Выступившие на конференции были едины в том, что отношения с Японией следует развивать прежде всего на основе безусловного соблюдения собственных государственных интересов и интересов государственной безопасности, подлинной исторической правды, а также современных реалий, сложившихся за прошедшие 40 лет.

А.Ю. Плотников

КОМИНТЕРН И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

В Институте всеобщей истории РАН (ИВИ) состоялся "круглый стол" на тему "Коминтерн и Латинская Америка", организованный Центром латиноамериканских исследований ИВИ. В его работе приняли участие ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Волгограда, а также представители научной общественности Мексики, члены дипломатического корпуса, в том числе Чрезвычайный и Полномочный посол Эквадора в России Хуан Саласар Сансис. Во вступительном слове заведующий Центром латиноамериканских исследований д.и.н. Е.А. Ларин отметил: задача "круглого стола" состоит в том, чтобы исследовать и оценить действительную роль Коминтерна в Латинской Америке, избегая крайних оценок, появившихся в последние годы, когда элемент негативизма практически заслонил объективный анализ деятельности Коминтерна на этом континенте. В то же время необходимо устранить господствовавшие до конца 80-х годов односторонние оценки

роли Коминтерна в Латинской Америке. Главное в этой работе – выявление и анализ новых архивных документов.

Директор ИВИ член-корр. РАН А.О. Чубарьян рассказал, что институт готовит многотомную публикацию документов и материалов Коминтерна, среди которых уже подготовленный к печати том "Коминтерн и Латинская Америка", охватывающий 1919–1940 гг. Подавляющая часть этих документов впервые увидит свет. Появление многотомной серии по истории Коминтерна, по мнению А.О. Чубарьяна, будет способствовать объективной разработке важных проблем чрезвычайно сложного периода всемирной истории.

Большинство выступлений участников основывалось на документах, которые впервые вводились в научный оборот. Были также рассмотрены темы, которые раньше не поднимались в нашей научной литературе.

В докладе "Коминтерн и Мексика" проф. Рина

Ортис, зам. директора Института антропологии и истории (Мексика), рассказала о широкомащштабном исследовании деятельности Коминтерна в Мексике, предпринятом мексиканскими учеными, о подписанном с ИВИ соглашении, предусматривающем совместное изучение материалов Коминтерна. К.и.н. А.А. Щелчков (ИВИ) в выступлении "Трансформация идеологических позиций Тристана Марофи" рассмотрел изменение позиции видного боливийского писателя от тесного сотрудничества с Коминтерном до полного разрыва с ним. Д.и.н. И.И. Янчук (ИВИ) в докладе "Хосе Карлос Мариатеги и Коминтерн" проанализировал роль выдающегося перуанского мыслителя в развитии коммунистического движения в Латинской Америке, его взаимоотношения с Коминтерном. По мнению И.И. Янчука, вся деятельность Мариатеги свидетельствовала о его полной и безоговорочной поддержке линии Коминтерна в Латинской Америке.

Ряд докладов был посвящен взаимоотношениям Коминтерна с отдельными коммунистическими партиями стран Латинской Америки.

К.и.н. В.П. Казаков (ИВИ) показал развитие отношений Коминтерна с коммунистами Аргентины в период подъема рабочего движения в этой стране на рубеже 20–30-х годов. К.и.н. Л.Ю. Кораблева (ИВИ) рассмотрела роль Коминтерна в создании коммунистической партии Парагвая и развитии рабочего движения в стране. К.и.н. Л.С. Хейфец (Санкт-Петербург) в докладе "Коминтерн и коммунистическое движение на Кубе" уделил большое внимание роли видного деятеля рабочего движения Кубы Хулио Антонио Мельи в укреплении позиций Коминтерна в Западном полушарии.

К.и.н. Л.М. Ермакович (ИВИ) в докладе "Революционная партия Венесуэлы и ее роль в демократическом движении страны" на основе впервые исследованных документов Коминтерна проанализировала деятельность Революционной партии Венесуэлы, судьбу вооруженной экспедиции этой партии совместно с коммунистами,

высадившейся в 1929 г. на побережье Венесуэлы с целью поднять народ на борьбу против диктатуры Гомеса, и оценку Коминтерном этой акции.

Д.и.н. А.И. Кубышкин (Волгоград) в докладе "Коминтерн и Центральная Америка" выявил как положительные, так и отрицательные стороны деятельности Коминтерна в этом регионе, отметил, что анализ Коминтерном социально-экономического положения Центральной Америки имел большое значение для правильного понимания характера и движущих сил освободительного движения. Особое внимание докладчик уделил роли Коминтерна в развитии освободительного движения в Никарагуа под руководством Сандино.

К.и.н. О.А. Лагоцка (ИВИ) сделала обзор документов, касающихся планировавшегося левыми силами восстания в Бразилии в 1935 г.

Ведущий научный сотрудник ИВИ Н.П. Калмыков подчеркнул, что многие вопросы, связанные с деятельностью Коминтерна, еще остаются без ответа. Исследование роли Коминтерна в Латинской Америке находится на начальной стадии и требует больших усилий со стороны российских ученых. Д.и.н. А.И. Сизоненко (Институт Латинской Америки РАН) отметил, что доступность архивов позволяет ликвидировать "белые пятна" в освещении роли Коминтерна в Латинской Америке.

К.и.н. Г.Н. Мартюшев (Университет Дружбы народов) посвятил выступление рассмотрению соотношения революционного романтизма и анализу социально-экономического и политического положения в деятельности Коминтерна в Латинской Америке.

С заключительным словом выступил Е.А. Ларин, который подчеркнул большую научную значимость "круглого стола", посвященного роли Коминтерна в Латинской Америке. Он отметил, что начинается новый этап изучения этой важной темы, который связан с открытием архивов для всех исследователей деятельности Коминтерна.

А.Б. Карпова

"КРУГЛЫЙ СТОЛ" РОССИЙСКИХ И УКРАИНСКИХ УЧЕНЫХ

Встреча российских и украинских ученых, состоявшаяся 23–24 мая 1996 г. в Одессе, была посвящена российско-украинским отношениям. С российской стороны ее представляли научные сотрудники Института международных экономических и политических исследований РАН: директор Центра восточноевропейских исследований д.э.н. С.П. Глинкина, директор Центра европейских исследований д.и.н. В.И. Дашичев, главный

научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований д.и.н. И.И. Орлик, директор Центра политических исследований д.и.н. Б.А. Шмелев (руководитель делегации).

С украинской стороны приняли участие: директор Центра международных исследований (ЦМИ), зав. кафедрой новой и новейшей истории Одесского государственного университета (ОГУ)

д.и.и. С.И. Аппатов (руководитель делегации), главный научный сотрудник Института проблем рынка Национальной академии наук Украины д.г.н. В.А. Дергачев, ведущие научные сотрудники ЦМИ ОГУ к.и.н. В.В. Глебов, директор Института социальных наук ОГУ И.Н. Коваль, к.и.н. П.Я. Райнов. Встреча проходила в Одесском доме ученых. На ней присутствовали представители вузов и общественных организаций Одессы. После ее окончания состоялась пресс-конференция. Встреча широко освещалась местной и республиканской прессой, радио и телевидением.

Участниками "круглого стола" были освещены следующие темы: "Новые геополитические реальности в Европе и российско-украинские отношения" (Б.А. Шмелев), "Распад СССР и его последствия. Роль политических сил России и Украины: сравнительный анализ" (П.Я. Райнов), "Политика в Черноморском регионе в контексте украинско-российских отношений" (В.В. Глебов), "Опыт реформ в странах Центральной и Восточной Европы и его значение для России и Украины" (С.П. Глинкина), "Опыт экономических реформ в России и Украине: сравнительный анализ" (В.А. Дергачев), "Последствия расширения НАТО для российско-украинских отношений" (В.И. Дашичев), "Вопросы украинской безопасности и НАТО. Учет российского фактора" (С.И. Аппатов), "Американский фактор в российско-украинских отношениях" (И.И. Орлик) и "Бархатная реставрация" в Восточной Европе: уроки для России и Украины" (И.Н. Коваль).

Всем докладам сопутствовала живая и временами весьма острая дискуссия, особенно по вопросам расширения НАТО на восток, места и

роли Украины и России в создании системы общеевропейской безопасности, проблемам Севастополя и Крыма, американского фактора в российско-украинских отношениях. Несмотря на разницу во мнениях, ученые двух стран проявили глубокую заинтересованность в поисках взаимоприемлемого компромисса, высказали ряд конкретных предложений и советов власти имущим – для преодоления противоречий, имеющих место в отношениях двух стран.

Встреча научных специалистов двух стран будет способствовать большему взаимопониманию научных и общественных кругов Украины и России, окажет определенную помощь практическим работникам, занятым в сфере межгосударственных отношений двух стран. Она показала растущую важность регионального подхода к обеспечению национальной и международной безопасности, эффективность изучения и решения спорных проблем с учетом мнения и практических возможностей влияния на внешнюю политику отдельных ведущих регионов страны. Такие встречи, становясь традиционными, закрывают в какой-то мере "брешь" в творческих научных связях ученых двух стран, которая создалась в результате распада союза и породила дефицит информации и провинциализм в подходе к сложным проблемам современного общественного развития.

С.И. Аппатов,
академик Академии политических наук Украины, заслуженный деятель науки и техники Украины, зав. кафедрой новой и новейшей истории, директор Центра международных исследований Одесского университета, доктор исторических наук, профессор

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА НА КАФЕДРЕ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ СТАВРОПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В первой половине 90-х годов¹ главной темой научно-исследовательской работы кафедры была проблема "Сравнительная история мировых цивилизаций". По этой теме преподавателями и аспирантами кафедры подготовлено несколько публикаций, в частности курс лекций "На пути к современной цивилизации" и учебное пособие "История мировых цивилизаций"². Заведующий кафедрой, д.и.н., проф. А.А. Аникеев во всту-

пительных статьях дает типологию мировых цивилизаций, проф. В.П. Невский и к.и.н., доц. А.П. Беликов раскрывают особенности древних цивилизаций, к.и.н., доц. И.А. Краснова характеризует средневековую цивилизацию, к.и.н., доц. Т.В. Пантюхина освещает ключевые проблемы индустриальной цивилизации, доц. Н.М. Нарыкова показывает специфику цивилизаций Востока, старшие преподаватели И.А. Коробкина, В.В. Литвинов, А.Н. Птицын анализируют основные тенденции развития современной цивилизации.

Кафедрой издан сборник "Проблемы войны и мира в истории", в котором освещаются теоретические и конкретно-исторические проблемы войны и мира в истории человеческой цивилизации, раскрывается исторический опыт борьбы народов

¹ О научной работе кафедры всеобщей истории СГПУ за 1985–1990 гг. см.: Новая и новейшая история, 1990, № 6.

² На пути к современной цивилизации. Курс лекций. Ставрополь, 1993; История мировых цивилизаций. Учебное пособие. Ставрополь, 1996.

за сохранение мира, против милитаризма, фашизма и гоики вооружений³. Опубликован также межвузовский сборник статей "История и экология", посвященный одной из острых проблем современной цивилизации – сохранению окружающей среды, анализу исторического опыта рационального природопользования⁴.

Преподаватели и аспиранты кафедры исследуют также конкретные проблемы всеобщей истории.

В центре внимания А.П. Беликова политика Рима в Восточном Средиземноморье (III–I вв. до н.э.)⁵. И.А. Краснова продолжает интенсивно изучать эволюцию общественного сознания и социальной психологии купечества на примере Флоренции XIV–XV вв., опубликовав по этой проблеме ряд научных статей. Ею завершена подготовка монографии "Деловые люди Флоренции XIV–XV вв."⁶. Научные интересы аспирантки С.А. Польской сосредоточены на исследовании темы сакрализации королевской власти в средневековой Франции⁷. Т.В. Пантюхина приступила к исследованию истории исторического образования в США на основе материала, собранного в результате двух командировок в США⁸. Завершает работу над темой "Австрийская экономическая школа и ее влияние в России в конце XIX – начале XX в." аспирант И.В. Крючков⁹. Аспирант

С.О. Звонок занимается проблемами становления социально-рыночного хозяйства в ФРГ¹⁰. Защитила кандидатскую диссертацию И.А. Коробкина на тему: "Пагуошское движение: возникновение и основные направления деятельности 1955–1992 гг."¹¹ Аспирант Г.И. Кольга исследует роль нацистской партии в формировании фашистского режима в Германии. Научные интересы Н.М. Нарыковой сосредоточены на изучении отношения Социалистического Рабочего Интернационала, Коминтерна к аграрно-крестьянскому вопросу¹². Заканчивает работу над темой: "Современная британская историография второй мировой войны (70-е – начало 90-х годов)" аспирантка Л.О. Дубовая¹³. В.В. Литвинов защитил кандидатскую диссертацию на тему: "Международные связи Дона, Кубани, Ставрополя со странами Центральной и Юго-Восточной Европы в 60–90-е годы".

А.А. Аникеев исследует проблемы историографии и методологии истории. В 1992 г. им издана монография "Историография Восточной Германии: подъем и кризис"¹⁴. В ней анализируются основные этапы развития исторической науки в ГДР, ее организационные центры, вопросы методологии и тематика исследований. Автор вскрывает причины социально-политического кризиса 1989–1990 гг. и роли историков в этих событиях. В 1995 г. А.А. Аникеев опубликовал курс лекций "Проблемы методологии истории", в котором дается современная оценка предмета и социальных функций исторической науки, исследуются цивилизационный и формационный подходы в исторической науке, роль категорий и понятий в процессе исторического

³ Проблемы войны и мира в истории. Межвузовский сборник научных трудов. Ставрополь, 1993.

⁴ История и экология. Межвузовский сборник научных трудов. Ставрополь, 1994.

⁵ Беликов А.П. Причины I-й Иллирийской войны. – Тезисы докладов 2-й Региональной научной конференции молодых ученых. Ч. 1. Общественные науки. Актюбинск, 1991, с. 5–6; *его же*. История римского "империализма". – Актуальные проблемы исторической и юридической науки. Ставрополь, 1994, с. 67–70.

⁶ Краснова И.А. Эволюция политических воззрений Дж. Савонаролы. – Средние века. М., 1994; *ее же*. Трактат о семье Дж. де Винчи. Пер., предисловие и комментарии Красновой И.А. – Христианская педагогика средневековья, в 2-х т. М., 1994.

⁷ Польская С.А. Сакрализация личности короля в эволюции ритуалов французского средневекового двора. – Вторые чтения памяти акад. С.Д. Сказкина. Ростов-на-Дону, 1995.

⁸ Пантюхина Т.В. Некоторые вопросы теории учебного плана в работах современных американских исследователей. – Актуальные вопросы исторической и юридической науки, с. 33–36.

⁹ Крючков И.В. Австрийская школа в политической экономии и ее влияние на взгляды А.В. Чаянова. – Там же с. 21–22; *его же*. А.В. Чаюнов: основы теории некапиталистической аграрной эволюции (к 70-летию публикации "Организация крестьянского хозяйства"). – Вестник СГПУ. Вып. 1. Ставрополь, 1995, с. 73–79.

¹⁰ Звонок С.О. Охрана природной среды в ФРГ в 60–70-е годы. – История и экология, с. 87–103; *его же*. Коммунальные парламенты и их функции в объединенной Германии. – Актуальные проблемы политической системы и самоуправления. Ставрополь, 1994, с. 12–15.

¹¹ Коробкина И.А. Вопросы экологии в Пагуошском движении. – История и экология, с. 104–122; *ее же*. Пагуошское движение по науке и мировым проблемам: структура и проблематика. – Актуальные проблемы политической системы и самоуправления, с. 34–38.

¹² Нарыкова Н.М. К вопросу о восточной политике Коминтерна (в соавторстве с В.В. Литвиновым). – Повышение эффективности восточковедной подготовки учителей без отрыва от производства. Москва – Рязань, 1991, с. 71–73; *ее же*. Антивоенная деятельность Крестьянского Интернационала. – Проблемы войны и мира в истории. Ставрополь, 1993.

¹³ Дубовая Л.О. Начало второй мировой войны в освещении советских и зарубежных авторов. – Там же, с. 70–86.

¹⁴ Аникеев А.А. Историография Восточной Германии: подъем и кризис. Ставрополь, 1992.

познания, методы исторической науки, проблемы исторических фактов и источников¹⁵.

Другим важным направлением деятельности кафедры является переход на многоуровневую систему подготовку кадров. Разработана концепция профессионально-образовательной программы и учебный план подготовки бакалавров, магистров и учителей по направлению "История". Концепция многоуровневой подготовки основывается на культурологическом подходе к отбору содержания исторических наук, фундаментальности содержания высшего исторического образования, целостности и преемственности профессионально-образовательных программ разных уровней, информатизации высшего исторического образования¹⁶.

В бакалавриате студенты изучают широкий круг проблем общекультурного, психолого-педагогического и предметного блока, осваивают логику исторических знаний. В магистратуре идет дальнейшее углубление профессиональной подготовки студентов, формируются профессиональные качества историка через систему учебных курсов: "Проблемы методологии истории", "История мировых цивилизаций", "История России в контексте мировых цивилизаций", "История мировых религий", "Архивоведение", "Историческая антропология", "Историческая демография"¹⁷.

¹⁵ Аникеев А.А. Проблемы методологии истории. Курс лекций. Ставрополь, 1995.

¹⁶ Концепция многоуровневой подготовки, образовательные-профессиональные программы бакалавров, магистров образования и учителей в предметной области "История". Ставрополь, 1993, с. 30.

¹⁷ Магистратура в предметной области "История". Ставрополь, 1994.

При подготовке учителей истории существенное внимание уделяется изучению исторического образования в России и за рубежом. По этой проблеме коллективом кафедры с участием специалистов других вузов подготовлен сборник трудов "Историческое образование в России и зарубежных странах", в котором освещаются основные составные исторического образования в наши дни, пути его гуманизации, особенности преподавания истории в настоящее время, развитие исторического образования в России в конце XIX – начале XX в.¹⁸

Научным исследованиям кафедры и росту квалификации ее сотрудников способствует открытие в марте 1994 г. при СГПУ Диссертационного совета по защите кандидатских диссертаций (специальности 07.00.02 – "Отечественная история". 07.00.03. – "Всеобщая история"). Совет является единственным на Юге России, принимающим диссертации по всеобщей истории.

Развитию исторических исследований и исторического образования в современной России будет способствовать более активное включение ученых с периферийных ВУЗов в федеральные и международные программы. Представляется назревшим переход Высшей аттестационной комиссии РФ к общепринятой в мире системе ученых степеней и званий.

И.В. Крючков

¹⁸ Историческое образование в России и зарубежных странах. Межвузовский сборник научных трудов. Ставрополь, 1996.

Историческая наука за рубежом

88-Й СЪЕЗД ОРГАНИЗАЦИИ АМЕРИКАНСКИХ ИСТОРИКОВ

С 30 марта по 2 апреля 1995 г. в Вашингтоне в отеле "Хилтон" проходила ежегодная конференция одной из крупнейших профессиональных организаций США – Организации американских историков (ОАИ), основанной в 1907 г. как Историческая Ассоциация долины Миссисипи. В настоящее время эта организация объединяет 12 тыс. человек и издает "Журнал американской истории", "Информационный бюллетень ОАИ", "Исторический журнал" для учителей. Для поддержания информационных связей с американистами других стран издается информационный бюллетень "Коннекшенс". В нем даются сведения о научных планах исследователей, а также о научных обменах для

студентов, аспирантов, преподавателей, осуществляемых ЮСИА, что способствует интернационализации изучения американской истории¹. Штаб-квартира ОАИ располагается в г. Блумингтон (Индиана). Другой организацией, под эгидой которой проводилась конференция, был Национальный Совет общественной истории, основанный в 1980 г. Кроме того, в работе конференции принимал участие ряд организаций, являю-

¹ Connections. American History and Culture in an International Perspective, 1995, May–June, v. 1, issue 2.

щихся ассоциированными членами ОАИ (около 30) и объединенных в Национальную Ассоциацию исторического образования.

Автор данного сообщения был участником конференции благодаря содействию АСПРЯЛ и ЮСИА, способствующих организации научных обменов между СНГ и США. Конгресс был наиболее представительным за всю историю ОАИ. На нем присутствовало более 2 тыс. человек, в том числе иностранные ученые. Было заслушано около 700 выступлений на 140 секциях. Общая тема конференции была определена в обращении председателя организационного комитета М. Фриша "Расширение круга истории". В нем историкам предлагалось разобраться в том, "что необходимо и важно, а что демагогично; что такое история, кто ее делает, как и для кого"².

На общее пленарное заседание был приглашен президент США Б. Клинтон. График работы был весьма напряженным, заседания начинались в 7.30 утра и продолжались до 22–24 часов. Это было возможно потому, что большинство участников конференции жило в том же отеле "Хилтон", где проходили основные заседания. Своеобразной и неформальной формой общения были завтраки, ланчи, президентский банкет. Ланчи устраивались организациями, которые являются ассоциированными членами ОАИ – "Обществом военной истории", "Обществом истории позолоченного века и прогрессивной эры", "Обществом устной истории", "Обществом истории сельского хозяйства", "Обществом городской истории", "Обществом истории международных отношений", "Обществом историков-женщин" и др. "Женщины в истории" – тема, обсуждавшаяся на многих заседаниях. "Оспаривая мужское доминирование" – так определялась проблема одного из первых заседаний конференции. Столь повышенное внимание к женской истории объяснялось 75-летием предоставления женщинам избирательных прав: в 1920 г. 19-я поправка к конституции утвердила женское избирательное право. На конференции также обсуждался исследовательский проект Национального архива "Наши матери перед нами", приуроченный к этому юбилею. Одно из заседаний проводилось даже в Конгрессе США с участием конгрессменов.

Следует указать общие проблемы конференции: война за независимость; американский Запад; аболиционизм и гражданская война; реконструкция; "новый курс" Ф. Рузвельта; рабочая история; политическая история; род, раса, национальность в истории (история афроамериканцев, история американских индейцев и др.); устная история; урбанистическая история; история культуры. Широкий спектр поставленных и обсуждавшихся проблем позволяет судить о состоянии современной американской истории. В ней наблюдается очень

широкий диапазон суждений, подходов, позиций от консервативно-традиционных до леворадикальных.

Шумно заявила о себе группа историков-радикалов, придерживающихся марксистских взглядов, рекламированием в кулуарах конференции издаваемого ими журнала "Рэдикал истори ревью", а также Информационного бюллетеня. Эти издания отличает разнообразие проблем: от истории рабочего класса до истории сексуальных меньшинств, затрагиваются также проблемы стран СНГ³. Желавшие могли приобрести красную футболку с рекламой журнала, на которой под изображением К. Маркса было начертано: "Хочешь заработать большие деньги – становись историком". Историки-радикалы выступили с инициативой "История активности. Активность в истории". Они предложили участникам конференции заполнить анкету с вопросами об участии в антивоенных маршах протеста и 2 апреля 1995 г. пройти по местам антивоенных маршей протеста 1965–1973 гг. против войны во Вьетнаме от Ла-файет-сквер по Пенсильвания-авеню, к Белому Дому, а затем к Капитолию. Эта инициатива явно была вызовом стремлению к героизации вьетнамской войны в современной американской историографии и американском обществе в целом в чем мы убедились, посетив Арлингтонское мемориальное кладбище и Мемориал, посвященный американцам, павшим во Вьетнаме: здесь всегда много людей, сюда приходят группы школьников с цветами, которые занимаются также "поисковой работой", т.е. сбором информации о погибших во вьетнамской войне.

Среди других внимание привлекла секция "Американский коммунизм: местные и региональные перспективы". Среди ее немногочисленных участников сразу установилось взаимопонимание, чему способствовало представление каждого участника заседания и знакомство с проблемами, которыми он занимается. Любопытно было наблюдать неформальную атмосферу общения, в начале заседания были разыграны в качестве призов трехтомник сочинений В.И. Ленина и "КПСС в резолюциях". На обсуждение собранных были представлены три доклада – "Коммунизм и молодежь: летние лагеря и коммунистическое образование"; "Коммунистическая политическая активность и повседневная жизнь в сельском Нью-Гэмпшире"; "Коммунизм, культура и сообщество в графстве Шеридан (Монтана)". Информационный бюллетень Общества истории американского коммунизма давал более подробную информацию о проблемах, интересующих американских историков⁴.

Организация работы всей конференции была

³ Radical History Review, 1995 Winter, № 61, p. 1–3.

⁴ Newsletter of the Historians of American Communism, March 1995, V. 14. № 1, p. 1–2.

² Convention Supplement. 1995 Annual Meeting Organisation of American Historians, p. A1.

построена в целом традиционно: общие пленарные заседания и секции, а также "круглые столы". Общее заседание "Рассуждения общества об истории" объединило не только исследователей, но и работников Национального архива, Национальных парков и музеев. Среди многочисленных "круглых столов" наибольшее внимание участников привлекли и были наиболее бурными следующие: "Становясь бестселлером: историки как популярные писатели"; "Историки и вызов У. Диснея"; "Историческая память и общество"; "Хиросима и историк: спор об экспонировании "Энолы Гей" (самолет, сбросивший атомную бомбу на Хиросиму. – Т.А.) в Смитсоновском национальном музее авиации и космонавтики"; "Границы памяти – создание и формирование Американского мемориального музея Холокауст". Последние две проблемы заинтересовали историков в связи с 50-летием победы во второй мировой войне. Особенно сильный спор вызвало то, что был выставлен в музее "Энола Гей". Ряд историков возражал против целесообразности такого шага, некоторые же спорили только о планировании и эскизах самой экспозиции, она не была закончена к началу конференции. Большинство историков пришли к выводу, что это тоже – часть национального прошлого и поэтому неоспоримой является сама идея этой экспозиции. Официальная точка зрения, возобладавшая в конечном итоге, сводилась к оправданию атомных бомбардировок с целью скорейшего окончания войны и сохранения жизни американских солдат. Историки-радикалы осудили такое мнение. Г. Альперовиц в статье "Вопрошая Хиросиму" приводит цитату из "потерянных дневников" Г. Трумэна, которые подтверждают его мнение о том, что война была бы выиграна и без применения столь варварского оружия⁵.

Организаторы конференции предложили также и новые формы: комбинированные заседания, которые объединяли заседания-"кластеры" (пучки) с демонстрационными. Было предложено шесть общих тем, увязанных в "кластер", и к ним присоединялись еще два-три тематически близких заседания. Демонстрационные заседания – форма, обычно принятая в других науках, но опробованная и при проведении прошедшей конференции. На этих заседаниях докладчики представляли свои работы в виде плакатов на стендах, а участники имели возможность в неформальной обстановке обсудить их содержание. Затем эти доклады представлялись на двух основных заседаниях. Организация тематических заседаний, построенных по принципу большого хронологического периода, должна была усилить внимание к обсуждавшимся проблемам. Общие темы были представлены следующим образом: 1. Империя белого

человека – раса, культура и американская экспансия в конце XIX в. (новые перспективы в обсуждении американской экспансии; возвышение белой расы и гуманизм); 2. Больше, чем любовь – исторические перспективы брака в США (рынок, моногамия и мораль; устойчивый брак как идеал культуры в XIX в.; духовные, экономические и эмоциональные интересы в американских браках; любовь, раса и политика – смешанные межрасовые браки в XX в.); 3. Культура, род и политика – культурные развлечения в США в 1910–1940-е годы (народный театр и культурная деятельность; "плохие и хорошие девушки" 20–30-х годов; трансформация массовой культуры); 4. Новации в обучении: отраслевые исследования, учебный план, педагогические технологии; "глядя на приз" (скоординированные занятия), демонстрация новаций в обучении; 5. Активная история и история активности – "Чья это история?" (политика в преподавании в университетских городках: урбанизация и проблемы городского пространства; 25 лет экологической борьбы за Великие озера); 6. Женщины, культура и реформы в США в 1880–1933 гг. ("Сердца воспрянули и мысли просветлели" – женский вызов коммерческой культуре; чувство и реформы – женские журналисты в прогрессивной Америке).

Распространенной формой представления итогов исследования являлся показ документальных фильмов. Победителем в соответствующем конкурсе стал фильм "Свобода на мой взгляд", созданный К. Фильд и М. Малфорд. В фильме рассказывалось о событиях 1964 г. в Миссисипи, когда созданная афро-американская демократическая партия вступила в конкурентную борьбу с демократической партией белых. В фильме использовались воспоминания рядовых американцев, духовная музыка, песни протеста. Другой документальный фильм, демонстрировавшийся на конференции, был посвящен рабочей забастовке с участием 1500 человек на хлопкопрядильной фабрике в Атланте (Джорджия) в 1934 г. Эта стачка явилась одним из малоизвестных выступлений рабочего класса в рамках общенациональной стачки текстильщиков. Фильм, снятый Дж. Стони и Ю. Хелфэнд, основывался главным образом на воспоминаниях участников. Он был показан по разным каналам телевидения в ряде штатов и стал предметом широкого обсуждения на конференции со стороны историков-радикалов под девизом: "Кто построил Америку?".

Были организованы также мини-конференции в новом комплексе Национального архива в Колледж-парке (Мэриленд), в Смитсоновском Национальном музее американской истории.

Одна из них была посвящена работе архивов. Среди обсуждавшихся тем стояла проблема нетрадиционных архивов (компьютерные записи и историки). В 1992 г. была создана Комиссия национальных исторических публикаций и записей,

⁵ Radical Historians Newsletter, 1994 November, № 71, p. 3.

использующая информационные технологии для получения и хранения материалов⁶. Были организованы "круглые столы" по темам: "В русских архивах: шаг вперед для американских историков в изучении истории "холодной войны", истории Коммунистической партии США и советской внешней политики", "Информационный век и библиотека Конгресса США": "Доступ к правительственным документам для историка"; "Закон о свободе информации и государственная цензура в информационной политике".

Традиционным был большой концерт американской фольклорной музыки (спиритчуэллс, блюзы, музыка в стиле кантри региона Пидмонт-Тайдуотер). Участникам конференции были предложены экскурсии в Маунт-Вернон, дом-музей Ф. Дугласа, американского аболициониста, революционного демократа, одного из создателей негритянских полков в годы гражданской войны, и до достопримечательным местам Вашингтона.

Особого упоминания заслуживает огромная книжная ярмарка – выставка, в которой участвовало более 100 издательств. Она поражала изобилием представленной книгоиздательской продукции.

Было много книг о простых людях Америки. Издательство университета им. Д. Гопкинса предлагало новую серию: "Возвращаясь к сельской Америке (история аграрных районов Америки XIX–XX вв.)". Другое документальное издание "Простые американцы. Американская повседневная история глазами народа" представляло коллекцию писем, дневников, воспоминаний мужчин, женщин и детей разных рас и национальностей, образовавших американскую нацию и создававших историю страны от Колумба до наших дней. Компьютеризованное издание "Кто построил Америку? (1876–1914)", созданное в рамках американского проекта социальной истории историками Р. Розенцвейгом, С. Бриром, Дж. Брауном и другими дает сотни биографий простых людей на основе многочисленных документов и представляет комплексный труд, включающий документальный фильм, записи рабочих песен, слайды, документы. Издание стало призером премии Джеймса Харви Робинсона, присуждаемой Американской исторической ассоциацией, за 1994 г.

Издательство Чикагского университета представило серию книг по проблемам: "Сексуальность, история и общество", "Изучение гомосексуализма и лесбиянства в США". Весьма многочисленными были разнообразные энциклопедии, всевозможные биографические справочники и словари, среди них "Энциклопедия культуры Новой Англии" – междисциплинарное издание по 23 тематическим отраслям, "Энциклопедия амери-

канской законодательной системы" в трех томах, "Энциклопедия Конгресса США" в четырех томах, "Энциклопедия американских президентов" в четырех томах, "Энциклопедия американской конституции" в двух томах, "Энциклопедия брака и семьи" в двух томах, "Энциклопедия американского религиозного опыта" в трех томах, "Энциклопедия американской армии" в трех томах, "Энциклопедия афроамериканской истории и культуры" в пяти томах, энциклопедии политической, социальной, экономической, внешнеполитической истории. Множество подобных изданий по мировой истории также предлагалось покупателям, например 13-томный словарь по истории средних веков.

Важное внимание на конференции уделялось проблемам преподавания истории в вузах и школах. Их обсуждению было отведено два дня. Присутствовало много учителей средних школ. Было заслушано приветствие министра по образованию Р. Рейли. Одним из главных стал доклад К. Беркин "Стучи, стучи в дверь истории" – вхождение женщин в Американское Прошлое". Специальное заседание было посвящено 10-летию юбилея "Исторического журнала". На конференции говорилось о необходимости преподавать американскую историю в контексте мировой цивилизации, преодолеть разрыв между высшей и средней школами. Критиковались действующие учебники, которые не способствуют осуществлению принципа непрерывного исторического образования. В выступлениях отмечались существующие недостатки высшего и среднего исторического образования: студенты не помнят почти ничего из школьного курса, история для них – скучный перечень имен, дат, мест, они не в состоянии объяснять причины явлений. Лейтмотивом выступлений стал призыв – учить думать.

"Настоящее понимание истории, – писала "Нью-Йорк таймс", – требует от студентов вовлечения в осмысление прошлого: умение ставить вопросы и выстраивать доказательства для ответа на них; обращаться к фактам, представленным в сборниках документов, и проверять их достоверность. Они должны продолжать накопление коллективной памяти нации. Для привлечения к активной исследовательской работе должна быть использована "живая история". Студенты, благодаря ей, учатся реконструировать прошлое по оригинальным источникам, спорить по обсуждаемым проблемам, воспроизводя заседания Конституционного Конвента или дебаты Ф. Дугласа – А. Линкольна. Это позволит приблизить к ним изучаемый материал"⁷.

На конференции говорилось о необходимости вывести американскую школу на мировой уровень. В преподавание истории следует включить литературу, искусство, архитектуру, музыку и другие гуманитарные дисциплины. В качестве развиваю-

⁶ Annotation. The Newsletter of the National Historical Publications and Record Commission. December 1993, V. 21. № 3. p. 6–7.

⁷ The New York Times, 19.XI.1994.

щего эрудицию задания школьникам предлагалось выпустить стенгазету, посвященную видным ученым XIX в., и объяснить, как их открытия продвигали общество вперед, с какими трудностями им приходилось столкнуться. "Учить на оригинальных источниках" – одно из главных требований "Национальных стандартов исторического образования и профессионального развития в США", внимание к которым было привлечено на конференции в связи с негативной реакцией сената конгресса на их опубликование.

Предыстория разработки стандартов является довольно длительной. В 1989 г. 50 губернаторов одобрили "Цели национального образования", которые были включены в Закон по образованию (Цели 2000 г.), принятого конгрессом и подписанного президентом Б. Клинтон в марте 1994 г. В соответствии с данным законом была задумана разработка национальных образовательных стандартов по разным наукам. Инициатором разработки образовательных стандартов стала администрация Р. Рейгана. В феврале 1992 г. при администрации Д. Буша началась разработка "национальных стандартов" по истории, в их обсуждении приняли участие самые известные ученые-историки, 6 тыс. учителей, административных работников, родители, бизнесмены. 35 организаций от Американской Ассоциации школьных библиотекарей до Миссурийского Синода Лютеранской Церкви активно участвовали в выработке этого документа. Трижды пересматривалось каждое слово и вносились дополнения и изменения в "стандарты" по американской и мировой истории Советом глав школьных администраций и Американской организацией школьных учителей, т.е. обсуждение предлагаемого документа приняло общенациональный характер.

К. Глак, профессор японской истории Колумбийского университета, заявила, что американское общество и мир изменились за последнее десятилетие и "стандарты" отражают эти изменения. Содержание "стандартов" составило три тома: первый и второй определяют изучение американской и мировой истории школьниками и студентами. Интересны познавательные аспекты, определяемые "стандартами": хронологическое мышление, историческое понимание, исторический анализ и интерпретация, исследовательские исторические навыки, исторический проблемный анализ. Любопытна предложенная авторами периодизация истории. "Стандарты" по истории США включают 10 разделов: 1. Встреча трех миров (до 1620 г.); 2. Колонизация и колонии (1585–1763); 3. Революция и новая нация (1754–1820); 4. Экспансия и Реформа (1801–1861); 5. Гражданская война и Реконструкция (1850–1877); 6. Индустриальное развитие США (1870–1900); 7. Возникновение современной Америки (1880–1930); 8. Великая депрессия и вторая мировая война (1929–1945); 9. Послевоенные США (1945–1970); 10. Современ-

ные США (1968 – по настоящее время). Периодизация, предложенная по всеобщей истории, выглядит следующим образом: 1. Начало человеческого сообщества; 2. Ранние цивилизации и появление скотоводческих племен (4000–1000 гг. до н. э.); 3. Классические традиции, главные религии и великие империи (1000–300 г. до н. э.); 4. Расширение зон обмена и столкновения (300 гг. до н. э. – 1000 гг. н. э.); 5. Усиление взаимодействия полушарий (1000–1500 гг.); 6. Возникновение первой мировой эпохи (1450–1770 гг.); 7. Эпоха революций (1750–1914 гг.); 8. XX век.

Опубликование "стандартов" в ноябре 1994 г. встретило резкую критику справа. Консерваторы Л. Чини, Р. Лимбах, Л. Фонтен, Д. Лео заявили, что они были "составлены по политической указке либералов, которые разбавили американское прошлое этническими элементами, умаляя роль белых мужчин – выдающихся исторических деятелей, и растворили достижения западной цивилизации в излишнем внимании к другим странам". Они обвинили составителей "стандартов" в преднамеренном очернении американской истории, поскольку маккартизм упоминается в них 19 раз и ку-клукс-клан – 17 раз, в результате "в американской истории преобладают мрачные и кровавые страницы, подчеркиваются такие аспекты нашего прошлого, которыми мы не можем гордиться"⁸.

После нападков консерваторов в печати Сенат выступил с осуждением опубликованных "стандартов" и не одобрил предлагаемые бюджетные расходы. На конференции ОАИ всем участникам предлагали обратиться с письмами к конгрессменам, чтобы выразить поддержку конструктивным процессам, позволившим провести общенациональную дискуссию и выработать "стандарты".

В ходе обсуждения неоднократно подчеркивалось, что, во-первых, в США нет общенациональных учебных планов, все "стандарты" являются добровольными для штатов, во-вторых, даже при отсутствии общего контроля в преподавании американской истории всегда есть общепринятая интерпретация, в-третьих, достижение консенсуса в отношении "стандартов" не означает обязательного единодушия. Новые исторические "стандарты" принимались в ходе общенационального диалога, что предполагало согласие всех с конечным результатом. Но это не означает, что диалог не может быть продолжен. Подчеркивался демократизм принятия "стандартов". В большинстве стран подобные документы вводятся административными мерами через бюрократические структуры, и никакая критика не допускается.

В защиту "стандартов" выступили Г. Нэш, президент ОАИ, директор Национального Центра по преподаванию истории в школе, сопредседатель руководства "Проекта по разработке Национальных исторических стандартов", а также

⁸ The New York Times, 13.II.1995.

Ш. Крабтри, Х. Грей и др. Они считают, что "стандарты" основательно сбалансированы, чрезвычайно интересны и способствуют развитию исторического мышления учащихся. Они честны в отношении негативных страниц американского прошлого – кризисов, неудач. Но "стандарты" также утверждают ценности американской демократии, умеющей справиться с возникающими проблемами и способствующей прогрессу экономической и политической системы⁹. Президент Чикагского исторического общества Д. Гринберг заявил, что "это наиболее комплексные и продуманные, наиболее понятные стандарты. Они содержат информацию о дискуссиях, прекрасно суммируют все вопросы, которые возникали в ходе их обсуждения. В них действительно больше, чем когда-либо прежде, получил освещение опыт простых людей. Историки должны оторваться наконец от королей и их сражений и обратить внимание на простой народ и его интересы. Отсутствие в книгах по истории таких групп населения, как черные рабы, индейцы, женщины, искажало историю нации, лишая ее существенной части"¹⁰.

В 20-й раз отмечался ежегодный День учителя. Он тоже был насыщен заседаниями. На нем обсуждались проблемы: "И вы хотите все это осветить в одном семестре?" (Преподавание в высшей школе и колледжах – проблема преемственности); Изучение колониальной истории по первоисточникам; Исторические места – их использование как нового инструмента преподавания; Использование технологии видеодисков в высшей школе или колледжах в исторических курсах; Изучение 1950-х годов через фильмы и музыку рок-н-ролла; Как группой студентов были опубликованы мемуары хирурга – участника Гражданской войны В. Поттера (57-й Нью-Йоркский полк); Использование театральных постановок в классе – реформаторство в преподавании истории. Была принята целая программа обучения с использованием исторических мест, в национальном регистре исторических мест перечислено свыше 64 тыс. памятников старины. Все они могут быть активно задействованы в преподавании, так как это помогает формированию уважения к своей собственной местности, заставляет бережнее относиться к окружающему миру, думать не только о прошлом, но и о будущем. Изучение исторических мест помогает интегрировать исторические, культурные, экологические, технологические и эстетические проблемы. Отвлеченные исторические события становятся гораздо ближе школьникам и студентам, когда они пытаются описать свои впечатления, полученные в ходе посещения известных исторических мест.

Широкую панораму прошлого представляют такие музеи "живой истории", как Вильямсберг в Виргинии, где перед любопытными взорами посетителей предстает колониальное прошлое Америки. Замечательным способом соприкоснуться с историей выдающихся людей является посещение таких домов-музеев, как Маунт-Вернон. В активном привлечении преподавания истории с помощью использования исторических мест заинтересованы Национальное общество охраны памятников, созданное в 1949 г. и насчитывающее 250 тыс. членов, и Служба национальных парков. Бережное отношение к историческим памятникам – составная часть общенациональной культуры. Все американцы – одна нация, одна история, в ходе которой создавались и разрушались многочисленные памятники. "Одни из этих мест свидетельствуют о драматических событиях, героических делах, научных и технических достижениях, о жизни выдающихся мужчин и женщин. Другие отражают повседневную жизнь простых людей. Но все памятники являются частью общенационального достояния и заслуживают бережного отношения"¹¹, – заявил президент Национального общества охраны исторических памятников Р. Мой. С большой тревогой говорилось на конференции о вызове У. Диснея – попытке его знаменитой корпорации создать рядом с Национальным парком, посвященным битве времен Гражданской войны при Манассасе в Виргинии, развлекательный аттракцион. В защиту памятника большого исторического значения выступили известные историки Д. Мак-Кулох, Д. Макферсон. "Самое главное состоит в том, что, пока есть угроза памятникам Северной Виргинии, не следует ослаблять усилий всей американской общественности по их защите"¹².

Весьма важным в США является проводимый ежегодно в июне Национальный день истории. В 1995 г. он был посвящен теме "Конфликт и компромисс в истории". Вокруг этой проблемы в течение года кипели страсти на диспутах студентов и школьников, причем вопросы, предлагаемые к обсуждению, были и по национальной и по мировой истории. Организатором дискуссий выступил Мэрилендский университет. Поскольку в 1995 г. были два крупных юбилея: 50-летие окончания второй мировой войны и 50-летие образования ООН, студенты готовили доклады, театральные представления, документальные фильмы, видеофильмы и другие проекты по этим проблемам на конкурс в честь Национального дня истории.

На конференции одним из важных мероприятий было вручение наград победителям. Премия

¹¹ C.R.M., 1993, v. 16, № 2, p. 6, 7.

¹² Historic Preservation. The Magazine of the National Trust for Historical Preservation, 1995, January–February, p. 6.

⁹ The National History Standards Controversy. By Gary B. Nash.

¹⁰ Chicago Tribune, 8.1.1995.

"АВС-Клио" (750 долл.) была присуждена Р.Д. Келли за статью, выдвигающую новые подходы в изучении проблемы – отношение негритянского населения к "джимкроуизму", премия им. Р. Биллингтона (1000 долл. и медаль) – Д. Демосу за книгу по истории фронта "Неизбывный плен: история семьи в колониальной Америке"; премия им. Э. Крзвена (1000 долл.) за лучшую книгу по истории Гражданской войны – Д. Сэвилл "Работа Реконструкции: от рабства к наемному труду в Южной Каролине в 1860–1870 гг."; премия им. М. Кэрти (1000 долл. и медаль) по социальной истории – У. Мак-Клею за книгу "Без хозяев: индивид и общество в современной Америке"; премия им. Лернера – Скотта за лучшую докторскую диссертацию по женской истории (1000 долл.) – Э. Вейрон "С нами должны считаться. Женщины в предвоенной Виргинии"; премия им. Д. Роули за лучшую книгу по расовым отношениям в США (1000 долл.) – за книгу Н. Маклин "Под маской рыцарства. Воссоздание ку-клукс-клана"; премия им. Э. Радвика за книгу, посвященную расовым и этническим меньшинствам (200 долл.) – Ч. Дью "Железные оковы: хозяева и рабы

на кузницах Буффало в предвоенной Виргинии"; награда им. Ф. Тернера (1000 долл.) за первую книгу по американской истории – Д. Чонси "Гомосексуальный Нью-Йорк: пол, городская культура и создание гомосексуального мира 1890–1940 гг."¹³ Упомянутые здесь далеко не все призеры свидетельствуют также о широте охвата проблем в американской историографии.

Работа конференции впечатляла размахом обсуждения поднимаемых проблем и свидетельствовала о росте значения исторической науки для американского общества в целом. Многое заставляло сравнивать с нынешним положением дел в российской историографии и задуматься о большем внимании к опыту американских ученых и использовании этого опыта.

Т.В. Алентьева

¹³ Organization of American Historians and National Council Public History. Washington (DC), 1995, p. 28–33.

Юбилей

ВАЛЕРИЮ ИВАНОВИЧУ БОВЫКИНУ – 70 ЛЕТ

Исполнилось 70 лет доктору исторических наук, главному научному сотруднику Института российской истории РАН, профессору исторического факультета Московского государственного университета (МГУ) им. М.В. Ломоносова Валерию Ивановичу Бовыкину.

Валерий Иванович родился 7 января 1927 г. в г. Ростове-на-Дону в семье военнослужащего.

В 1944 г. В.И. Бовыкин поступил в Московский государственный институт международных отношений МИД СССР и окончил его в 1949 г. Начало трудовой деятельности Валерия Ивановича связано с работой во внешнеполитических ведомствах – МИД СССР и МИД БССР.

С 1952 г. и до настоящего времени судьба В.И. Бовыкина тесно связана с истфаком МГУ. Несколько лет Валерий Иванович работал на кафедре, занимавшейся разработкой проблем истории России XIX – начала XX в., что определило его основные научные интересы. В 1953 г. В.И. Бовыкин защитил кандидатскую диссертацию на тему "Русско-французские отношения накануне первой мировой войны". Его научным руководителем был профессор А.Л. Сидоров, возглавлявший кафедру до 1959 г.

Исследовательские интересы В.И. Бовыкина с

самого начала научной деятельности отличались разносторонностью. Опубликованные в 50-е – начале 60-х годов работы В.И. Бовыкина были посвящены проблемам социально-экономической истории России XIX–XX в., истории международных отношений, революции 1905 г. и истории Московского университета: "Банки и военная промышленность России накануне первой мировой войны" ("Исторические записки", т. 64, М., 1959), "Из истории возникновения первой мировой войны: отношения России и Франции в 1912–1914 гг." (М., 1961), "Революции 1905–1907 гг." (М., 1965), разделы в "Истории Московского университета" (т. 1, М., 1955) и др. С конца 50-х годов в творчестве Валерия Ивановича на первый план выдвигается исследование экономической истории России конца XIX – начала XX в. и прежде всего истории финансового капитала, основных процессов промышленного развития России, общей динамики и концентрации промышленного производства, а также роли иностранного капитала в процессе индустриализации России. По этим проблемам В.И. Бовыкин успешно выступает в печати, на различных всесоюзных и международных научных конференциях. Значимость, аргументированность сделанных им наблюдений и выводов, их

подкрепленность новым архивным материалом были отмечены отечественными и зарубежными коллегами.

Завершением определенного этапа в разработке указанных проблем стала успешная защита в феврале 1967 г. В.И. Бovyкина докторской диссертации и публикация на ту же тему монографии "Зарождение финансового капитала в России" (М., 1967). Работа В.И. Бovyкина заложила фундамент для нового этапа в разработке более совершенных методов и приемов обработки статистических и справочно-информационных данных о промышленности, движении капиталов.

Защита докторской диссертации и получение профессорского звания В.И. Бovyкиным совпали с его переходом в 1966 г. на кафедру историко-ведения, которую возглавлял профессор (позднее академик) И.Д. Ковальченко. В.И. Бovyкин внес большой вклад в реализацию выдвинутой И.Д. Ковальченко комплексной проблемы научной работы кафедры – "Историко-ведение массовых источников по социально-экономической истории России и советского общества". Итоги многолетней работы коллектива отражены в книге "Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма" (М., 1979), где В.И. Бovyкин выступает в качестве одного из руководителей авторского коллектива, члена редколлегии и соавтора глав.

За десятилетия работы в стенах МГУ раскрылся педагогический талант Валерия Ивановича, вывывая во всей своей полноте его огромный вклад в подготовку кадров исследователей по отечественной истории XIX–XX вв. Аспиранты Валерия Ивановича – это особая школа, имеющая свои корни. Она продолжает разработку на истфаке МГУ и в Институте российской истории РАН проблем экономической истории России рубежа XIX–XX вв. Начиная с 1970 г. В.И. Бovyкин подготовил 27 кандидатов исторических наук, ряд из которых уже сегодня доктора исторических наук. Многие активно работают в крупнейших вузовских и научных центрах.

За годы работы на истфаке МГУ В.И. Бovyкин неоднократно выступал как автор ("Очерки внешней политики России: конец XIX века – 1917 г." М., 1960) и соавтор ("История СССР". Т. II. 1861–1917 гг. 1-е изд. М., 1959; 2-е изд. М., 1965; "Очерки истории СССР: 1861–1904 гг." М., 1960; "Историко-ведение истории СССР XIX – начала XX в." М., 1970; "Пособие по истории СССР для поступающих в вузы", ч. 1. М., 1975) ряда учебников и учебных пособий.

В.И. Бovyкин вел педагогическую деятельность и в ряде зарубежных центров: Доме наук о человеке и Школе высших исследований по социальным наукам в Париже, Католическом университете в Лувене (Бельгия); выступал с лекциями в аудиториях Карлова университета в Праге, Бирмингемского и Ноттингемского университетов,

в Университете им. Гумбольдта в Берлине, Колумбийского и Лилльского университетов и т.д.

Успешная педагогическая деятельность, высокий авторитет В.И. Бovyкина базируются на плодотворности и новаторстве его научно-исследовательского творчества. Об этом свидетельствуют работы последних 15 лет. Заметным явлением современной историографии российского империализма стала монография В.И. Бovyкина "Формирование финансового капитала в России: конец XIX в. – 1908 г." (М., 1984), которая восполняет пробелы в изучении этого этапа утверждения монополий в хозяйственной жизни страны. Особое значение имеет книга Валерия Ивановича "Россия накануне великих свершений: к изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции" (М., 1988), которая отражает многоаспектное видение ее автором процесса исторического развития России в начале XX в. В ней сочетается глубина историографического анализа обширной литературы об экономической и социально-политической структуре российского общества с итогами собственных разработок автора, его наблюдений, сделанных в ходе исследования экономической истории России на фундаментальной источниковой базе.

Одна из последних книг В.И. Бovyкина – "Коммерческие банки Российской империи" (М., 1994), созданная в соавторстве с Ю.А. Петровым, а также серия статей Валерия Ивановича в "Российской банковской энциклопедии" (М., 1995) открывают новую страницу отечественной историографии, связанной с изучением истории банковского дела России. Полученные исследователем итоги изучения российских банков нашли отражение в публикации материалов международного проекта по этой проблеме в главах, подготовленных совместно с академиком Е.В. Ананьичем. "The Role of International Factors in the Formation of Banking System in Russia", "Foreign Banks and Foreign Investments in Russia". – International Banking 1870–1914. Oxford (N. Y.), 1991.

Названные работы В.И. Бovyкина дополняются десятком новаторских статей, множеством докладов, историографических обзоров. Все эти труды отличает насыщенность новой информацией, явившейся итогом работы Валерия Ивановича в более чем 20 отечественных архивах нашей страны и 12 архивах других стран, продуманность методологических подходов к рассмотрению исследуемых проблем, поиск новых путей, в том числе и на базе компьютерных технологий, в решении сложных, дискуссионных, малоизученных проблем истории.

Характеризуя многогранную и всестороннюю деятельность В.И. Бovyкина, следует сказать о его большой работе как организатора науки на посту заместителя директора Института истории СССР АН СССР (1969–1975 гг.) и заведующего сектором истории буржуазно-демократических революций в России (1975–1988 гг.). С его руко-

водством и непосредственным участием связана подготовка в институте ряда фундаментальных трудов по истории рабочего класса нашей страны. Он и ныне трудится в этом институте в качестве научного сотрудника.

В.И. Бovyкин активно сотрудничает с журналом "Новая и новейшая история". Недавно на его страницах опубликована содержательная обзор-

ная статья Валерия Ивановича "Актуальные проблемы экономической истории" (№ 4, 1996 г.)

Коллеги Валерия Ивановича, редколлегия и коллектив редакции журнала "Новая и новейшая история" желают ему доброго здоровья, дальнейшей плодотворной работы на благо нашей исторической науки.

К 75-летию ВЛАДИМИРА ИЗРАИЛЕВИЧА ФРЕЙДЗОНА

Всем, кто знает Владимира Израилевича Фрейдзона, он известен как глубоко порядочный человек, честный гражданин своей страны, преданный профессии ученого-историка, надежный товарищ и добрый друг. Скромный труженик науки, В.И. Фрейдзон достиг высоких ее вершин благодаря упорству и настойчивости в осуществлении поставленных перед собой целей, и необыкновенно рациональной организации повседневной работы. Эти качества были выработаны, вероятно, еще в юности, пришедшейся, как и для многих людей его поколения, на суровые годы Великой Отечественной войны.

Владимир Израилевич Фрейдзон родился 28 апреля 1922 г. в семье служащих в небольшом городке Витебской губернии, на стыке границ Белоруссии с Латвией и Россией. С четырехлетнего возраста В.И. Фрейдзон живет в Москве. В 1939 г. окончил среднюю школу на Усачевке; в этом старом московском районе живет и в настоящее время. В 1939 г. был принят на исторический факультет МГУ. Закончить его, однако, не удалось. Началась война, и учеба в университете несколько затянулась. Последовала эвакуация в Ашхабад, а затем в Свердловск вместе с коллективом МГУ. В конце 1942 г. В.И. Фрейдзон был призван в армию и направлен в Смоленское артиллерийское училище, находившееся в то время в Ирбите. Боевое крещение офицер-артиллерист получил осенью 1943 г. в составе войск 1-го Прибалтийского фронта западнее Смоленска в качестве командира взвода управления артиллерийской батареи. В ходе тяжелых боев за Витебск В.И. Фрейдзон получил ранение. Вернулся в строй после лечения в госпиталях Ржева и Горького в конце мая 1944 г. Служил он после ранения уже в противотанковом артиллерийском дивизионе в составе того же 1-го Прибалтийского фронта, отличился в боях за освобождение Литвы. Заслужил боевые награды – ордена Отечественной войны II степени и Красной Звезды. В 30-ю годовщину Победы трудящиеся Акмянского района Литвы избрали его почетным гражданином.

Война и все, что с ней связано, наложили неизгладимый отпечаток на всю жизнь будущего уче-

ного, научили его терпимости, мудрости и вместе с тем непримиримости к негативным явлениям жизни общества, к проявлению низости и подлости в человеке. Война сделала его бойцом. Бойцом он остался и в науке.

Осенью 1945 г., демобилизовавшись из армии, В.И. Фрейдзон вернулся к учебе в МГУ. Здесь ему посчастливилось слушать лекции таких корифеев нашей науки, как В.С. Сергеев, С.Д. Сказкин, М.Н. Тихомиров, учиться у основоположников советской славистики В.И. Пичеты и З. Нееды.

С самого начала учебы в университете В.И. Фрейдзон избрал своей специальностью историю зарубежных славян. Первые шаги в славистической науке он делал под руководством строгого наставника, каким был профессор С.А. Никитин, который и рекомендовал ему заняться изучением хорватско-сербского языка и истории Хорватии. До этого по предложению З. Нееды он занимался историей гусизма и предшественниками Яна Гуса. Теперь с уверенностью можно сказать, что выбор, сделанный В.И. Фрейдзоном под влиянием своего наставника, был правильным и с точки зрения потребностей самой науки, ибо хорватская история на рубеже 1940–1950-х годов оставалась для нашей науки terra incognita. Выбор был правильным и потому, что в перспективе открывал возможность для существенного расширения горизонта исследований и кругозора начинающего историка, так как Хорватия, входя на заре своей истории уже с начала XII в. в состав королевства Венгрии, а с XVI в. вместе с последним и в систему владений династии Габсбургов, развивалась в отличие от большинства славянских земель в рамках западнохристианской, латинской цивилизации, будучи одновременно тесно связанной с Балканами, с южно-славянским миром, а отчасти, через Далмацию, и со средиземноморской цивилизацией. Но постижение всех этих универсально-исторических связей было еще впереди. Тогда же, в 1950-х годах, перед начинающим ученым, как и славистикой в целом, ставились сравнительно более простые исследовательские задачи, и среди них в первую очередь изучение отдельно взятой славянской страны или народа.

В аспирантуре истфака МГУ (1948–1951 гг.) под руководством С.А. Никитина В.И. Фрейдзон подготовил исследование на тему "Положение крестьянства в Хорватии в конце XIX – начале XX в. и Хорватская крестьянская партия в 1905–1914 гг.", защищенное в качестве кандидатской диссертации в 1952 г. В 1956 г. после работы во Всесоюзной государственной библиотеке им. В.И. Ленина в качестве библиографа по комплектованию иностранных поступлений В.И. Фрейдзон был принят в штат Института славяноведения АН СССР научным сотрудником. И сразу же получил ответственное поручение – подготовить тексты разделов по истории Хорватии и Словении второй половины XIX – начала XX в. для первого тома "Истории Югославии". Вскоре В.И. Фрейдзон завершил работу над первой своей монографией "Борьба хорватского народа за национальную свободу", вышедшей из печати в 1970 г. и защищенной в 1971 г. как докторская диссертация.

Наиболее важный и ответственный этап в жизни В.И. Фрейдзона наступил в 70-х годах. Он был связан с работой над крупным научным трудом – двухтомником под названием "Освободительное движение народов Австрийской империи", увидевшим свет в 1980–1981 гг. Его подготовил большой коллектив ученых разных специальностей, работу которых организовывал, возглавлял и направлял В.И. Фрейдзон. Велик и его личный творческий вклад в создание этого обобщающего исследования, и как автора ведущих принципиально важных разделов и как ответственного редактора. Нет ни одной главы, в которой не оставила бы следов рука В.И. Фрейдзона-редактора. При этом он сумел, не подавляя творческую свободу и индивидуальный почерк многочисленных авторов, придать цельность и композиционное единство очень сложному по структуре сочинению, в котором конкретно-исторический материал страны и народоведческих разделов анализируется и сопоставляется в специальных синтетических главах. Именно в этих главах особенно ярко проявились способности В.И. Фрейдзона к широким и аргументированным обобщениям. Упомянутый коллективный труд, как никакой другой исторический труд института, получил очень доброжелательные отклики, как в нашей стране, так и за рубежом.

"Австрийский труд" стал вехой в становлении Фрейдзона-историка, обозначившей постепенное вхождение ученого в сферу теоретико-методологических и сравнительно-исторических исследований применительно к проблематике межформационных взаимосвязей, в частности перехода от феодализма к капитализму, в область изучения путей и методов модернизации общества в славянских странах, в особенности этнических процессов в Средней Европе и на Балканах. Попутно в содружестве с другими учеными института им решались

и другие важные задачи истории и истории культуры славянских и неславянских народов Средней и Юго-Восточной Европы. В этой связи особую ценность представляет разработка В.И. Фрейдзоном глубоко продуманной и всесторонне взвешенной концепции так называемого "национального возрождения" славянских народов¹.

75 лет, конечно, не мало. Но это и вершина зрелости, которая необходима ученому-историку не меньше, чем новаторство. Вместе с тем открытость к новому, чуткая восприимчивость к прогрессивным веяниям в области исторического мышления и методологии исторической науки свойственны Владимиру Израилевичу не меньше, чем иным собратьям по цеху более молодого возраста.

Это тот самый случай, когда можно сказать: воистину старая гвардия не сдаётся и не стареет. Тем более это справедливо в отношении той гвардии ветеранов-фронтовиков, которая прошла суровую и жестокую школу Великой Отечественной войны. Наглядное тому подтверждение – новые интересные работы, подготовленные В.И. Фрейдзоном в последнее время: монографии о крестьянском вопросе в Хорватии в XIX – начале XX в., о национальных движениях в Далмации, о которой мало что известно даже высококвалифицированным специалистам славистам.

У В.И. Фрейдзона было и есть немало учеников, овладевших мастерством исследователя под его руководством и ставших научными работниками и преподавателями вузов. Среди них стоит выделить С.А. Романенко, квалифицированного специалиста по истории Хорватии и балканского региона в целом.

В.И. Фрейдзон воспитал двух детей – сына и дочь. Сын Евгений Владимирович – инженер-машинистроитель. Дочь Виктория Владимировна близка по профессии отцу – она социолог, успешно занимающаяся этническими проблемами и, несмотря на молодость, уже завоевавшая себе имя среди этносоциологов Европы и Северной Америки.

В.И. Фрейдзон недавно пережил потерю друга – жены. С Антониной Ефимовной Коротеевой, 40 лет проработавшей старшим научным сотрудником в ИМЛ, он прошел вместе по жизни 50 лет. Несмотря на эту тяжелую утрату, а также на возраст и сопутствующие ему недуги, он по-прежнему бодр духом и свеж умом. Как и раньше, интенсивны его занятия любимым делом.

Статьи В.И. Фрейдзона неоднократно публиковались на страницах журнала "Новая и новейшая история". В ближайшем номере журнала будет помещена подготовленная им новая акту-

¹ См. об этом подробнее *Исламов Т.М.* Изучение новой истории стран Средней Европы в Институте славяноведения и балканистики РАН. – Новая и новейшая история, 1996, № 5, с. 27.

альная обобщающая статья об исторических корнях и сущности югославизма в XIX в. Это свидетельствует о неиссякаемой творческой активности ученого. Вместе со всеми коллегами Владимира

Израилевича редколлегия и коллектив редакции журнала "Новая и новейшая история" желают ему доброго здоровья и новых творческих свершений на благо отечественной исторической науки.

К 70-летию ТОФИКА МУСЛИМОВИЧА ИСЛАМОВА

1 мая 1997 г. исполняется 70 лет Тофику Муслим-оглы (Муслимовичу) Исламову, видному российскому историку, доктору исторических наук, заведующему Центром по истории Австрии и Венгрии Института славяноведения и балканистики РАН, члену редколлегии журнала "Новая и новейшая история".

Тофик Муслим-оглы родился в 1927 г. в семье железнодорожного служащего в г. Баку. После окончания средней школы он поступил на исторический факультет Азербайджанского государственного университета. В составе отличившихся студентов был послан учиться в Ленинградский государственный университет, а затем перевелся в Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, который окончил в 1951 г.

Судьба подарила Т.М. Исламову замечательных учителей. Это были О.Л. Вайнштейн, Н.П. Полетика, академик Е.В. Тарле. На кафедре МГУ он слушал лекции и участвовал в семинарах Н.Е. Зстенкера, А.С. Ерусалимского, Б.Ф. Поршнева, Е.В. Тарле. Позднее, уже во время работы в Институте истории АН СССР, ему довелось сотрудничать и дружить с замечательным знатоком истории Австрии В.М. Туроком-Поповым, а в Институте славяноведения и балканистики, куда он пришел в 1968 г., – с известным полонистом И.С. Миллером.

Научная судьба Т.М. Исламова сложилась удачно. Поступив в 1951 г. в аспирантуру Института истории АН СССР к Е.Н. Рубинштейн, он стал заниматься историей Венгрии. Обе его диссертации – кандидатская и докторская – вышли отдельными монографиями: "Политическая борьба в Венгрии в начале XX века" (М., 1959) и "Политическая борьба в Венгрии накануне первой мировой войны" (М., 1972).

Значителен его вклад в создание таких коллективных трудов, как "История Венгрии" в 3-х томах (М., 1972), "История Румынии. 1848–1917 гг." (М., 1972), "Освободительные движения народов Австрийской империи" (т. I. М., 1980; т. II. М., 1981), "Краткая история Венгрии" (М., 1991), и др.

Дарование Т.М. Исламова как ученого проявилось в самостоятельном, оригинальном и по тем временам (50–70-е годы) смелом подходе к сложнейшим проблемам истории Австро-Венгрии как многонационального государства. Он сумел показать противоречивость исторического процесса, проявившуюся в политических, социальных, эко-

номических, этнических и иных сферах. Исследователю удалось исподволь преодолеть жесткую идеологическую формулу тех лет, предписывавшую рассматривать монархию Габсбургов только как "тюрьму народов".

Естественным было обращение Т.М. Исламова в дальнейшем к двум концептуально важным, сложным, дискуссионным и тесно связанным между собой проблемам – проблеме Средней Европы как исторического региона и проблеме вариантности исторического развития. В историческом регионе Средней Европы с течением времени создалась историческая полиэтничная и многонациональная общность. В регионализме и федерализме ученый видит сегодня историческую возможность избежать кровавых конфликтов, что явилось бы альтернативой нынешнему развитию межнациональных и межгосударственных отношений в Средней, Юго-Восточной и Восточной Европе.

Это касается и распада монархии Габсбургов, и судеб государств – ее наследников – Югославии и Чехословакии, впоследствии также распавшихся на несколько независимых национальных государств. По его мнению, особую роль в судьбе Австро-Венгрии сыграло то, что она не смогла разрешить три национальные проблемы – венгерскую, чешскую и югославянскую.

Для исследовательского стиля Т.М. Исламова характерны концептуальность, глубокое и всестороннее изучение источников, научно корректные, интересные временные и пространственные сопоставления. Его работы отличают яркость и метафоричность изложения, тонкость наблюдений, оригинальность выводов, безукоризненная логика исследования.

В последнее время Т.М. Исламов большое внимание уделяет истории восстания 1956 г. в Венгрии и его подавления. По решению Комиссии историков России и Венгрии готовится наиболее полная публикация документов "Советский Союз и восстание 1956 г. в Венгрии", включающая в себя материалы из советских архивов, до недавнего времени недоступные для историков. Основная масса впервые публикуемых источников из Центра хранения современных документов (ЦХСД), Архива Президента РФ, Архива внешней политики МИД РФ и других представляет собой внутреннюю служебную переписку. Значение этих документов трудно переоценить.

Т.М. Исламову удалось не только создать в

1994 г. и сохранить Центр по изучению истории Австрии и Венгрии как организационную единицу, но и гармонично объединить в нем интересы имеющих свои устремления ученых – специалистов по разным странам и историческим периодам. Центр стал средоточием особой творческой атмосферы свободного научного исследования, профессионального отношения к делу.

Характерная черта Тофика Муслимовича – высокая степень лояльности в отношениях с коллегами. Он всегда оказывает поддержку любому талантливому человеку, всячески подчеркивает достижения других исследователей. Не произнося "воспитательных" речей, не подавляя своим авторитетом и не призывая на помощь "доводы" формальной дисциплины, он просто увлеченно работает сам. Т.М. Исламов не принуждает, но побуждает других трудиться с такой же самоотдачей и требовательностью к себе. Новое поколение историков, которое пришло работать в Центр, он заставил раздвинуть рамки своей узкой специализации и посмотреть на исторический процесс в целом, без модернизаторства и схематизма искать корни и причины современных событий в далеком и не очень далеком прошлом.

Комиссия историков России и Венгрии – особая забота юбиляра, являвшегося многолетним вдохновителем ее деятельности. Он не ограничивается собственно историей – Т.М. Исламова можно назвать координатором связей в области исторической науки СССР, России и Венгрии. В рамках

Комиссии ему довелось работать с академиками и членами-корреспондентами АН – востоковедом А.А. Губером, этнологом Ю.В. Бромлеем, археологом А.П. Окладниковым, византинистом З.В. Удальцовой, специалистом по истории России А.П. Новосельцевым. За 30 лет работы Комиссии на совместное обсуждение ученых двух стран было вынесено множество проблем, охватывающих хронологически время от раннего средневековья до последних лет. Эта сторона деятельности ученого была оценена по достоинству – он был награжден одним из высших орденов Венгрии – Орденом Знамени.

Т.М. Исламов получил широкое признание у зарубежных ученых. Это выражается не только в том, что его приглашают сотрудничать крупнейшие исследовательские центры Австрии, Венгрии и США, что во многих странах охотно печатают его исследования, но и в том, что коллеги его уважают и ценят как разносторонне эрудированного собеседника, общительного человека, всегда открытого к диалогу и уважающего точку зрения другого. Т.М. Исламов неутомим в поисках научной истины, и в этом видит предназначение ученого.

Коллеги и друзья Тофика Муслимовича, редакция и сотрудники редакции журнала "Новая и новейшая история", в котором он плодотворно трудится в качестве члена редколлегии с 1987 г., желают ему доброго здоровья и новых творческих достижений.

CONTENTS

Articles. **Mogilnitsky B.G.** (Tomsk). On the Historical Law-Governed Pattern As a Subject-Matter of Historical Science; **Toshtendahl R.** (Sweden). The Role of Social Democracy in the Development of Industrial Capitalism. The Late 19th–the 20th Centuries; **Sipols V.Ya.** Economic and Trade Relations between the USSR and Germany in 1939–1941 in the Light of the New Archival Documents; **Nitobourg E.L.** USA: the Colour Barrier in the Past and in the Present Time; **Fedosova E.I.** François Guizot: a Historian and State Figure. From the Archive of the President of the Russian Federation. **Ledovsky A.M.** Verbatim Record of the Talks between I.V. Stalin and Chou En-lai in August–September 1952; Unknown Letters of Ernst Thälmann to I.V. Stalin and V.M. Molotov (1939–1941) (the End); Reminiscences. **Rodionov A.A.** Memoirs of the Soviet Ambassador to Pakistan (1971–1974); **Documentary Essays.** **Kretinin S.V.** (Voronezh). Otto Bauer (1882–1938) and Austrian Marxism; **Labutina T.L.** The "Case" of the English Enlightener Richard Steele; **Profiles of Historians.** **Dunayevsky V.A., Nikitina I.A.** Sergei Borisovich Kan (1896–1960); **Letters and Memoirs.** **Anikeev A.A.** (Stavropol). Apropos of Certain Questions of the Present-Day Methodology of History; **Sergeev V.V., Chumakov A.D.** (Kaliningrad); One More View of the Problem of the Division into Periods of Modern and Contemporary History. **Book Reviews; Facts. Events. People; Scientific Life**

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ДУНАЕВСКИЙ Владимир Аронович, доктор исторических наук, член-корреспондент РАЕН, профессор кафедры всеобщей истории Московского государственного открытого педагогического университета, автор книг "Советская историография новой истории стран Запада 1917–1941 гг." (М., 1974), "Западноевропейский утопический социализм в работах советских историков" (в соавторстве) (М., 1981), "Николай Михайлович Лукин" (в соавторстве) (М., 1987), "1812 год на перекрестках мнений советских историков. 1917–1987" (в соавторстве) (М., 1990), глав в коллективных трудах и многих статей по историографии, истории Франции, специальным историческим дисциплинам.

ЛАБУТИНА Татьяна Леонидовна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. Автор монографий "Политическая борьба в Англии в период реставрации Стюартов. 1660–1681" (М., 1982), "У истоков современной демократии. Политическая мысль английского Просвещения (1689–1714 гг.)" (М., 1995) и других исследований.

ЛЕДОВСКИЙ Андрей Мефодиевич, Чрезвычайный и Полномочный посол в отставке, кандидат исторических наук. В 1942–1952 гг. находился на дипломатической работе в Китае. Был генеральным консулом СССР в Пекине и генеральным консулом СССР в Мукдене. В настоящее время – старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. Автор книг "СССР и народная революция в Китае" (М., 1972), "Китайская политика США и советская дипломатия" (М., 1985) и ряда других работ.

КРЕТИНИН Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, заместитель декана исторического факультета Воронежского государственного университета, специалист по истории германской социал-демократии конца XIX – первой половины XX в., автор ряда работ по истории германской социал-демократии.

МОГИЛЬНИЦКИЙ Борис Георгиевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков Томского государственного университета, автор монографий "Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х гг. XIX в. – начала 1900-х гг." (Томск, 1969), "О природе исторического познания" (Томск, 1978), "Американская буржуазная "психоистория" (критический очерк)" (в соавторстве) (Томск, 1985), "Введение в методологию истории" (М., 1989) и других исследований в области методологии истории и критики буржуазной историографии.

НИКИТИНА Ирина Аркадьевна, доктор исторических наук, профессор, специалист по новой и новейшей истории Великобритании. Автор монографий "Захват бурских республик Англией 1899–1902 гг." (М., 1970) и многих статей, посвященных истории радикализма в Великобритании, колониальной политики Великобритании в Южной Африке (1870–1912 гг.), а также глав по истории Великобритании в учебнике "Новая история. 1640–1870 гг." (М., 1983–1988).

НИТОБУРГ Эдуард Львович, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РФ, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, автор монографий "Политика американского империализма на Кубе, 1918–1939" (М., 1965), "Черные гетто Америки" (М., 1971), "Негры США. XVII – начало XX в." (М., 1979), "Церковь афроамериканцев в США" (М., 1995) и других работ.

СИПОЛС Виллис Янович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, заместитель председателя Научного совета РАН "История международных отношений и внешней политики России", автор монографий "На пути к великой Победе. Советская дипломатия в 1941–1945 гг." (М., 1985), "Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны" (М., 1989) и других научных работ.

ФЕДОСОВА Елена Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, автор монографии "Польский вопрос во внешней политике Первой империи во Франции" (М., 1980) и ряда статей по внешней политике Франции.

Во втором полугодии 1997 г. и в 1998 г. журнал предполагает опубликовать следующие материалы:

Поиски новых методологических ориентиров в исторической науке.

"Круглый стол". Методологические проблемы исторической информации и квантитативная история

Дискуссия. Что такое профессия историка сегодня

О состоянии разработки нетрадиционных направлений в исторических исследованиях. История женщин и перспективы гендерной истории. Современная микроистория. Новая биографическая история (история индивидуумов)

Рождение новой науки – цивилиография.

Социокультурная история: представления, ценности и умонастроения людей

Н.И. Кареев. Неопубликованная рукопись "Общая методология гуманитарных наук"

Проблемы эмиграции и миграции населения в свете исторического опыта

Экономическая история: история предпринимательства, соотношения между частной инициативой и государственной политикой

Публикации на основе рассекреченных материалов из Архива Президента РФ, Архива МИД РФ, Архива Службы внешней разведки

Публикации новых материалов из Архива национальной безопасности США

Советско-финляндские отношения в 1950–1962 гг. Из Архива МИД РФ

Советско-итальянские отношения в 1943–1946 гг. Из Архива МИД РФ

Советско-китайские отношения в 20-е годы. Из Архива МИД РФ

Новые материалы о Г.К. Жукове. Из Архива Президента РФ

Поездка В.М. Молотова в Лондон и Вашингтон в 1942 г. Из Архива Президента РФ

Суэцкий кризис 1956 – 1957 гг. Документы из Архива Службы внешней разведки РФ

Историко-культурная ситуация в Средней Европе: интеграционные процессы и национальная специфика. 1867–1918 гг.

"Круглый стол" по проблемам преподавания новой истории Средней Европы в высшей школе

Обсуждение школьных учебников в Ассоциации истории второй мировой войны

Эволюция историографии революций и национально-освободительных движений в Европе в 1848–1849 гг.

Революции и национально-освободительные движения 1848–1849 гг. в странах Европы

Россия и европейские революции 1848 г.

Европейские революции 1848 г. и современность

Исторические корни и сущность югославизма XIX в.

Проблемы эволюции либерализма в XIX и XX вв.

Становление национальной культуры в странах Латинской Америки (проблема слияния испанского, индейского и негритянского элементов)

Гражданское общество и популизм: опыт истории Латинской Америки

Складывание гражданского общества (на примере стран Западной Европы)

Реформы и революция. конца XVIII в. О попытках реформирования Старого порядка во Франции в конце XVIII в.

Церковь и Французская революция конца XVIII в. (современная историография)

Русская общественная мысль и католицизм

Новые аспекты истории первой мировой войны, ее причин, хода и последствий

Записки рядовых участников первой мировой войны

Нападение милитаристской Японии на Китай в 1937 г. Взгляд через 70 лет

Балканский узел противоречий накануне второй мировой войны

СССР, США и война во Вьетнаме

Деятельность советских спецслужб за границей. 1920–1940 гг.

Трагедия советских военнопленных в годы второй мировой войны

Судьбы иностранных захоронений в России и захоронений российских граждан за рубежом

Время перемен. Венгрия, Румыния, Польша, Чехия, Словакия, Албания в 1989–1995 гг.

Монархические династии в Швеции, Греции, Португалии

Династические браки в судьбах Европы (XV–XX вв.)

Императрица Мария Федоровна в России и в эмиграции

Образование и распад мировых колониальных империй: британской, германской, испанской, португальской

Новые подходы в освещении внешней политики российских императоров в XVIII – начале XX в.: Екатерины II, Александра I, Николая I, Александра II, Николая II

Очерки по истории церкви и религии на Западе

Ислам: история и современность

Индуизм в новое и новейшее время

Иудаизм с древности до настоящего времени

Очерки по истории мировой культуры

Исследования по истории парламентаризма в странах Западной Европы и Америки

Новый взгляд на Ф. Лассаля, М.А. Бакунина, П.Б. Аксельрода

К. Маркс и М.А. Бакунин: борьба идей и амбиций

Портреты отечественных и зарубежных историков: М.М. Ковалевский, М.М. Лучинский, А.Л. Нарочницкий, А.А. Губер, Ф.А. Ротштейн, Ф.В. Потемкин, Б.Ф. Поршнев, Н.А. Ерофеев, В.М. Турок-Попов, Б. Кроче, А. Тойнби, М. Блок

Портреты крупных философов-мыслителей: Д. Рикардо, Е. Дюринг, В. Зомбарт

Российские дипломаты: А.М. Горчаков, С.Д. Сазонов, В.Н. Ламздорф, К.О. Поццо-ди-Борго, Е.П. Ковалевский, М.И. Терещенко, Н.К. Гирс

Российская эмиграция во Франции, Германии, Англии, Чехословакии

Очерки о Геринге, Риббентропе, Розенберге, фон Папене, Маннергейме, Антонеску, Квислинге

Документальные очерки: Полковник Вальтер Николаи – глава германской разведки. Российский посол в Лондоне граф Воронцов. Ж. Сустель: политик и ученый. "Летающие крепости" стартуют с аэродромов под Полтавой (1944 г.). Первый российский консул в Кёнигсберге. Мадам Помпадур: легенды и действительность. Первая российская дипломатическая миссия в Китае. Фокс – основатель общины квакеров в Англии. Первые российские миссии в Японии. Секретная война Берлина на Дальнем Востоке. 1914–1915 гг. В. Гюго и Вторая Республика во Франции. А. Мальро: писатель и политик. Людовик XVII: жизнь и легенда. Страсть власти и власть страсти: о Георге III и Георге IV. 1760–1838 гг. Фельдмаршал Шарнхорст. Записка Ваньера о последних днях жизни Вольтера. Русские на Гавайских островах. Адам Смит как историк. Был ли полковник Редль русским шпионом? Адмирал Тирпиц. Неопубликованные записки полковника Р. Робинса. 1917–1919 гг. Фридрих II, Екатерина II и первый раздел Польши. Новое о деятельности генерала Брусилова

Воспоминания советских дипломатов: Н.Т. Федоренко. Токийская тетрадь. А.А. Родионов. Духоборы в Канаде. Ю.В. Дубинин. Записки советского посла в Испании. П.А. Абросимов. На посла СССР в ГДР

О мемуарах посла США в Москве Дж. Мэтлока

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Редакция журнала "Новая и новейшая история" принимает статьи до 30 стр., исторические очерки до 50 стр., историографические обзоры до 20 стр.; рецензии, письма и заметки – 5–6 стр.; коротко о книгах – 2–3 стр. Материалы принимаются после предварительного согласования тематики с редакцией (во избежание дублирования) и представляются в трех (первом, втором и третьем) экземплярах, отпечатанные с полями на стандартной машинке (текст через 2 интервала, сноски через два интервала), вставки (после доработки материала), тексты и сноски на иностранных языках также должны быть отпечатаны на машинке. В случае отклонения рукописи автору возвращаются два экземпляра, один остается в архиве редакции.

Рукописи, превышающие установленный объем или присланные в редакцию в единственном экземпляре, могут быть возвращены автору без рассмотрения.

Автору посылается копия подготовленного к набору экземпляра рукописи, которую он подписывает в печать. Правка в верстке не допускается.

Технический редактор *Е.Н. Ларкина*

Сдано в набор 31.12.96 Подписано к печати 11.02.97. Формат бумаги 70×100¹/₁₆
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,2 Усл. кр.-отг. 66,3 тыс. Уч.-изд. л. 21,0 Бум. л. 7,0
Тираж 3598 экз. Зак. 972

Адрес редакции: 117810, Москва, ГСП-1, Мароковский пер., 26, Тел. 238-43-21
Московская типография № 2 РАН, 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

**Первые уроки экономических преобразований в странах
Центральной и Юго-Восточной Европы
в 90-е годы**

**"Круглый стол". Методологические проблемы исторической
информатики
и квантитативной истории**

**Советская дипломатия и Китай в 20-е годы.
По материалам архива
МИД РФ**

**Позиция США накануне и во время ввода советских войск
в Афганистан в 1979 г. по документам из архива национальной
безопасности США**

К. Маркс и М.А. Бакунин: борьба идей и амбиций

Отто Бауэр и австромарксизм

Исторические корни и сущность югославизма. XIX век

Социализм и либерализм в середине XIX в.

**Н.П. Резанов и первое кругосветное плавание россиян.
1803–1806 гг.**

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Российская академия наук с 1997 года меняет условия подписки на академические журналы. Это связано с необходимостью уменьшить убытки от выпуска периодики Академии, в связи с чем будут подняты подписные цены. Повышение цен будет проходить в два этапа.

На первом этапе (I полугодие 1997 года) объявленные в каталоге подписные цены будут доступны всем категориям научных работников, преподавателям, аспирантам и студентам вузов, всем государственным и научным библиотекам, а также научным и вузовским организациям.

На втором этапе (II полугодие 1997 года) численность специалистов и количество организаций, имеющих право пользования льготной подпиской, будет существенно сокращено. Воспользоваться этими льготами можно будет только при подписке в издательстве "Наука", в редакции журнала и в других местах, которые будут указаны дополнительно. Каталожная цена на академические журналы и, следовательно, стоимость подписки в отделениях связи будет значительно повышена.

Подписные цены на академические научно-популярные журналы не претерпят существенных изменений

